

БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. АКАДЕМИКА
И.Г. ПЕТРОВСКОГО

На правах рукописи

Белова Ирина Борисовна

**ВЫНУЖДЕННЫЕ МИГРАНТЫ: БЕЖЕНЦЫ И ВОЕННОПЛЕННЫЕ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ. 1914 – 1925 гг.
(По материалам центральных губерний Европейской России)**

специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор
Брянцев Михаил Васильевич

Брянск – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	27
1.1. Степень изученности проблематики миграций в годы Первой мировой войны в историографии	27
1.2. Характеристика источников исследования	92
ГЛАВА II. ВЫНУЖДЕННЫЕ МИГРАНТЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. 1914 – 1917 гг.	119
2.1. Беженцы из Западных губерний: эвакуация и расселение	119
2.2. Обеспечение нужд беженцев в местах временного размещения	143
2.3. «Гражданские» пленные и депортированные	165
2.4. Военнопленные Четверного союза.....	183
ГЛАВА III. БЫВШИЕ РУССКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ. ЦЕНТРОПЛЕНБЕЖ И ЕГО МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ	202
3.1. Возвращение из плена и государственные меры поддержки бывших русских военнопленных	202
3.2. Политическое просвещение пленных и беженцев	229
ГЛАВА IV. ВОЕННОПЛЕННЫЕ ЧЕТВЕРНОГО СОЮЗА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917 – 1925 гг.)	248
4.1. Военнопленные и советская действительность	248
4.2. Возвращение на родину	271
ГЛАВА V. ПОЛОЖЕНИЕ БЕЖЕНЦЕВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В 1918 – 1919 гг. ЦЕНТРОПЛЕНБЕЖ	296
5.1. Советы беженцев	296
5.2. Беженцы – граждане Советской Республики	308

ГЛАВА VI. СУДЬБА БЕЖЕНЦЕВ В 1920 – 1925 гг. ЦЕНТРЭВАК	343
6.1. Перемещения беженцев в 1920 г. Возобновление централизованной реэвакуации	343
6.2. Стихийное и плановое движение беженцев на родину в 1921 г.	364
6.3. Заключительный этап реэвакуации беженцев. 1922 – сер. 1925 гг.	379
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	393
ПРИЛОЖЕНИЯ	404
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	429

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Первая мировая война, ставшая результатом целого комплекса межгосударственных противоречий, не привела в итоге к их разрешению. При этом она сопровождалась огромными, невиданными до этих пор, жертвами. Число оказавшихся в плену за годы войны превосходит общее количество военнопленных за весь учтённый предшествующий период времени. В России потери населения составили около трети всех прямых и косвенных потерь, понесённых всеми государствами в этой войне. Миллионы гражданского населения стали беженцами. Сотни тысяч мирных граждан погибли от голода и болезней в прифронтовых российских районах¹.

В советский период судьба российских беженцев Первой мировой войны не являлась объектом сколь-либо пристального внимания историков², а изучение темы военного плена сводилось к рассмотрению деятельности в России вооружённых интернациональных формирований с участием военнопленных. Перемены начала 1990-х гг. способствовали появлению интереса к многоаспектности проблемы военного плена и началу изучения такого явления как массовое беженство в России. В настоящее время, несмотря на значительное количество исследований, посвященных этой проблеме, уровень их изученности остается недостаточным. Отсутствует сравнительный анализ положения беженцев и военнопленных в царской и советской России, особенностей отношения к ним местных властей и коренного населения, представлений о беженстве самих беженцев, объективная оценка деятельности советских эвакуационных органов по репатриации мигрантов военного времени.

¹ См.: *Степанов А.И.* Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века: В 4 книгах. М., 2002. Кн. 1: Первая мировая война: Исторический очерк / Отв. редактор *Г.Д. Шкундин*. С.

² А.Н. Курцев среди причин невнимания в советский период к гуманитарной проблеме беженства справедливо назвал невыгодность сравнения заботы о беженцах в 1914 – 1917 гг. в царской России и в 1918 – 1925 гг. в советской России, а также в годы Великой Отечественной войны (*Курцев А.Н.* Беженцы первой мировой войны в России // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98).

Актуальность исследования связана, в первую очередь, с тем, что к настоящему времени проблема миграций, в целом, беженства, в частности, обострилась. В XXI в., когда военные конфликты, как и прежде, являются одной из форм межгосударственных и межнациональных отношений, все сопутствующие им проблемы сохраняют свою актуальность. Всевозможные миграции во всем мире приобрели все менее предсказуемый и управляемый характер. Проблема отношения к вынужденным мигрантам, их адаптации в новой социокультурной среде приобретает все более острый характер. Сталкиваясь с этими проблемами, общество, так или иначе, вынуждено обращаться к истории, к опыту решения аналогичных вопросов в прошлом.

Характерно, что в настоящее время грань между военными и «мирными» миграциями стирается. В ряде случаев, последние сами оказываются источником военных столкновений. Таким образом, изучение связи миграции с социальной и, особенно, этнической напряженностью постоянно актуализируется.

Проблематика миграций носит двусторонний характер. С одной стороны, это побудительные причины миграции тех или иных групп населения, их способность преодолеть экстремальные ситуации и адаптироваться в чужой среде. С другой стороны, это проблема восприятия мигрантов населением, вынужденным, так или иначе, способствовать их обустройству на новом месте. Не секрет, что отношение к различного рода мигрантам в современной России далеко от идеала гостеприимства даже в тех случаях, когда мигранты могли бы сыграть положительную роль в развитии производительных сил на местах.

Возникает целый ряд вопросов, прежде всего вопрос о том, как регулировать миграционные потоки, как разместить мигрантов, чтобы их присутствие приобрело положительное значение для той или иной местности? Немаловажное значение имеет и вопрос о том, как обеспечить взаимную терпимость и адаптацию мигрантов и местного населения? И, разумеется, весьма существенным является вопрос о том, как добиться того, чтобы мигранты не были материальной обузой для той или иной «устоявшейся»

социальной среды? Для этого полезно было бы также сравнить ситуацию с мигрантами периодов 1914 – 1925 гг. и 1939 – 1945 гг.

То же самое можно сказать и о проблеме военнопленных. Опыт показывает, что с уменьшением масштабных военных конфликтов число малых войн и вооруженных столкновений увеличилось, отношение к ним, сравнительно с прошлым, подчас не улучшилось. При этом заметна этническая составляющая этих конфликтов, что соответственно сказывается на положении военнопленных. В этих условиях обращение к опыту Первой мировой войны, особенно в части размещения военнопленных, представляется весьма актуальным.

Объектом исследования стали вынужденные мигранты Первой мировой войны, а именно: беженцы, а также вражеские и бывшие русские военнопленные, находившиеся в российской провинции в период с августа 1914 по 1925 г.

Предметом исследования являются отношения и взаимодействия, происходившие в рассматриваемый период между центральными, местными органами власти, коренным населением и вынужденными мигрантами военного времени – беженцами, иностранными военнопленными, возвращавшимися на родину русскими пленными; социально-экономическая, общественно-политическая действительность, её трансформация и восприятие беженцами и военнопленными; социально-правовая политика правительств царской и Советской России.

Цель диссертационного исследования состоит в том, чтобы воссоздать целостную картину положения беженцев и военнопленных Первой мировой войны в Российской империи, проследить, как оно изменилось в советской России и каким был путь вынужденных мигрантов на родину. Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

- проанализировать направления и итоги изучения отечественными и зарубежными историками проблемы беженцев и военнопленных Первой мировой войны;

- рассмотреть процесс формирования и функционирования имперской системы обеспечения нужд беженцев Первой мировой войны, размещённых в тыловых губерниях;
- исследовать положение военнопленных и интернированных («гражданских» пленных) в рассматриваемом регионе в имперский период;
- осветить создание советского эвакуационного аппарата, в ведении которого находились вынужденные мигранты военного времени, и рассмотреть основные направления его деятельности;
- выделить этапы и способы возвращения на родину беженцев и иностранных военнопленных, проанализировать результативность деятельности Центропленбежа / Центрэвака* по реэвакуации;
- выявить отношение беженцев к помощи и заботе о них в дореволюционной и советской России;
- дать оценку деятельности Центропленбежа и его преемников по обеспечению возвращения на родину бывших русских военнопленных;
- показать процесс реализации принимаемых советским государством решений, направленных на оказание помощи вынужденным мигрантам Первой мировой войны;
- проанализировать направления и оценить степень эффективности культурно-просветительной работы Центропленбежа и его органов на местах среди иностранных и русских военнопленных и беженцев;
- проследить основные формы и способы выживания беженцев и военнопленных Первой мировой войны в советской России в условиях отсутствия реэвакуации;

* Центральная Коллегия о пленных и беженцах (Центропленбеж) – советский эвакуационный орган, учрежденный Декретом СНК 23 апреля 1918 г. для согласования, объединения и направления деятельности всех учреждений и организаций, ведавших делами о военнопленных, гражданских пленных, заложниках и беженцах; в феврале 1920 г. Центропленбеж был реорганизован в Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак).

- осветить стихийное переселение беженцев из центральных губерний Европейской России в хлебопроизводящие районы и отношение центральной и местных властей к этому движению.

Хронологические рамки исследования охватывают период с августа 1914 до середины 1925 г. Нижняя временная граница обусловлена вступлением России в Первую мировую войну, началом боевых действий и появлением на территории империи таких вынужденных мигрантов военного времени, как беженцы и военнопленные. Верхней хронологической границей исследования стал 1925 г., когда были окончательно завершены репатриация военнопленных и беженцев с территории советской России и возвращение на родину бывших русских военнопленных.

Территориальные рамки исследования охватывают половину всех центральных губерний Европейской России в границах 1914 г., а именно: Калужскую³, Тульскую⁴, Рязанскую⁵, Орловскую⁶, Курскую⁷, Воронежскую⁸. Их общая площадь составляла более 250 тыс. кв. км., а численность населения –

³ По состоянию на 1914 г. Калужская губерния состояла из 11 уездов; в 1922 г. в Калужскую губернию был включён Юхновский уезд, входивший до этого в Смоленскую губернию. В период с февраля по июль 1918 г. в Калужской губернии существовала Калужская Советская республика, которая не была узаконена как государственно-территориальное образование. Это громкое название стало своеобразным экспериментом калужских большевиков, демонстрирующим самостоятельность и независимость местных властей от центра.

⁴ К 1914 г. территория Тульской губернии была разделена на 12 уездов; в 1923 г. Каширский уезд был передан в состав Московской губернии; в 1924 г. были ликвидированы Епифанский, Одоевский и Чернский уезды; в 1925 г. Новосильский уезд был передан в состав Орловской губернии.

⁵ На 1914 г. в Рязанскую губернию входили 12 уездов; в 1919 г. их стало 13; в 1923 г. Егорьевский уезд передан в Московскую губернию, а в 1924 г. из Тамбовской губернии в Рязанскую были переданы Елатомский и Шацкий уезды.

⁶ На 1914 г. в состав Орловской губернии входило 12 уездов; в 1920 г. Брянский, Карачевский, Севский и Трубчевский уезды отошли к новой Брянской губернии; в 1924 г. упразднены Кромский и Мценский уезды, а в 1925 г. в состав губернии включен Новосильский уезд, ранее входивший в Тульскую губернию.

⁷ По состоянию на 1914 г. Курская губерния состояла из 15 уездов; весной 1918 г. южная и западная часть губернии были оккупированы войсками Германской империи и до конца 1918 г. находилась в составе Украинской державы. С конца сентября до начала декабря 1919 г. Курская губерния была включена в состав Харьковской военной области.

⁸ С 1824 по 1918 гг. Воронежская губерния делилась на 12 уездов. В 1923 г. в состав Воронежской губернии был включен Усманский уезд, входивший ранее в состав Тамбовской губернии.

около 16 млн чел. Обозначенная территория компактно расположенных шести губерний находилась между Смоленской и Черниговской на западе и Тамбовской и Саратовской губерниями на востоке, с севера на юг она простиралась от Московской и Владимирской до Харьковской губернии и Донской области. Исследуемые губернии сохранили свои названия и продолжали существовать в прежних границах с небольшими изменениями и после смены власти в октябре 1917 г. 1 апреля 1920 г. из Жиздринского уезда Калужской губернии и Брянского, Карачевского, Севского и Трубчевского уездов Орловской губернии была образована Брянская губерния⁹, которая также была включена в территориальные рамки исследования. В ряде случаев для раскрытия задач исследования его территориальные границы расширяются и захватывают ареал западных губерний Российской империи, ставших после её крушения самостоятельными государствами.

Центральный регион в контексте заявленной проблемы исследуется впервые. Включая в себя как «производящие» (вывозящие товарный хлеб), так и «потребляющие» (нуждающиеся в привозном продовольствии) губернии и уезды, данный регион во многом является типичным для Европейской России. В известной степени это этнокультурный центр Российской империи, а затем Советской России. Объективно местным властям пришлось оперативно решать непростую задачу размещения на подведомственных территориях весьма значительных масс вынужденных мигрантов. Соответственно этому происходившие здесь в указанный период политические, социальные и демографические процессы позволяют достаточно полно увидеть проблему беженства и военного плена для России в целом.

В период Первой мировой войны рассматриваемый регион Европейской России стал местом временного проживания значительного количества – более 450 тыс., различных категорий вынужденных мигрантов, подавляющее

⁹ В 1921 г. Брянский уезд был переименован в Бежицкий, в 1923 г. в Брянскую губернию был включен Почепский уезд, входивший до этого в Гомельскую губернию, в 1924 г. Трубчевский уезд был расформирован, а его территория разделена между Почепским и Брянским уездами.

большинство которых составляли беженцы, перемещенные с западных окраин Российской империи. Благодаря тому, что в исследуемых губерниях получил развитие как аграрный, так и промышленный сектор экономики¹⁰, трудоспособные беженцы, размещенные не только в сельской местности, но и в городах, а также военнопленные имели возможность самостоятельно заработать себе на жизнь.

На примере данного региона можно моделировать проблемы экстремальной миграции в общероссийском масштабе. Насколько рационально размещались беженцы и военнопленные? Насколько способны были местные власти и органы самоуправления самостоятельно решать проблему беженства? В какой степени они нуждались в помощи центральной власти до октября 1917 г.? Как взаимодействовали по этому вопросу дореволюционные и постреволюционные губернские власти между собой? Все эти вопросы весьма актуальны для системного осмысления дореволюционной и советской истории России.

В годы Первой мировой войны исследуемые центральные губернии не были затронуты военными действиями, тем не менее хозяйственное положение всего рассматриваемого региона было непростым. Оно пришло в полное расстройство в период Гражданской войны в России, тем более что Воронежская, Курская, Орловская губернии являлись осенью 1919 г. ареной вооруженного противостояния красных и белых. В связи с этим опыт решения дореволюционными и постреволюционными властями внутренних проблем, осложненных экстремальными миграциями, вызывает особый интерес. Исследование данной проблематики облегчается наличием в региональных архивах богатейшего комплекса относительно хорошо сохранившихся неопубликованных документальных источников.

¹⁰ Калужская губерния являлась промышленной с менее развитым аграрным сектором; Тульская, Рязанская и Орловская – аграрно-промышленными; Курская и Воронежская относились к аграрным, хлебопроизводящим.

Степень научной разработанности проблемы. В отечественной историографии советского периода проблемы беженцев и военнопленных находились на периферии научного внимания, а обращение отечественных авторов к анализу роли бывших вражеских военнопленных в Гражданской войне имело идеологически заданный характер. Существенное изменение ситуации и оценок происходит в 1990-е гг. Следует отметить, что тема привлекает внимание не только отечественных, но и зарубежных историков. Однако и на сегодняшний день отсутствуют работы, посвященные сравнительному исследованию положения беженцев и военнопленных Первой мировой войны в имперской и советской России. Практически не исследованным остаётся вопрос о том, как сами беженцы оценивали помощь и заботу о них в дореволюционной и Советской России. Историографический анализ проблемы вынужденных мигрантов Первой мировой войны представлен в параграфе 1.1.

Источниковая база исследования. Выводы работы основаны на анализе документов в общей сложности из ста фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), семи региональных архивов Центральной европейской России – Государственных архивов Брянской, Воронежской, Калужской, Орловской, Рязанской, Тульской областей, Государственного архива документов новейшей истории Калужской области, а также фондов Национального архива Республики Беларусь (г. Минск)¹¹. Большинство архивных дел по рассматриваемой проблеме никогда не попадало в поле зрения исследователей. Целые пласты документации оставались невостребованными на протяжении нескольких десятилетий. Большинство

¹¹ Государственный архив Брянской области (ГАБО), Государственный архив Воронежской области (ГАВО), Государственный архив Калужской области (ГАКО), Государственный архив Орловской области (ГАОО), Государственный архив Рязанской области (ГАРО), Государственный архив Тульской области (ГАТО), Государственного архива документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО), Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).

использованных автором архивных материалов вводится в научный оборот впервые.

Следует отметить, что в советский период статистические материалы о вынужденных мигрантах Первой мировой войны, представляющие большой интерес для раскрытия темы, пропали или были уничтожены. Так, в 1924 г. были ликвидированы путём сожжения документы Центропланбежа, Центрэвака, иностранного подотдела, отдела статистики, финансового отдела НКВД, сданные на хранение до 1922 г., «как потерявшие всякую надобность и ценность для работы <...> до конца оптации и репатриации, ввиду хаотического состояния документов»¹². В 1958 г. в ЦГАОР БССР¹³, ныне НАРБ, были признаны не подлежащими хранению и отправлены в макулатуру анкеты, заявления, списки и удостоверения беженцев, хранившиеся в фонде 4 (Белорусский национальный комиссариат)¹⁴.

Крупнейшим массивом документов по истории вынужденных мигрантов Первой мировой войны в Российской империи и Советской России обладает ГА РФ. Материалы, содержащие информацию о положении беженцев и вражеских военнопленных в центральных губерниях Европейской России до февраля 1917 г., сосредоточены в фонде Департамента полиции министерства внутренних дел (Ф. 102, 4-е Делопроизводство и Особый Отдел). Прежде всего это политические обзоры губерний, отчёты начальников губернских жандармских управлений, которые, в частности, содержат данные о размещении, численности и трудоустройстве беженцев и иностранных военнопленных на предприятиях губерний, об отношении коренного населения к вынужденным мигрантам военного времени.

Важное значение для раскрытия заявленной темы по советскому периоду имели материалы фонда Р-3333 – Центральная коллегия по делам пленных и

¹² ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 170 а. Л. 77.

¹³ Центральный государственный архив Октябрьской революции БССР.

¹⁴ См. об этом: Скалабан В.В. Белорусские беженцы Первой мировой войны: перспективы изучения // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. М., 2006. С. 67.

беженцев (Центропленбеж) / Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак), хранящегося в ГА РФе, а также 28 фондов губернских и уездных коллегий по делам пленных и беженцев / управлений по эвакуации населения, которые сосредоточены в государственных региональных архивах Брянской, Воронежской, Калужской, Орловской, Рязанской и Тульской областей. Документы этих фондов содержат материалы, позволяющие характеризовать экономическое, социальное, политико-правовое положение вынужденных мигрантов Первой мировой войны в России и способствующие разрешению задач, поставленных в исследовании.

Из документов фонда Р-393 НКВД (1917–1930 гг.) для исследования представляли интерес приказы, циркуляры, инструкции НКВД, касающиеся военнопленных и беженцев Первой мировой войны; отчёты и доклады о работе иностранного отдела, заявления граждан и заключения по ним, данные НКВД о приёме или отказе в получении советского гражданства, об оптации иностранного гражданства; материалы об организации и деятельности губернских отделов принудительных работ (1919 – 1922 гг.).

В РГВИА автор обращался к материалам фонда Отдела по устройству беженцев Всероссийского Земского и Городского союзов (Ф. 13273), содержащим интересные сведения об организации и работе местных благотворительных комитетов по оказанию помощи беженцам.

К исследованию привлекались документы из фондов НАРБ. Так, материалы фонда Белорусского национального комиссариата (Белнацкома) отражают, в частности, деятельность в Советской России в 1918 – 1919 гг. эмиссаров Белнацкома по оказанию помощи белорусам-беженцам в реэвакуации, по культурно-просветительной и агитационно-политической работе в беженской среде. В этом же архиве находятся документы канцелярии Гродненского губернатора за 1915 – 1917 гг. и Гродненского губернского

комиссара за 1917 – 1918 гг. (Ф. 610)¹⁵, а также Брестского уездного исполнительного комитета беженцев (Ф. 609), проливающие свет на материальное положение беженцев в имперский и советский период и их эвакуацию в Гродненскую губернию.

Ценными коллекциями центральных и местных периодических изданий по теме исследования располагают отделы периодики Российской государственной библиотеки и Государственной публичной исторической библиотеки России.

Источниковую базу исследования можно разделить на следующие группы: законодательство Российской империи и Советской России; актовые материалы (межгосударственные договоры); делопроизводственные материалы, в т.ч. прошения и заявления беженцев и военнопленных в государственные и общественные органы; источники личного происхождения (воспоминания, дневники); периодическая печать; справочные и статистические издания. Подробная типологическая характеристика источниковой базы исследования содержится в параграфе 1.2.

Теоретико-методологической основой исследования являются общеметодологические принципы научного познания – принципы историзма и объективности. Данные принципы предполагают непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, объективное критическое отношение ко всем выявленным источникам, вынесение суждений на основе осмысления совокупности фактов, рассмотрение событий в причинно-следственной связи и в историческом контексте рассматриваемой эпохи.

Принципы историзма и научной объективности реализовывались через исследовательские методы, выбор которых осуществлялся исходя из задач диссертационного исследования, а также зависел от вида анализируемого источника. В работе в рамках системного подхода к изучаемой проблематике

¹⁵ Канцелярии губернаторов западных губерний в числе других государственных учреждений и предприятий были эвакуированы в губернии Европейской России в августе-сентябре 1915 г.

использовались как общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция, описание и объяснение), так и специальные исторические методы исследования (историко-генетический, историко-компаративный, ретроспективный, проблемно-хронологический, периодизации, количественный).

В качестве основных *подходов* были выбраны *логический и системный анализ*. *Логический анализ* изучаемых процессов и явлений способствовал выделению существенных фактов и событий, классификации и систематизации источников, что позволило в итоге установить направленность развития и внутреннюю закономерность исследуемых процессов и явлений. *Системный анализ* позволяет рассматривать вынужденных мигрантов Первой мировой войны и властные структуры имперской и советской властей как целостную политико-социальную систему взаимосвязанных и взаимодействующих объектов, действующих во временном и пространственном измерении; способствует выявлению множества взаимосвязанных элементов, взаимодействующих по линии: центр – провинция, разнообразных связей между вынужденными мигрантами и окружающей действительностью.

Большой массив архивных делопроизводственных источников советского периода, созданных одновременно с исследуемыми событиями, потребовал особых приемов критики источников в связи с пониманием специфики и условий, в которых писались тексты. При анализе документов важное внимание уделялось историческому контексту, т.к. мотивация и позиция авторов документов во многом были обусловлены конкретно-исторической обстановкой.

Историко-генетический метод, являющийся по своей логической природе аналитическо-индуктивным анализом, позволил последовательно рассмотреть положение вынужденных мигрантов в период Первой мировой войны, проследив создание и функционирование имперской системы обеспечения о беженцах и управления военнопленными; выявить последующие изменения положения беженцев и военнопленных в советский период до 1925 г., изучив направления деятельности советского эвакуационного аппарата, в ведении

которого находились вынужденные мигранты военного времени; показать взаимодействие центральных и местных органов власти в проведении государственной политики в отношении вынужденных мигрантов.

Историко-генетический метод дополнялся *количественным*, который применялся при анализе больших массивов статистических данных при установлении национального, половозрастного, численного состава вынужденных мигрантов.

Ретроспективный метод с его направленностью познания от следствия к причине использовался для выявления и анализа причин, обусловивших как содержание, так и результаты эвакуационной и культурно-просветительной деятельности Центропленбежа / Центрэвака по отношению к беженцам, иностранным и русским военнопленным. Метод также способствовал выявлению причин сходного отношения вынужденных мигрантов к направленным на их восприятие агитационно-пропагандистским усилиям советской власти.

При помощи *историко-компаративного метода* был осуществлён сравнительный анализ дореволюционной и постреволюционной государственной политики по отношению к вынужденным мигрантам и выявлены принципиальные различия в подходах к решению их проблем. Сравнительный анализ выявленных способов репатриации мигрантов Первой мировой войны позволил дать объяснение одновременного существования этих способов репатриации.

В соответствии с *проблемно-хронологическим методом* тема исследования разделена на несколько более частных проблем, а именно: беженства и военного плена – рассмотренных в хронологической последовательности.

С помощью *метода периодизации* внутри общих хронологических рамок исследования были выделены два качественно различных временных отрезка, которые соответствуют имперскому (июль 1914 – октябрь 1917 г.) и советскому периоду истории России (октябрь 1917 – 1925 г.)

Охват диссертационным исследованием широкого круга проблем сделал целесообразным обращение к междисциплинарным подходам и методам, таким как контент-анализ, просопографический анализ, статистический анализ.

В рамках *историко-антропологического подхода*, позволяющего изучать конкретных людей с их интересами, переживаниями и настроениями, решалась задача выявления основных форм и способов выживания беженцев и военнопленных Первой мировой войны в Советской России в условиях отсутствия реэвакуации.

Метод контент-анализа был использован в качестве одного из необходимых с целью выявления и измерения различных фактов и тенденций, отраженных в воспоминаниях беженцев Первой мировой войны. Достоинство этого метода состоит в воспроизводимости результатов, полученных на его основе, т.е. полученные на основе зафиксированного исследователем набора смысловых единиц текста выводы могут быть проверены (повторены) на основе частотных данных, извлекаемых из рассматриваемого текста. Это выгодно отличает контент-анализ от иллюстративного подхода, когда исследователь, изучающий текст, опирается преимущественно на субъективную точку зрения, иллюстрируя её отдельными (выборочными) примерами или выдержками из текста¹⁶.

При выполнении контент-аналитического исследования диссертантом был определен объект исследования¹⁷, его задачи, разработан категориальный аппарат, выявлены смысловые единицы¹⁸, составлена кодированная инструкция, выполнена кодировка всего массива исследуемых текстов, вручную осуществлена статистическая обработка полученных количественных

¹⁶ См.: *Бородкин Л.И.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986. С. 139.

¹⁷ В качестве объекта исследования были взяты записанные в период с 1958 по 2000 гг. воспоминания представителей ста белорусских православных семей в основном из Белостокского и Бельского уездов Гродненской губернии, размещённых в тыловых губерниях России в августе-декабре 1915 г. (Беженство 1915 года / Ред. *В. Луба*. Белосток, 2000). Характеристика источника содержится в параграфе 1.2. настоящего диссертационного исследования.

¹⁸ Таблица единиц контент-анализа приведена в Приложении 15.

данных¹⁹; произведена интерпретация полученных данных на основе задач и теоретического контекста исследования, т.е. перевод количественной информации в качественное представление; результаты соотнесены с данными, полученными с помощью «традиционных» методов исторического исследования – историко-генетического, историко-сравнительного.

В результате были выявлены, количественно измерены и переведены в качественные представления особенности, характеризующие положение беженцев во время эвакуации 1915 г. в тыловые губернии Российской империи, их жизни в местах временного размещения до и после октября 1917 г., а также по возвращении на родину.

Использование *просопографического анализа* способствовало выявлению в среде иностранных военнопленных круга лиц, обладавших общими социально-политическими чертами, позволявшими им выступать в роли политических лидеров, оказывавших влияние на общую массу военнопленных, находившихся в Советской России.

Статистический анализ как метод исторической демографии применялся для выявления количества вынужденных мигрантов в городах и сельской местности центрального района Европейской России, их половозрастной и национальный состав. Метод позволил оценить общее количество беженцев, иностранных военнопленных в России, а также русских военнопленных; оценить численность вынужденных мигрантов, возвратившихся на родину самостоятельно и репатриированных в плановом порядке усилиями советских эвакуационных органов; показать масштабы переселенческого движения коренного и «пришлого» населения в хлебопроизводящие районы в 1920 – 1921 гг.

Необходимым представляется пояснение понятийно-категориального аппарата, используемого в данной работе. Ключевой концепт настоящего исследования – *вынужденные мигранты военного времени* – под которыми автор понимает всех лиц, независимо от их возраста, пола, национальной

¹⁹ Таблица результатов контент-анализа приведена в Приложении 15.1.

принадлежности, подданства (гражданства), рода занятий, которые в результате ведения боевых действий оказались перемещёнными (как добровольно, так и принудительно) внутри страны или из одной страны в другую. При этом автор рассматривает термин «миграция» в широком смысле – как территориальное перемещение, связанное со сменой жительства каких-либо групп населения²⁰.

С началом Первой мировой войны передвижение населения по стране стало определяться особенностями военного времени. Одним из видов перемещения в сторону фронта стала военная мобилизация. С фронта и из оккупированных и прифронтовых районов шло движение раненых, военнопленных, беженцев, интернированных, депортированных, т.е. различных категорий вынужденных мигрантов, порождённых войной. В центре настоящего исследования находятся две категории вынужденных мигрантов Первой мировой войны – беженцы и военнопленные. В силу логики исследования в работе затрагиваются и такие категории вынужденных мигрантов, как эвакуированные, интернированные («гражданские» пленные) и депортированные лица.

При трактовке терминов автор исходил из того, как эти термины толковались законодательством рассматриваемого периода, а не современным. Так, в период Первой мировой войны *беженцами*, согласно закону, именовались «лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или уже занятые им, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий, а также выходцы из враждебных России государств»²¹. Режим военного плена в период Первой мировой войны регулировался международным Положением о законах и обычаях сухопутной войны (приложение к 4-й Гаагской конвенции 18 октября 1907 г.), а также российским законодательством – Положением о военнопленных от 7 октября

²⁰ См.: Морин А.В. Миграционные процессы в России и за рубежом: история и современность. Уфа, 2008. С. 5–6.

²¹ Закон об обеспечении нужд беженцев от 30 августа 1915 г. Статья 1 // Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. Изд-е 2-е. М., 1916. С. 2.

1914 г., согласно которому «военному плену могли быть подвергнуты все лица, входящие в состав неприятельских сухопутных и морских вооруженных сил»²².

К *интернированным*²³ автор относит принудительно задержанных, переселённых или перемещённых одним воюющим государством гражданских лиц другого воюющего государства, оказавшихся на его территории, с целью исключения участия лиц призывного возраста в боевых действиях на стороне противника. Режим интернирования был оговорён и регулировался Гаагскими конвенциями 1907 г. «О правах и обязанностях нейтральных держав в случае войны». Под *эвакуированными* в период Первой мировой войны автор понимает служащих и рабочих государственных предприятий и учреждений с семьями, которые в связи с обстоятельствами военного времени были переведены из прифронтовых территорий и размещены в тыловых губерниях Российской империи. К категории *депортированных*²⁴, т.е. людей, признанных властями социально опасными и высланных принудительно, автор относит высланных в первый год войны²⁵ военными властями из прифронтовой полосы по подозрению в содействии противнику немцев-колонистов и евреев российского подданства.

Научная новизна предпринятого автором исследования обусловлена поставленной проблемой и полученными результатами. В диссертации с привлечением новых, главным образом, архивных источников, с учетом достижений современной отечественной и зарубежной историографии впервые комплексно исследовано положение мигрантов военного времени – беженцев и военнопленных Первой мировой войны, в России в 1914 – 1925 гг. на примере центральных губерний Европейской России.

В работе излагается авторская концепция об экономической основе устройства беженцев Первой мировой войны в тыловых губерниях Российской

²² Положение о военнопленных // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914. № 281. Ст. 2568.

²³ В документах рассматриваемого периода их чаще называли «гражданскими» пленными.

²⁴ В документах рассматриваемого периода их называли «высланными», «выдворенными».

²⁵ В 1915 г. они согласно закону об обеспечении нужд беженцев были приравнены к беженцам.

империи, причинах и способах разрушения досоветской системы попечения о беженцах. Показан первоисточник возникновения в начале 1918 г. стихийного и беспорядочного перемещения по стране и отъезда на родину вынужденных мигрантов Первой мировой войны.

Прослежена история возникновения и кратковременного функционирования Советов беженцев, обозначены причины их ликвидации.

Освещена система действий большевистской власти по привлечению беженцев и иностранных военнопленных к службе в армии и принудительным работам.

В исследовании дается авторский взгляд на причины отсутствия массовых публичных проявлений недовольства советской властью со стороны русских военнопленных, крупными партиями самостоятельно возвращавшихся на родину в конце 1918 – начале 1919 гг.

Внесены коррективы в прежнее представление о действенности агитационно-пропагандистской работы Центропленбежа / Центрэвака, а также об объеме репатриационной деятельности этой организации по отношению к вынужденным мигрантам Первой мировой войны.

Дана оценка деятельности советского правительства по регулированию переселенческого движения крестьян с участием беженцев и бывших русских военнопленных в Сибирь и юго-восточные районы Европейской России; показано значение стихийного движения для переселенцев.

Осуществлен контент-анализ воспоминаний беженцев с целью выявления их отношения к своему положению, к власти, к коренному населению.

Значительная часть выявленных в архивохранилищах и положенных в основу исследования документов впервые введена диссертантом в научный оборот. В наибольшей степени это касается хранящихся в региональных архивах фондов губернских и уездных коллегий по делам пленных и беженцев, управлений по эвакуации населения, отделов управления губисполкомов, уездных земельных управлений.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Российская государственная власть в 1915 г. в связи с массовой эвакуацией населения из прифронтовых районов, обусловленной военными обстоятельствами, решила комплекс проблем, включая финансирование и правовое обеспечение этого крупномасштабного мероприятия. Была налажена согласованная деятельность административно-исполнительной власти, самоуправлений, благотворительных организаций. В результате при поддержке населения были успешно решены задачи по размещению большинства беженцев у состоятельных сельских хозяев в тыловых губерниях, имевших запасы хлеба, снабжению их продовольственным и квартирным пайками, медико-санитарной помощью, заработком, игравшим значительную роль в обеспечении их материального достатка.

2. Пребывание в центре Европейской России военнопленных в период Первой мировой войны было обусловлено исключительно их использованием в качестве рабочей силы, прежде всего сельскими хозяевами, которые как работодатели несли все расходы их по доставке, содержанию и охране. Режим «изоляции военнопленных от внешнего мира», который пытались установить Министерство внутренних дел силами местных жандармских управлений, не был воплощен в жизнь вплоть до окончания войны.

3. Центральные губернии Европейской России стали специальным местом высылки интернированных военнообязанных подданных Османской империи из приграничных территорий Кавказского региона. Основным источником их существования являлся их собственный труд. Немцы-колонисты и евреи русского подданства, высланные в качестве превентивной меры военными властями из приграничных районов империи, в случае отсутствия у них средств к существованию получали беженское пособие.

4. Со сменой политического режима в октябре 1917 г. вследствие экономической политики, проводимой большевистским руководством, досоветская система попечения о беженцах и управления военнопленными не могла дальше функционировать, лишившись своей экономической основы. Это

привело к неконтролируемому перемещению по стране вынужденных мигрантов Первой мировой войны в поисках пропитания и их несанкционированному отъезду на родину ещё до создания системы советских эвакуационных органов.

5. Всероссийский Союз беженцев, объявив курс на сотрудничество с большевиками, принял широкую программу государственной помощи беженцам как до реэвакуации, так и в процессе её проведения, а также сразу по возвращении их на родину. Для осуществления программы были созданы местные Советы беженцев. Довольно скорая их ликвидация была обусловлена отказом новой власти от финансирования программы по государственному обеспечению беженцев и от привлечения Советов беженцев к участию в реэвакуационном процессе.

6. Созданные в 1918 г. советские эвакуационные органы – Центропленбеж / Центрэвак не смогли осуществить разработанный ими план реэвакуации беженцев, основанный на территориальном принципе. В итоге основным способом реэвакуации вынужденных мигрантов Первой мировой войны стал их самостоятельный отъезд из Советской России.

7. Проводимая большевиками политика усложнения беженцам выхода из российского гражданства, препятствовала их возвращению на родину и имела целью привлечь беженцев к отбыванию воинской повинности. Беспрепятственно отправлялись на родину беженцы, а также военнопленные, являвшиеся членами коммунистической партии.

8. Беженцы стали участниками массового стихийного переселенческого движения крестьян в районы Сибири, вызванного неурожаем хлебов и трав в 1920–1921 гг. в центральных губерниях Европейской России. Отношение центральной власти к самовольному движению беженцев было резко отрицательным, чего не наблюдалось со стороны местных властей, стремившихся как можно скорее разгрузить свои регионы от пришлого беженского населения. Более масштабное, чем в 1920 г., движение-бегство беженцев Первой мировой войны в направлении западной границы из

охваченных голодом районов Поволжья в 1921 г. вынудило Центрэвак заняться вопреки своей прежней запретительной политике репатриацией стихийных беженцев в Польшу и Прибалтийские государства.

9. Информационная составляющая мемуарных источников, авторами которых являлись современники событий беженцы, позволяет считать лучшим периодом в трагической истории их беженства жизнь в российских тыловых губерниях до октября 1917 г.

10. Около 7 % иностранных военнопленных приняли участие в Гражданской войне в России. При этом они воевали как на стороне красных, так и на стороне белых, как по собственной воле, преимущественно по экономическим мотивам с учетом тяжелейшего социально-экономического положения в стране, так и в принудительном порядке. Это свидетельствует о слабом воздействии советской политической пропаганды и агитации на беспартийную массу военнопленных.

11. Половина бывших русских военнопленных возвращалась на родину самостоятельно в основном в конце 1918 – начале 1919 гг. Обоснованное недовольство приемом, оказанным им на родине, не сопровождалось, однако, массовыми публичными проявлениями недовольства с их стороны по отношению к новой власти. Тем не менее бывшие русские пленные не были склонны защищать завоевания революции и новую власть, отказываясь в массе своей добровольно вступать в Красную армию, несмотря на агитационно-пропагандистские усилия большевиков. Материальная помощь, оказываемая возвращавшимся русским военнопленным, была недостаточной и труднодоступной из-за неудовлетворительного её финансирования. Она имела явно декларативный, пропагандистский характер.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его материалов и выводов в научной деятельности при дальнейшем изучении проблем, связанных с историей вынужденных мигрантов Первой мировой войны, миграций в России, написании обобщающих трудов по истории России, Первой мировой войны, беженства и военного плена, а также в

научно-педагогической деятельности при подготовке общих и специальных лекционных курсов, семинарских занятий по отечественной и всеобщей истории, историографии, при написании учебных пособий, выпускных квалификационных работ. Материалы по проблематике исследования на протяжении нескольких лет применяются диссертантом в образовательном процессе: им разработан и ведется специальный курс для студентов-магистрантов исторического факультета Калужского госуниверситета. Ряд выводов и фактических данных, имеющих в публикациях диссертанта, вошли в научный оборот и используются исследователями.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования были представлены на научно-практических конференциях различного уровня, в т.ч. 11 международных, среди которых: «Первая мировая война: история, геополитика, уроки истории и современность» (Витебский государственный университет, 11–12 ноября 2008 г.); «История сталинизма: репрессированная российская провинция» (Смоленский государственный университет, 9–11 октября 2009 г.); «Первая мировая война, Версальская система и современность» (Санкт-Петербургский государственный университет, 7–8 октября 2011 г.); «Инвалиды и война. Инвалиды Первой мировой войны: исторические и нравственные уроки» (Москва, Академия МНЭПУ, 29–30 ноября 2012 г.); «Empires and Nations» (Рим, университет Сапиенца, 20–22 июня 2013 г.); «Россия в Первой мировой войне» (Москва, НИУ ВШЭ, 3–5 июня 2014 г.), «Europe on the move, 1914–1918» (Англия, Манчестерский университет, 26–27 июня 2014 г.), «Первая мировая война – пролог XX века» (ИВИ РАН, МГУ, МГПУ 8–10 сентября 2014 г.).

Кроме того, положения и выводы исследования отражены в двух монографиях, а также в статьях и докладах, 16 из которых опубликованы в ведущих рецензируемых исторических журналах, входящих в перечень ВАК РФ. Общий объем публикаций по теме исследования составляет свыше 75 п.л.

Структура диссертации. Цель и основные задачи исследования определили его структуру, в основу которой положен проблемно-хронологический принцип. Исследование состоит из введения, шести глав, разделенных на параграфы, заключения, приложений, списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В отечественной историографии советского периода, как отмечалось во введении, проблематика вынужденных мигрантов Первой мировой войны не изучалась, исключение составляли исследования, посвященные интернационалистам, принявшим участие в Гражданской войне на стороне красных. Изучение проблем вынужденных мигрантов Первой мировой войны началось в постсоветское время. В связи с этим представляется уместным в историографическом обзоре по заявленной теме использовать проблемно-тематический принцип построения материала вместо традиционного хронологического. Автор выделил такие категории вынужденных мигрантов как беженцы, военнопленные Четверного союза, русские военнопленные, депортированные российские подданные и последовательно рассмотрел специфику и итоги изучения каждой категории современной историографией в проблемно-тематическом ключе.

1.1. Степень изученности проблематики миграций в годы Первой мировой войны в историографии

Массовое беженское движение из западных прифронтовых районов Российской империи на восток в августе – декабре 1915 г. стало беспрецедентным по своим огромным масштабам явлением в мировой истории. Благодаря современникам событий, первые работы которых появились в 1916 – 1917 гг., это явление зафиксировано в истории. Большинство этих трудов является историческими источниками, они содержат информацию о самом процессе беженского движения, составе зарегистрированных беженцев: численном, национальном и социальном, местах их временного размещения на территории Российской империи, о законодательных основах государственной беженской политики, о государственном попечении о беженцах и участии в нем общественных благотворительных, в т.ч. и национальных организаций. Между

тем эти труды, выполненные преимущественно работниками государственных, земских, благотворительных организаций помощи беженцам, в силу их аналитичности можно, с известной степенью условности, отнести к историографии²⁶.

В работах советского периода по истории Первой мировой войны проблема беженства никак не освещалась²⁷. Даже статья о беженстве, помещённая в первом издании Большой советской энциклопедии (1927 г.)²⁸, «исчезла» из неё при последующих изданиях. Отдельные стороны беженства отражались историками при рассмотрении других проблем. Так, А.М. Анфимов, исследуя положение российской деревни в годы Первой мировой войны, отмечает участие беженцев в сельскохозяйственных работах, их низкую заработную плату по сравнению с наёмными рабочими, из-за чего часть беженцев не хотела работать несмотря на то, что в этом случае их лишали казённого пайка²⁹. Автор говорит о «колоссальности беженской волны» летом 1915 г. во время немецкого наступления, о недостатках обслуживания беженцев в пути³⁰. Н.П. Ерошкин в своей работе по истории государственных учреждений дореволюционной России приводит данные о создании в августе 1915 г. Особого совещания по устройству беженцев под председательством министра внутренних дел³¹. Т.М. Китанина, исследуя продовольственный вопрос в России в период Первой мировой войны, упоминает о привлечении

²⁶ Керстен Я. Литовские беженцы в Туле. Тула, 1917; Кустов Н.И. Краткие очерки о деятельности национальных и благотворительных организаций, оказывавших помощь беженцам в г. Москве. М., 1917; Брауде Х. Еврейское население г. Воронежа: Данные переписи 1917 года. М., 1918.

²⁷ Зайончковский А.М. Мировая война 1914-1918 гг. М., 1938; Вержховский Д.В. Первая мировая война 1914-1918 гг. М., 1954; История первой мировой войны 1914-1918 / под ред. И.И. Ростунова. М., 1975; Первая мировая война / под ред. А.Л. Сидорова. М., 1968; Исторический опыт трёх российских революций. М., 1985 и др.

²⁸ Беженство // БСЭ. Т. 5. М., 1927. Ст. 176–178.

²⁹ Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962. С. 106–107.

³⁰ Там же. С. 201, 354.

³¹ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 2-е изд-е. М., 1968. С. 302.

беженцев в хозяйства крупных землевладельцев для выполнения сельскохозяйственных работ³².

Кроме того, в работах советского периода, посвященных демографическим проблемам, содержатся данные о численности беженцев Первой мировой войны³³. Е.З. Волковым, автором одного из первых историко-демографических исследований в советской науке, к началу 30-х гг. XX в. была подсчитана общая численность беженцев к концу Первой мировой войны, которая составила 7 421, 4 тыс. человек. Причем, по мнению самого исследователя, эта цифра, «может в бóльшей мере считаться преуменьшенной, чем преувеличенной»³⁴. Отметим, что в последующие 70 лет новых данных об общей численности беженцев Первой мировой войны не появилось, поскольку демографы продолжали пользоваться теми же источниками, введенными в научный оборот в 20-х гг. XX в.³⁵ Так, демографы С.И. Брук и В.М. Кабузан соглашались с мнением Е.З. Волкова о том, что в конце 1917 г. всех беженцев к выселению значилось 7 421 400³⁶. В своей книге «Русские в мире: динамика численности и расселения» В.М. Кабузан, опираясь на зарубежные данные, привёл численность репатриантов, возвратившихся в 1918 – 1924 гг. в Латвию,

³² Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. (Продовольственный вопрос в России, 1914–октябрь 1917 г.). Л., 1985. С. 51, 56.

³³ Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926; Урланис Б.Ц. Динамика населения России накануне Октября // Ученые записки ВЗЭИ. 1957. Вып. 2; Дробижев В.З. Естественное движение населения Советской России в 1917–1920 гг. // Великий Октябрь: История, историография, источниковедение. М., 1978; Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет / Предисл. С.Г. Струмилина. М.-Л., 1930; Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986.

³⁴ Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет / Предисл. С.Г. Струмилина. М.-Л., 1930. С. 72.

³⁵ См., например: Брук С.И., Кабузан В.М. Миграционные процессы в России и СССР. Вып. 1. М., 1991; Кабузан В. М. Русские в мире: динамика численности и расселения (1917–1989 гг.). СПб., 1996; Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986; Его же. Историческая наука: Люди и проблемы. Книга 3. М., 2009.

³⁶ Брук С.И., Кабузан В.М. Миграционные процессы в России и СССР. Вып. 1. М., 1991. С. 92–93.

Литву, Эстонию и Польшу – это около 2 млн человек³⁷. Он отмечает, что около 3 млн беженцев так и не вернулись в родные места, часть погибла, а часть, возможно, вернулась нелегально³⁸. Советский и российский историк, специалист в области исторической демографии и исторической географии, академик РАН Ю.А. Поляков в своих работах конца XX – начала XXI века назвал «довольно сложной, запутанной и противоречивой» беженскую проблему, порожденную Первой мировой войной, а также проблему, связанную с военнопленными³⁹. Статистические данные, относящиеся к 1917–1923 гг., не могут быть, по мнению автора, признаны достоверными из-за хаоса в регистрации актов гражданского состояния. К примеру, в 1920 г. имелось не более 40 % необходимого количества организаций регистрации актов гражданского состояния⁴⁰. В работе 2009 г. Ю.А. Поляков отмечает, что придерживается того же мнения, что и Е.З. Волков, относительно количества беженцев, равного около 7,5 млн человек, «немалая часть из которых погибла от голода и болезней»⁴¹. В конце 1990-х гг. историк А.Н. Курцев в своей статье со ссылкой на Пироговский съезд врачей 1916 г. привёл данные о численности беженцев Первой мировой войны, отличные от зафиксированных в историографии с конца 20-х гг. XX в. Согласно этим данным, беженцев было около 5 млн человек⁴². В 2002 г. историк-демограф С.Д. Морозов высказал мнение, что данные отечественной историографии о численности беженцев Первой мировой войны хоть и являются неточными, но масштабы беженства

³⁷ Кабузан В. М. Русские в мире: динамика численности и расселения (1917–1989 гг.). СПб., 1996. С. 230.

³⁸ Брук С.И., Кабузан В.М. Миграционные процессы... С. 93.

³⁹ Поляков Ю.А. Историческая наука: Люди и проблемы. Книга 3. М., 2009. С. 62.

⁴⁰ Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 86; *Его же*. Историческая наука: Люди и проблемы. Книга 3. М., 2009. С. 50–62.

⁴¹ Поляков Ю.А. Историческая наука... С. 62.

⁴² Курцев А.Н. Беженцы первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории (далее–ВИ). 1999. № 8.

отражают⁴³. По нашему мнению, близка к истине цифра в 7,4 млн беженцев, которую впервые подсчитал Е.З. Волков.

Только с конца 1990-х годов в России издаются работы, специально посвящённые проблеме беженства, в которых рассматриваются различные аспекты этого явления. Практически одновременно в 1997 – 1999 гг., появились исследования российских историков А.Н. Курцева⁴⁴ и В.В. Хасина⁴⁵ и английского историка, профессора Манчестерского университета П. Гетрелла⁴⁶, в которых рассматривается положение беженцев Первой мировой войны в Российской империи.

В.В. Хасин в 1997 г. обратился к опыту решения миграционных проблем в России в период Первой мировой войны. Этот опыт он назвал уникальным, а перемещение населения с западных окраин империи внутрь страны с августа по декабрь 1915 г. – грандиозным по своим размерам⁴⁷. В 1999 г. им была защищена диссертационная работа⁴⁸, в которой рассматривается история создания и функционирования государственной системы помощи беженцам Первой мировой войны. Автор отмечает, что до принятия закона об обеспечении нужд беженцев, в период его обсуждения, начавшееся массовое движение беженцев находилось под контролем государства и регулировалось

⁴³ Морозов С.Д. Население Центральной России в 1897–1917 гг.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2002.

⁴⁴ Курцев А.Н. Беженцы первой мировой войны в России (1914–1917) // ВИ. 1999. № 8; *Его же*. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 гг. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Вып. 1. Курск, 1997. С. 33–64.

⁴⁵ Лаврентьев В.М., Хасин В.В. Миграционные процессы в России в Первую мировую войну // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сборник научных трудов. Вып. 1. Саратов, 1997. С. 139–150; Хасин В.В. Миграционные процессы в Российской империи в Первую мировую войну (по документам Нижнего Поволжья): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 1999.

⁴⁶ Gatrell P. Refugees in the Russian Empire, 1914–1917 // *Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921*. London–Sydney–Auckland, 1997; Gatrell P. *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I*. Bloomington, Indiana, 1999; Гетрелл П. Беженцы и проблема пола в России во время Первой мировой войны // Первая мировая война. (Материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 112–125; *Его же*. Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 2001. № 4 (122). С. 46–72.

⁴⁷ Лаврентьев В.М., Хасин В.В. Миграционные процессы в России... С. 139.

⁴⁸ Хасин В.В. Миграционные процессы в Российской империи в Первую мировую войну (по документам Нижнего Поволжья): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 1999.

распоряжениями министерства внутренних дел (МВД). Появившиеся с началом войны, ещё до начала массового стихийного беженского движения и раньше создания государственных беженских структур благотворительные организации, в т.ч. и национальные, финансировались кредитной комиссией при МВД через свои центральные комитеты⁴⁹. По мнению исследователя, правительству пришлось отказаться от намерения поручить руководство попечением о беженцах в местах их водворения администрации эвакуированных губерний из-за большого количества технических трудностей, возникших при осуществлении этого проекта. В результате руководство беженцами было возложено на администрацию мест водворения. В.В. Хасин рассматривает всю вертикаль созданной беженской службы и приходит к выводу, что правительству в предельно сжатые сроки удалось создать такую структуру помощи беженцам, которая не позволила ввергнуть страну в хаос бесконтрольного перемещения, чего, заметим, не удалось избежать советским эвакуационным структурам. Историк считает, что экономические трудности стали одной из причин начала к 1917 г. стихийной беженской миграции⁵⁰.

А.Н. Курцев среди причин невнимания к гуманитарной проблеме беженства в советское время называет невыгодность сравнения оказания помощи беженцам в царской России и в советский период 1918–1925 гг., а также в период Великой Отечественной войны⁵¹. Исследователь выделил периоды беженского движения: начальный период – «добровольное» беженское движение (конец 1914 – начало 1915 г.); самый тяжелый период беженского движения – «принудительное выселение» (апрель – декабрь 1915 г.); период стабильного проживания беженцев в районах водворения; период стихийного возвращения некоторых беженцев, который начался с лета 1917 г.⁵² А.Н. Курцев осветил деятельность созданной государством системы попечения о миллионах беженцев, включая их организованное перемещение во

⁴⁹ Лаврентьев В.М., Хасин В.В. Миграционные процессы в России... С. 143–144.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Курцев А.Н. Беженцы первой мировой войны в России (1914-1917) // ВИ. 1999. № 8. С. 98.

⁵² Его же. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии... С. 33–64.

внутренние губернии в августе – декабре 1915 г., а также предоставление им «кровя и пищи». Исследователь пришёл к мнению, что основную массу беженцев Первой мировой войны составляло нерусское крестьянское население западных окраин Российской империи, что массовое беженское движение в 1915 г. сопровождалось людскими потерями⁵³. А.Н. Курцев приводит общую численность беженцев в России на начало 1916 г. – 2 786 351 человек, в т.ч. осевших в городах – 34, 8 %, в сельской местности – 65, 2%⁵⁴.

Первой работой английского историка П. Гетрелла, переведённой на русский язык, стала его статья «Беженцы и проблема пола в России во время Первой мировой войны» на основе доклада, сделанного на международном коллоквиуме в Санкт-Петербурге⁵⁵. Историк предложил «спасти от исторического забвения миллионы беженцев, несправедливо обойдённых вниманием исследователей». В статье П. Гетрелла «Беженцы в России в годы Первой мировой войны», опубликованной в «Исторических записках» в 2001 г., автор поставил вопрос о том, насколько помощь беженцам была эффективна и что она значила для самих беженцев⁵⁶. Сам П. Гетрелл, впрочем, оставил его без ответа.

С 2000-х гг. проблематика беженства в Российской империи в 1914 – 1917 гг. активно изучается белорусскими историками В.С. Утгоф, С.Ф. Лапановичем, В.В. Скалабаном и др.⁵⁷, а также исследователями из

⁵³ *Его же*. Научная концепция истории миграций населения Центрального Черноземья в 1861–1917 гг. // Актуальные проблемы научного творчества ученых кафедры истории России: Сборник научных статей. Вып. 1. Курск, 2004. С. 45.

⁵⁴ *Его же*. Военные беженцы в городах России (1914–1917 гг.) // Культура городов Российской империи на рубеже XIX – XX вв. СПб., 2004. С. 326, 327.

⁵⁵ *Гетрелл П.* Беженцы и проблема пола в России во время Первой мировой войны // Первая мировая война. (Материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999. С. 112–125.

⁵⁶ *Его же*. Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 2001. № 4 (122).

⁵⁷ *Утгоф В.С.* Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2003; *Лапановіч С. Ф.* Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914–кастрычнік 1917 г.). Мінск, 2010; *Скалабан В. В.* Белорусские беженцы Первой мировой войны: перспективы изучения // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. М., 2006; *Он же*.

Прибалтики, Украины и Германии. Так, В.С. Утгоф в своей кандидатской диссертации анализирует политику государственной власти по созданию системы попечения о беженцах, определяет место национальных организаций в этой системе и приходит к выводу, что с осени 1915 г. национальные организации помощи беженцам выполняли функции низовых структур системы попечения о беженцах, деятельность которых координировалась и финансировалась государством⁵⁸. Проведённый В.С. Утгоф анализ половозрастного, социального, конфессионального состава белорусских беженцев показал преобладание трудоспособного крестьянского населения в возрасте от 21 до 45 лет, практически равное количество в нём православных и католиков. Автор считает, что существующее представление об уровне благосостояния беженцев-белорусов следует пересмотреть, т.к. масштабы их якобы тяжелого материального положения явно преувеличены.

В своей монографии современный белорусский исследователь С.Ф. Лапанович оценил государственную помощь беженцам, как «достаточную для поддержания физической жизнедеятельности беженцев» и как «недостаточную для восстановления их работоспособности»⁵⁹. Между тем заметим, что по мере роста продовольственных затруднений в стране беженцам трудоспособного возраста предлагалась работа и настоятельно рекомендовалось не отказываться от неё для улучшения своего материального положения. Семьи, состоявшие из матери и малолетних детей, живущие только на пособия, в которых женщина не могла работать, имели возможность обратиться за дополнительной помощью в Татьянинский комитет и другие благотворительные организации. Последние

«... В это суровое и важное время» // Неман. 1981. № 12; *Карнялюк В.Р.* Фактары гісторыка-дэмаграфічных змен у складзе насельніцтва Беларусі ў 1913–1918 гг.: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2001; *Саматыя В.* Проблема беженцев в Белоруссии в годы Первой мировой войны: [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru:8101/exib/war_1/p39.htm (дата обращения: 12.09.13).

⁵⁸ См.: *Утгоф В.С.* Белорусские беженцы Первой мировой войны...

⁵⁹ *Лапанович С.Ф.* Указ. соч.; По поводу названия монографии С.Ф. Лапановича «Деятельность государственных и негосударственных организаций по оказанию помощи беженцам в Беларуси в годы Первой мировой войны, 1914–октябрь 1917 гг.» можно заметить, что национально-территориального образования «Беларусь» в указанный хронологический период не существовало.

сами старались выявлять такие семьи, чтобы оказывать им дополнительную помощь. Вывод С.Ф. Лапановича о существовавшей конкуренции за получение финансовых средств из казны между национальными организациями, опекавшими беженцев русской и нерусской национальности, представляется неубедительным, поскольку национальные организации финансировались с учётом количества опекаемых ими беженцев.

В работе литовского историка А. Каспяравичуса⁶⁰ отмечается, что эвакуация населения из «литовских» губерний в связи с отступлением русской армии в 1915 г. была для населения тяжким испытанием, но эвакуированные в большинстве случаев устроились в местах временного проживания относительно неплохо. На занятых же немцами территориях был введен строгий оккупационный режим, сопровождавшийся грабежом материальных ресурсов. В таких условиях население, отмечает автор, желало возвращения русской армии и изгнания немцев, что отражено в многочисленных воспоминаниях современников.

Об оккупационном режиме в русской части Польши и Прибалтике пишет немецкий исследователь К. Вестерхофф⁶¹. Он отмечает, что немецкие оккупационные власти первостепенное внимание уделяли набору на принудительные работы в Германии. Так, за время войны было нанято более 200 тысяч рабочих. Набор стимулировался путем закрытия местного частного бизнеса, сокращения материальной поддержки безработных. С осени 1916 г. был установлен принудительный порядок привлечения к работам. Так, из русской части Польши депортировали 5 тыс. человек (преимущественно евреев) в Прибалтику и заставили работать в «Батальонах гражданских

⁶⁰ *Каспяравичус А.* Первая мировая война: литовское общество и его историческая память // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы: сб. статей международной науч.-практ. конференции. Калининград, 2013. С. 297–304.

⁶¹ *Westerhoff С.* German Labor and Occupation Policy in the western parts of the Russian Empire during the First World War // Текст выступления на международной научной конференции «Россия в Первой мировой войне», Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 3–5 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/folderview?id=0B_tVsiISTizlRHpoS0d6dmVkaTQ&usp=sharing (дата обращения: 01.06.2014).

рабочих». В самой Прибалтике в эти батальоны мобилизовали не менее 10 тысяч человек. Рабочие использовались на строительстве дорог, на сельскохозяйственных и лесных работах. Условия труда и жизни были тяжелыми, а его производительность – низкой. Между тем, в Прибалтийской оккупационной зоне принудительный труд практиковался до самого окончания оккупации в ноябре 1918 г.

Деятельность национальных латышских организаций по оказанию помощи беженцам Первой мировой войны в имперский период рассматривают в своём исследовании историки из Латвии Т. Бартеле и В. Шалда⁶². Они отмечают, что национальные организации, опекавшие беженцев, средства на беженские пайки получали от государства. Рассматривая вопрос финансирования Латышского Центрального Комитета по оказанию помощи беженцам (ЛЦКОПБ), авторы отмечают, что царское правительство выделило на нужды подопечных ЛЦКОПБа около 25 млн рублей. Заметим, что эта сумма соответствовала суммам, получаемым другими национальными комитетами, опекавшими такое же количество беженцев. По мнению авторов, численность латышских беженцев в 1915 г. составляла 760 тысяч, включая эвакуированных вместе с предприятиями рабочих.

Ряд современных исследований посвящён проблеме еврейских беженцев в России⁶³. В первую очередь здесь необходимо отметить диссертационное исследование М.А. Златиной⁶⁴. В процессе вынужденной миграции еврейских беженцев она выделила три этапа. Первый из них (июль 1914 – середина апреля

⁶² Бартеле Т., Шалда В. Латышские беженцы в России в годы Гражданской войны // Отечественная история (далее – ОИ). 2000. № 1. С. 18–31.

⁶³ Туманова А.С. Еврейские общественные организации в годы Первой мировой войны (на примере Тамбовской губернии) // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства / Под ред. О.В. Будницкого (отв. редактор), О. В. Беловой, В. Е. Кельнера, В. В. Мочаловой. М., 2005. С. 124–142; Иоффе Г.З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. // ВИ. 2001. № 9; Пивоварчик С.А. Трагедия Первой мировой войны: «евреи-шпионы» (по материалам Национального исторического архива Беларуси в Гродно) // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.august-1914.ru/pivovarchik.html> (дата обращения: 20.10.2013).

⁶⁴ Златина М.А. Проблема еврейского беженства в России в период Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.

1915 г.) характеризуется бессистемностью и неорганизованностью процесса переселения беженцев и выселенцев. Автор отмечает, что переселенцы предпочитали оседать в ближайших к оставленным родным местам крупных еврейских центрах – Варшаве, Вильно. Характерным было заселение всё больших территорий, вплоть до выхода за пределы черты оседлости⁶⁵. На этом этапе, когда правительство ещё не рассматривало вариант ликвидации черты оседлости для решения проблемы расселения еврейских беженцев и выселенцев, проявляется разобщенность гражданских и военных властей. В этот период происходит создание новых еврейских благотворительных организаций помощи жертвам войны и реорганизация уже существующих благотворительных еврейских комитетов с целью оказания помощи еврейским беженцам. На втором этапе, который охватывает период со второй половины апреля по конец августа 1915 г., правительство было вынуждено снять черту оседлости для евреев под давлением общей ситуации на фронте, роста численности еврейских беженцев, не уместяющихся в рамках черты оседлости, под влиянием еврейских и христианских общественных организаций. Продолжилось выстраивание системы взаимоотношений между центральными благотворительными комитетами и центральными и местными органами помощи еврейским беженцам. Третий период (конец августа – зима 1915/1916 гг.) обозначен как период постепенного расселения евреев по губерниям Российской империи, отведенным для их места жительства. М.А. Златина пришла к выводу, что «черта оседлости в России была “прорвана” беженцами и вынужденными выселенцами именно “снизу”, в силу обстоятельств военного времени»⁶⁶.

Выселению еврейского населения из прифронтовой полосы в 1915 г. посвятил свою статью Г.З. Иоффе (Канада). Автор отмечает, что нет точных данных о количестве обитателей черты оседлости, попавшей в сферу военных

⁶⁵ Златина М.А. Проблема еврейского беженства в России в период Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.

⁶⁶ Там же.

действий, покинувших родные места, а также, что командующие фронтами и армиями, генерал-губернаторы и главноначальствующие были наделены правом принятия чрезвычайных мер, необходимых для успеха ведения войны. По мнению автора, российские правящие круги имели основание подозревать евреев в сочувствии к противнику из-за антиправительственных и антироссийских настроений, на что и рассчитывали в Германии. Далее отмечается, что, приостановив массовые выселения, военные власти стали обеспечивать лояльность еврейского населения в местах их постоянного проживания с помощью заложников из влиятельных и почитаемых в еврейской среде лиц. Черта оседлости была отменена правительством 4 августа 1915 г. (с некоторыми ограничениями) с учётом массовости движения еврейского населения западных окраин. В статье говорится об организованной помощи на местах водворения. Г.З. Иоффе отмечает, что со стабилизацией фронта снизилась численность изгоняемого из родных мест еврейского населения. Одновременно автор сетует, что после этого «миллионные беженские массы» по-прежнему оставались в чужих для себя местах⁶⁷. Здесь следует заметить, что кроме евреев, в таких условиях находились и все остальные перемещённые во внутренние губернии лица всех национальностей. Все получали государственную помощь, а также помощь благотворительных организаций, в том числе национальных.

Докторская диссертация украинского историка Л.Н. Жванко является первым специальным исследованием, в котором комплексно анализируется проблематика беженства на территории Украины в 1914–1918 гг. Автор освещает национальный и социальный состав беженцев, определяя их количество на территории украинских губерний, входивших в состав

⁶⁷ *Иоффе Г.З.* Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. // *ВИ.* 2001. № 9. С. 85–97. См. также: *Пивоварчик С.А.* Указ. соч. С. 71–83; *Гольдин С.* Русское командование и евреи во время Первой мировой войны: причина формирования негативного стереотипа // *Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства.* М., 2005. С. 29–46.

Российской империи, направления оказания помощи беженцам⁶⁸. В одном из своих исследований, выполненном в русле гендерной истории и посвященном судьбам женщин-беженок, Л.Н. Жванко предпринимает попытку воссоздать особенности внутреннего мира женщины-беженки, выделить главные черты её психологического портрета⁶⁹.

В исследованиях последних лет широко представлена тематика, связанная с общественно-политической и социально-экономической обстановкой в российской провинции имперского военного периода⁷⁰. В этих работах в качестве одного из направлений рассматриваются и миграционные процессы, связанные, в частности, с эвакуацией беженцев в тыловые губернии России, их размещением и созданием системы попечения о них.

Исследования, посвященные судьбе беженцев Первой мировой войны в Советской России, появляются лишь с конца 1990-х гг. Следует отметить работы Н.В. Лахаревой, где впервые комплексно исследуется положение беженцев, размещенных на территории Курской губернии в 1918 – 1925 гг.⁷¹ Исследователь выделила два этапа в судьбе беженцев Первой мировой войны в Советской России. Первый приходится на 1918–1919 гг., когда досоветская

⁶⁸ Жванко Л. М. Перша світова війна: біженці в Україні (1914–1918 рр.) - Рукопис. Автореферат на здобуття наукового ступеня доктора історичних наук. Харків, 2013. С. 17.

⁶⁹ *Её же*. Женщина-беженка Первой мировой войны: штрихи к психологическому портрету (на примере украинских губерний). 1915–1917 // Доклад, прочитанный на Международном коллоквиуме «маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX века», Санкт-Петербург, 17–20 июня, 2013 г.

⁷⁰ Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011; Букалова С.В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года): дисс. ... канд. ист. наук. Орёл, 2005; Ерёмин И.А. Западносибирский тыл России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918): дисс. ... докт. ист. наук. Барнаул, 2006; Максимов Е. К., Тотфалушин В. П. Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны: Учеб. пособ. к курсу «История Саратовского Поволжья». Саратов, 2007; Рязанский И.В. Тыловая российская провинция в условиях Первой мировой войны: Южный Урал в июле 1914 – феврале 1917 г.: дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006; Чудаков О.В. Городское самоуправление в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2002; Шишкина С.Ю. Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917). Тюмень, 2006; и др.

⁷¹ Лахарева Н.В. Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1918–1925 гг.: На примере Курской губернии: дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 1999; *Её же*. Резэвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925). Курск, 2001.

система обслуживания беженцев была повсеместно ликвидирована, а советский государственный эвакуационный аппарат, по мнению автора, только складывался. При отсутствии планомерной реэвакуации происходил стихийный отъезд беженцев на родину. При этом почти 60 % беженцев – это были материально обеспеченные люди – выехали домой летом и осенью 1918 г., после заключения Брест-Литовского мирного договора. Гражданская война приостановила стихийные отъезды в 1919 г. Оставшиеся малообеспеченные беженские семьи не получали реальной государственной помощи и подвергались гонениям со стороны местных жителей. В многонациональном составе оставшихся большинство составляли украинцы из районов бывшей Российской империи. Вторым этапом – это 1920–1925 гг., здесь особо выделен 1920 г., когда была разрешена эвакуация из губерний второй очереди отправки, и беженцы двинулись на родину «не дожидаясь своей очереди в эваке». В результате количество беженцев в губернии уменьшилось сразу на 26,5 тысяч. В 1921 г., по мнению автора, среди уехавших 5 тысяч человек «преобладали легальные эвакуанты». К середине 1924 г. все оставшиеся 3,6 тыс. зарегистрированных беженцев выехали на родину. Н.В. Лахарева отмечает, что в мае 1925 г. репатриация беженцев Первой мировой войны была официально завершена, а не выехавшие без уважительной причины беженцы теряли свой статус, т.к. объявлялись советскими гражданами⁷².

Одним из наиболее часто цитируемых авторов по проблеме военной миграции в России в 1914 – 1922 гг. является исследователь И.П. Щеров⁷³. В своих работах о деятельности Центропленбежа и его органов в Смоленском крае он пришёл к выводу о позитивном отношении мигрантов Первой мировой войны к советской власти на том основании, что беженцы служили в рядах

⁷² *Её же*. Реэвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925). Курск, 2001. С. 154–155.

⁷³ *Щеров И.П.* Организация и деятельность коллегий по делам пленных и беженцев в Смоленском крае: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998; *Его же*. Смоленский пленбеж: создание и деятельность. Смоленск, 2000; *Его же*. Миграционная политика в России 1914–1922 гг. Смоленск, 2000; *Его же*. Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. Смоленск, 2000.

Красной армии. Однако заметим, что беспартийные беженцы оказывались в Красной армии исключительно по мобилизации, за редким исключением, и, кроме того, дезертиры преследовались государством. Надо иметь в виду и тот факт, что с января 1918 г. советским правительством беженцы были лишены постоянных беженских пайков, введённых в 1915 г., а все прежние организации, занимавшиеся оказанием помощи жертвам войны, были ликвидированы новой властью. В задачи созданной советской организации – Центропленбежа входило оказание помощи беженцам только с момента их посадки в вагоны для реэвакуации, которая, едва начавшись летом 1918 г., была в начале 1919 г. приостановлена. Такая политика по отношению к беженцам не могла способствовать позитивному их отношению к советской власти, что выразилось в массовых стихийных отъездах сразу после заключения Брестского мирного договора на родину и в хлебопроизводящие районы России.

По мнению автора, упразднение в конце 1919 г. культурно-просветительных отделов местных органов Центропленбежа объясняется выполнением ими своей основной задачи, состоящей в превращении, в частности, беженцев, ожидавших реэвакуации, в сторонников и защитников советской власти. Отметим, что это мнение автора совпадает с не подкрепленным фактическим материалом мнением партийного руководства Центропленбежа. При этом надо отметить, что становиться, например, вооруженными защитниками советской власти беженский контингент наряду с гражданами Советской России обязал декрет «О всеобщей воинской обязанности», принятый в мае 1918 г., взамен декрета о формировании Красной армии на добровольных началах. Именно этот декрет позволил реально сформировать и пополнять Красную армию, в том числе, и за счёт беженцев, а не деятельность культурно-просветительных отделов местных органов Центропленбежа, показавших, по данным источников, свою полную неэффективность, в том числе, и из-за недостатка денежных средств и подготовленных партийных работников. Говоря о составе Центропленбежа,

И.П. Щеров в своих работах неоднократно упоминает члена Коллегии «К.М. Радек». Надо отметить, что член коллегии с такой фамилией существовал, но с другими инициалами.

Перечисляя функции местных органов Центропленбежа, И.П. Щеров называет оказание материальной помощи беженцам⁷⁴, при этом не поясняя, что помощь эта оказывалась только в процессе реэвакуации. Между тем, это означает, что беженцы в период длительного ожидания своей очереди на реэвакуацию не получали ни государственных пособий, ни другой реальной материальной помощи и были предоставлены самим себе. Можно добавить, что вопрос о пособиях, по инициативе местных органов Центропленбежа, обсуждался СНК, но в итоге так и не был решен положительно. Среди причин, по которым СНК начал ликвидацию пленбежей, автор выделяет резкое сокращение численности контингента, подлежащего реэвакуации, финансовый и продовольственный кризис, разразившийся в Советской России в 1921 – 1922 гг.⁷⁵ При этом автор не анализирует причины резкого сокращения численности беженцев, подлежащих реэвакуации. Между тем, эти причины имеют прямую связь с политикой большевиков и руководимого ими Центропленбежа в отношении беженцев. Отмечая, что на момент ликвидации пленбежей в стране оставались беженцы, автор не указал, как эта ликвидация отразилась на общих сроках проведения реэвакуации и когда этот процесс вообще был закончен. И.П. Щеров считает, что советское правительство стремилось «выполнить во что бы то ни стало все взятые на себя международные обязательства по реэвакуации беженцев», и в то же время отмечает, что руководство страны прибегало к активной агитации против репатриации с целью «во что бы то ни стало оставить беженцев на прежних рабочих местах»⁷⁶.

Правовое регулирование, организацию работы и результаты деятельности аппаратов по делам пленных и беженцев в составе НКВД РСФСР в 1918–1923

⁷⁴ *Его же*. Военная миграция в России в 1914–1922 гг.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2001.

⁷⁵ Там же. С. 24.

⁷⁶ Там же. С. 29.

гг. анализирует в кандидатской диссертации М.А. Засыпкин⁷⁷. Характеристика правового положения беженцев являлась одной из исследовательских задач автора. При этом автор не анализирует важнейшие законодательные акты, касающиеся прав беженцев в Советской России, например, декрет СНК от 21 июня 1918 г. в дополнение декрета об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев⁷⁸. Согласно этому декрету беженцы подлежали ведению и попечению Центральной коллегии по делам пленных и беженцев лишь с момента их реэвакуации. Возникает вопрос, в чьем же ведении находились беженцы на территории Советской России до указанного момента? Выпало из поля зрения М.А. Засыпкина и такое судьбоносное постановление НКВД от 21 марта 1918 г., в котором говорилось о прекращении с 1 января 1918 г. выдачи казённого беженского пайка⁷⁹. Указанные нормативно-правовые акты однозначно и прямо вели к ухудшению материального положения беженцев в условиях отсутствия на тот момент их плановой реэвакуации и способствовали стихийному движению как к западным границам, так и в юго-восточные производящие районы. Кроме всего прочего, для поимки беженцев, уезжающих самостоятельно, выставлялись заградительные отряды, которые в случае поимки отбирали у беженцев документы и направляли их на принудительные работы⁸⁰. Декрет СНК «Об использовании рабочей силы беженцев» от 19 сентября 1919 г.⁸¹, создававший препятствия в осуществлении права на реэвакуацию беженцам, зарегистрировавшимся и поступившим в распоряжение отделов труда, был оставлен исследователем без внимания. Не анализировались им и нарушавшие права беженцев секретные циркуляры НКВД и Центрэвака, идущие вразрез с международными соглашениями по реэвакуации беженцев. Из работы не ясно, какие цели преследовала власть,

⁷⁷ Засыпкин М.А. Организационно-правовые основы деятельности НКВД РСФСР по решению проблемы беженцев (1918–1923 гг.): дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

⁷⁸ Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 462–463.

⁷⁹ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 30–31.

⁸⁰ См.: Силина И.Г., Щетинина А.С. Вынужденные мигранты в Алтайском регионе в первые годы Советской власти: национальные, правовые, социальные аспекты // Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы. Барнаул, 2005. С. 139.

⁸¹ Декреты Советской власти. М., 1973. Т. 6. С. 122–123.

издавая декрет от 27 июля 1918 г. «Об уравнивании беженцев, оставшихся в российском гражданстве, с остальными гражданами республики»⁸², и какие права в результате получили беженцы. Автор также не отразил результаты деятельности «аппаратов пленбежей» в соответствии с декретом СНК от 28 января 1919 г. «Об обязанностях Центральной коллегии о пленных и беженцев по отношению к беженцам, подлежащим реэвакуации». Очевидно, что невозможно объективно оценить правовое положение беженцев, не проанализировав важнейшие законодательные акты, определявшие это положение. В данном случае речь идёт о нормативно-правовых актах, декларировавших права беженцев в Советской Республике и вместе с тем реально ущемлявших эти права.

Проблеме большевистской пропаганды, осуществлявшейся с привлечением латышей-коммунистов, уделяют внимание уже упоминавшиеся латвийские историки Т. Бартеле и В. Шалда, которые считают, что после смены власти в России как в феврале, так и в октябре 1917 г., основная масса беженцев была настроена на немедленное возвращение на родину⁸³. По мнению авторов, беспартийные латыши различными способами старались избежать призывов в Красную армию, чтобы не участвовать в противоборстве «красных» и «белых». Рассматривая стихийный отъезд беженцев в 1918 г., после заключения Брестского мира, а также различные административные препоны, чинимые на их пути советскими властями, авторы отмечают, что в отдельных регионах местные органы власти, наоборот, способствовали репатриации⁸⁴. Латышские партийные деятели, выполняя поручение советского партийного руководства, отмену беженских пособий объясняли беженцам тем, что их приравнивали к гражданам России, которые беженских пособий не получали. Латышские коммунисты участвовали и в ликвидации прежних латышских организаций помощи беженцам. В 1920–1921 гг. в Латвии было зарегистрировано 197 114

⁸² Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 103.

⁸³ Бартеле Т., Шалда В. Указ. соч.

⁸⁴ Там же. С. 26.

репатриантов из России. В СССР осталось более 200 тыс. латышей-сторонников большевистских идей, колонистов, лиц, утеревших связь с родиной⁸⁵.

Февральская революция вызвала процессы самоорганизации белорусских беженцев, отмечает в работе В.С. Утгоф⁸⁶. Выборным путём стали создаваться Советы беженцев. В Советской России взамен ликвидированной системы попечения о беженцах создали систему по организации возвращения беженцев на родину, а вместо независимых национальных организаций был создан Белорусский национальный комиссариат в составе Народного комиссариата по делам национальностей, принимавший участие в разгроме этих организаций. Советское правительство, по заключению автора, мало заботилось о беженцах, поэтому, когда им в 1921 г. предстояло возвращаться уже в другую страну, «большинство белорусов вернулось на места своего прежнего проживания в Польскую Республику вопреки советской агитации за невозвращение»⁸⁷. Исследование изменения национальной идентичности белорусских беженцев, по мнению автора, показало, что белорусские национальные группы в России пребывали в новой этнической среде, и это способствовало осознанию ими собственно национального отличия. Основным признаком этого отличия – белорусский язык⁸⁸.

Нормативная база Российской империи, по мнению Л.Н. Жванко, была взята за основу при организации помощи беженцам в Украинской Народной Республике (УНР) и Украинской Державе гетмана П. Скоропадского. Несомненным достижением УНР стало, отмечает исследователь, выступление украинской делегации на переговорах в Брест-Литовске с инициативой по межгосударственному урегулированию вопроса репатриации беженцев, и это

⁸⁵ Там же. С. 28–29.

⁸⁶ Утгоф В.С. Указ. соч.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

произошло впервые в дипломатической практике Европы⁸⁹. По заключению автора, основная масса беженцев, находившихся на украинских территориях, смогла вернуться на родину после заключения сепаратного Брестского мира, с апреля по декабрь 1918 г., в период оккупации Украины немецкими и австро-венгерскими войсками⁹⁰.

С середины 1990-х гг. стали появляться работы об открытии в различных регионах страны в 1919 – 1920 гг. концентрационных лагерей принудительных работ. Исследователи отмечают, что контингент этих лагерей составляли, в том числе, и беженцы Первой мировой войны⁹¹.

В 2012 г. вышла статья «Российское беженство 1914–1922 гг. в контекстах новейших отечественной и зарубежной историографий», подготовленная при поддержке РГНФ авторским коллективом⁹². Что касается хронологических рамок статьи, отметим, что нижняя граница – это, как известно, начало беженства как явления, но почему верхней границей является 1922 г., если конец российскому беженству был положен решением центральной власти в 1925 г.? Указывая на специфику отечественной и зарубежной традиций исследования ретроспективной тематики, авторы отмечают, что эти различия прежде всего обусловлены различиями теоретико-методологических подходов и культур. Авторы справедливо сетуют, что до сих пор «отечественные эксперты <...> не устроили деятельности Пленбежа по-настоящему экспертную проверку», но, с нашей точки зрения, здесь следует

⁸⁹ Жванко Л. М. Перша світова війна: біженці в Україні (1914–1918 рр.) - Рукопис. Автореферат на здобуття наукового ступеня доктора історичних наук. Харків, 2013. С. 25.

⁹⁰ Жванко Л. М. Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 рр.): монографія. Харків, 2012. С. 435.

⁹¹ Белова И.Б. Концентрационные лагеря принудительных работ в Советской России: 1919–1923 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Часть. I. С. 32–37; Силина И.Г., Щетинина А.С. Вынужденные мигранты в Алтайском регионе в первые годы Советской власти: национальные, правовые, социальные аспекты // Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы. Барнаул, 2005. С. 138.

⁹² Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А. Российское беженство 1914–1922 гг. в контекстах новейших отечественной и зарубежной историографий // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2012. № 3 (20).

добавить – и деятельности большевистского руководства тоже, чью политику и проводил в жизнь Центропленбеж.

Таким образом, историография беженства Первой мировой войны начала складываться в России лишь в 90-е гг. XX в. В настоящее время можно отметить, что отечественная историография обогатилась исследованиями, отражающими успешную деятельность власти и общества Российской империи по осуществлению в предельно короткие сроки эвакуации, размещения и обеспечения нужд миллионов беженцев из прифронтовых районов, вынужденно, в связи с военными обстоятельствами, покинувших свои родные места, что позволило предотвратить «хаос неконтролируемого перемещения». При этом массовое беженское движение 1915 г. из-за своих значительных масштабов и интенсивности, несмотря на принятые государством меры поддержки пришедшего в движение населения, не обошлось без людских потерь. Сегодня отечественная историография располагает рядом работ, в которых признается правомерность и обоснованность выселения военными властями лиц еврейской национальности из западных губерний, объявленных состоявшими на театре военных действий.

В результате проведенных исследований установлено, что имперская система попечения о беженцах была ликвидирована большевиками с одновременным созданием эвакуационных органов. При этом гарантированная беженцам реэвакуация из Советской России длилась с 1918 по 1925 гг. Историки-демографы отмечают, что данные отечественной историографии о численности беженцев Первой мировой войны (от 5 до более 7, 5 млн человек) хоть и являются неточными, но в то же время отражают масштабы беженства. Исследователям ещё предстоит дать оценку политике, проводимой советским правительством, Центропленбежем и преемниками этой организации по отношению к беженцам, сравнительную характеристику положения беженцев и военнопленных в имперской и Советской России. Необходимо проанализировать воспоминания, оставленные беженцами, в которых они высказали свое отношение к заботе, проявленной о них в дореволюционной и

Советской России. Необходимость дальнейшей разработки проблемы беженства Первой мировой войны подтверждает и тот факт, что в 4-х томном капитальном исследовании «Мировые войны XX века» этой проблеме посвящено неполных полстраницы⁹³.

* * *

Число оказавшихся в плену за годы Первой мировой войны превосходит общее количество военнопленных за весь учтённый предшествующий период времени. В плену оказался каждый девятый от общей численности мобилизованных⁹⁴. Ещё современники событий Первой мировой войны положили начало осмыслению проблемы военного плена: с 1915 г. стали появляться такие источники, как сборники нормативно-правовых актов, определявших положение военнопленных в Российской империи, воспоминания переживших ужасы плена. Первый этап изучения военного плена соответствует советскому периоду отечественной историографии. В 1920 г. была издана книга Н.М. Жданова «Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг.». В исследовании, кроме русских военнопленных, автор уделил внимание вопросу размещения вражеских военнопленных на территории России, осветил работу Русско-Германской и Русско-Австрийской смешанных комиссий по обмену военнопленными, созданных в 1918 г., после заключения Брестского мира⁹⁵.

Основным направлением исследований советских и зарубежных авторов левой социалистической ориентации была история интернациональных формирований из бывших военнопленных, принимавших участие в Октябрьской революции и Гражданской войне в России⁹⁶. К примеру, немецкий

⁹³ См.: Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война: Ист. очерк / Отв. ред. Г.Д. Шкундин. М., 2002. С. 371.

⁹⁴ Степанов А.И. Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 1. Первая мировая война: Ист. очерк / Отв. ред. Г.Д. Шкундин. М., 2002. С. 629.

⁹⁵ Жданов Н.М. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. Часть I, II и III. М., 1920.

⁹⁶ См., например: Весенин Е., Светлов А. Миллионы друзей. М., 1940; Голуб П. Братство, скрепленное кровью. М., 1958; Комарова Ф.А. Интернационалисты зарубежных стран в борьбе за власть Советов в России. М., 1958; Жаров Л.И., Устинов В.М. Интернациональные

историк С. Штригниц выделила несколько периодов революционного интернационального движения среди немецких военнопленных в Советской России⁹⁷. *Первый* – с 1915/1916 гг. по февраль 1917 г.; *второй* – с февраля по октябрь 1917 г.; *третий* – с октября 1917 до Брестского мира; *четвертый* – с марта 1918 г. до революции в Германии, начавшейся в ноябре 1918 г. Автор характеризует *четвертый* период, отмечая, что в это время была образована немецкая коммунистическая группа, вошедшая в Центральную Федерацию иностранных групп при ЦК РКП (б). Федерация взяла на себя руководство интернациональным движением в Советской России. В ноябре 1918 г. в России были организованы Советы военнопленных, или зарубежных рабочих, вместо иностранных посольств, консульств и миссий как революционное представительство широких масс военнопленных. Коммунистические группы, включая немецкие, осуществляли идейно-политическое руководство этими Советами при поддержке партии большевиков и советских органов. *Пятым* периодом революционного интернационального движения, по мнению автора, стало развитие революционного движения в Европе в марте-июле 1919 г. В этот период штаб Федерации иностранных групп был перенесен в Киев в связи с

части в боях за власть Советов. М., 1960; Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965; *Ананьев В.И.* В борьбе рожденное братство. Челябинск, 1966; Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов. М., 1967; *Краснов В.Г.* Интернационалисты на фронтах гражданской войны. М., 1989; Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970; *Яковлев Л.И.* Интернациональная солидарность трудящихся зарубежных стран с народами Советской России. 1917–1922. М., 1964; *Данилов В.А.* Интернационалисты на Урале и в Сибири. Свердловск, 1972; *Vofške H.* Über die Teilnahme deutscher Arbeiter und Soldaten an der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution und am Bürgerkrieg in Sowjetrußland 1918–1920 // BZG, 1959. Nr. 4; *Kulinytsch I., Koschyk M.* Die deutsche Spartakusgruppe in der Ukraine 1918-1919. Berlin, 1961; *Dix R.* Deutsche Internationalisten in der Großen Socialistischen Oktoberrevolution. Über die Teilnahme deutscher Arbeiter und Bauern an der Errichtung und Verteidigung der Sowjetmacht in den Jahren 1917–1920. Berlin, 1967; *Dix R., Striegnitz S.* Deutsche Internationalisten im Kampf für die Sowjetmacht 1917-1920 // Die Großen Socialistischen Oktoberrevolution und Deutschland. Bd. 2. Berlin, 1967; *Spiru B.* Zur deutsch-sowjetischen Kampfgemeinschaft und Waffenbrüderschaft in Rußland in der Periode der Großen Socialistischen Oktoberrevolution (1917-1920) im Lichte der sowjetischen Geschichtswissenschaft // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volks demokratischen Länder Europas. Bd. 11. Berlin, 1967; *Stenzel E.* Deutsche Internationalisten der sowjetischen Westfront 1919 // BZG, 1967. Nr. 5; *Striegnitz S.* Deutsche Internationalisten in Sowjetrußland 1917-1918. Proletarische Solidarität im Kampf um die Sowjetmacht. Berlin, 1979; и др.

⁹⁷ *Striegnitz Sonja.* Deutsche Internationalisten in Sowjetrußland 1917-1918. Proletarische Solidarität im Kampf um die Sowjetmacht. Berlin, 1979.

образованием Венгерской и Словацкой Советских Республик и движением Красной армии на Украину. Немецкие коммунисты занимались вербовкой воинов-интернационалистов для Советской Венгрии, а также для Красной армии, боровшейся с белыми. Немецкие коммунисты редактировали созданную в апреле 1918 г. немецкоязычную газету «Всемирная революция». Шестой период деятельности зарубежных коммунистов и интернационалистов в Советской России – это август 1919 - март 1920 г. В это время штаб Федерации Иностраных коммунистических групп переместился из Киева снова в Москву. Немецкие коммунисты занимались агитацией военнопленных, направленной на борьбу с белогвардейскими вооруженными формированиями, а затем на подъем советской экономики⁹⁸.

Анализу работ советских историков по проблеме военнопленных-интернационалистов посвящены статьи советского историка И. Муратова и современного исследователя Н.В. Суржиковой. Основной вывод И. Муратова состоит в том, что, кроме марксистских групп, в лагерях военнопленных действовали и другие политические организации, стремившиеся захватить идейное руководство военнопленными в свои руки. Данные же о количественном составе интернациональных формирований автор считает «очень приблизительными» и «нуждающимися в уточнении»⁹⁹. Н.В. Суржикова отмечает, что советские историки, «занимаясь поисками классового сознания у пленных», считали случаи отказов от работ доказательствами наличия у пленных классового сознания. Историк берёт под сомнение утверждение о безусловной добровольности и осознанности участия беспартийных пленных в защите завоеваний революции, когда из центра поступали требования организовать выступления военнопленных под «правильными» лозунгами, например, «долой войну!». Н.В. Суржикова полагает, что статистические данные о партийности военнопленных-иностранцев в Сибири являются

⁹⁸ Там же. С. 229–231.

⁹⁹ Муратов И. Из истории интернациональных формирований в СССР в 1918 – 1922 годах (Обзор литературы) // Военно-исторический журнал (далее – ВИЖ). 1960. № 5. С. 95–102.

«довольно скромными», что массовость военно-революционных выступлений военнопленных требует точной оценки¹⁰⁰.

Советскими историками затрагивались и другие аспекты проблемы неприятельских военнопленных, но в качестве исключения и в «непрофильных» работах. Так, в монографии А.М. Анфимова¹⁰¹ приведены данные Особого совещания по обороне об использовании труда военнопленных различными министерствами, из которых следует, что министерство земледелия имело 57,4 %, министерство торговли и промышленности – 17,9 %, министерство путей сообщения – 12,6 % от количества работавших военнопленных, составлявшего на 1 сентября 1916 г. 818 140 человек (100 %)¹⁰². Пленные, по мнению автора, заменяли призванных в армию, а с другой – использование труда пленных способствовало отливу рабочей силы из сельского хозяйства¹⁰³.

Вопрос, нашедший отражение в ряде исследований как советского, так и постсоветского периода – численность вражеских военнопленных. Н.М. Жданов привел данные Центрального комитета по делам военнопленных об общей численности иностранных военнопленных в России на конец войны: 1 782 966 человек, в том числе австро-венгерской армии – 1 587 099; германской – 152 760; турецкой – 42 988; болгарской – 199 человек. При этом Н.М. Жданов отмечает, что точных сведений о численности военнопленных в России не было в течение всех лет войны¹⁰⁴, а согласно картотеке Центрального Справочного Бюро, общая численность иностранных военнопленных составляла 1 950 113 чел.

¹⁰⁰ Суржикова Н.В. Военнопленные-интернационалисты и Гражданская война на востоке России в зеркале советской историографии. [Электронный ресурс]: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Гражданская война на Востоке России». Пенза, 2008. URL: [http://www.permgani.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii-n-v-surzhikova-voennoplennye-internatsionalisty-i-grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii-v-zerkale-sovetskoj-istoriografii.html](http://www.permgani.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/n-v-surzhikova-voennoplennye-internatsionalisty-i-grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii-v-zerkale-sovetskoj-istoriografii.html) (дата обращения: 20.10.2013).

¹⁰¹ Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962.

¹⁰² Там же. С. 95.

¹⁰³ Там же. С. 95, 103–104, 194–195.

¹⁰⁴ Жданов Н. М. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. Часть I, II и III. М., 1920. С. 281.

Е.З. Волков также называет разные данные о численности вражеских военнопленных – это 1 961, 0 тыс. и 2 467, 0 тыс.¹⁰⁵ Более точной он считает последнюю цифру и исходя из неё высчитывает процент распределения военнопленных по территории России к 1 января 1918 г.: 87, 9 % в Европейской части; 8, 9 % на Северном Кавказе; 2,3 % в Сибирском крае; 0,9 % на Дальнем Востоке¹⁰⁶. И. Шнейдер численность военнопленных в России определяет приблизительно в 2 млн человек, из них австро-венгерской армии – 1 724 тыс., германской – 187 тыс., турецкой и болгарской – 50 тыс.¹⁰⁷; он ссылается на «точные статистические сводки», но не указывает конкретный источник. А.Н. Попов приводит данные о численности иностранных военнопленных в России со ссылкой на первое издание Большой Советской энциклопедии – 2,3 млн пленных австро-венгерской и турецкой армий и 167 тыс. немецкой¹⁰⁸, а также на данные Международного Красного Креста – 2 342 378 человек¹⁰⁹. Ю.А. Поляков, ссылаясь на сборник «Интернационалисты»¹¹⁰, приводит численность иностранных военнопленных по данным Международного Красного Креста – более 2,3 млн чел. и по данным Центропленбежа – более 2,1 млн чел.¹¹¹

В постсоветской историографии вопрос о численности вражеских и русских военнопленных Первой мировой войны освещен в работах А.И. Степанова. Исследователь отмечает, что русская армия взяла в плен около 2 млн солдат, из них 159 390 немцев, 1 736 764 солдат австро-венгерской армии, 64 509 турок, 670 болгар. Из этих пленных к концу 1917 г. был сформирован чехословацкий, польский и сербский легионы, всего 157 тыс. человек. В 1918 г.

¹⁰⁵ Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет / Предисл. С.Г. Струмилина. М.-Л., 1930. С. 75–76.

¹⁰⁶ Там же. С. 76–77.

¹⁰⁷ Шнейдер И. Революционное движение среди военнопленных в России 1915–1919 гг. // Борьба классов. 1935. № 3. С. 54; В статье также имеются данные о количестве лагерей военнопленных (410), военно-промышленных предприятий, на которых использовался труд военнопленных (1 357), казённых мастерских в Европейской России и Сибири с Туркестаном (112 и 59 соответственно).

¹⁰⁸ Попов Н.А. Революционные выступления военнопленных в России в годы Первой мировой войны // ВИ. 1963. № 2. С. 76–87.

¹⁰⁹ Там же. С. 77.

¹¹⁰ Интернационалисты. М., 1967.

¹¹¹ Поляков Ю.А. Историческая наука: Люди и проблемы. Книга 3. М., 2009. С. 86.

в рядах красных и белых сражались 127 тыс. legionеров из бывших военнопленных и 300 тыс. интернационалистов¹¹². По нашему мнению, численность вражеских военнопленных, взятых в плен русской армией, составляет примерно 2 млн человек¹¹³.

Численность турецких военнопленных, находившихся на территории России в период Первой мировой войны, исследовал В.В. Познахирев¹¹⁴. По его данным, из 64, 5 тыс. турецких военнослужащих, взятых в плен русской армией, во внутренних военных округах (ВО) находились 11 тыс., а все остальные – в пределах Кавказского ВО¹¹⁵.

Важным направлением исследований советского и постсоветского периода было изучение *отдельных аспектов* деятельности советских эвакуационных органов. Работу органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев (Центропленбеж) по идейно-политическому воспитанию вражеских военнопленных рассматривают в одной из своих работ Э.П. Нечаева и С.В. Лившиц¹¹⁶. Они отмечают, что военнопленным Четверного союза с начала 1918 г. была предоставлена свобода, но т.к. миллионы русских военнопленных находились в плену, то власти снова стали собирать в лагерях и казармах бывших пленных, которые ещё не успели уехать на родину, воспользовавшись предоставленной «совершенной свободой». Эта мера, по мнению соавторов, даже вызвала «некоторые нарекания» со стороны военнопленных интернационалистов, усмотревших здесь отступление от социалистических принципов советской власти. С 1 апреля 1918 г. пленным предоставили возможность стать свободными гражданами России, переменяв гражданство.

¹¹² Степанов А.И. Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века, в 4 книгах, кн. 1. Первая мировая война: Исторический очерк / Отв. редактор Г.Д. Шкундин. М., 2002. С. 630.

¹¹³ Посчитано по: Акт передачи картотеки бывших военнопленных Четверного союза от 9 октября 1924 г. // ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 170 а. Л. 79–80.

¹¹⁴ Познахирев В.В. Документы федеральных и региональных архивов об использовании труда турецких военнопленных периода Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Отечественные архивы. 2013. № 2. С. 54–62.

¹¹⁵ Там же. С. 58, 59.

¹¹⁶ Нечаева Э.П., Лившиц С.В. Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по идейно-политическому воспитанию военнопленных Центральными державами в 1918–1920 гг. Депонированная рукопись. Куйбышев, 1982.

Историки в качестве примера приводят абсолютные цифры количества военнопленных в Казани, Симбирске и Саратове, пожелавших принять советское гражданство – 69, 168 и 260 человек соответственно. Многие военнопленные, как считают Э.П. Нечаева и С.В. Лившиц, поддавались на «провокации контрреволюционеров», что свидетельствовало о необходимости проведения серьезной работы с ними «по овладению марксизмом-ленинизмом». Проводимые органами Центропланбежа интернациональные митинги являлись, по мнению авторов, замечательной школой устной агитации и пропаганды. В качестве подтверждения эффективности политической работы приводятся данные об организации в 1918 г. отряда интернационалистов в Самаре и Пензе, в последней – численностью 100 человек. Как полагают соавторы, привлечение военнопленных к восстановлению разрушенного хозяйства имело на них «революционизирующее воздействие». Деятельность иностранных комиссий попечения о пленных в России авторами называется «подрывной работой среди военнопленных» в целях шпионажа, диверсий и дезорганизации работы органов Центропланбежа. Заключительный вывод авторов состоит в том, что органы Центропланбежа, руководимые партией большевиков, проводя идейно-политическую работу среди военнопленных, содействовали упрочению советской власти в России и активизации революционного движения за её пределами¹¹⁷.

Проблему большевистской пропаганды среди военнопленных и создания красногвардейских отрядов интернационалистов-военнопленных затрагивает ещё ряд таких советских авторов, как И. Шнейдер, А.Н. Попов, М.А. Мулюков и И.Р. Тагиров. Так, по мнению И. Шнейдера, создание интернациональных вооружённых формирований из военнопленных находилось в «крепких руках коммунистов»¹¹⁸. Автор приводит примеры создания интернациональных вооружённых отрядов в декабре 1919 г. в Иркутске, Черемхове и

¹¹⁷ Так же. С. 16.

¹¹⁸ *Шнейдер И.* Революционное движение среди военнопленных...

Красноярске¹¹⁹. История создания в Советской России Центрального комиссариата по делам мусульман вместо упраздненного Всероссийского мусульманского Совета отражена в книге М.А. Мулюкова и И.Р. Тагирова¹²⁰. Авторами отмечается, что комиссариат развернул деятельность по пропаганде и агитации среди турецких военнопленных по примеру интернациональных частей из военнопленных-уроженцев Западной Европы. Правительство Турции, как показано в работе, неоднократно выражало протест по поводу вовлечения турецких подданных в революционную деятельность. А.Н. Попов отмечает, что не располагает документальным материалом, чтобы говорить о деятельности революционных групп военнопленных в 1915 – 1916 гг., но выражает уверенность, что такие группы были, была и связь с большевиками иностранных коммунистов – Бела Куна и других, с целью проведения революционной агитации среди военнопленных¹²¹. Одновременно, по мнению А.Н. Попова, и агентам империализма всё-таки удалось охватить своей антисоветской пропагандой определенный круг военнопленных¹²².

Анализирует деятельность Центропленбежа по пропаганде и агитации среди военнопленных и беженцев и выделяет её основные направления современный исследователь М.В. Веселов¹²³. В его работе, в частности, отмечается, что более 20 тыс. иностранных военнопленных и беженцев-членов различных революционных организаций в России были отправлены на родину в 1918 г. для распространения идей мира, свободы и равноправия, что в Красную армию вступило более 50 тыс. военнопленных. По мнению исследователя, к концу 1918 г. благодаря усилиям Центропленбежа большая часть «временно находившихся» на территории страны была реэвакуирована в

¹¹⁹ Там же. С. 60.

¹²⁰ *Мулюков М.А., Тагиров И.Р.* Мулланур Вахитов. Жизнь и деятельность пламенного революционера-ленинца. Казань, 1985.

¹²¹ *Попов Н.А.* Революционные выступления военнопленных в России в годы Первой мировой войны // ВИ. 1963. № 2. С. 76–87.

¹²² Там же. С. 87.

¹²³ *Веселов М.В.* Военно-политическая деятельность И.С. Уншлихта (1918–1930 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1991.

свои государства¹²⁴. Отметим со своей стороны, что массовое возвращение на родину в 1918 г. как русских, так и иностранных военнопленных было вызвано революционными событиями в Центральных государствах, а не усилиями Центропленбежа. Этот процесс имел стихийный характер¹²⁵.

Некоторые вопросы, связанные с деятельностью Центропленбежа освещает в работе «Военная миграция в России в 1914–1922» смоленский историк И.П. Щеров, уже упоминавшейся нами в контексте историографии проблемы беженцев,¹²⁶. Говоря о политико-массовой работе пленбежей в России в 1918–1922 г., он отмечает, что в стране издавались специальные газеты на иностранных языках, которых в 1918 г. было издано 4 700 тыс. экз. И.П. Щеров приходит к выводу о позитивном отношении мигрантов к советской власти, т.к. значительная их часть служила в Красной армии «добровольно или по мобилизации»¹²⁷. Заметим, что не менее значительная часть иностранных военнопленных служила в Белой армии, а ещё более значительная часть пленных предпочла не участвовать в Гражданской войне. Тем не менее автор утверждает, что мигранты, не участвовавшие в военных действиях, «в основном являлись убеждёнными проводниками идей большевизма среди мирного населения страны»¹²⁸. Это утверждение, к сожалению, не подкрепляется доказательной базой. И.П. Щеров особо подчеркивает, что его материал о работе коллегий по делам пленных и беженцев является новой страницей в российской историографии, т.к. «материал о вышеуказанных советских организациях – “белое пятно” в изучении истории Гражданской войны в России»¹²⁹. Однако, следует отметить, что материал о работе органов Центропленбежа не является «новой страницей» в отечественной историографии, т.к. в трёх работах исследователей Э.П. Нечаевой и С.В.

¹²⁴ Там же. С. 17.

¹²⁵ См.: Белова И.Б. Долгая дорога домой // ВИЖ. 2013. № 1. С. 68–71.

¹²⁶ Щеров И.П. Военная миграция в России в 1914–1922: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2001.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же. С. 19.

Лившица, выполненных в 1982 г. в одной из областей Поволжья (г. Куйбышев) освещается эвакуационная и идейно-политическая работа органов Центропленбежа среди русских и иностранных военнопленных. (Указанный район Поволжья включен И.П. Щеровым в территориальные рамки своего исследования). Авторы приводят историю создания Центропленбежа, изначальный состав руководства этой организации, её структуру. Отражен процесс организации местных органов Центропленбежа, правовое обеспечение их деятельности, круг обязанностей¹³⁰.

Взаимоотношения советских органов управления и военнопленных противника в 1917–1922 гг. исследует А.П. Исаев. Работу по созданию вооруженных формирований для защиты Советской власти в период Гражданской войны автор считает основной. Отправляя иностранных военнопленных на родину, российские власти, по мнению автора, умело использовали их для пропаганды своих революционных замыслов. По примерным подсчётам автора в 1918 – 1920 гг. органам управления страны удалось обеспечить выезд из страны 1 млн иностранных военнопленных, т.е. почти половины их общего числа. По мнению исследователя, это говорит о том, что управленческие структуры работали слаженно и высокоэффективно. Заметим, что с ноября 1918 г., после аннулирования Брестского мирного договора и до заключения (начиная с 1920 г.) соответствующих международных соглашений, обмен военнопленными не производился, поэтому отъезд большинства вражеских военнопленных в указанный период имел в основном неорганизованный характер, следовательно, о «слаженной и высокоорганизованной» работе советских управленческих структур говорить не приходится.

¹³⁰ *Нечаева Э.П., Лившиц С.В.* Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по возвращению военнопленных русской армии в 1918–1920 гг. Куйбышев, 1982. Депонированная рукопись; *Их же.* Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по идейно-политическому воспитанию военнопленных Центральных держав в 1918–1920 гг. Депонированная рукопись. Куйбышев, 1982; *Их же.* Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по идейно-политическому воспитанию русских военнопленных, возвратившихся на родину (1918–1920 гг.). Куйбышев, 1982. Депонированная рукопись.

Разработка таких вопросов, как правовое положение иностранных военнопленных Первой мировой войны в имперской и советской России, условия их труда и повседневной жизни в плену, активно началась отечественными историками с конца 1990-х годов. Следует отметить работы С.Н. Васильевой¹³¹, ставшие одними из первых по данной проблеме, в которых освещены вопросы управления лагерями, размещения военнопленных, в т.ч. преимущественного расселения военнопленных славянских национальностей в Европейской России и Западной Сибири, приводится численность пленных в военных округах¹³². Исследователь анализирует «Положение о военнопленных», определявшее правовой статус пленных и делает вывод, что Россия предоставила военнопленным права, полностью соответствовавшие международным нормам. По мнению автора, для «Положения о военнопленных» характерна непроработанность некоторых его статей, что требовало дополнительных распоряжений. Освещая вопрос о привлечении военнопленных к труду, С.Н. Васильева приходит к выводу, что в среднем на работах использовалось около 50 % всех военнопленных, при этом наиболее активно – в 1916–1917 гг.¹³³

Интерес у современных исследователей вызывает вопрос о политике российских властей в отношении военнопленных-славян, а также о вступлении военнопленных в национальные воинские части, формировавшиеся на территории России в период Первой мировой войны. Так, С.А. Солнцева в статье «Военный плен в годы первой мировой войны (новые факты)»¹³⁴, в частности, говорит о привлечении, начиная с 1915 г., военнопленных славян (чехов и словаков) в боевые соединения в составе русской армии при активном участии Союза чехословацких обществ в России. При этом процесс создания

¹³¹ *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны (автореф. канд. дисс.). М., 1998; *Её же.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: учебное пособие к спецкурсу. М., 1999.

¹³² *Её же.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: учебное пособие к спецкурсу. С. 86.

¹³³ Там же. С. 96.

¹³⁴ Например: *Солнцева С.А.* Военный плен в годы первой мировой войны (новые факты) // ВИ. 2000. № 4–5.

проходил негладко, а положение славян в русском плену в центральной России было незавидное по сравнению с немцами и мадьярами, которых отправляли в Сибирь и Туркестан. Автор считает, что, чем хуже были условия содержания военнопленных, тем больше было желающих служить в составе русской армии¹³⁵. В другой статье С.А. Солнцевой отмечается, что политика Временного правительства по отношению к военнопленным продолжала дореволюционную¹³⁶. В марте 1917 г. к работам стали привлекать пленных унтер-офицеров (по примеру Австро-Венгрии и Германии). Для улучшения положения военнопленных-славян 30 июня 1917 г. военный министр А.Ф. Керенский утвердил «Правила, устанавливающие особые льготы для военнопленных чехов, словаков и поляков», согласно которым разрешалась переписка с национальными органами, между лагерями, создание касс взаимопомощи, библиотек, читален и т.п. Офицерам и интеллигенции было разрешено проживание на частных квартирах. Военнопленные-славяне при условии их лояльности и взятия на поруки могли вступать в брак с русскими гражданками¹³⁷.

Созданию воинских формирований из военнопленных-славян в годы Первой мировой войны посвятил ряд статей С.Н. Базанов¹³⁸. Автор отмечает, что особые национальные (чешские, сербские) подразделения в составе русской армии начали формировать главным образом по политическим соображениям, ради активизации национально-освободительного движения против Австро-

¹³⁵ Там же. С. 101–102.

¹³⁶ Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март-октябрь) // ВИ. 2002. № 1.

¹³⁷ Там же. С. 146.

¹³⁸ Базанов С.Н. Военнопленные-славяне в России в годы Первой мировой войны // Труды института Российской истории. Вып. 11. М., 2013. С. 171–184; *Его же*. Формирование добровольческих национальных частей в русской армии в годы Первой мировой войны // Патриотизм – духовный стержень народов России. М., 2006. С. 79–86; *Его же*. Создание воинских формирований из военнопленных-славян в годы Первой мировой войны // Первая мировая война, Версальская система и современность: Сборник статей / отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов. СПб., 2012. С. 103–112; *Его же*. Из истории создания воинских формирований для русской армии из военнопленных-славян в Первой мировой войне // Инвалиды и война. Инвалиды Первой мировой войны: исторические и нравственные уроки: доклады и выступления участников II Международной научно-практической конференции «Инвалиды и война. Инвалиды Первой мировой войны: исторические и нравственные уроки». М., 2013. С. 40–48.

Венгрии. К концу первого года войны военные власти разрешили набирать в такие части добровольцев из военнопленных при условии ручательства за их благонадежность со стороны разрешенных правительством национальных организаций. В результате, была сформирована Чехословацкая дружина, превратившаяся к сентябрю 1917 г. в отдельный Чешско-Словацкий корпус, состоявший из 45 тысяч человек. Сербские военнопленные составляли вначале отряд, а к октябрю 1917 г. был сформирован Сербско-Хорватско-Словенский корпус численностью 30 тыс. человек. Польские соединения появились в январе 1917 г., и к октябрю 1917 г. их численность составляла почти 25 тыс. человек¹³⁹. По мнению С.Н. Базанова, идеологическая политика в отношении военнопленных Царского и Временного правительств имела национальную направленность. Большевики же предпочли классовый подход, отвечавший их внешнеполитическим и внутривнутриполитическим целям. Автор считает, что большинство военнопленных не участвовало в Гражданской войне, некоторые из них служили в Красной армии, другие – в различных антисоветских формированиях.

Итальянский историк С. А. Беллецца, в частности, пишет о том, что из 30 тыс. итальянцев австро-венгерской армии, оказавшихся в русском плену, 15 тыс. отказались воевать против Австро-Венгрии после вступления в мае 1915 г. Италии в войну, т.к. или не хотели воевать, или опасались репрессий в отношении их родных в Австро-Венгрии¹⁴⁰. Эти военнопленные вернулись домой только после окончания войны, при этом часть из них оказалась в исправительных лагерях, организованных на юге Италии. Дававших согласие вступить в итальянскую армию собирали в городе Кирсанове Тамбовской губернии и оттуда отправляли через Архангельск, Британию и Францию в

¹³⁹ *Его же*. Создание воинских формирований из военнопленных-славян в годы Первой мировой войны... С. 110–111.

¹⁴⁰ *Беллецца С. А.* Выбирая свою нацию: национальная и политическая идентичность итальянских военнопленных в России (1914 – 1921 гг.) // Доклад на международной конференции «Россия в Первой мировой войне» 3-5 июня, 2014 г., ВШЭ. [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/folderview?id=0B_tVsiISTizlRHpoS0d6dmVkaTQ&usp=sharing (дата обращения: 01.06.2014)

Италию. После прихода к власти в России большевиков военнопленных итальянцев отправляли в итальянское владение в Китае, где из них формировали части, которые несли службу в тылу чехословацких войск на территории Сибири.

О неохотном вступлении военнопленных в национальные формирования русской армии пишет ряд исследователей. Так, словенский историк П. Свольшак отмечает, что ужесточение отношения к военнопленным часто были связаны с их отказом вступить в национальные легионы, сражавшиеся на стороне России¹⁴¹. В.В. Нигматов, освещая создание национальных воинских подразделений в Воронежской губернии, говорит о том, что воевать в них на стороне России вызвались «немногие» военнопленные-славяне¹⁴². А.Н. Курцев привёл данные о вступлении в добровольческие части, воевавшие на стороне русской армии, лишь «некоторых военнопленных» из находившихся в Центрально-Чернозёмном регионе¹⁴³.

Истории Чехословацкого корпуса, созданного в России по почину организации чехов-колонистов в Российской империи, посвятил статью В.Ж. Цветков¹⁴⁴. В статье отмечается, что в октябре 1914 г. чехословацкая дружина выступила на фронт в составе 3-й армии Юго-Западного фронта и участвовала в Галицийской битве. Было разрешено принимать в ряды дружины военнопленных чехов и словаков. В марте 1918 г. части чехословацкого корпуса действовали вместе с Украинской советской армией против немцев. С мая 1918 г. корпус вёл вооружённую борьбу с красными. По мнению В.Ж.

¹⁴¹ Свольшак П. Словенские военнопленные во время Первой мировой войны // Последняя война Российской Империи. М., 2006. С. 242–244.

¹⁴² Нигматов В.В. Жизнь военнопленных в годы Первой мировой войны на территории Воронежской губернии. – Воронежский вестник архивиста: Научно-информационный бюллетень, вып. 2. Воронеж, 2004. С. 100–108.

¹⁴³ Курцев А.Н. Миграционные процессы репрессивного характера в российском населении в 1861–1917 гг. На примере Центрально-Чернозёмного региона. – Учёные записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3 (19). т. 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=21> (дата обращения: 12.12.2013).

¹⁴⁴ Цветков В.Ж. Мятаж. Чехословацкий корпус на полях Гражданской войны // Родина. 2001. № 6. С. 55–61.

Цветкова, главной причиной «мятежа» Чехословацкого корпуса послужило нарушение советской стороной под давлением Германии соглашения, гарантировавшее чехам и словакам беспрепятственное продвижение к Владивостоку. Участие Чехословацкого корпуса в Гражданской войне рассматривает также А.И. Гергилёва¹⁴⁵. Автор отмечает, что Чехословацкий корпус, заявив о себе в период Гражданской войны в России, действовал совместно с вооруженными формированиями белых в Сибири, Забайкалье и Дальнем Востоке. Личный состав корпуса нёс службу по охране Транссибирской железной дороги, участвовал в подавлении вооруженного восстания военнопленных в Красноярске под руководством венгерских коммунистов летом 1919 г., выполнял другие функции. По мнению автора, немало представителей корпуса поддержало советскую власть.

Особенности положения военнопленных в различных регионах России нашли отражение в монографиях, диссертациях, в том числе докторских, последнего десятилетия¹⁴⁶. Исследователь И.В. Крючков исследует особенности положения военнопленных стран Четверного союза в степных районах Центрального Предкавказья¹⁴⁷. Автор пришел к выводу, что положение военнопленных Германии и её союзников на Ставрополье отличалось в лучшую сторону от их положения в других регионах, так как в Ставропольской губернии имелись значительные запасы продовольствия. Отсутствие в губернии крупной промышленности способствовало тому, что труд основной

¹⁴⁵ Гергилёва А.И. «Многие миллионы людей были вырваны войной из привычной для них обстановки». Чехословацкий корпус и военнопленные Первой мировой войны на территории России // ВИЖ. 2013. № 2. С. 54–60.

¹⁴⁶ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999; Безруков Д.А. Система управления военнопленными и использование их труда в Новгородской губернии. 1914–1918 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2001; Бондаренко Е.Ю. Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956 гг.): дисс. ... докт. ист. наук. Владивосток, 2004; Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914–май 1918): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2005; Гергилёва А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006; Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М., 2014; и др.

¹⁴⁷ Крючков И.В. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны. Ставрополь, 2006.

массы военнопленных применялся на сельскохозяйственных работах, где они находились в распоряжении крестьян, к чему всегда стремились. Падение дисциплины и производительности труда, массовый характер побегов военнопленных как проявление распада сложившейся системы распределения и управления военнопленными исследователь датирует летом 1917 г.

Положение военнопленных на Дальнем Востоке России (1914 – 1918 гг.) стали предметом исследования Т.Я. Иконниковой¹⁴⁸. Автор приводит численность военнопленных на территории Приамурского ВО, которая составляла 40–45 тыс. человек¹⁴⁹. Среди них преобладали немцы как германской, так и австро-венгерской армий. Численность военнопленных турецкой армии, прибывших с Кавказского фронта, по подсчётам автора, составляла 1 936 солдат и 9 офицеров. Из-за эпидемии сыпного тифа погибло 42, 6 % от количества заболевших, составлявшего 915 человек. В работе отмечается, что серьёзные затруднения возникли с организацией охраны военнопленных и вообще с управлением военнопленными из-за нехватки офицерских кадров в гарнизонах¹⁵⁰. В итоге охрану военнопленных возложили на ополченческие части. Питание в лагерях военнопленных было вполне нормальным, как показывали проводимые проверки¹⁵¹. Труд военнопленных применялся во всех отраслях народного хозяйства. С 1916 г. начались массовые отправки военнопленных в Центральные производящие губернии; в нейтральные страны отправляли инвалидов. В результате к июлю 1917 г. на территории Приамурского округа оставалось 13 769 военнопленных, из них 3 936 офицеров. Побег в два раза чаще предпринимались офицерами, бежавшими в Китай, более 70 % беглецов возвращалось в лагерь под строгий арест¹⁵². По мнению Т.Я. Иконниковой, с началом Гражданской войны, следуя

¹⁴⁸ Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004.

¹⁴⁹ Там же. С. 21–22.

¹⁵⁰ Там же. С. 19.

¹⁵¹ Там же. С. 54.

¹⁵² Тема побегов немецких и австро-венгерских военнопленных на родину через страны Скандинавии освещаются в статье И.Н. Новиковой (*Новикова И. Н.* «Россия – страна

стремлению к самосохранению, подавляющее большинство оставшихся в лагерях военнопленных принципиально не вмешивалось в кровавые внутрироссийские события¹⁵³. Массового перехода военнопленных в российское гражданство не наблюдалось¹⁵⁴. С осени 1920 г. военнопленных перевели на «вольное содержание» в связи с закрытием лагерей. Они были объявлены свободными гражданами Дальневосточной Республики. По заключению автора, к середине 1921 г. при помощи иностранных консульств и миссий Красного Креста последние иностранные военнопленные покинули Владивосток¹⁵⁵.

Пребыванию иностранных военнопленных Первой мировой войны на Дальнем Востоке в 1914–1922 гг. посвящены две главы докторской диссертации Е.Ю. Бондаренко¹⁵⁶. Она отмечает, что из 30,5 тыс. военнопленных славяне трудились на сельскохозяйственных работах, а на строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали, шоссейных дорог, в рудниках и на угольных шахтах использовался труд немецких, австрийских, венгерских и турецких военнопленных. Исследователем сделан вывод, что недовольством такой дискриминацией военнопленных-неславян воспользовались в своих целях большевики. В работе показано, что венгерские военнопленные, стремясь освободиться из лагерей, временно вступали в большевистскую партию и Красную армию, их репатриация началась сразу после демобилизации из армии в 1921 г. и продолжалась после окончания Гражданской войны. Отмечается, что основная масса военнопленных чехов и словаков на Дальнем Востоке действовала против советской власти, что два полка были разоружены и заключены в тюрьму, их репатриация из Владивостока началась в 1920 г. и продолжалась, по мнению Е.Ю. Бондаренко, до 1923 г.

контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену...» // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 55–58). Исследователь называет основной причиной побегов ухудшение продовольственного снабжения.

¹⁵³ Там же. С. 161.

¹⁵⁴ Там же. С. 144.

¹⁵⁵ Там же. С. 166.

¹⁵⁶ *Бондаренко Е.Ю.* Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956 гг.): дисс. ... докт. ист. наук. Владивосток, 2004.

Положение военнопленных противника на территории Казанской губернии освещается в статье Д. Люкшина¹⁵⁷. Автор отмечает, что в 1915 г. военнопленные работали на селе в основном в помещичьих экономиях, в 1916 г. – они широко использовались в крестьянских хозяйствах. Обычно крестьяне хорошо кормили своих работников-военнопленных и не проявляли к ним враждебности. Попытки побегов были крайне редкими. В 1917 г., по мнению автора, начались открытые конфликты крестьян с военнопленными, большинство которых бежало в города. Исследователь считает, что советское правительство постаралось избавиться от военнопленных при первой же возможности¹⁵⁸. Заметим, что советское правительство окончательно «избавилось» от военнопленных только в середине 1920–х гг.

Пребыванию военнопленных в годы Первой мировой войны на территории Воронежской губернии посвятил свою работу В.В. Нигматов¹⁵⁹. В ней отражены численность, условия труда и размещения, величина заработной платы, взаимоотношения военнопленных с местным населением. Вопросы размещения и содержания военнопленных Центральных держав на территории степных районов, входивших в Омский военный округ, освещает казахский историк Г.К. Кокебаева. Автор приводит примеры оказания военнопленным материальной помощи со стороны зарубежных организаций¹⁶⁰.

Различные аспекты пребывания военнопленных в Саратовском Поволжье исследует в диссертационной работе А.В. Калякина¹⁶¹. Она отмечает, что максимальная численность военнопленных в регионе в 1916 г. достигла 32 тыс. человек. До 85 % военнопленных распределялись на работы в аграрном

¹⁵⁷ Люкшин Д. Немецкие военнопленные в крестьянской России: особенности межкультурного опыта // Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Оболение власти. Русские и немцы в Первой и второй мировой войнах; под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова, А. Фольперт. М., 2010. С. 723–740.

¹⁵⁸ Там же. С. 729, 732, 736, 737.

¹⁵⁹ Нигматов В.В. Указ. соч. С. 100–108.

¹⁶⁰ Kokeybayeva G.K. Central powers prisoners of war in Russia and their repatriation // European science and technology. October 30th–31st. 2012. Vol. II. P. 35–42.

¹⁶¹ Калякина А.В. Подданные стран-участниц Четверного союза в Саратовском Поволжье (1914–1922 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013.

секторе, преимущественно в мелкие крестьянские хозяйства. До конца 1918 г. помощь иностранным военнопленным оказывали датская и шведская миссии Красного Креста, в основном денежными пособиями, с 1916 до февраля 1917 г. – американское консульство в Москве. В регионе фактически отсутствовал надзор за пленными, им предоставлялась практически неограниченная свобода. Отказы от работ и побегии имели место, но массового характера эти нарушения не принимали. Автор отмечает, что венгерские и немецкие коммунистические ячейки из военнопленных были созданы в феврале 1918 г. в Саратове, Балакове, Царицыне, они боролись с контрреволюционными настроениями в своей среде, занимались вербовкой в Красную армию. Интернациональный отряд военнопленных в Саратовском гарнизоне состоял из 400 человек; в 1921 г. отряд участвовал в подавлении крестьянских восстаний.

Рассматривая пребывание военнопленных на Южном Урале, на примере Оренбургской и Уфимской губерний, Э.С. Идрисова отмечает, что труд военнопленных с 1915 г. применялся в регионе преимущественно в аграрном секторе. Отказы от работ, побегии военнопленных не имели массового характера даже после февральских событий 1917 г.¹⁶² В годы Гражданской войны часть иностранных военнопленных была втянута большевиками в классовую борьбу на Южном Урале, где они с оружием в руках защищали советскую власть. В то же время автор отмечает, что часть иностранных военнопленных оказалась в лагере другой военно-политической силы.

Положение военнопленных на территории Западной Сибири с июля 1914 по март 1918 г., их численный состав, условия размещения, надзора и использования анализируются в работе А.Н. Талапина¹⁶³. Автор определяет количество иностранных военнопленных в Западной Сибири в 150–200 тыс. человек, говорит (вопреки утверждениям многих советских и некоторых современных авторов) об отсутствии свидетельств намеренного лишения

¹⁶² Идрисова Э.О. Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008.

¹⁶³ Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914 – март 1918 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2005.

пленных элементарных человеческих прав, попирая их культурных, бытовых, религиозных обычаев¹⁶⁴. Значительную часть военнопленных в регионе, по мнению автора, составляли славяне, до половины общего состава. Положение пленных до февраля 1917 г. в целом было удовлетворительным¹⁶⁵. А.Н. Талапин отмечает, что с утверждением советской власти в регионе не произошло ни освобождения всех категорий пленных, ни упразднения формально отменённого в Омском военном округе термина «военнопленный»¹⁶⁶. Пленные офицеры стали рассматриваться новой властью как «эксплуататоры, вредно влиявшие на иностранных пролетариев». Контрреволюционных офицеров держали в лагерях. Свобода слова, собраний означала большевистскую агитацию, которая признавалась необходимой, а всякая другая – вредной, контрреволюционной. К охране и наблюдению за группами «контрреволюционных» пленных привлекались вооруженные «революционные» пленные. Вооружённые отряды революционных пленных формировались уже с конца 1917 г.¹⁶⁷

Современные исследователи также обращаются в своих работах к теме лагерной жизни вражеских военнопленных. Так, А.И. Гергилёва считает, что режим в лагерях для военнопленных в Сибири был менее строгим, чем в Центральной России¹⁶⁸. По мнению автора, «большинство военнопленных направлялось на наиболее тяжёлые работы, поэтому не так уж редки были случаи побегов с этих работ, военнопленные широко прибегали к стачкам как средству борьбы за улучшение условий труда. После окончания Гражданской войны военнопленные использовались для ликвидации военной разрухи»¹⁶⁹. Крайне тяжёлые условия жизни иностранных военнопленных в лагерях под Ижевском в 1915–1916 гг. показаны в исследовании В.В. Поликарпова и Н.Е.

¹⁶⁴ Там же. С. 16–17.

¹⁶⁵ Там же. С. 24.

¹⁶⁶ Там же. С. 18.

¹⁶⁷ Там же. С. 22–23.

¹⁶⁸ Гергилёва А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007.

¹⁶⁹ Там же. С. 99–101.

Журбиной¹⁷⁰. Последняя приводит данные немецких официальных информационных бюро по военнопленным о том, что из общего числа попавших в русский плен немцев погибло 9, 97 %, а судьба 33,02 % осталась неизвестной. По сравнению с этими цифрами количество русских военнослужащих, погибших в Германии, составляет 5, 39 %¹⁷¹.

Взаимное восприятие местного населения Енисейской губернии и размещенных на её территории пленных немцев в годы Первой мировой войны исследуется в статье И.П. Павловой и Т.В. Ивлевой¹⁷². Соавторы пришли к выводу, что пленных немцев в Сибири не воспринимали как врагов. По их мнению, «высокой концентрации негативных стереотипов на образе внешнего врага», которую отмечает О.С. Поршнева в целом по России, не наблюдалось. При этом пленные видели в местных жителях представителей менее цивилизованного народа.

Проблеме положения военнопленных Первой мировой войны в Советской России уделяют внимание как отечественные, так и зарубежные историки. Рассматривая советский период плена, Д.А. Безруков отмечает, что большевистское правительство объявило всех военнопленных свободными гражданами, «гостями трудового народа»¹⁷³. Провозглашение свободы, по мнению автора, вызвало массовое неконтролируемое перемещение тысяч военнопленных, стремившихся найти работу и питание или самостоятельно добраться ближе к родине. Всероссийский съезд военнопленных в апреле 1918 г. принял решение «предоставить всем пленным право решать по своему

¹⁷⁰ *Поликарпов В.В.* Военнопленные в лагерях под Ижевском 1915–1916 гг. // *ВИ.* 2007. № 2. С. 94–105; *Журбина Н.Е.* Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // *Вестник ВГУ, серия: лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2008. № 2. С. 230–235.

¹⁷¹ *Журбина Н.Е.* Указ соч. С. 233.

¹⁷² *Павлова И.П., Ивлева Т.В.* «Это люди, как и мы...»: немцы и местное население в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны – взаимное восприятие // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. I. С. 141–144.

¹⁷³ *Безруков Д.А.* Система управления военнопленными и использование их труда в Новгородской губернии 1914–1918 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2001. С. 18.

усмотрению, оставаться ли им в России или возвращаться на родину»¹⁷⁴. Исследователь считает, что большинство военнопленных не пожелало участвовать в Гражданской войне в России.

Австрийские историки Х. Лейдингер и В. Мориц, описывая участие военнопленных Австро-Венгрии в Гражданской войне на территории России, отмечают, что страны Антанты были напуганы перспективой союза Ленина и Гинденбурга, о чём сообщали им агенты¹⁷⁵. Это спровоцировало захват войсками Антанты Владивостока и других российских портов. Большевики объявили военнопленных «братьями русских рабочих». В книге приводится высказывание Бела Куна о том, что интернационалисты в Красной армии к марту 1919 г. составляли 30 – 35 тыс. человек, из них только 15 – 20 % оценивались как идеологически стойкие. Это говорит о том, что вступление в Красную армию было обусловлено стремлением военнопленных не упустить шанс избежать голодной смерти до возвращения на родину. Австрийские историки считают, что роль иностранных военнопленных в Гражданской войне на территории России не следует переоценивать, но не надо и сводить к нулю, особенно в момент формирования Красной армии весной-летом 1918 г., когда боевой опыт и организованность военнопленных оказались наиболее востребованными.

Немецкий исследователь Р. Нахтигаль освещает процесс возвращения домой военнопленных Четверного союза из некоторых регионов России¹⁷⁶. Автор выделяет этапы этого процесса и кратко характеризует их. Неконтролируемое стихийное возвращение в декабре 1917 – июле 1918 гг. Р.

¹⁷⁴ Там же. С. 19.

¹⁷⁵ *Ватлин А.Ю.* Рец. на книгу: Х. Лейдингер, В. Мориц. Плен, революция, возвращение домой. Значение проблемы военнопленных для истории коммунизма в Центральной и Восточной Европе в 1917 – 1920 гг. Вена, 2003 (H.Leideinger, V. Moritz. *Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr. Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920.* Böhlau Verlag, Wien u.a., 2003. 754 S.) // ОИ. 2005. № 4. С. 183–184.

¹⁷⁶ *Nachtigal R.* Die Repatriierung der Mittelmächte-Kriegsgefangenen aus dem revolutionären Rußland. Heimkehr zwischen Agitation, Bürgerkrieg und Intervention 1918–1922 // *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs / Herausgegeben von Jochen Oltmer.* Paderborn, 2006. S. 329–266.

Нахтигаль именует «диким». В этот период уезжали финансово обеспеченные владевшие русским языком имевшие проводников военнопленные¹⁷⁷. В работе отмечается, что большая часть двигалась на родину через Украину¹⁷⁸. Характеризуя репатриацию военнопленных в июле – октябре 1918 г., исследователь приводит данные об иностранных миссиях по репатриации военнопленных, прибывших в Россию¹⁷⁹. Отношение между австро-венгерскими миссиями и Центропленбежем автор называет «очень враждебными»: их сотрудники подвергались незаконным арестам. Центропленбежем с привлечением военнопленных-членов коммунистической партии велась агитация за вступление военнопленных в Красную армию. Пропаганду среди военнопленных об отказе от своего гражданства автор назвал «юридическим фокусом советского руководства». В работе подчёркивается, что основным способом привлечения военнопленных в Красную армию являлось принуждение и лживые обещания большевиков о скором возвращении на родину оказавших помощь советской власти¹⁸⁰. О количестве репатриированных в этот период военнопленных, по мнению автора, точных данных нет, но за весь 1918 г. вернулось около 1 млн военнопленных. В работе отмечается, что обмен военнопленными, прекратившийся с ноября 1918 г., стал возобновляться в 1920 г.; первый обмен состоялся в Нарве. Автор пишет о плохой организации транспортировки, о произволе российских властей, которые не оповещали военнопленных о начавшемся обмене и задерживали здоровых для работ «на стройках социализма», в т.ч. специалистов и офицеров. В 1923 г. немецкие военнопленных ещё отправляли с Украины. Количество умерших или пропавших без вести в России военнопленных Центральных держав, по мнению автора, было приблизительно 40 тыс. человек¹⁸¹. В другой статье Р.

¹⁷⁷ Там же. С. 241.

¹⁷⁸ Там же. С. 245.

¹⁷⁹ Там же. С. 249.

¹⁸⁰ Там же. С. 252–253.

¹⁸¹ Там же. С. 254–255, 265.

Нахтигаль отмечает, что около 90 тыс. военнопленных Четверного союза, в основном венгры, участвовали в Гражданской войне в составе Красной армии¹⁸². По мнению автора, Центропленбеж не столько занимался репатриацией, сколько агитацией. Эта структура проводила линию большевиков на «вовлечение пленных из Центральных держав в революцию»¹⁸³.

В некоторых исследованиях новейшего периода затрагивается вопрос о времени окончания репатриации иностранных военнопленных из Советской России. Так, Д.А. Безруков отмечает, что последние пленные покинули Россию в 1920 г.¹⁸⁴ А.И. Остроухов отождествляет завершение реэвакуации Чехословацкого корпуса 2 сентября 1920 г. с окончанием реэвакуации чешских и словацких военнопленных с территории России¹⁸⁵. С.Н. Васильева, расширяя рамки своего исследования «Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны», затрагивает проблему репатриации военнопленных, отмечая, что последние узники Первой мировой войны были возвращены на родину в течение 1922 г.¹⁸⁶ По мнению А.И. Гергилёвой, в Советской России как законодательное оформление процесса репатриации, так и фактическое возвращение военнопленных на родину было затянуто и продолжалось до 1925 г. Отправляли в первую очередь военнопленных-членов РКП (б) для подготовки мировой социалистической революции¹⁸⁷.

Таким образом, исследователями активно изучаются вопросы правового положения, управления военнопленными противника, их размещения, привлечения к труду, взаимоотношения с местным населением. Имеются работы, посвящённые особенностям положения военнопленных в различных

¹⁸² *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 142–156.

¹⁸³ Там же. С. 152.

¹⁸⁴ *Безруков Д.А.* Указ. соч. С. 13.

¹⁸⁵ *Остроухов А.И.* Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: автореф. дисс. ... канд. наук. М., 2011.

¹⁸⁶ *Васильева С.Н.* Военнопленные...: автореф. дисс. ... канд. наук. М., 1998. С. 22–23.

¹⁸⁷ *Гергилёва А.И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007. С. 99–101.

регионах России преимущественно в имперский период. Тема участия военнопленных-интернационалистов в Октябрьской революции и Гражданской войне в России по-прежнему находит отражение в современных исторических работах, но, если советскими историками были сделаны выводы о поддержке большинством военнопленных идеи мировой революции и защиты революционных завоеваний в России под влиянием большевистской агитации и пропаганды, то с 1990-х гг. исследователями признаётся участие вражеских военнопленных в Гражданской войне в России как на стороне большевиков, так и на стороне антибольшевистских сил, а также тот факт, что большинство военнопленных стремилось избежать участия в российской междоусобице.

В ряде работ освещена тема организации в Российской империи национальных воинских формирований из военнопленных-славян, уделено внимание деятельности Центропленбежа по пропаганде и агитации среди иностранных военнопленных с целью привлечения их к вооруженной борьбе с внутренней и внешней «контрреволюцией». Разные точки зрения имеются относительно общей численности военнопленных, взятых российской армией – от 1,7 до 2,4 млн человек, а также относительно времени окончания репатриации иностранных военнопленных из Советской России – от 1920 до 1925 г.

Обобщая, можно сделать вывод о том, что в отечественной историографии и по сей день отсутствуют работы, посвящённые проблеме репатриации иностранных военнопленных, этому многотрудному и многолетнему процессу и его составляющим – стихийному самостоятельному движению и организованному за счет государства советскими эвакуационными органами. Практически неисследованной является также тема принудительной мобилизации военнопленных в Красную армию России и советской Венгрии; нарушения советской стороной межгосударственных соглашений по обмену военнопленными. Требуется прояснения и вопрос о результатах деятельности среди иностранных военнопленных культурно-просветительных отделов Центропленбежа и аналогичных местных отделов; вопросы о мотивах

вступления иностранных военнопленных в вооруженные формирования Красной и белых армий и перемены гражданства.

* * *

В период Первой мировой войны были изданы работы современников событий, в которых показаны тяжёлые условия существования находившихся в германском и австрийском плену русских солдат и офицеров и поднимался вопрос о необходимости оказания им помощи, публиковались отчёты по обследованию лагерей и воспоминания бывших военнопленных¹⁸⁸. В советский период печатались воспоминания ряда бывших русских военнопленных, после возвращения из плена на родину ставших на платформу советской власти¹⁸⁹. Работой подлинно исследовательского характера о русских военнопленных Первой мировой войны стала книга современника событий, управляющего Российским комитетом Красного Креста, члена Русско-Германской и Русско-Австрийской смешанных комиссий по обмену военнопленными Н.М. Жданова¹⁹⁰. В ней нашла отражение проблема возвращения на родину русских военнопленных. Общее число русских военнопленных в странах германского блока за время войны, как считает автор, достигало 3,5 млн человек¹⁹¹. С начала и до окончания войны Н.М. Жданов вполне обоснованно выделил 5 периодов военного плена. Первый период охватывает время от начала войны до Стокгольмской конференции (ноябрь 1915 г.), когда число военнопленных ещё не определилось, а деятельность учреждений помощи военнопленным ещё не носила организованного характера. Второй период продолжался от Стокгольмской конференции 1915 г. до февральских событий в России. В этот

¹⁸⁸ В плену: О помощи находящимся в плену русским солдатам / Сост. В.П. Обнинский. М., 1916; Тарасевич А.В. Отчет по обследованию лагерей и мест водворения русских военнопленных в Австрии и Венгрии. М., 1917; Шамурин Ю. Два года в германском плену. М., 1917; Шуберская Е.М. Дневник командировки в Германию для осмотра русских военнопленных в июле-октябре 1916 г. Пг., 1917; Садыкер П.А., Фанштейн А.С. Положение русских военнопленных в Австро-Венгрии и меры к улучшению его. Астрахань, 1918 и др.

¹⁸⁹ Кириш Ю. Под сапогом Вильгельма: (Из записок рядового военнопленного № 4925). 1914–1918. М.; Л., 1925; Дмитриев В. Доброволец: (Воспоминания о войне и плене). М.; Л., 1929; Левин К.Я. Записки из плена. М., 1930 и др.

¹⁹⁰ Жданов Н.М. Указ. соч.

¹⁹¹ Там же. С. 72.

период вполне выявился затяжной характер войны, определилось число военнопленных и их значение как рабочей силы. Были выработаны общие правила содержания военнопленных, определились их нужды и деятельность организаций помощи. Третий период длился от февраля 1917 г. до заключения Брестского мира и являлся периодом международно-правовой работы, направленной на урегулирование положения военнопленных. В это время состоялся I Всероссийский съезд представителей учреждений и организаций помощи военнопленным, а также Копенгагенская конференция (сентябрь 1917 г.), на которой были расширены и дополнены постановления Стокгольмской конференции. Четвертый период – это время от марта до ноября 1918 г., когда шла реализация Брестского мирного договора. В этот период были созданы Русско-Германская и Русско-Австрийская смешанные комиссии по обмену пленными, Центральная коллегия по делам пленных и беженцев. С лета 1918 г. в Советскую Россию стали прибывать первые партии русских военнопленных, состоявшие из инвалидов и больных туберкулёзом. Пятый период начался с ноября 1918 г., когда возникло массовое стихийное возвращение как русских, так и иностранных военнопленных на родину, продолжавшееся несколько месяцев, затем державы Согласия взяли на себя эвакуацию русских военнопленных¹⁹².

Деятельности партийных и советских органов среди возвращавшихся на родину бывших русских военнопленных в 1918 – 1919 гг. посвятил главу своего исследования А.А. Мальков¹⁹³. В работе, в частности, освещается создание и деятельность культпросветотдела в составе Центропленбежа и его органов на местах, а также Всероссийского бюро военнопленных под председательством И.И. Ульянова. Надо отметить, что И.И. Ульянов подробно осветил эту тему в своих воспоминаниях в 1929 г.¹⁹⁴ Со ссылкой на данные

¹⁹² Там же. С. 10, 63, 72, 122.

¹⁹³ Мальков А.А. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии 1915–1919 гг. Казань, 1971.

¹⁹⁴ Ульянов И.И. Октябрьская революция и военнопленные // Пролетарская революция. 1929. № 7. См. подробнее о ней в параграфе 1.2 «Характеристика источников исследования».

Центропленбежа автор приводит численность русских военнопленных, вернувшихся на родину в период планомерной эвакуации с августа по 30 октября 1918 г., составившую 181 375 человек¹⁹⁵.

Деятельности Центропленбежа по идейно-политическому воспитанию бывших военнопленных русской армии посвящена одна из статей Э.П. Нечаевой и С.В. Лившица¹⁹⁶. Авторы отмечают, что организация политического просвещения русских военнопленных, возвращавшихся на родину, была возложена на созданный 26 июня 1918 г. культпросветотдел Центропленбежа, в его местных органах также были организованы культпросветотделы, которые сразу по прибытии военнопленных снабжали их агитационным материалом, проводили разъяснительные политбеседы. В статье говорится о том, какие разъяснения давались возвращавшимся русским военнопленным и к чему их призывали большевики. Так, в печати, в беседах, на митингах агитаторы Центропленбежа объясняли пленным, что жертвы Первой мировой войны были напрасными, но ради перехода власти к рабочим, ради начала международной пролетарской революции не должно останавливаться ни перед какими жертвами¹⁹⁷. Центропленбежем издавались газеты «Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах» и «Газета военнопленного». В них бывших русских военнопленных призывали вступать в Красную армию «на борьбу с Колчаком и Деникиным». Кроме того, вернувшимся из плена предлагалось вступать в трудовые коммуны, общества по совместной обработке земли, чтобы спасти Советскую Республику от голода. В газетах печатались резолюции митингов в поддержку советской власти. Авторы высказали убеждение, что бывшие русские военнопленные под влиянием большевистской пропаганды стали сторонниками советской власти, потому что за весь период их возвращения в стране не было ни одного контрреволюционного выступления с

¹⁹⁵ Там же. С. 192.

¹⁹⁶ *Нечаева Э.П., Лившиц С.В.* Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по идейно-политическому воспитанию русских военнопленных, возвратившихся на родину (1918–1920 гг.): депонированная рукопись. Куйбышев, 1982.

¹⁹⁷ Там же. С. 6.

их участием¹⁹⁸. Однако, заметим, что среди русских военнопленных было немало участников вооружённой борьбы с советской властью.

Ряд современных исследований посвящен проблеме возвращения русских военнопленных Первой мировой войны в Советскую Россию. Так, И.П. Щеров пишет о неуправляемом потоке русских военнопленных, самостоятельно вернувшихся на родину с ноября 1918 по январь 1919 г., составившем 949 502 человека, который привёл к сбоям в работе местных органов Центропленбежа, первыми принявших его на себя¹⁹⁹. Автором констатируется неудовлетворительное положение с регистрацией русских пленных на местах, а также довольно «неприглядная картина» организационно-хозяйственной деятельности местных органов Центропленбежа. При этом автор уверен, что это не отражалось на «значимости работы пленбежей»²⁰⁰. Здесь следует добавить, что масса бывших русских военнопленных, возвращавшихся на родину в конце 1918 – начале 1919 г., исключительно негативно оценивала отсутствие своевременной реальной помощи со стороны пленбежей, не получавших для этого средств. По мнению автора, вернувшиеся русские военнопленные «получали денежное довольствие за время плена в размере 1 500 рублей и более и т.д.»²⁰¹. Заметим, что была установлена предельная сумма довольствия, равная 1,5 тыс. рублей, а размер довольствия каждому пленному рассчитывался индивидуально, и в большинстве случаев был гораздо ниже указанной суммы.

К проблеме возвращения русских пленных на родину обратился в одном из своих исследований А.В. Посадский²⁰². Автор проанализировал материалы саратовского журнала «Пленный и беженец» за 1918 г., на страницах которого

¹⁹⁸ Там же. С. 14.

¹⁹⁹ *Щеров И.П.* Военная миграция в России 1914–1922 г.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2001. С. 22.

²⁰⁰ Там же. С. 23.

²⁰¹ Там же.

²⁰² *Посадский А.В.* Пленные после плена: к истории русских военнопленных Великой войны в 1918–1920 гг. // Доклады академии военных наук. Военная история. № 5 (23). Первая мировая война: поиски новых подходов к исследованию, приглашение к диалогу. Саратов, 2006. С. 183–188.

бывшие русские военнопленные высказали мнение о том, что встречавшие их советские работники часто вели работу неумело. Между тем, от заботы о военнопленных советского правительства зависело их отношение в Советской власти. На примере Саратовской губернии А.В. Посадский показывает полную неготовность местных органов Центропланбежа нормально встретить возвращающихся пленных в период их массового стихийного движения на родину. Автором приводится целый ряд примеров, иллюстрирующих тяжёлое положение русских пленных из-за отсутствия продовольствия и медицинской помощи в период их массового стихийного возвращения в Россию, говорится об активном участии в качестве одного из лидеров бывшего русского пленного в антибольшевистском крестьянском выступлении в Тамбовской губернии²⁰³.

В.Л. Чернопёров, также освещая проблему возвращения русских военнопленных на родину в 1919 – 1921 гг., отмечает, что в начале февраля 1919 г. Антанта объявила о полном прекращении выезда военнопленных из германских лагерей и переходе заботы о них к специальной комиссии²⁰⁴. Объяснили это решение необходимостью защитить бывших воинов союзной армии от голода и анархии, царивших в Советской России, при этом речь шла приблизительно о 600 тыс. человек. Одновременно в лагерях активизировалась вербовочная деятельность эмиссаров белого движения. Согласившихся служить у белых переводили на усиленное питание²⁰⁵. В статье отмечается, что к моменту подписания соглашения об обмене военнопленными в апреле 1920 г. в 35 германских лагерях оставалось, по разным данным, 200 – 260 тысяч русских военнопленных, чьё положение после решения Антанты с 1 апреля 1920 г. прекратить заботу о них значительно ухудшилось²⁰⁶. Автор приводит данные о том, что в 1920 г., приступая к репатриации, германские власти потребовали

²⁰³ Там же. С. 184.

²⁰⁴ Чернопёров В.Л. Деятельность советского дипломата В.Л. Коппа по возвращению на родину российских военнопленных (1919 – 1921 гг.) // Доклады академии военных наук. Военная история. № 5 (23). Первая мировая война: поиски новых подходов к исследованию, приглашение к диалогу. Саратов, 2006. С. 188–198.

²⁰⁵ Там же. С. 190.

²⁰⁶ Там же. С. 193–194.

освобождения в первую очередь лагерей, в которых военнопленные конфликтовали с немецкой охраной и местным населением или проживали в тяжёлых условиях, что обмен военнопленными происходил в Нарве и до конца лета из Германии было отправлено примерно 30 с лишним тыс. пленных²⁰⁷. Автор считает, что в начале 1921 г. в Германии оставалось не более 27 тыс. военнопленных.

И.А. Жданова, анализируя процесс возвращения русских военнопленных в 1918 – 1919 гг., констатирует бедственное положение военнопленных, самостоятельно добравшихся в ноябре 1918 г. до Москвы²⁰⁸. Автор приводит данные отчетов агитаторов, встречавших и сопровождавших возвращавшихся русских пленных, о впечатлениях и настроениях военнопленных, отношении к ним представителей советской власти, а также публичное высказывание Н.И. Бухарина об озлоблении пленных против власти²⁰⁹. Отмечается, что водворившиеся на места русские военнопленные в советской печати именовались «равными среди равных граждан», которым об изживенческих настроениях следовало бы забыть. Автор считает, что благодаря агитационным и организационным усилиям большевиков озлобленность и контрреволюционность бывших русских пленных «не стала самостоятельной дестабилизирующей силой»²¹⁰.

Челябинский историк О.С. Нагорная, напротив, считает, что возвращавшиеся русские военнопленные, становясь объектами мобилизационных мероприятий разных правительств в России, прибегали к уходу от тотального контроля, встраиванию во властный дискурс, апелляции к образу жертв прежнего режима, скрытому сопротивлению и активному противодействию власти²¹¹. После окончания Гражданской войны часть

²⁰⁷ Там же. С. 195–196.

²⁰⁸ Жданова И.А. Организация возвращения российских пленных в 1918–1919 годах // Российская история. 2011. № 4. С. 63–72.

²⁰⁹ Там же. С. 66, 68.

²¹⁰ Там же. С. 70.

²¹¹ Нагорная О.С. Другой военный опыт. Русские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010. С. 335, 385.

бывших русских пленных солдат и офицеров не захотела оставаться в России и оказалась в эмиграции²¹². Массовое стихийное движение русских военнопленных, начавшееся в ноябре 1918 г., О.С. Нагорная характеризует его как бегство домой изголодавшихся людей, но не как стремление в Советскую Россию для продолжения дела, начатого рабочим классом. Автор даёт отрицательную оценку организации приёма и временного размещения бывших русских военнопленных: «В Советской России ветераны и жертвы Первой мировой войны не стали первостепенным объектом социальных устремлений новой власти. Различие интересов и пропасть между центром и периферией обусловили провал политики социального обеспечения бывших военнопленных старой армии, в особенности инвалидов»²¹³.

К проблеме численности военнопленных обращается ряд авторов. Анализируя жертвы и потери Первой мировой войны, В.З. Волков в своей работе определил численность русских военнопленных на 1 февраля 1917 г. по данным держав Тройственного союза – 3 528 456 чел. и по данным Центрэвака – 4 143 066 чел.²¹⁴ С.Н. Васильева считает, что к концу войны было взято в плен примерно 3 395 тыс. русских военнопленных, а после возвращения большей части военнопленных на родину из Германии и Австро-Венгрии в Германии оставалось около 600 тыс. военнопленных, лишённых всякой помощи и не имевших возможности самостоятельно вернуться на родину²¹⁵. А.И. Степанов приводит численность русских военнопленных, которая, по официальным данным Четверного союза, составила 2 417 тыс. человек²¹⁶.

²¹² Там же. С. 392.

²¹³ Там же. С. 392.

²¹⁴ *Жданов Н.М.* Указ. соч.; *Волков В.З.* Указ. соч. С. 61.

²¹⁵ *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998; *Её же.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: учебное пособие к спецкурсу. М., 1999.

²¹⁶ По данным А.И. Степанова, немцы пленили 1 492 404 русских солдат, австрийцы – 916 746, турки – 5 398, болгары – 2 452. За 1914 – 1917 гг. из плена в Россию вернулись 715 тысяч инвалидов, бежали 60 тысяч. За 1918 – 1921 гг. возвратились 1 142 тысячи военнопленных, умерли в плену 190 тысяч, вернулись в Польшу и Прибалтийские государства – 215 тысяч, остались в Европе – 95 тысяч (*Степанов А.И.* Цена войны: жертвы

С середины 1990-х годов стала изучаться проблема возвращения военнослужащих Русского экспедиционного корпуса (РЭК) на Родину, которая в настоящее время нуждается в дальнейшей разработке. З.С. Бочарова в своей статье отмечает, что к 1920 г., по данным советской стороны, вернулись в Россию из Франции, 15 тысяч военнослужащих РЭК, оставалось в Алжире – 22 тысячи²¹⁷. В статье отмечается, что в 1923 г., 19 июня, из Франции отправили на родину на пароходе «Брага» более 300 солдат РЭК, при этом, по данным советской стороны, во Франции осталось русских солдат в 6 раз больше, чем было отправлено на этом пароходе. Сведения о встрече возвратившихся военнослужащих РЭК З.С. Бочарова называет противоречивыми. Так, особоуполномоченный фильтрационной комиссии Бакулин в отчёте от 26 июля 1923 г. писал о торжественном приёме, тёплой встрече, быстрой отправке по домам. В отчёте же сопровождавшего транспорт из Франции Потёмкина указано на отсутствие спальных принадлежностей для прибывших, плохое питание, вообще «убогий» приёмно-распределительный аппарат, на недовольство всем этим прибывших. Последние требовали вернуть всех желающих обратно, выражали желание сообщить ещё оставшимся за границей о своих негативных впечатлениях о встрече на родине²¹⁸. Автор отмечает, что, когда в октябре 1924 г. между СССР и Францией были установлены дипломатические отношения, предполагалось, что из Франции должны вернуться ещё 10 – 20 тысяч солдат РЭК. Во Франции было объявлено о регистрации до 12 декабря 1925 г. лиц, желающих вернуться в СССР. К середине 1925 г. был положительно решён вопрос об отправке группы солдат РЭК за казённый счёт²¹⁹.

Из приведённого историографического обзора следует, что при изучении проблемы репатриации русских военнопленных современными

и потери // Мировые войны XX века: В 4 книгах. М., 2002. Кн. 1: Первая мировая война: Исторический очерк / Отв. редактор Г.Д. Шкундин. С. 629–630).

²¹⁷ Бочарова З.С. Возвращение на родину в 1920-е годы солдат русского экспедиционного корпуса // ВИЖ. 2009. № 9. С. 51–58.

²¹⁸ Там же. С. 55–56.

²¹⁹ Там же. С. 57.

исследователями уделяется внимание таким её аспектам, как численность; психологическое состояние и материальное положение возвращавшихся русских военнопленных, их отношение к новой власти; способы репатриации; усилия большевиков и антибольшевистских сил по привлечению на свою сторону бывших русских пленных. При этом количество возвратившихся из вражеского плена с 1914 по 1917 г. определяется на сегодняшний день в 775 тыс. чел., а за период с 1918 по 1921 г. включительно – в 1 млн 142 тыс. чел. (без Польши и Прибалтики). Общую численность русских военнопленных исследователи, на основе различных источников, определяют в диапазоне от 2,4 до 4,1 млн чел. Современные историки негативно оценивают организацию приёма русских военнопленных, возвращавшихся в Советскую Россию в крайне бедственном состоянии особенно в конце 1918 – начале 1919 г., что становилось причиной их озлобления против власти.

Советские историки доказательством эффективности агитационно-пропагандистской работы большевиков и приверженности возвращавшихся русских военнопленных Советской власти считали отсутствие в стране за весь период возвращения на родину контрреволюционных выступлений с участием бывших пленных. На сегодняшний день историками приведены факты активного и скрытого сопротивления власти, к которому прибегали бывшие русские пленные наряду с остальным населением страны.

Представляется целесообразным дать оценку эффективности деятельности Центропленбежа и его преемников по проведению репатриации русских военнопленных, по привлечению их *на добровольной основе* в Красную армию. Необходимо также определить, носили ли объявленные меры государственной поддержки бывших русских военнопленных, являвшиеся, по мнению исследователей, явно недостаточными, изначально пропагандистский характер.

* * *

С началом Первой мировой войны все подданные стран Четверного союза, находившиеся на территории Российской империи, были объявлены пленными,

а этнических немцев и лиц еврейской национальности из приграничных районов, имевших русское подданство, признали социально опасным элементом. Все эти граждане в установленном порядке принуждались к выселению из мест проживания, тем самым пополнялась армия вынужденных мигрантов военного времени. Историография этой проблемы начала складываться с середины 1990-х гг. – времени повышения интереса отечественных исследователей к гуманитарным проблемам Первой мировой войны.

Проблемы, связанные с интернированием населения оккупированных в ходе военных действий Россией территорий, начал исследовать С.Г. Нелипович²²⁰. Опираясь на материалы Главного штаба и управлений местных бригад, он определяет численность интернированных гражданских лиц-подданных Четверного союза в тыловых губерниях Российской империи в 1914 – 1917 гг., которая, по его мнению, составила более 250 тыс. человек. По мнению автора, результатом интернирования стало нахождение в глубине империи массы обездоленных, лишенных всяких прав, имущества и крова людей. Автор отмечает, что согласно условиям Брест-Литовского мирного договора интернированные получили право вернуться на прежние места проживания или выехать на родину, но до аннулирования мирного договора в ноябре 1918 г. выехать из Советской России смогли не все, желавшие это сделать²²¹. В статье «Население оккупированных территорий рассматривалось как резерв противника» С.Г. Нелипович подсчитал, что до марта 1915 г. Восточную Пруссию вынужденно покинули 12 тыс. граждан и около 10 тыс. были интернированы в пределах зоны русской оккупации, а из Галиции и Буковины в 1916 – 1917 гг. в Россию было перемещено более 20 тыс. гражданского населения еврейской национальности. Кроме того, при отступлении из Восточной Галиции военными властями предпринимались

²²⁰ *Нелипович С.Г.* Репрессии против подданных «Центральных держав». Депортации в России 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 32–42.

²²¹ Там же. С. 41.

попытки увести население призывного возраста «русского происхождения». Автор считает, что офицеры русской армии в подавляющем большинстве, не желая видеть врага в гражданском населении, делали для него всё возможное²²².

С.Г. Нелипович освещает и проблему переселения из приграничных районов «русских немцев»²²³. Автор отмечает, что немецкие колонисты в России в начале октября 1914 г. были приравнены к подданным враждебных государств, к 1914 г. они в количестве более 2, 1 млн проживали на 12 млн десятин земли, из них в приграничных районах – до 1 млн человек²²⁴. С точки зрения автора, кампания по выдворению русских подданных немецкого происхождения с театра военных действий выглядела вполне естественно, отчасти из-за большого числа уклонявшихся в довоенное время от призыва в русскую армию, из-за введения в Германии закона о двойном гражданстве. Автором прослеживается ход депортаций на протяжении всего военного периода. При этом отмечается, что они начались в 1914 г. в Прибалтийских губерниях, затем в Польше, а летом 1915 г. депортации проводились в рамках эвакуации населения из приграничных губерний в полосе Юго-Западного и Северо-Западного фронтов. От обязательного выселения в полосе Юго-Западного фронта освобождались благонадёжные матери, жёны и дети находившихся в действующей армии колонистов. Выселялись партиями за свой счёт в центральные и восточные губернии, по железной дороге разрешалось провозить до 20 фунтов багажа. В полосе Северо-Западного фронта массовое выселение колонистов началось 26 июня 1915 г. На добровольный выезд давалось 5 дней. В 1916 г. масштабы депортации заметно уменьшились. Летом 1916 г. 13 тысяч немцев-колонистов были выселены из освобождённых русской армией уездов Волынской губернии по приказу Главнокомандующего армиями

²²² *Нелипович С.Г.* Население оккупированных территорий рассматривалось как резерв противника // Военно-исторический журнал. 2000. № 2. С. 69.

²²³ *Его же.* Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить, и без нежностей...». Депортации в России 1914–1918 гг. // ВИЖ. 1997. № 1. С. 42–53.

²²⁴ Там же. С. 42.

Юго-Западного фронта генерала А.А.Брусилова²²⁵. К маю 1917 г. наметилась тенденция к прекращению массовых депортаций, выселялись лишь шпионы, проститутки, торговцы спиртным²²⁶.

А.Ю. Бахтурина, рассматривая проблемы окраин Российской империи в годы Первой мировой войны, отмечает, что тезисы о немецких колонистах-тайных агентах Германии, «мирных завоевателях» России, появились на страницах национально-патриотической прессы задолго до войны, но с началом войны появился новый аспект – отношение к земельной собственности колонистов, которую следовало передать русскому народу²²⁷. С первых дней войны в Прибалтийских губерниях представители военной и гражданской администрации стали получать регулярные сообщения от населения о германских шпионах. По каждому письменному заявлению о действиях прибалтийских немцев в интересах противника устраивалась проверка. К концу осени 1914 г. ситуация в Прибалтике характеризовалась проведением Ставкой курса на борьбу с немцами, евреями, венграми, католическими священниками и др. в прифронтовых районах в целях защиты тыла русской армии от шпионажа и антиправительственных настроений. Из польских губерний с сентября 1914 г. стали высылать во внутренние губернии Российской империи подозреваемых в шпионаже. Эта мера была официально закреплена в секретном распоряжении Варшавского генерал-губернатора от 7 сентября 1914 г. В ноябре 1914 г. Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал от инфантерии Н.В. Рузский приказал выселить немцев-колонистов из Сувалкской губернии²²⁸.

²²⁵ Там же. С. 51.

²²⁶ Там же. С. 47–52.

²²⁷ *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 101.

²²⁸ Там же. С. 48, 89–90; 94–95.

Процесс высылки во внутренние губернии вражеских подданных, немцев русского подданства и всех заподозренных в шпионаже отражён в работе белорусского историка В.Н. Черепицы²²⁹.

В ряде современных исследований отражена проблема высылки еврейского населения из приграничных территорий. Вопрос о том, насколько обоснованными были обвинения выселяемых представителей еврейского населения в шпионаже, рассматривает на основе материалов белорусского архива С.А. Пивоварчик²³⁰. Автором отмечается, что на 1 января 1914 г. в 11 военных округах (ВО) России контрразведывательными отделениями было зарегистрировано около 1,5 тыс. подозреваемых в шпионаже в пользу Германии и Австро-Венгрии, в т.ч. в Виленском и Варшавском ВО. В каждом контрразведывательном управлении существовали собственные критерии отбора подозреваемых, пристальное внимание обращалось на разъезжавших евреев-торговцев, ездивших группами и контактировавших с большим количеством лиц, отсюда и большое количество подозреваемых. Если в мирное время военная контрразведка была лишена возможности самостоятельно задерживать подозреваемых, то с началом войны, констатирует автор, ситуация изменилась, и губернии, примыкавшие к линии фронта, были объявлены «находившимися на театре военных действий», где вся власть переходила в руки военных. По мнению автора, административная высылка повсеместно стала самой распространенной формой борьбы со шпионажем. Главное управление Генерального штаба требовало от контрразведки высылки подозреваемых, не акцентируя внимание на доказательстве обоснованности подозрений. В первую очередь под превентивные меры военных попали немцы и евреи. Немцы подлежали тотальному выселению из Западных губерний в силу национальной принадлежности, а евреи – по причине выезда до войны в

²²⁹ Черепица В.Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности. Гродно, 2006. С. 29-30.

²³⁰ Пивоварчик С.А. Трагедия Первой мировой войны: «евреи-шпионы» (по материалам Национального исторического архива Беларуси в Гродно) // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005. С. 71–83.

Германию, наличия родственников в пределах враждебных государств. «Точечные» высылки подозреваемых в шпионаже переросли в массовую высылку по формальным признакам, а обоснованные обвинения в пособничестве противнику сменились бездоказательными, что, по мнению автора, оправдывалось военной необходимостью. В мае 1915 г. был издан приказ о выселении евреев из приграничных Ковенской, части Гродненской и Сувалкской губерний. В августе 1915 г. массовые выселения евреев из районов боевых действий прекратились, но вышел приказ о заложниках, отвечавших жизнью за враждебные акты, совершаемые лицами еврейской национальности²³¹.

Г.З. Иоффе отмечает, что нет точных данных о количестве еврейского населения, покинувшего родные места, а также, что командующие фронтами и армиями, генерал-губернаторы и главноначальствующие были наделены правом принятия чрезвычайных мер, необходимых для успеха ведения войны²³². По-мнению автора, российские правящие круги имели основание подозревать евреев в сочувствии к противнику из-за антиправительственных и антироссийских настроений, на что и рассчитывали в Германии²³³.

О существовании в тогдашних высших эшелонах власти убеждения в том, что евреи – это «пятая колонна» недругов России, пишет в своей работе Е.Ю. Сергеев²³⁴. Автор отмечает антисемитизм как один из типичных этнических стереотипов российских военных, приобретаемый ими в семье, учебном заведении и на службе. Образ евреев в их представлениях ассоциировался с попытками Запада навязать ей чуждые социально-политические порядки и развалить вооруженные силы империи. Российская военная элита осуждала

²³¹ Там же. С. 72–74, 78–81.

²³² *Иоффе Г.З.* Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 85–97.

²³³ Там же. С. 87.

²³⁴ *Сергеев Е.Ю.* «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России. 1900–1914 гг. М., 2001.

космополитизм евреев, их приверженность к иудаизму, критическое отношение к самодержавию, нежелание ассимилироваться в русскоязычной среде²³⁵.

Анализирует причины формирования негативного стереотипа русского командования по отношению к евреям и С. Гольдин²³⁶. По его мнению, антиеврейская политика военных властей формировалась как на основе антисемитских фобий и под влиянием военных обстоятельств, так и на базе стремления нейтрализовать «нелояльные элементы» населения. Недовольство евреями армейских начальников базировалось прежде всего на представлении об их якобы органической неспособности быть лояльными гражданами-патриотами России. На этом фоне обвинения в недоброжелательности и нерасположении эволюционировали к обвинениям в саботаже и шпионаже так же, как политическая неблагонадёжность превращалась в подрывную деятельность.

Проблема депортации еврейских жителей вызывает интерес и у зарубежных авторов. Так, П. Холквист считает, что выселение мирных еврейских жителей из приграничной полосы в качестве превентивной меры, практиковавшейся российскими властями, наблюдалось и в других странах. Так, ещё за несколько десятилетий до 1914 г. Германия проводила политику, направленную на изменение национального состава в некоторых районах Прусского Королевства и с этой целью выселила десятки тысяч евреев и поляков как «нежелательных элементов»²³⁷. В другой своей работе П. Холквист отмечает, что действовавшие законы давали русским военным властям в тех областях, которые находились на военном положении, право депортировать

²³⁵ Там же. С. 83, 194.

²³⁶ Гольдин С. Русское командование и евреи во время Первой мировой войны: причина формирования негативного стереотипа // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005. С. 29–46.

²³⁷ Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 83–101.

«индивидов» в глубь империи²³⁸. Автор заметил, что к депортациям своих подданных в период Первой мировой войны прибегали и Австро-Венгрия, и Турция²³⁹. Эти меры нельзя оправдать одной лишь военной необходимостью, считает автор²⁴⁰.

Таким образом, в последние 15-20 лет в отечественной историографии начал формироваться комплекс работ, посвященных проблемам интернирования и депортации периода Первой мировой войны. Определено количество иностранных подданных, которые были интернированы из приграничных областей во внутренние губернии России, чего нельзя сказать об определении общего количества депортированных русских подданных немецкого происхождения и еврейского населения. Интернирование и депортацию историки считают мерой правомерной и обоснованной в условиях военного времени. При этом историками признаётся наличие антисемитских фобий у российского военного командования, обусловленных космополитизмом евреев, их нежеланием ассимилироваться в русскоязычной среде, критическим отношением к самодержавию. Исследователями отмечается тяжёлое материальное положение, в котором оказались интернированные иностранные подданные, лишённые всяких прав, пищи и крова.

* * *

Переселению крестьян из Европейской России за Урал в ходе осуществления столыпинской аграрной реформы, проводимой с целью смягчения крестьянского малоземелья в местах выхода переселенцев, посвящено множество работ отечественных историков²⁴¹. Во время Первой

²³⁸ *Его же*. Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С.155.

²³⁹ Там же. С. 158.

²⁴⁰ Там же. С. 156.

²⁴¹ *Тюкавкин В.Г.* Организация переселения крестьян в Восточную Сибирь в 1906–1910 гг. // Учёные записки Иркутского Госпединститута. Вып. XVI. 1958; *Тюкавкин В.Г.* Великоорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001; *Скляр Л.Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л., 1962;

мировой войны переселение коренного крестьянского населения в районы Сибири было запрещено, но уже во второй половине 1917 г. за Урал «на водворение» самостоятельно двинулись с семьями многие демобилизованные. К концу 1917 г. и в начале 1918 г. движение на зачисленные земли возросло, кроме того, в 1917 г. за Урал двинулись новые переселенцы, в т.ч. беженцы Первой мировой войны и эвакуированные из западных губерний России рабочие и служащие предприятий и учреждений с семьями.

Один из организаторов планомерного крестьянского переселения первых лет советской власти В.П. Воцинин привёл в своей работе историю переселения в России, отмечая воздействие правительства на этот процесс в различные исторические периоды²⁴². Автор охарактеризовал общие правила о переселении, существовавшие в России, указал ежегодное количество переселенцев в Российской империи и сделал вывод о разительных экономических результатах переселения до Первой мировой войны. В работе сформулированы причины возникновения стихийного переселения во второй половине 1917 г., говорится о переселенческом движении 1920 – 1921 гг. из поражённых неурожаем центральных губерний, а также из губерний Поволжья 1921 г., «ещё более стихийном и болезненном».

В 1926 г. вышла книга В.П. Воцинина в соавторстве с И.Л. Ямзиным²⁴³. Характеризуя самостоятельное переселенческое движение, авторы отмечают, что оно берёт своё начало сразу после освобождения крестьян, его направление – это восток и юг России. В работе показано, что беженская волна 1917 – 1919

Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976; *Ноздрин Г.А.* Материалы обследований переселенцев и переписи населения в Сибири в дооктябрьский период // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1988; *Аврех А.Я.* П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991; *Островский И.В.* Аграрная политика в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991; *Анфимов А.М.* Новые собственники (из истории Столыпинской аграрной реформы) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М., 1996; *Белянин Д.Н.* Переселение крестьян в Сибирь в годы Столыпинской аграрной реформы // РИ. 2011. №. 1 и мн. др. Начиная с 1990–х гг. произошла трансформация оценок Столыпинской аграрной реформы от резко негативной до позитивно-одобрительной.

²⁴² *Воцинин В.П.* О земле. Сборник статей о прошлом и будущем земледельческого строительства. Вып. I. М., 1921.

²⁴³ *Ямзин И. Л., Воцинин В. П.* Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926.

гг. дала 300 – 400 тыс. крестьян, не получивших землю в Сибири. В книге дана характеристика «Донского» переселения 1919 г., «голодных» переселений 1920 – 1921 гг. и 1921 г.²⁴⁴

Организации переселенческой политики советского государства и её реализации посвящена работа Н.И. Платунова²⁴⁵. В одной из глав исследования рассматривается история переселений 1920–30-х гг. В ней автор указал причины возобновившегося переселенческого движения населения из одних районов России в другие, в том числе за Урал с конца 1917 г., выделил особенности переселения конца 1917 – первой половины 1918 г. В работе отмечается, что с весны 1918 г. в стихийный переселенческий поток влилось население преимущественно западных и северо-западных губерний, ехавших за Урал за хлебом²⁴⁶. Н.И. Платунов считает, что в 1921 г. из района Поволжья выселилось не менее 1 млн человек. По мнению автора, несмотря на запрещение стихийное переселение продолжалось до середины 1920–х гг.²⁴⁷

Касаясь вопроса о переселении с начала Первой мировой войны, историки из Новосибирска В.М. Рынков и В.А. Ильиных отмечают, что после октября 1917 г. в Сибирь двинулся стихийный поток аграрных переселенцев, бежавших от политической нестабильности в местах прежнего проживания. По оценке соавторов, в 1918 г. в регион проследовало 183,7 тыс. только зарегистрировавшихся переселенцев, многие из которых, в том числе и беженцы Первой мировой войны, пополняли массу сельскохозяйственных рабочих. Историки приводят данные Всесоюзной демографической переписи 1926 г., согласно которой 650 тыс. человек прибыли в 1920 – 1924 гг. и остались на территории Сибирского края²⁴⁸.

²⁴⁴ Там же. С. 29–30, 72–74.

²⁴⁵ Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и её осуществление в СССР (1917–июнь 1941 гг.). Томск, 1976.

²⁴⁶ Там же. С. 36–39.

²⁴⁷ Там же. С. 44–48.

²⁴⁸ Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство в Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013. С. 181–182.

Вопрос об отражении в историографии различных проблем переселенческой политики Советского государства в 1920–30–е гг. рассмотрела И.В. Волошинова. Она пришла к выводу о слабой изученности вопросов переселенческой политики Советского государства в 1920–30–е гг., что не соответствует их исторической и политической значимости²⁴⁹.

Подводя итог историографии крестьянских переселений, следует сказать, что, несмотря на то, что активными участниками самостоятельного переселенческого движения на восток страны в период 1917 – первой половины 1920-х гг. стали и беженцы Первой мировой войны из голодающих российских регионов, этот вопрос до сих пор не нашёл отражения в исторических исследованиях.

Таким образом, рассмотрение научных исследований по проблеме вынужденных мигрантов Первой мировой войны показало, что на сегодняшний день фундаментальный вопрос о сравнительной характеристике положения беженцев и военнопленных в условиях царской и Советской России даже не ставился. В связи с этим представляется правомерным вывод о том, что большинство вопросов, поставленных в настоящем диссертационном исследовании, не получили ещё своего разрешения в науке.

²⁴⁹ *Волошинова И.В.* Переселенческая политика Советского государства в 1920–1930-е годы в отечественной историографии: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. С. 22.

1.2. Характеристика источников исследования

Реализация поставленных в работе задач потребовала обращения к широкому кругу разнообразных архивных и опубликованных источников, в числе которых: **1.** законодательство Российской империи и Советской России; **2.** актовые материалы (межгосударственные договоры); **3.** делопроизводственные материалы, в т.ч. прошения и заявления беженцев и военнопленных в государственные и общественные органы; **4.** источники личного происхождения (воспоминания, дневники); **5.** периодическая печать; **6.** справочные и статистические издания. Данные источники отличаются по объективности материала, его полноте, информативности, репрезентативности и степени сохранности.

Первой группой источников является *законодательство* Российской империи и Советской Республики. Законодательство составляет правовую основу государства, регулирует и направляет работу государственных и общественных организаций, вводит отношения между гражданами и организациями в определенную юридическую норму²⁵⁰. Анализ имперского и советского законодательства позволяет проследить, как формировалась государственная система попечения о беженцах и порядок управления военнопленными противника на территории страны до февральских событий 1917 г., а также рассмотреть складывание и деятельность советского эвакуационного аппарата, созданного взамен ликвидированных прежних досоветских организаций.

Среди законодательных актов военного времени имперского периода особое значение для беженцев в начальный период войны имело «Положение о комитете ЕИВ ВК Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий», утверждённое императором 14 сентября 1914 г. Согласно положению, Комитет оказывал единовременную

²⁵⁰ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998. С. 528.

материальную помощь лицам, «впавшим в нужду вследствие бедствий, вызванных военными обстоятельствами», содействовал подысканию работы для трудоспособных, размещению нетрудоспособных в богадельни и приюты, осуществлял приём пожертвований²⁵¹. Он осуществлял деятельность в основном на государственные средства, а также на пожертвования через свои губернские, городские и уездные отделения при непосредственном участии местных властей. Законом «Об обеспечении нужд беженцев» от 30 августа 1915 г. вводилось понятие «беженец», определялись конкретные направления оказания помощи беженцам, организация, структура и функции Особого совещания по устройству беженцев под председательством министра внутренних дел, вводились должности Главноуполномоченных по устройству беженцев, назначаемых министром внутренних дел, местное попечение о беженцах возлагалось на земские учреждения и городские общественные управления либо на губернские, уездные и городские комитеты помощи пострадавшим от войны, закреплялась финансовая ответственность государственного казначейства по расходам на обеспечение нужд беженцев²⁵². В «Руководящих положениях по устройству беженцев», утверждённых 2 марта 1916 г., кроме положений закона от 30 августа 1915 г., приведён перечень и условия получения всех видов помощи, оказывавшейся государством нуждавшимся беженцам: бесплатная перевозка, обеспечение продовольствием в пути, пособие на оплату помещения и освещения в местах временного размещения беженцев, медицинская помощь, удовлетворение религиозных нужд, призрение детей и инвалидов, подыскание заработка и юридическая помощь, снабжение одеждой, обувью и бельём, продовольственное пособие, бесплатное обучение детей беженцев в начальных школах²⁵³. Вышеперечисленные и другие законы и подзаконные акты о беженцах и

²⁵¹ СУ. 1914. Ст. 2403 // Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г., вызванных обстоятельствами военного времени. Пг., 1916. С. 47.

²⁵² Закон об обеспечении нужд беженцев. 30 августа 1915 г. // Законы и распоряжения о беженцах. М., 1916. С. 2.

²⁵³ Руководящие положения по устройству беженцев. 2 марта 1916 г. Пг., 1916.

эвакуированных содержатся в многотомном «Собрании узаконений и распоряжений правительства, издаваемом при Правительствующем Сенате» (СУ), законодательных сборниках, издававшихся отдельными изданиями в военный период²⁵⁴, а также в периодическом издании «Беженец».

Статус вражеских военнопленных на территории Российской империи определялся в «Положении о военнопленных», утверждённом императором 7 октября 1914 г.²⁵⁵ Положение представляло собой перевод Гаагских конвенций 1907, 1911 гг. «О законах и обычаях сухопутной войны», определяло права и обязанности военнопленных, правила их содержания, трудового устройства, перевозки и др., закрепляло принцип военного управления делами военнопленных. Положения и правила о порядке отпуска военнопленных на различные работы, а также другие законодательные акты и распоряжения, регламентирующие права и обязанности военнопленных, публиковались как в СУ, так и в отдельных сборниках²⁵⁶.

Работу государственных организаций по вопросам обеспечения и реэвакуации беженцев и иностранных военнопленных Первой мировой войны, возвращения на территорию Советской Республики русских военнопленных и их дальнейшее положение регулировало советское законодательство 1917 – 1925 гг. Особенность советского законодательства вытекала из принципа соединения законодательной и исполнительной работы, слияния управления с законодательством²⁵⁷. На основании декретов и постановлений СНК, Президиума ВЦИК, Совета Труда и Оборона (СТО) строились мероприятия властей в отношении военнопленных и беженцев Первой мировой войны.

²⁵⁴ Беженцы и выселенцы. М., 1915; Законы и распоряжения о беженцах. М., 1916; Законодательные акты, вызванные войной 1914–1917: законы, манифесты, рескрипты. Т. 1–5. Сост. *Е.И. Авербах*. Вильно, 1915–1918 гг.

²⁵⁵ Положение о военнопленных. Высочайше утверждены 7 октября 1914 г. СУ. 1914. Ст. 2568 // Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г., вызванных обстоятельствами военного времени. Пг., 1916. С. 332–340.

²⁵⁶ Сборник узаконений о привлечении находящихся в России военнопленных на работы и других правил и постановлений, относящихся до военнопленных. Сост. *А.И. Овчинников*. Пг., 1916; Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г., вызванных обстоятельствами военного времени. Пг., 1916; и др.

²⁵⁷ Источниковедение... С. 528.

Автором использовалось наиболее полное научное издание первых декретов и постановлений СНК, ВЦИК и СТО, осуществлённое в рамках документального собрания «Декреты Советской власти»²⁵⁸, а также «Собрание узаконений и распоряжений Правительства РСФСР». Несколько законодательных документов, касающихся процедуры перемены гражданства беженцев и военнопленных Первой мировой войны, были привлечены из сборника «Русские беженцы», посвящённого беженцам из Советской России 1920-х – 30-х гг.²⁵⁹ Ряд нормативно-правовых актов привлекался автором из архивных фондов²⁶⁰.

Создание советского эвакуационного аппарата началось с учреждения декретом СНК от 23 апреля 1918 г. Центральной коллегии по делам пленных и беженцев (Центропленбеж) в составе комиссариата по военным делам²⁶¹. Решения Центральной коллегии были обязательны для всех ведомств РСФСР. Согласно примечанию к декрету от 21 июня 1918 г., ведению и попечению Центральной коллегии подлежали возвращавшиеся из плена русские пленные: здоровые – до времени водворения их на выбранных ими местах жительства, больные и инвалиды – до передачи их органам государственного призрения; а беженцы – лишь с момента их реэвакуации²⁶². С мая 1919 г. Центропленбеж перешёл в состав Наркомата внутренних дел на правах самостоятельного отдела²⁶³, он был ликвидирован постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 11

²⁵⁸ Декреты Советской власти. Т. 1–17. 25 октября 1917 – июль 1921. М., 1957–2006.

²⁵⁹ Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920-1930-е годы): Сборник документов и материалов / сост. З.С. Бочарова. М., 2004.

²⁶⁰ Например: Постановление НКВД от 21 марта 1918 г. // ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 30–31; Создание Центрального реэмиграционного управления Регентским Советом Королевства Польского в России для содействия беженцам-польским гражданам в деле реэмиграции. Август 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 42. Л. 5–7; и др.

²⁶¹ Декрет об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев. 23 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 165–167.

²⁶² Декрет в дополнение декрета об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев. 21 июня 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 462–463.

²⁶³ Декрет СНК о передаче Центральной коллегии о пленных и беженцев в ведение Народного комиссариата внутренних дел. 24 мая 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 5. М., 1971. С. 231–232.

января 1923 г. Функции Центропланбежа были переданы иностранному подотделу Народного комиссариата внутренних дел.

Внешняя политика России в период с ноября 1917 – по 1925 гг. отражена в дипломатических документах, вошедших в состав фундаментального собрания «Документы внешней политики СССР»²⁶⁴. В основу публикации были положены документы Архива МИД СССР²⁶⁵. Сборник содержит законодательные и договорные акты Советского государства, ноты, декларации, телеграммы, радиограммы, письма послов, министров иностранных дел, их заместителей, уполномоченных НКВД, руководителей государств. При анализе внешнеполитических событий автор обращался и к другим публикациям документов²⁶⁶. *Межгосударственные договоры*, с заключением которых было связано официальное начало процесса взаимного обмена пленными и реэвакуации беженцев, являются для настоящего исследования незаменимыми источниками, которые правомерно выделить *во вторую группу*²⁶⁷. Автором были проанализированы договоры, конвенции и соглашения Советской Республики с Германией, Австрией, Венгрией, Чехословакией, Турцией и другими странами²⁶⁸, договоры между новыми государственными образованиями, возникшими на территории бывшей

²⁶⁴ К исследованию привлекались документы за 1917–1925 гг., опубликованные в первых восьми томах: Документы внешней политики СССР. Т. 1 (7 ноября 1917 – 31 декабря 1918) – Т. 8 (1 января – 31 декабря 1925). М., 1957 – 1963.

²⁶⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 5, 6.

²⁶⁶ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сборник документов. В 2 т. М., 1968–1971; Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1973. В 5 т. Т. 1, 2.

²⁶⁷ По определению С.М. Каштанова, международные договоры остаются «вечной» категорией среди публично-правовых актов // Источниковедение... С. 561–562.

²⁶⁸ Русско-Германский Дополнительный договор к Мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой. 3 марта 1918 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1959. С. 174–177; Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел Министерству Иностранных Дел Австро-Венгрии. 25 апреля 1918 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1959. С. 264–265; Соглашение между Правительствами РСФСР и УССР, с одной стороны, и Правительством Венгрии, с другой, о возвращении на родину военнопленных. 21 мая 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958. С. 539–541; Дополнительное соглашение между РСФСР и Германией о возвращении на родину военнопленных и гражданских интернированных. 7 июля 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 14–16; и др.

Российской империи после 1917 г.²⁶⁹, позволившие рассмотреть внешнеполитические шаги Советской России по вопросу обмена пленными и реэвакуации беженцев, цели и стратегии поведения большевистского правительства в этом вопросе.

Следует отметить, что законодательство и актовая документация, в нашем случае межгосударственные договоры, взятые сами по себе не раскрывают процесса и итогов их практической реализации, являясь лишь предпосылкой дела, которое неизвестно как закончится²⁷⁰. Только сопоставление законодательства и актовых материалов с другими источниками даёт возможность и создаёт условия для раскрытия реального положения беженцев и военнопленных Первой мировой войны в центральных губерниях Европейской России в имперский и советский период, а также процесса и условий их эвакуации и реэвакуации. В связи с этим возрастает значение такого вида исторических источников, как *делопроизводственные материалы*, которые целесообразно выделить в *третью группу источников*.

Основными источниками, на основе которых написано настоящее исследование, являются архивные материалы. Из них подавляющее большинство составляет делопроизводственная документация – наиболее информативный незаменимый источник, который позволяет рассмотреть как исходные позиции центральных, губернских и уездных властей, так и условия и окончательные результаты реформ и мероприятий имперской и советской властей в отношении вынужденных мигрантов Первой мировой войны.

Детально рассмотреть эвакуацию, расселение и адаптацию мигрантов Первой мировой войны в Российской империи можно только при фронтальном изучении делопроизводственных материалов как различных государственных структур, земства, так и коллекций документов общественных

²⁶⁹ Мирный договор между Россией и Эстонией. 2 февраля 1920 г. // Документы внешней политики. Т. 2. М., 1958. С. 339; Мирный договор между Россией и Латвией. 11 августа 1920 г., Мирный договор между Россией и Литвой. 12 июля 1920 г. // Документы внешней политики. Т. 3. С. 28, 101–116; и др.

²⁷⁰ Источниковедение... С. 568.

благотворительных организаций. В ходе исследования автором были проанализированы материалы фондов канцелярий губернаторов, ГЖУ, помощников начальников ГЖУ, полицмейстеров, уездных полицейских управлений, уездных исправников, губернских правлений, губернских и уездных земских управ, городских управ, которые располагают данными о положении беженцев, вражеских военнопленных, «гражданских» пленных (интернированных) Первой мировой войны в местах их временного размещения на территории Российской империи, приспособлении мигрантов к новым условиям жизни, а также о мероприятиях, проводимых властями всех уровней и населением с целью оказания помощи русским военнопленным, находившимся в плену. Перечисленные фонды содержат различные виды делопроизводственной документации, в частности, переписку учреждений, внутреннюю и организационную документацию (циркуляры, приказы, распоряжения, докладные записки, рапорты, журналы губернских совещаний по устройству беженцев), просительные документы (прошения беженцев об оказании им разного рода помощи, заявки работодателей на использование труда военнопленных в сельском хозяйстве, промышленных предприятиях). Практически все фонды содержат ту или иную информацию о количестве, размещении, работах иностранных военнопленных, обязательные постановления, касавшиеся правил обеспечения военнопленных и их правового положения, в частности предоставления определенных привилегий военнопленным-славянам, об отмене всех льгот и преимуществ подданным неприятельских государств с началом войны и др. В фондах губернских и уездных городских и земских управ, комитетов по оказанию помощи беженцам отложилась информация о средствах, отпускаемых властями на нужды беженцев, материалы по обследованию семей беженцев, получавших государственные пособия, сметы расходов на нужды беженцев, отчеты местных комитетов о сборах средств для беженцев и русских военнопленных. Кроме того, фонды городских и уездных полицейских управлений, ГЖУ располагают сведениями о настроениях населения по отношению к вынужденным

мигрантам военного времени, взаимодействию последних с местным населением и их социальной интеграции в центральных губерниях Европейской России.

Фонд Р-3333 (Центропленбеж / Центрэвак), хранящийся в ГА РФе, содержит разнообразные делопроизводственные материалы, которые можно разделить на организационную документацию, текущую переписку, распорядительную, учётную и отчётную документацию. Эти материалы чрезвычайно ценны для анализа как направления политики советских властей по отношению к вынужденным мигрантам Первой мировой войны, так и положения, настроения и стратегии поведения самих беженцев и военнопленных в сложный для них период нахождения в Советской России в ожидании реэвакуации на родину. Организацию работы Центропленбежа помогают понять его внутриведомственные нормативные документы, приказы НКВД по эвакуационному ведомству, журналы заседаний Центропленбежа и его отделов. Внутренняя переписка между структурными подразделениями Центропленбежа и его органами на местах представлена телеграммами (иногда шифрованными), телефонограммами, донесениями, докладными записками, отношениями административного, беженского, эвакуационного, культурно-просветительного, хозяйственного и других отделов. Межведомственная переписка Центропленбежа по обмену пленными и реэвакуации беженцев преимущественно велась с ВЧК, иностранными миссиями по делам военнопленных, НКВД, уполномоченными по делам беженцев в РСФСР. Значительным по объёму является массив инструкций и разъяснений Центропленбежа, в т.ч. секретных²⁷¹, связанных с воплощением в жизнь декретов, постановлений и приказов СНК, ВЧК, Центропленбежа и других советских органов, а также запросов с мест в центральные государственные

²⁷¹ К примеру, секретная инструкция председателей Центрэвака и Особого отдела ВЧК о принятии «всех возможных усилий» к задержанию на местах беженцев-специалистов (инженеров, техников, железнодорожников и др.)

учреждения за разъяснением тех или иных положений законодательных актов, приказов и инструкций²⁷².

Интерес представляют журналы следования беженских эшелонов, составленные их комендантами, благодаря которым можно воссоздать процесс отправки беженцев до пограничных пунктов. Внимания заслуживают годовые и ежемесячные отчеты Центропленбежа и его отделов о своей деятельности, к сожалению, содержащие много противоречивых, неполных и неточных данных, особенно цифровых. Фонд содержит также протоколы заседаний смешанных русско-германской и русско-австрийской комиссий по обмену пленными, списки военнопленных и беженцев, оставшихся в России на определённые даты, сведения о движении этих контингентов. Среди материалов фонда встречались письма беженцев, адресованные руководству Центропленбежа, председателю СНК В.И. Ленину с мольбами о помощи, с просьбами об отправках их из голодающих губерний на родину или в хлебопроизводящие губернии. Не менее любопытны документы, которые выдавались по знакомству беженцам или военнопленным каким-нибудь ответственным советским работником. В таком документе как правило содержалась просьба об оказании его подателю содействия в отправке на родину. Акты передачи имущества и картотек Центропленбежа / Центрэвака различным организациям и учреждениям помогают в прояснении вопроса о численности вынужденных мигрантов военного времени.

Наряду с материалами советского периода фонд содержит журналы заседаний Особого совещания по устройству беженцев (1915 – 1918 гг.), отчётную документацию о размерах денежных средств, отпущенных государственным казначейством Российской империи на оказание помощи беженцам.

²⁷² Разъяснения Центропленбежа / Центрэвака давались «лично секретно» начальникам местных Губэваков, например, по «правильному» применению секретных инструкций по реэвакуации беженцев Латвии.

Подавляющее большинство источников для исследования привлечено из фондов местных архивов Центрального региона Европейской России. Первостепенное значение имеют фонды местных органов Центропланбежа – губернских и уездных коллегий по делам пленных и беженцев (с 1 сентября 1919 г. – управлений по делам пленных и беженцев, с 26 февраля 1920 г. – управлений по эвакуации населения), содержащие уникальную информацию о положении беженцев и военнопленных Первой мировой войны в Советской России в 1918 – 1925 гг.

Специфической особенностью данных фондов является наличие в них преимущественно материалов так называемого низового уровня – волостного и уездного. Это протоколы собраний беженцев, проживавших в той или иной волости, уезде, неизменно констатирующие острую нуждаемость беженцев в еде и одежде, безработицу и отсутствие помощи со стороны отделов соцобеспечения и др. местных властей, иногда содержащие обращения, адресованные председателю СНК; протоколы заседаний Советов беженцев, функционировавших с января по июнь 1918 г. и оказывавших помощь беженцам, в т.ч. в их реэвакуации; протоколы межведомственных совещаний, организуемых уездпланбежами с участием представителей уездных отделов соцобеспечения, земельных, отделов труда, управления; протоколы уездных съездов Советов рабочих и солдатских депутатов, обсуждавших проблемы вынужденных мигрантов.

Особый интерес представляют протоколы заседаний съездов представителей губернских и уездных пленбежей, проводимые совместно с делегатами от беженцев из волостей и уездов, в которых зафиксирован широкий круг обсуждавшихся насущных вопросов о необходимости, путях и возможных формах оказания помощи беженцам и военнопленным, выступления самих беженцев, ответные слова представителей советских и партийных госучреждений. Научная ценность этих документов представляется весьма высокой. Данные протоколы как нельзя ярче иллюстрируют действительную картину жизни и настроений беженцев и иностранных

военнопленных, находившихся в российской провинции в условиях отсутствия реэвакуации, а также бывших русских военнопленных, которые после революций в Австро-Венгрии и Германии в ноябре 1918 г. хлынули в Россию. Повестка заседания съездов как правило включала 3-4 вопроса: о беженцах, о военнопленных, о русских пленных, о текущем моменте. В своих выступлениях по беженскому вопросу делегаты поднимали насущные вопросы бедственного положения беженцев, констатируя отсутствие помощи со стороны местных органов власти в условиях, когда реэвакуация либо была запрещена, либо фактически отсутствовала. Динамику возвращения русских военнопленных, обстановку с их обеспечением, положение вражеских военнопленных освещали представители пленбежей. По вопросам «текущего момента» докладывали представители РКП (б), которые описывали непростое положение молодой Советской Республики и обещали в недалёком будущем начать реэвакуацию, добавляя при этом, что её начало будет зависеть от успехов Красной армии. По итогам работы съезда принимались резолюции, в которых констатировалось «гибельное положение беженцев», непростая эпидемическая и продовольственная ситуация в губернии, предлагались конкретные решения проблемы беженцев путём переотправки их в хлеботородные губернии. В резолюциях по текущему моменту рекомендовалось прилагать все усилия к самому широкому просвещению беженцев и военнопленных путём пропаганды и агитации.

Фонд содержит также доклады губернских и уездных коллегий, адресованные Центропленбежу и содержащие различные данные о вынужденных мигрантах, включая численность, обеспечение работой, о настроениях, о причинах неисполнения приказов центра. Отчёты (годовые, полугодовые и ежемесячные) о деятельности губернских и уездных пленбежей, культурно-просветительных отделов пленбежей, рапорты и объяснительные записки работников, материалы ревизий и проверок складов местных пленбежей дают представление о степени эффективности и направлениях работы в отношении беженцев и военнопленных, о численности вынужденных

мигрантов, остававшихся в регионах, о причинах неисполнения местными властями приказов Центропленбежа. В переписке губпленбежей с Центропленбежем, НКВД, отделами труда и соцобеспечения прослеживается несоответствие между интересами и задачами центра и региональных органов власти. Переписка между местными пленбежами и волсоветами, волисполкомами, собесами, милицией содержит сведения о предприятиях, на которых работали вынужденные мигранты, о планах по организации беженских сельскохозяйственных коммун, о легальном и нелегальном движении пленных и беженцев.

Большой процент делопроизводственных материалов фонда составляют телеграммы Центропленбежа, НКВД, НКПС, РВС, содержащие оперативную информацию запретительного, разрешительного и разъяснительного характера, инструкции по правильному толкованию приказов центра, адресованные работникам своих соответствующих местных органов, лицам, сопровождающим эшелоны беженцев, а также телеграммы самих беженцев, направленные в Центропленбеж и СНК с требованиями отправки на родину. Весьма интересная информация содержится в заявлениях, прошениях и обращениях беженцев и военнопленных, адресованных уездным коллегиям Центропленбежа. Из удостоверений личности, выдаваемых беженцам волсоветами, можно узнать состав семьи, место проживания, род занятий; из удостоверений местных пленбежей на проезд по железной дороге – время и направление отъезда, количество отъезжающих; удостоверения, выдаваемые вернувшимся из плена русским военнопленным волостными исполкомами, отражали их нуждаемость в вещевом довольствии.

Среди материалов фонда, позволяющих раскрыть многие стороны советской действительности тех лет, следует назвать запросы немецких и австрийских миссий и эмиссаров по репатриации пленных и беженцев, адресованные эвакуационным органам; карточки военнопленных, выдаваемые возвращавшимся русским военнопленным приграничными пленбежами; анкеты, составлявшиеся уездпленбежами в связи с предстоящей реэвакуацией

беженцев; «подписки» русских военнопленных, которые представляли из себя коллективные свидетельства о том, что они по возвращении на родину не получили вещевое довольствие.

Следующим по значимости для настоящей работы после фондов Центропленбежа / Центрэвака и его местных органов стали фонды отделов управления губернских исполнительных комитетов (губисполкомов). Губернские коллегии / управления по делам пленных и беженцев входили в состав отделов управления на правах эвакуационных подотделов. Фонды отделов управления губернских и уездных исполкомов содержат различные документы. Прежде всего это декреты и другие руководящие распоряжения центральных и местных властей (СНК, НКВД, ВЦИК, НКВД, Центропленбежа, губисполкомов, губчека и др.), касающиеся возвращения на родину беженцев и военнопленных, принятия в российское гражданство и выхода из него, организационных преобразований советского эвакуационного аппарата. Значительный массив документации представляет переписка, в т.ч. секретная, губисполкомов с иностранным отделом наркомата внутренних дел, с военными комиссариатами, с Центропленбежем, с отделами социального обеспечения, освещающая вопросы перемены беженцами и военнопленными гражданства, культурно-просветительной работы среди этого контингента, мобилизации в Красную армию, продовольственного снабжения населения, отношения власти к возвращавшимся на родину русским военнопленным. Политико-административные сводки отделов управления, протоколы заседаний губернских и уездных съездов пленбежей, сводки о настроениях в уездах, отчеты волсоветов и уисполкомов содержат региональную информацию о политическом и экономическом состоянии регионов. Архивные дела фондов отделов управления дают представление об условиях, процедуре и количественной стороне принятия военнопленными и беженцами советского гражданства, о выходе из него и оптации иностранного гражданства. В состав таких дел входят следующие документы: прошение о приёме (о выходе) в российское гражданство; опросный лист; квитанция об оплате просителем

гербового сбора за размещение объявления НКВД о его переходе в советское гражданство; переписка отдела управления с НКВД, НКВД, губернскими комиссарами и другими советскими учреждениями; копия удостоверения о смене гражданства, выданное губисполкомом, и расписка о его получении.

В фондах отделов управления губисполкомов аккумулированы материалы об организации, функционировании, контингенте концентрационных лагерей принудительных работ со времени их создания в 1919 г. и до ликвидации в 1923 г. В эти лагеря по постановлениям губчека, ревтрибуналов, отделов управления губисполкомов направляли наряду с коренным населением и беженцев Первой мировой войны, нарушивших запрет советских эвакуационных органов на самовольное переселение в хлебопроизводящие губернии или на родину.

В 1923 г. репатриацией пленных и беженцев занимались административные отделы губисполкомов. В их фондах находятся материалы о репатриации этого контингента за период с 1923 по 1925 г.

Беженцы Первой мировой войны, находившиеся в центральных губерниях Европейской России, являлись несмотря на запретительные меры советской власти активными участниками самостоятельного переселенческого движения коренного крестьянского населения в хлебородные губернии²⁷³. Среди источников по переселению, находящихся в фондах губернских и уездных органов Центропленбежа / Центрэвака, которые осуществляли мероприятия, связанные с перевозкой ходоков и переселенцев, а также в фондах губернских и уездных земельных отделов (управлений), можно отметить так называемые экстренные отзывы на бесплатный проезд, дающие представления о динамике процесса переселения. Экстренные отзывы на бесплатный проезд в Сибирь и юго-восточные губернии выдавали беженцам сначала досоветские беженские организации, затем Советы беженцев.

²⁷³ В середине 1920 г. Советская власть вынуждена была легализовать переселения крестьян Центральной России в районы Сибири.

Примерно треть документов региональных архивных фондов, изученных автором, написана от руки, иногда карандашом, на бланках дореволюционных учреждений Российской империи²⁷⁴ и даже на этикетках от различных товаров. Архивные дела региональных архивов, содержащие информацию о беженцах, русских и иностранных военнопленных Первой мировой войны, были рассекречены и стали выдаваться исследователям только в 1990-е гг., часть их них не имеет нумерации листов.

Часть делопроизводственных документов центрального и местного характера, касающихся деятельности военнопленных-интернационалистов в Советской России и за её пределами, была опубликована в сборниках документов и материалов. Особенность этих сборников состоит в том, что они создавались в период, когда научная сторона проблемы беженцев и военнопленных Первой мировой войны была подчинена политическим соображениям, которые являлись определяющими при подборе и редактировании документов. Между тем эти документы помогают в раскрытии темы агитации иностранных военнопленных за вступление в иностранные группы РКП(б), их мобилизации с помощью этих групп в Красную армию и демобилизации из неё²⁷⁵. В 2-х томном сборнике «Венгерские интернационалисты» представлены документы (отчёты, стенограммы заседаний, венгерской группы при ЦК РКП(б) и др.), освещающие участие венгерских интернационалистов в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР²⁷⁶. Сборник был подготовлен на русском и венгерском языках

²⁷⁴ Например, материалы дела 12 «Циркуляры и переписка с Брянским губернским комитетом эвакуации о порядке учёта военнопленных. 13.01. – 1.11.1921» (ГАКО. Ф. Р-2250. Оп. 1.) написаны на оборотной стороне бланков Слоимского уездного по воинской повинности присутствия.

²⁷⁵ Интернационалисты в боях за власть советов / Под ред. М.А. Бирман, А.Я. Манусевича, И.А. Хренова. М., 1965; Интернационалисты. Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. 1917–1920 гг. / Отв. ред. А.Я. Манусевич. М., 1987; и др.

²⁷⁶ Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. В 2-х томах. Т. 1. М., 1968; Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. В 2-х томах. Т.

советско-венгерским коллективом авторов, которые в предисловии отметили, что, хотя по численности отряды венгров-интернационалистов и составляли сравнительно небольшую часть многомиллионной Красной армии, они активно боролись с врагами советской власти почти на всех фронтах Гражданской войны в СССР.

Для уточнения событий, связанных с созданием и работой совета германских рабочих и солдат в Москве, Центральной Федерации иностранных групп при ЦК РКП(б), участием интернационалистов в подавлении крестьянских выступлений против советской власти автор обращался к современным публикациям документов²⁷⁷.

Четвертую группу составляют *источники личного происхождения* (воспоминания, дневники), которые помогают восстановить и уточнить картину событий и содержат множество интересных данных, не отраженных в других источниках. Особый интерес, безусловно, представляют воспоминания, написанные самими вынужденными мигрантами Первой мировой войны. Несмотря на масштаб явления беженства и военного плена таких источников в России было создано крайне мало, причем авторами воспоминаний являлись бывшие русские военнопленные, ставшие на платформу советской власти. Мемуары бывших военнопленных-представителей иного политического лагеря в Советской России не печатались, как и воспоминания беженцев.

Автором проанализированы воспоминания представителей 100 белорусских православных беженских семей из Белостокского и Бельского уездов Гродненской губернии, перемещённых вглубь России, в т.ч. и в центральные губернии Европейской России, в августе – декабре 1915 г.²⁷⁸ Воспоминания беженцев были записаны в 1958 – 2000 гг. корреспондентами газеты «Нива», «Бельский гостинец», историками, волонтерами-участниками

2. Участие венгерских интернационалистов в защите Советской власти на фронтах гражданской войны в СССР. М., 1968.

²⁷⁷ Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998; Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Коминтерн 1919–1943: документы / Ред. Г.М. Адиев. М., 2004.

²⁷⁸ Бежанства 1915 года / Рэдактар *Віталь Луба*. Беласток, 2000; (Далее – Бежанство 1915 года / Ред. В. Луба. Беласток, 2000 – перевод мой. – И.Б.).

молодёжных лагерей и изданы в 2000 г. в Белостоке на белорусском языке. Воспоминания охватывают период от массового отъезда беженцев в 1915 г. до возвращения их в родные места, ставшие за время их отсутствия территорией Польского государства, и являются уникальным источником, проливающим свет на проблему беженства.

Белорусский общественный деятель, литератор и историк Ф.А. Кудринский, уроженец Виленской губернии, сам стал в 1915 г. беженцем и занимался оказанием им помощи в г. Рогачёве Могилёвской губернии, через который до конца 1915 г. прошло только зарегистрированных около 700 тысяч беженцев. Ф.А. Кудринский в период с июля по ноябрь 1915 г. включительно записал рассказы беженцев и свои личные наблюдения и впечатления об эвакуации белорусских и польских беженцев, немцев-колонистов²⁷⁹, составившие книгу «Людские волны. Беженцы», изданную в Петрограде в 1917 г. Через 80 лет, в 1997 г. мемуары Ф.А. Кудринского были напечатаны на страницах белорусского журнала «Нёман», эта публикация используется автором диссертационного исследования²⁸⁰.

Автобиографическая повесть²⁸¹ бывшего русского военнопленного офицера, поручика 171-го пехотного Кобринского полка В.В. Корсака (Завадского), находившегося в германских лагерях на протяжении почти всей войны, помогают уточнить и расширить, в частности, представления о

²⁷⁹ В предисловии Ф.А. Кудринский отметил: «Своей задачей я ставил изучение почвенной, так сказать, чернозёмной стороны беженства. Я пытался записывать такие факты, которые дали бы возможность “зарегистрировать душу” русского крестьянина в необычных для него условиях беженства» // *Кудринский Ф.А. Людские волны. Беженцы // Нёман. 1997. № 6. С. 83.*

²⁸⁰ *Кудринский Ф.А. Людские волны. Беженцы // Нёман. 1997. № 6. С. 79–193*

²⁸¹ Данное произведение, в котором освещается ряд событий в жизни главного героя, написанное от первого лица, безусловно, является одним из жанров литературы. Вместе с тем повесть В.В. Корсака (Завадского) позволяет взглянуть на события 1914-1918 гг. глазами русского офицера, попавшего в плен и находившегося в германских лагерях на протяжении почти всей войны.

процедуре отправки русских военнопленных из германских лагерей, о работе комиссии по эвакуации военнопленных-инвалидов²⁸².

Небольшие, но ставшие хорошим подспорьем для советских историков в освещении создания вооруженных формирований из военнопленных-интернационалистов, воспоминания бывшего военнопленного А. Шипека с любопытным названием «Военнопленные и их использование в мировой и гражданской войнах» были опубликованы в Советской России в 1928 г.²⁸³ А. Шипек отмечает, что из добровольцев-славян формировались вооруженные национальные дружины в составе русской армии. В Советской России организовывались интернациональные вооруженные формирования из военнопленных-добровольцев. Автор приводит пример смешанного отряда интернационалистов, организованного в Пензе, состоявшего из чехов, немцев, латышей (1 тыс. человек), участвовавшего в подавлении крестьянского восстания в Тамбовской губернии в ноябре 1918 г. По словам автора, в феврале 1919 г. по призыву Совета австро-венгерских рабочих и солдатских депутатов (Австросовета) отряд отправился на родину. А. Шипек утверждает, что военнопленные сами, без всяких агитационных призывов и руководства сверху, организовались в вооруженные отряды для борьбы с контрреволюцией.

Особый интерес представляют воспоминания председателя Всероссийского бюро военнопленных, члена ВЦИК, редактора «Известий Центропленбежа» и «Газеты пленного» И.И. Ульянова²⁸⁴. Он осветил историю создания Всероссийского бюро пленных в конце января 1918 г. по инициативе военного отдела ВЦИК. Бюро провело в Москве в марте 1918 г. конференцию пленных, выступая на которой автор заявил, что обязательства российского правительства перед Германией «не вести пропаганду среди германских рабочих» не распространяется на революционных рабочих и крестьян,

²⁸² Корсак (Завадский) В.В. Плен // Забытая война: сб. ист. лит. произв. / Сост. Р.Г. Гагкуев. М., 2011.

²⁸³ Шипек А. Военнопленные и их использование в мировой и гражданской войнах // Война и революция. 1928. № 2. С. 64–72.

²⁸⁴ Ульянов И.И. Октябрьская революция и военнопленные // Пролетарская революция. 1929. № 7. С. 95–110.

находящихся в России как пленных, к какому бы подданству они не принадлежали²⁸⁵. В апреле 1918 г. был организован и Всероссийский съезд военнопленных. Предложенный съезду Манифест содержал призыв ко всем военнопленным при возвращении домой участвовать в вооружённых восстаниях против империалистической разбойничьей банды, взяв оружие, которым они будут обеспечены²⁸⁶. Манифест был переведен на иностранные языки и разослан во все страны при содействии Бюро пленных²⁸⁷. И.И. Ульянов повествует о том, как через отправляемых на родину в Германию военнопленных Бюро устанавливало связи с русскими военнопленными в лагерях Германии с целью проведения революционной агитации, как Бюро реагировало (чисто формально) на протесты германского правительства против революционирования пленных, боясь международных осложнений; указывает численность иностранных военнопленных в рядах Красной армии до революции в Германии – 50 тыс. человек. С организацией Центропленбежа и культурно-просветительного отдела в его составе Бюро пленных было ликвидировано, а его председатель – И.И. Ульянов стал заведовать культурно-просветительным отделом Центропленбежа. На местах культпросветотделы согласовывали свою агитационно-пропагандистскую работу с революционными организациями германских и австро-венгерских военнопленных. Что касается международной коммунистической пропаганды, то она от ликвидированного Бюро перешла в ЦК партии. По свидетельству И.И. Ульянова, к этому времени в Германии и Австро-Венгрии надвигались революционные события, в которых свою роль сыграли и бывшие солдаты Первой мировой войны, находившиеся в русском плену²⁸⁸.

В исследовании использованы также воспоминания современников эпохи: русских политических, общественных и литературных деятелей,

²⁸⁵ Там же. С. 101.

²⁸⁶ Там же. С. 102.

²⁸⁷ Там же. С. 104.

²⁸⁸ Там же. С. 106–107.

военных²⁸⁹. Воспоминания отбирались по принципу содержания в них материала по теме исследования. К сожалению, главные действующие лица советского эвакуационного аппарата мемуаров не оставили.

Для раскрытия заявленной темы несомненный интерес представляют *публицистические работы* создателя советского государства, лидера и главного идеолога коммунистической партии В.И. Ульянова-Ленина. Долгое время его работы являлись методологической основой изучения всех исторических проблем всеми советскими историками, в т.ч. и проблемы вынужденных мигрантов Первой мировой войны – военнопленных и беженцев. В настоящее время, когда научный поиск может идти в русле различных методологических подходов, произведения В.И. Ленина, безусловно, являются ценным источником, проливающим свет на определяющие принципы политики советского государства. В них показана довольно яркая картина советской действительности того времени: голод, разруха, дезертирство, мешочничество, антисоветские настроения и выступления, бандитизм, заложники. Беженцы и военнопленные, находившиеся в этих условиях, вынуждены были приспособливаться к ним и волей-неволей становились участниками общественно-политических событий, происходивших в Советской России.

Автором при работе над диссертацией привлекались статьи, письма, директивы, доклады, и различные выступления В.И. Ленина, опубликованные в 5 издании его Полного собрания сочинений и сборнике «Декреты Советской власти», в которых отражены мероприятия большевистского правительства в отношении беженцев и военнопленных. В них можно проследить формы и методы агитационно-пропагандистской деятельности, направленной на привлечение на свою сторону беженских и солдатских масс вражеских и бывших русских пленных, возвращавшихся на родину. Например, «Воззвание

²⁸⁹ *Поливанов А.А.* Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 2, 3, 5, 7, 8, 11; *Кафафов К.Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 2, 3, 5, 7; *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. Мн., 2003; *Аксакова (Сиверс) Т. А.* Семейная хроника. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2005; *Веселовский С.Б.* Дневники 1915-1923, 1944... // Вопросы истории. 2000. № 2; и др.

товарищам, томящимся в плену», написанное в середине марта 1917 г.²⁹⁰; выступление В.И. Ленина на рабочей конференции Пресненского района Москвы 14 декабря 1918 г., где он говорил о стихийном движении из плена 2 млн русских солдат²⁹¹; доклад о мерах против дезертирства красноармейцев; беседы с уполномоченными Наркомзема о распределении переселенцев²⁹²; о необходимости решительной борьбы с мешочничеством, препятствовавшим нормальной работе транспорта²⁹³; речь на демонстрации в честь австро-венгерской революции²⁹⁴; обсуждение вопросов создания комиссии по объединению раздробленных культурно-просветительных организаций, об ассигновании средств для пропаганды среди военнопленных и интервенционистских войск; обращение к населению о борьбе с голодом, сделанное 29 мая 1918 г.²⁹⁵ и ряд других.

Важным многоплановым источником, отражающим текущие события рассматриваемого периода (1914 – 1925 гг.) и освещающим проблемы повседневной жизни вынужденных мигрантов Первой мировой войны, является выделенная в *пятую группу* источников *периодическая печать*. Автор обращался преимущественно к таким периодическим изданиям имперского периода, как официальные провинциальные газеты (губернские и епархиальные ведомости)²⁹⁶ и частная местная периодика²⁹⁷. Ценность для настоящего

²⁹⁰ Воззвание товарищам, томящимся в плену. Март 1917 г. // *Ленин В.И.* ПСС. 5-е изд. Т. 31. М., 1969. С. 60–66.

²⁹¹ *Ленин В.И.* Речь на рабочей конференции Пресненского района Москвы 14 декабря 1918 г. // ПСС. 5-е изд. Т. 37. С. 370–383.

²⁹² Даты жизни и деятельности В.И. Ленина // ПСС. 5-е изд. Т. 41. С. 635–651.

²⁹³ *Ленин В.И.* Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета и Всероссийского съезда профессиональных союзов. 17 января 1919 г. // ПСС. 5-е изд. Т. 37. С. 412–427.

²⁹⁴ *Ленин В.И.* Речь на демонстрации в честь Австро-Венгерской революции 3 ноября 1918 г. // ПСС. 5-е изд. Т. 37. С. 131.

²⁹⁵ *Ленин В.И.* Обращение к населению о борьбе с голодом. 29 мая 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 344–348.

²⁹⁶ Автор использовал: «Калужские губернские ведомости», «Орловские губернские ведомости», «Тульские губернские ведомости», «Орловский епархиальный вестник», «Калужский церковно-общественный вестник».

²⁹⁷ «Калужский курьер», «Орловский вестник», «Воронежский телеграф», «Известия главной конторы Брасовского и Дерюгинского ЕИВ ВК Михаила Александровича имений» и др.

исследования именно провинциальной прессы состоит в наличии в ней самой разнообразной по жанру, происхождению и содержанию информации о пребывании беженцев и вражеских пленных в российских регионах в дореволюционный период. Статьи, хроника, заметки, объявления, фельетоны, репортажи дают возможность судить о том, как воспринимало мигрантов местное население, об отношении самих мигрантов к коренному населению, об эвакуированных рабочих и служащих предприятий и учреждений, количестве вражеских военнопленных, их размещении в пределах губерний, трудоустройстве, быте и нравах. На страницах газет печатались отчёты о деятельности благотворительных организаций разного уровня, оказывавших помощь беженцам и русским пленным, сообщения о предстоящих благотворительных акциях. Редакции газет являлись пунктами сбора денег, продовольствия и предметов одежды на нужды русских военнопленных и беженцев. Кроме того, в официальной местной периодике публиковались законодательные акты центрального правительства и обязательные постановления местных властей, касавшиеся правового статуса, вопросов управления и обеспечения жизнедеятельности вынужденных мигрантов военного времени. Отчёты о доходах и расходах Всероссийских благотворительных организаций, оказывавших помощь беженцам, широко печатались на страницах ряда центральных периодических изданий²⁹⁸.

Для более полного исследования жизни беженцев и военнопленных Первой мировой войны в годы советской власти автором привлекались материалы центральных и местных органов большевистской партии²⁹⁹, издания исполкомов советов³⁰⁰, советских государственных учреждений³⁰¹, а также

²⁹⁸ «Летопись войны» 1914–1915–1916–1917 гг. Иллюстрированный еженедельный журнал; «Беженец».

²⁹⁹ «Известия Центрального Комитета РКП (б)»; «Коммуна. Орган Калужского губкома РКП (б)».

³⁰⁰ «Известия Калужского Губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов»; «Известия Орловского губернского и городского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»; и др.

различные виды листковой литературы – объявления, воззвания, обращения³⁰². Следует отметить, что в советский период частная периодическая печать исчезла, а издававшаяся партийно-государственная периодика имела ярко выраженную идеологическую окраску и находилась под контролем большевистской партии. По этой причине советская печать не является зеркалом, отражающим действительное положение вынужденных мигрантов Первой мировой войны и реальный спектр общественного мнения по различным проблемам беженцев и военнопленных. Советскую прессу скорее можно считать кривым зеркалом, посредством которого советская власть, несмотря на очевидное расхождение между партийными установками и действительностью, постоянно, навязчиво и безапелляционно стремилась доказать населению, что делает для «обездоленного» и «угнетенного империалистами» беженца и военнопленного всё. В советской печати чётко прослеживается так называемый социальный заказ на материал о привлечении бывших вражеских и возвращавшихся русских военнопленных, беженцев Первой мировой войны на сторону большевиков, в котором настойчиво противопоставлялась забота власти о беженцах и военнопленных в царской и советской России в пользу последней.

При этом ценность советской периодической печати для данного исследования состоит в том, что публикуемая в ней официальная информация партийно-государственных структур помогает уточнить и расширить представление о направлениях, способах и конкретных методах агитации и пропаганды среди указанного контингента. Значимость представляют и фактические данные о проводимых партийных съездах и конференциях, повестка дня, состав участников и ход которых освещался в прессе, сведения о

³⁰¹ «Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах»; «Газета пленного. Издание культурно-просветительных отделов Центральной и Московской коллегий о пленных и беженцах».

³⁰² Воззвания и объявления губернских коллегий по делам пленных и беженцев, обращения к населению эмиссаров по делам пленных и беженцев и др.

лечебных заведениях для освидетельствования возвращавшихся на родину русских пленных и другая конкретно-фактическая информация.

Среди советской периодики особый интерес для темы настоящей работы представляет специальное издание Центропленбежа «Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах» (далее – «Известия»), а также издание культурно-просветительных отделов Центральной и Московской коллегий о пленных и беженцах «Газета пленного». «Известия» издавались в период с июня 1918 по январь 1919 г. включительно, под редакцией И.И. Ульянова, был выпущен 21 номер. С четвертого номера в «Известиях» печатались списки возвращавшихся из плена, составленные по данным справочного бюро регистрационно-статистической части Центропленбежа. «Известия» обычно состояли из официального, неофициального и справочного отделов. В официальном отделе публиковались некоторые приказы Центропленбежа, инструкции для его местных органов по вопросам реэвакуации пленных и беженцев, сводки работы отделов Центропленбежа за определенные промежутки времени, составленные на основе журналов заседаний, международные соглашения, касавшиеся обмена пленными. Материалы неофициального отдела включали отчеты о деятельности культурно-просветительного отдела Центропленбежа и его местных коллегий, эвакуационные списки, доклады комендантов эшелонов, перевозивших пленных и беженцев, заметки с мест о торжественных встречах-митингах вернувшихся из плена русских солдат, а также проводах на родину бывших вражеских военнопленных и беженцев, тексты типовых резолюций, которые рекомендовалось принимать на митингах от имени пленных и беженцев, программы и речи для агитаторов по различным вопросам, которые могут быть затронуты на митингах. В неофициальном отделе освещалась также работа русских комиссий попечения о пленных в Германии, вопросы помощи русским пленным. В справочно-правовом отделе печатались объявления Центропленбежа и его местных органов, народного комитета социального

обеспечения и других наркоматов, касавшиеся оказания помощи возвращавшимся русским военнопленным.

С января 1919 г. на смену «Известиям» пришла «Газета пленного», которая издавалась в Москве по март 1919 г. включительно. На её страницах печатались материалы агитационно-пропагандистской направленности (резолуции митингов, обращения и воззвания к товарищам, ещё находившимся в плену, статьи о контрреволюции и методах борьбы с ней и др.), а также текущего справочного характера (информация о пособиях и пенсиях для бывших русских пленных). Девизом газеты являлись слова: «Добро пожаловать из царства гнёта и рабства иностранного империализма в свободную Социалистическую Республику, где вся власть в руках Советов». Издание предназначалось для распространения среди вернувшихся из плена русских военнослужащих, а также отбывающих на родину бывших вражеских пленных с целью ввести их в курс дела относительно «правильной» линии поведения, направленной на упрочение и защиту советской власти в России и установление её в других странах.

Шестая группа источников включает **справочные и статистические материалы**. Из справочных изданий взяты сведения о должностных лицах центральных губерний Европейской России, западных губерний Российской империи, о названии населенных пунктов, численности и половозрастном составе населения, информация об административно-территориальном делении Российской империи и Советской Республики, сведения об общественных и национальных организациях, занимавшихся оказанием помощи беженцам и русским военнопленным, об учреждениях и предприятиях, которые были эвакуированы с западной границы России и открыты в центральных губерниях³⁰³.

³⁰³ Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995; Россия в мировой войне 1914–1918 гг.: (В цифрах). М., 1925; Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. СПб., 1903–1905; Список организаций, ведающих дело помощи беженцам на 1 мая 1916 г. Вып. I. Европейская Россия. М., 1916; Справочник по эвакуации правительственных, общественных и частных учреждений и заведений и о должностных

Статистические материалы о беженцах Первой мировой войны в имперский период входили в издания Татьянанского комитета и других организаций помощи беженцам³⁰⁴. Архивные материалы статистических отделов Губернских и уездных земских управ располагают данными о численности и трудоспособности беженцев. Статистические данные Регистрационно-статистического Бюро губернского земского комитета помощи беженцам о численном, половозрастном, семейном, профессиональном составе, грамотности литовцев-беженцев, проживавших с осени 1915 г. в г. Туле, собраны в издании Тульского отдела Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны³⁰⁵. В приложении приведены бюджетные обследования двух литовских семей, живущих на комитетский паек и имеющих кроме него доход в 15 рублей в месяц, которые иллюстрируют материально-продовольственное положение беженцев в имперский период. Статистические источники советского периода о беженцах и военнопленных как опубликованные, так и архивные, очень противоречивы, фрагментарны и хаотичны. Они не отражают многие вопросы, например, уровень смертности, заболеваемости, численность реэвакуированных и уехавших самостоятельно. В связи с этим по ним нельзя составить точное представление о численности вынужденных мигрантов, проследить динамику их возвращения на родину.

Неопубликованные архивные источники, впервые вводимые в научный оборот, материалы периодической печати, опубликованные документы, дополненные фактическими данными, почерпнутыми из научной литературы, позволяют исследовать сложную судьбу вынужденных мигрантов Первой мировой войны, находившихся в центральных губерниях Европейской России в период 1914 – 1925 гг. в условиях различных политических режимов.

лицах. Пг., 1916; Адрес-календари Воронежской губернии за 1914–1917 гг. Воронеж, 1913–1916; Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1915 г. Гродно, 1915; Памятные книжки и адрес-календари Калужской губернии за 1914–1917 гг. Калуга, 1913–1916; Памятные книжки и адрес-календари Орловской губернии за 1914–1917 гг. Орёл, 1913–1916; и др.

³⁰⁴ Отчёт о деятельности Особого отдела Комитета ЕИВ ВК Татьяны Николаевны. Пг., 1916;

³⁰⁵ Керстен Я. Литовские беженцы в Туле. Тула, 1917.

Привлеченные для настоящего исследования источники дают возможность воссоздать различные стороны взаимоотношений вынужденных мигрантов с властями, а также коренным населением в ходе деловых и неформальных контактов.

ГЛАВА II. ВЫНУЖДЕННЫЕ МИГРАНТЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. 1914 – 1917 гг.

С началом военных действий многократно возросли миграционные процессы, которые наряду с другими факторами вели к дестабилизации политической обстановки в стране. В таких условиях перед властью возникла проблема сохранения политической и социально-экономической стабильности внутри страны путём минимизации негативного влияния этих процессов.

2.1. Беженцы из Западных губерний: эвакуация и расселение

Война положила начало миграционным процессам. Населению, пострадавшему от военных действий была необходима помощь, которую стала оказывать специально созданная организация. Она получила название «Комитет для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий», председателем комитета стала великая княжна Татьяна Николаевна¹. Татьянинский комитет финансировался государством, кроме того, им осуществлялся сбор пожертвований. В российских регионах постепенно были открыты отделения Татьянинского комитета губернского, городского и уездного уровней. Комитет являлся основной организацией попечения о беженцах до принятия 30 августа 1915 г. закона «Об обеспечении нужд беженцев»².

Вызванное военными обстоятельствами массовое движение-бегство миллионов беженцев из прифронтовых западных районов России началось летом 1915 г. До конца 1915 г., например, через Могилёвскую губернию в районе города Рогачёва как одну из важнейших артерий беженского движения,

¹ Положение о комитете Ея Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий // Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г., вызванных обстоятельствами военного времени. Пг., 1916. С. 47.

² Закон и положение об обеспечении нужд беженцев (СУ. № 242, 1 сент. 1915, ст. 1842) // Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. М., 1916. С. 1–6.

с запада на восток проследовало около 700 тыс. беженцев, двигавшихся гужевым способом³. Беженцы вспоминают бесконечный поток повозок, медленно текущий на восток, вклинить в который днём во время движения не было никакой возможности. Требовалось ждать до остановки на отдых вечером. На развернутых по пути движения питательных пунктах и железнодорожных станциях из-за огромного скопления народа образовались длинные очереди⁴. С июля 1915 г. эвакуацию беженцев из районов, подконтрольных военным властям, и устройство их на новых местах начали организации «Северопомощь» и «Югобеженец» под общим руководством главноуполномоченных Северо-Западного и Юго-Западного фронтов⁵. С сентября до конца 1915 г. осуществлялась массовая перевозка беженцев маршрутными поездами в тыловые районы. Для этого понадобилось 115 тыс. вагонов только на период наиболее интенсивного движения⁶.

В центральных губерниях Европейской России, в направлении которых шёл беженский поток, отделения Татьянанского комитета открывались с началом массового движения беженцев. Через Татьянинский комитет, а также Всероссийские Земский союз и союз Городов (ВЗС и ВСГ) государство осуществляло финансирование мероприятий, связанных с массовым передвижением беженцев во внутренние губернии, кроме этого комитеты собирали на эти цели пожертвования. Например, калужский городской и 11 уездных отделений Татьянинского комитета образовались в июле 1915 г. Тогда же в июле первая крупная партия следовавших вглубь России беженцев, состоявшая из 600 человек, прибыла на станцию «Калуга» Сызрано-Вяземской железной дороги. Усилиями Татьянинского комитета им и другим

³ Кудринский Ф.А. Людские волны. Беженцы // Нёман. 1997. № 6. С. 82; Федот Андреевич Кудринский (1867–1933) – литератор, историк и этнограф, уроженец Виленской губернии, беженец, занимался оказанием помощи беженцам в городе Рогачёве Могилёвской губернии.

⁴ См.: Беженство 1915 года / Ред. В. Луба. Белосток, 2000.

⁵ Главноуполномоченным по устройству беженцев Северо-Западного фронта стал С.И. Зубчанинов, Юго-Западного фронта – кн. Н.И. Урусов // Беженцы и выселенцы. М., 1915. С. 20.

⁶ См.: Поливанов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г.–13 марта 1916 г.) // ВИ. 1994. № 11. С. 136.

проезжавшим оказывались врачебная и продовольственная помощь через организованные для этой цели врачебно-продовольственные пункты не только в Калуге, но и на четырех других железнодорожных станциях губернии: Сухиничах, Спас-Деменске, Мятлеве, Чипляеве. На станции «Калуга» Губернским отделением Татьянанского комитета было открыто Бюро, занимавшееся оформлением проездных документов транзитным пассажирам, которые десятками тысяч следовали через Калугу; организовано строительство четырёх барачков с кухней на 450 человек для транзитных пассажиров. Беженцы получали 1 раз в день кашу с салом, чёрный хлеб, и сладкий чай. Пользоваться кипятком можно было весь день, с утра до вечера. Больным выдавался белый хлеб, а дети получали молоко. Все поезда осматривались медицинскими работниками. Больных госпитализировали в городские больницы, инфекционных больных помещали в специальные инфекционные отделения. Так, 1 января 1916 г. было выявлено более 9,5 тыс. человек, в т. ч. более 100 холерных и один сыпнотифозный больной, успевший заразить более десятка человек.

В августе 1915 г. беженский поток значительно возрос, а в сентябре достиг максимальной интенсивности. Так, если на питательном пункте при железнодорожной станции «Сухиничи» в июле 1915 г. продовольствие получили 370 проезжавших беженцев, то в августе – более 33 тыс., в сентябре – 93 тыс. чел. В барак для инфекционных больных было отправлено 379 заболевших, в т.ч. тифом и холерой⁷. На железнодорожной станции «Чипляево» обеды, состоявшие из картофельного супа или борща на мясном бульоне, хлеба и сладкого чая, получали сразу 1,5 тыс. человек. Хлеб, который пекли в соседних деревнях, отпускался по одному фунту чёрного и по 0,5 фунта белого. Выдавался чай с сахаром и сено для скота. Выявленных при осмотрах инфекционных больных санитарным транспортом доставляли на соседнюю

⁷ Калужский санитарный обзор (КСО). 1916. № 1–5.

железнодорожную станцию, где помещали на лечение в специальные отделения⁸.

Аналогичная работа по созданию врачебно-питательных пунктов и оказанию на их базе помощи беженцам, следовавшим к местам своего временного пребывания, проводилась во всех губерниях Европейской России, через которые осуществлялось массовое переселенческое движение. Так, в Воронежской губернии осенью 1915 г. усилиями ВЗС и Губернской земской управы (ГЗУ) при железнодорожных станциях было открыто 11 врачебно-питательных пунктов с помещениями для заболевших в пути⁹. На питательном пункте при железнодорожной станции «Курск-Ямская», открытом 11 июля 1915 г., за месяц было выдано 30 тыс. обедов транзитным беженцам¹⁰.

Беженцы из Западных губерний следовали и гужевым способом по Московско-Варшавскому шоссе. На этом пути от Смоленской губернии до Московской усилиями Татьянинского комитета была организована врачебно-продовольственная помощь, построены бараки с кухнями и склады для фуража. Так, на почтовой станции «Крапивна» было построено 3 барака с печами и нарами. На остальных почтовых станциях: «Михайловский хутор», «Александровский хутор», «Калугово», «Людково», «Барсуки», «Крюково», - везде имелись теплые жилые бараки. На железнодорожных станциях «Спас-Деменск», «Чипляево», «Мятлево», «Малоярославец» также были построены бараки для отдыха и ночлега. Бараки для инфекционных больных находились в Спас-Деменске, Сухиничах, Жерелёве¹¹.

Первые беженцы, которых было около 250 чел., появились на территории Калужской губернии на почтовой станции «Крапивна» Московско-Варшавского шоссе 16 августа 1915 г. Их встречали местные жители во главе с

⁸ Там же.

⁹ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 9894. Л. 1.

¹⁰ Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 гг. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Вып. 1. Курск, 1997. С. 43–44.

¹¹ См.: Очерк деятельности Калужского губернского отделения Комитета ЕИВ Вел. кн. Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий с 18 мая 1915 по 1 января 1916 г.

председателем калужской Губернской земской управы Д.Н. Челищевым. Беженцы прибыли на своих подводах с имуществом и домашним скотом. На ближайшей железнодорожной станции «Чипляево» они должны были пересесть в вагоны и следовать дальше. Жители Гродненской губернии подлежали расселению в Калужской. Автомобили «Северопомощи»¹² в декабре 1915 г. доставили группу из 500 беженцев на железнодорожную станцию для отправки в пункт назначения. Это была последняя группа беженцев. После этого они перестали прибывать на территорию Калужской губернии.

Для беженцев, ехавших в Брянск как по железной дороге, так и гужевым путём от Смоленска и Гомеля на железнодорожных и почтовых станциях были организованы врачебно-питательные пункты государственной организацией «Северопомощь»¹³, Земскими и Городскими союзами. В сентябре 1915 г. движение беженцев отличалось наибольшей интенсивностью. Наплыв беженцев на Брянский уезд, описал земский врач третьего участка в своем сообщении уездному исправнику: «22 сентября, около 11 час. утра толпа беженцев под руководством священника <...>, состоявшая из 700 чел., насильно отстранив стражника 4 стана, потоптала посевы, расположившись в берёзовой роще при Песоченской экономии <...>, деревья порубили на дрова, клевер для коров скосили. Эта партия из Холмской губернии под предводительством своего священника опустошает всё на своём пути и идёт в Брянск и будет там 24 сентября. До этого прошла через Песочню партия поляков в 1 000 чел, и всё прошло благополучно»¹⁴.

Большая интенсивность движения помешала в оптимальные сроки организовать полноценную регистрацию транзитных беженцев. Через почтовую станцию «Крапивна» Калужской губернии, где регистрация началась лишь с середины сентября 1915 г. к железнодорожным станциям «Спас-

¹² Центр «Северопомощи», организованной при Главноуполномоченном Северо-Западного фронта С.И. Зубчанинове, находился в Смоленске // Беженцы и выселенцы. М., 1915. С. 20.

¹³ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 5244. Л. 91–93.

¹⁴ Цит. по: Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011. С. 97.

Деменск» и «Чипляево» за месяц гужевым способом проследовало почти 47 тыс. беженцев. Если на ближайших железнодорожных станциях очереди на посадку были очень большими, то беженцам приходилось следовать на лошадях до ближайшей железнодорожной станции. При этом расстояния между станциями они преодолевали за несколько дней, т.к. скорость их движения не превышала 15 км. в день. В пути они получали пищу на питательных пунктах. В конце октября 1915 г. движение беженцев гужевым способом через Калужскую губернию прекратилось. Калужский священник Михаил Чистяков, наблюдая людской беженский поток летом 1915 г. написал:

« По шоссейным дорогам, просёлком

Толпы дев, стариков, матерей...

К нам бегут те несчастные люди,

Умирая нередко в пути...

Так не станьте им хуже германцев,

Убивая нелаской своей...¹⁵».

Надо отметить, что чаще всего в пути умирали дети и старики.

Осенью 1915 г. осуществлялись массовые перевозки беженцев маршрутными поездами прямо до пункта назначения. В вагонах маршрутных поездов имелись нары и печи, однако имеются свидетельства того, что печи были не во всех вагонах, например, тульский губернатор А.Н. Тройницкий сообщал об этом министру путей сообщения в октябре 1915 г. Он также сообщал о простаивании вагонов с беженцами от нескольких часов до нескольких суток¹⁶. Но оказаться в вагонах, хотя бы и таких, мечтали все беженцы, т.к. на станциях посадки были многотысячные очереди. Например, беженец из Гродненской губернии Ян Зинюк вспоминал, что в Слониме его семья и односельчане не смогли сесть в поезд из-за большого наплыва людей,

¹⁵ КЦОВ. 10 окт. 1915. Стихи приводятся в сокращении.

¹⁶ См.: Шевелева О. В. Сельскохозяйственное развитие великорусской провинции и столыпинская аграрная реформа в годы I Мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. Тула, 2008. С. 186; О неритмичности движения беженских эшелонов см. также: Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии... С. 42.

ожидавших уже 2 недели своей очереди в августе 1915 г. Проехав на лошадях дальше, до станции Барановичи, они наблюдали ту же картину: «Людей столько, что палец не воткнуть», в Бобруйске – было то же, только в Рославле Смоленской губернии удалось сесть в вагон¹⁷. На станциях посадки беженцам предоставлялось право выбора мест временного проживания. Например, беженка Мария Лисовская из Гродненской губернии отмечала, что жители её села, доехавшие до Минска на подводах и пересевшие в вагоны, выбрали местами проживания Самарскую и Смоленскую губернии, а также Украину и Сибирь¹⁸. В вагонах размещали по 6 беженских семей, было тесно, но тепло¹⁹. По свидетельству беженцев, в дороге до места назначения их осматривали медицинские работники, выявляя и госпитализируя больных, на железнодорожных станциях работали и питательные пункты²⁰. Так, Юзеф Новицкий из Гродненской губернии вспоминал, что по пути в Омск о них заботились: выдавали продукты и деньги, по прибытии в Омск беженцев до весны разместили в бараках переселенческого пункта. Там были кухня и баня, людей кормили и выдавали денежное пособие, а также тёплую одежду тем, кто её не имел²¹. Более красноречиво высказался о помощи беженцам в пути ещё один беженец из Гродненской губернии Николай Панфилюк, который отметил в воспоминаниях, что в дороге о них заботились, как о родных, поэтому все тепло вспоминают русский народ, «которого лучше в мире нет»²².

До конца 1915 г. беженцы, вынужденно оставившие родные места, были благополучно доставлены в пункты своего временного размещения²³. Об этом

¹⁷ *Зинюк Я.* Люди гибли наповал // *Беженство 1915 года / Ред. В. Луба.* Белосток, 2000. С. 86–87; см. также: *Логвинюк А.* Люди от голода умирали // Там же. С. 135–137.

¹⁸ Там же. С. 138–141.

¹⁹ *Беженство 1915 года.* С. 256.

²⁰ Там же. С. 90, 163–164.

²¹ Там же. С. 160–163.

²² *Панфилюк Н.* Беженство в Сибирь // *Беженство 1915 года.* С. 176.

²³ См., например: *Лаврентьев В.М., Хасин В.В.* Миграционные процессы в России в Первую мировую войну // *Военно-исторические исследования в Поволжье. Сборник научных трудов.* Вып. 1. Саратов, 1997. С. 139–150; *Курцев А.Н.* Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 гг. // *Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых.* Вып. 1. Курск, 1997. С. 41.

говорили и сами беженцы, например, Антон Козловский из Белостокского уезда Гродненской губернии отмечал: «Ясно, что большинство беженцев не добрались бы до тыловых районов России, даже до Европейской её части, собственным транспортом. Беженцы из Белостокского уезда Гродненской губернии пересаживались на поезда в Барановичах. Хотя военная обстановка была в этот период тяжелой, порядок, безопасность и питание беженцев были организованы неплохо. Большинство беженцев в довольно короткое время добрались до мест назначения»²⁴. Военные помогали беженцам, оставшимся без лошадей: сажали с собой на подводы, обеспечивали продуктами²⁵. Дом и скот сдавали армии под квитанции, расчёт по которым получали позже, уже в местах временного проживания²⁶. Иногда деньги выдавали сразу, как, например, семье Тихона Трахимюка, которая сдала военным трёх дойных коров, двух телят, 12 овец и несколько свиней²⁷.

Не всем беженцам удалось доехать до мест водворения без потерь. В дороге умирали в основном старики и маленькие дети. Так, 11 беженских крестьянских семей (из Белостокского и Бельского уездов Гродненской губернии) из 100 потеряли от одного до трёх человек, всего 20, в основном от холеры за период своего движения к местам временного размещения до посадки в вагоны²⁸.

Беженцам, промедлившими с отъездом, несмотря на рекомендации и разъяснения военных чинов об опасности нахождения в полосе боевых действий и агитацию со стороны православного духовенства, в результате пришлось познать тяготы немецкой оккупации. Оккупированная немцами Гродненская губерния стала называться «Имперско-немецкая Гродненская губерния». Губернатором назначили немецкого генерала. За нарушение приказов оккупационной администрации население подвергалось штрафам,

²⁴ Козловский А. Брали нас нарасхват // Беженство 1915 года / Ред. В. Луба. Белосток, 2000. С. 103.

²⁵ Там же. С. 121.

²⁶ Там же. С. 26, 47, 116.

²⁷ Там же. С. 254.

²⁸ Подсчитано по: Беженство 1915 года. С. 96, 79, 255, 132, 45, 68, 175-176, 99, 156, 167, 211.

тюремному заключению и даже смертной казни. Применялись физические наказания, свободное передвижение разрешалось только в дневное время пешком в границах населённого пункта. Были установлены налоги: личный, на торговлю, на животных. В деревнях проводились плохо оплачиваемые реквизиции продуктов питания. Население привлекалось к принудительному труду, оплата которого не соответствовала тяжести и объёму выполняемых работ, а с 1916 г. людей отправляли на работу в Германию. Усиленно вывозилась древесина. Хлеб в городах распределялся по карточкам, а другие товары первой необходимости – по талонам²⁹.

Жительница оккупированной Гродненской губернии Александра Филипюк отмечала, что немцы выдавали им по килограмму ржи на душу в месяц³⁰. По воспоминаниям Александры Яцко, около половины жителей их деревни, выехав в эвакуацию в августе 1915 г., вернулись обратно, т.к. за Пружанами уже были немцы, только молодежь успела бежать. При немцах семья Александры работала на своём поле, но немцы мобилизовывали крестьян на работы, например, на лесопилку. За работу платили немного и давали по буханке хлеба. Хозяйева одну свинью кормили для себя, другую для немцев. Зерном тоже надо было делиться. За нарушение установленных правил в наказание забирали коров³¹. Дмитрий Крышань помнил, как немцы приказали старосте собрать рабочих для вывозки леса из Беловежской пуши для отправки в Германию. Жили крестьяне по месту работы, немцы выдавали хлеб, но приходилось брать с собой и свой, чтобы не остаться голодными. За кражу яблок в чужом саду наказывали суточным арестом. Однажды, когда приказали возить песок, рабочие чем-то не угодили немцу, и он стал их бить³². По

²⁹ Оккупация. Гродненская губерния в 1915–1918 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.istpravda.ru/bel/research/5933/> (дата обращения: 03.02.2014)

³⁰ Беженство 1915 года / *Ред. В. Луба*. Белосток, 2000. С. 266.

³¹ Там же. С. 288.

³² Там же. С. 125. Об оккупационном режиме, установленном немецкой администрацией в российской Польше и Прибалтике см. также в статье: *Westerhoff C. German Labor and Occupation Policy in the western parts of the Russian Empire during the First World War* // Текст выступления на международной научной конференции «Россия в Первой мировой войне», Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 3–5 июня

воспоминаниям литовского населения, оказавшегося в 1915 г. под властью немецких оккупантов, люди мечтали о возвращении русской армии, которая освободила бы их от немцев³³.

Для распределения беженцев, водворяемых во внутренние губернии, губернскими отделениями Татъянинского комитета были открыты распределительные пункты в губернских центрах и уездах. Беженцев, прибывавших на железнодорожные станции, уже ожидали крестьянские подводы, чтобы развезти их по уездам³⁴. Размещением беженцев занималась полиция, земские начальники, волостные и сельские должностные лица. Их усилиями отводилось жильё в городах, определялись состоятельные хозяева в сельской местности, которые принимали беженцев к себе на жительство. В Орловской губернии, в промышленном Брянском уезде, беженцы водворялись в прилегающих к Брянску сёлах, в заводских помещениях, а также в помещениях железнодорожного и городского управлений. Специально для беженцев в Брянске было построено 3 жилых барака на 200 человек с кухней и арендовано помещение на 100 человек³⁵. Главноуполномоченные по устройству беженцев внутри империи контролировали процесс распределения и устройства беженцев на своих территориях и при необходимости корректировали его³⁶.

Епархиальные комитеты помощи беженцам духовного звания размещали прибывающих беженцев в своих ведомственных помещениях. Комитеты были образованы в августе 1915 г. под председательством глав епархий. Так, Калужский комитет возник 1915 г., его возглавил епископ Калужский и Боровский Георгий. В состав комитета вошли семь человек, пять из которых

2014 г. [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/folderview?id=0B_tVsiISTizlRHpoS0d6dmVkaTQ&usp=sharing (дата обращения: 01.06.2014).

³³ См.: *Каспяровичус А.П.* Первая мировая война: литовское общество и его историческая память // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы: сб. статей международной науч.-практ. конференции. Калининград, 2013. С. 297–304.

³⁴ См., например: *Беженство 1915 года.* С. 121.

³⁵ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5384. Л. 34; Д. 5342. Л. 13.

³⁶ В ноябре 1915 г. территория Российской империи была разделена на 12 районов по устройству беженцев. Об этом подробнее см. в § 2 настоящей главы и Приложении 1.

священнослужители, например, ректор Калужской духовной семинарии А. Преображенский, протоиерей И. Сперанский и другие. Председатель и члены комитета сделали личные денежные взносы, сделал свой вклад и архиерейский дом, настоятели церквей и монастырей, прошли тарелочные и церковные сборы в августе-сентябре 1915 г. в Калуге, а также во всех церквях губернии. Беженцев духовного сословия с детьми школьного возраста размещали преимущественно в Калуге, в помещениях церковноприходских школ. Монастырь Св. Лаврентия предоставил свою гостиницу с платным питанием и обслуживанием для наиболее состоятельных представителей духовенства. Менее состоятельные беженцы были устроены на территории Калужского, Козельского, Боровского, Мещовского и Тарусского уездов, в Тихоновой и Оптиной пустынях, Сергиевом скиту, в общине «Отрада и утешение», в уездных церковноприходских школах, в домах сельских священников. В одной из калужских церковноприходских школ расположилась духовная консистория из Минска, а местный епархиальный свечной завод разместил на своей площади свечной завод Минской епархии³⁷.

Епархиальный комитет провёл сбор одежды и обуви для вновь прибывших беженцев среди калужского городского духовенства. Было организовано дежурство священнослужителей на железнодорожных станциях, они участвовали в организации временных приютов при питательных и распределительных пунктах, занимались регистрацией и выдачей суточных денег транзитным беженцам. Приходские попечительские советы проводили сборы пожертвований среди прихожан в пользу всех нуждавшихся беженцев. Особенно преуспели в этом деле попечительские советы таких уездов как Жиздринский, Козельский, Мещовский, Мосальский и Перемышльский³⁸.

В связи с прибытием большого количества беженцев в городах возрос спрос на жильё. И среди домовладельцев нашлись охотники сдавать жильё

³⁷ КЦОВ. 1 ноября 1915. № 31.

³⁸ Там же. 10 марта 1916. № 8.

беженцам по явно завышенной цене³⁹. В ответ на это местная административная власть была вынуждена прибегнуть к запретительным мерам: постановлением губернатора запрещалось повышать квартирную плату⁴⁰. Нарушившие запрет наказывались штрафом в размере 15 рублей или 7-дневным арестом. Например, о таких нарушителях домовладельцах Алексеевых писала газета «Голос Калуги»⁴¹. Эти домохозяева в нарушение постановления губернатора заявили квартирантке о повышении квартирной платы, а затем стали принуждать её к освобождению жилья. В результате к ним были приняты упомянутые выше административные меры воздействия. В Орловской губернии местная пресса сообщала о том, что сельские домохозяева, как бы не желая отставать от городских, также повышают цены не только на квартиры и отдельные комнаты, но и сдаваемые углы и койки. В губернской столице Орле борьбой с повышением цен на жильё занималась специально созданная комиссия⁴².

Ставка Верховного главнокомандующего 4 августа 1915 г. приняла решение о перемещении беженцев, скопившихся в прифронтовой полосе, в прифронтовые губернии⁴³. Министерство внутренних дел, в свою очередь, предложило Главноначальствующим губерний (губернаторам) позаботиться о размещении прибывающих беженцев, обеспечении их медико-санитарной помощью и работой⁴⁴. Главноуполномоченный Северо-Западного фронта по устройству беженцев 6 августа 1915 г. информировал калужского губернатора о том, что в губернию прибудет 100 тыс. беженцев⁴⁵. В Курской губернии первоначально планировалось разместить 300 тыс. беженцев из района Юго-Западного фронта, в основном из Волынской губернии⁴⁶.

³⁹ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1192. Л. 181; Д. 1204. Л. 638.

⁴⁰ Там же. Ф. 784. Оп. 1. Д. 1195. Л. 18.

⁴¹ ГК. 16 сентября 1916. № 47.

⁴² ОВ. 30 октября 1915. № 252; ОГВ. 23 марта 1916.

⁴³ Курцев А.Н. Беженство... С. 103.

⁴⁴ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1206. Л. 41.

⁴⁵ Отчёт о деятельности Особого Отдела Комитета ЕИВ ВК Татьяны Николаевны Пг., 1916. С. 39.

⁴⁶ Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 гг. С. 38.

Власти на местах принимали и размещали на своих территориях такое количество беженцев, какое определялось военными властями. В то же время ими предпринимались попытки принять меньшее количество беженцев, чем было намечено, и направить «беженскую волну» в обход своей губернии. Так, калужский губернатор, приняв 50 тыс. беженцев к середине сентября 1915 г. вместо запланированных 100 тыс., прекратил их дальнейший приём «до особого распоряжения». Свои решения он мотивировал предполагавшимся переводом в Калугу Ставки Верховного главнокомандующего⁴⁷. В соседней Орловской губернии с целью уменьшения количества направляемых в губернию беженцев ответственным лицам Северо-Западного фронта, направлявшим беженский поток, губернские земские деятели сообщили о «бездорожье и бесхлебье» западных уездов губернии⁴⁸. Вышеназванные аргументы главных лиц губернии нельзя считать безосновательными, кроме того, они чувствовали свою ответственность за благополучие всего населения как постоянного, так и «пришлого». К тому же с начала войны за счёт размещенных на территории тыловых губернии войск и раненых, поступивших на лечение из действующей армии, а также интернированных граждан, работников предприятий и учреждений государственного значения с семьями, эвакуированных с западных окраин империи, и некоторых других категорий мигрантов население губерний значительно выросло. В конечном итоге возглавлявшие губернии лица и Главноуполномоченные по устройству беженцев фронтов находили общий язык, т.к. понимали, что занимаются важным государственным делом. Тем не менее на местах вопрос об организации попечения о беженцах решался не без публичных дискуссий. Так, на собрании орловского губернского земства, где решался вопрос о создании губернского земского комитета по обеспечению нужд беженцев, нашлись сторонники идеи размещения беженцев в «восточных губерниях», а не в центральных во избежание «народного бедствия». Такого мнения, например,

⁴⁷ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1203. Л. 105.

⁴⁸ См.: ОВ. 20 сентября 1915. № 221.

придерживался председатель орловской уездной земской управы С.А. Цуриков и брянский уездный предводитель дворянства кн. В.В. Тенишев. Между тем взяла верх точка зрения председателя губернской земской управы С.Н. Маслова и мценской уездной земской управы В.Н. Шеншина, которые считали, что в сложившихся условиях надо поступать в соответствии с действующим законодательством и вообще «быть человечнее» по отношению к людям, пострадавшим от войны⁴⁹.

По мере прибытия беженцев по губернии распространялись слухи о небывалой военной силе неприятеля, несущей угрозу и тыловым районам со всеми вытекающими из этого последствиями. Часть населения, склонная верить слухам, опасаясь за свои сбережения, стала снимать их со своих банковских счетов⁵⁰. Случалось, что местные жители обвиняли беженцев в германофильстве. Обоснованность таких обвинений проверяла полиция. Так, в Рязанской губернии, в г. Сапожок, беженца из Риги Франца Рудковского и его дочь Саломею обвинили в германофильстве на основании того, что они в частной беседе высказали предположение, что немцы, вполне вероятно, могут занять Ригу, и тогда им будет открыт путь на Петроград. При этом никакого сочувствия немцам они не выражали, и ГЖУ не усмотрело в этом высказывании угрозы государственной безопасности⁵¹. Молодые девушки-беженки осуждались обывателями за любовные связи с военнопленными, как и определенная часть женской половины коренного населения⁵².

Некоторые местные обыватели считали всеобщее внимание, оказываемое беженцам, чрезмерным. Крестьяне высказывали схожее мнение о чрезмерном внимании к рабочим, выполнявшим военные заказы, которым хорошо платили и снабжали продовольствием по «твёрдым» ценам⁵³. При этом простой люд

⁴⁹ ОВ. 20 сентября 1915. № 221.

⁵⁰ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1204. Л. 638; КК. 18 августа 1915. № 91.

⁵¹ ГАРО. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 988. Л. 11–11 об.

⁵² ГАРО. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 175. Л. 22.

⁵³ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1915. Д. 167. Ч. 54. Л. 5 об.; См. подробнее: *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 113–114.

любил взглянуть на беженцев, поселившихся по соседству, вступить с ними в разговор. Обыватели толпились возле домов, разглядывали игравших там детей беженцев, приносили продукты или одежду. Пресса писала, что беженцы быстро осваивались в городе, становились «чуть ли не преобладающим элементом в кинематографах и театре». Со своей стороны, беженцы из западных городов искренне удивлялись грязным дворам и мусорным свалкам на улицах городов центра России⁵⁴. И все же несмотря ни на что отношение большинства населения к беженцам отличалось доброжелательностью, сочувствием, желанием помочь⁵⁵.

Рассмотрим динамику численности беженцев в г. Калуге, начиная с периода их массового перемещения в центральные районы Европейской России. Так, в августе 1915 г. количество прибывших в Калугу из 12 западных губерний России составило более двух тыс. человек⁵⁶. Затем их количество утроилось и составило 6 855 человек, это были в основном «русские»⁵⁷ – 56 % и поляки – 38 %⁵⁸. В августе 1916 г. численность беженцев в Калуге достигла 7 896 чел. Для размещения беженцев городское самоуправление Калуги предоставило принадлежавшие ему дома, помещения двух учебных заведений, вновь выстроенные жилые бараки, предложило квартиры частных домовладельцев, в основном на окраинах города⁵⁹.

По всей Калужской губернии на январь 1916 г. зарегистрировались более 64 тыс. беженцев. Из них мужчины составляли 13 636 (21 %), женщины – 22 754 (35 %), дети – 28 390 (43,8 %). В Калужском уезде разместили 2 883, Боровском – 1 786, Жиздринском – 8 553, Козельском – 12 922, Лихвинском – 184, Малоярославецком – 3 719, Медынском – 6 345, Мещовском – 10 087, Мосальском – 5 342, Перемышльском – 2 993, Тарусском – 3 407, в Калуге – 6

⁵⁴ См.: КК. 18 августа 1915. № 91; КК. 21 ноября 1915. № 132; КК. 21 ноября 1915; 22 января 1916. № 17; 28 февраля 1916. № 46.

⁵⁵ См., например: ГАКО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 1595. Л. 160–160 об.

⁵⁶ Первые беженцы появились в Калужской губернии в августе 1914 г. из 12 западных губерний, в основном польских и прибалтийских (ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1187. Л. 7).

⁵⁷ Русские – термин обобщённый (великорусы, малороссы, белорусы).

⁵⁸ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1187. Л. 38, 52.

⁵⁹ Там же. Л. 7–8.

559 человек⁶⁰. Как видим, наибольшая концентрация беженцев наблюдалась в трёх уездах – Козельском, Мещовском и Жиздринском. Количество беженцев из Гродненской губернии составляло 50 тыс. человек⁶¹. Всего из Гродненской губернии вглубь России было переселено до 750 тыс. человек⁶². В августе 1916 г. количество беженцев в губернии составило 61,1 тыс. человек, из них детей до 15 лет – 42 %; женщин до 60 лет – 33 %; мужчин до 60 лет – 20 %; лиц старше 60 лет – 5 %. Национальный состав беженцев выглядел следующим образом: «русские» – 87 %, из них более 50 % белорусов⁶³, поляки – 9 %, латыши – 2 %, литовцы – 1,3 %, евреи – 0,5 %, прочие – 0,2 %⁶⁴. До трети беженцев расселилось в городах губернии. В губернской Калуге осело 13 % беженцев (7 896 чел.), в т. ч. русских 54,6 %⁶⁵. Количество беженцев в Калужской губернии было сравнимо с населением тогдашней Калуги или всех вместе взятых уездных городов губернии. По данным Центрального Всероссийского Бюро по регистрации беженцев, на 1 января 1916 г., удельный вес беженцев в структуре населения Калужской губернии составил 4,32 %⁶⁶. Это больше, чем в остальных центральных губерниях Европейской России, кроме Московской. По данным этого же Бюро, в Рязанской губернии разместили 68 940, в Воронежской 39 633, Курской – 79 189⁶⁷, в Тульской – 37 404. Тульский губернатор к 1 января 1916 г. сообщил в Петроград следующие дополнительные сведения о беженцах: беженцев «русской» национальности в губернии осело 53 %, поляков – 19 %, литовцев – 4 %, латышей и евреев – по 3 %, прочих национальностей – 1,5 %. Из общего количества беженцев мужчины составили 10 428 (27,9 %), женщины – 15 116 (40,4 %), дети – 11 860 (31,7 %)⁶⁸.

⁶⁰ Очерк деятельности Калужского Губернского отделения Комитета ЕИВ ВК Татьяны Николаевны с 18 мая 1915 г. по 1 января 1916 г. // ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1187. Л. 101.

⁶¹ Национальный архив республики Беларусь (НАРБ). Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.

⁶² *Анисин А.В.* Национальные проблемы России в программах и тактике партий революционно-демократического лагеря: автореф. ... докт. ист. наук. М., 1994. С. 32.

⁶³ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1187. Л. 101.

⁶⁴ Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 5. Л. 203–203 об.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Отчёт о деятельности Особого Отдела Комитета ЕИВ ВК Татьяны Николаевны... С. 40.

⁶⁷ Около 70 % беженцев составляли уроженцы Волынской губернии.

⁶⁸ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39813. Л. 95.

Во время массового движения беженцев возникали проблемы с регистрацией не только транзитных но и уже определённых на жительство беженцев. Так, несмотря на решение Особого совещания по устройству беженцев «обеспечить доставку сведений Татьянинскому комитету к 20 декабря 1915 г.» Орловский губернатор С.С. Андреевский⁶⁹ не выполнил это решение⁷⁰. Вновь назначенный орловский губернатор А.В. Арапов лишь к февралю 1916 г. предоставил необходимую информацию о численности размещенных в губернии беженцев. Согласно регистрации, в г. Орле находились 5, 5 тыс. беженцев – это более 10 % от их общего количества, в других городах Орловской губернии разместили более 14 тыс. человек (27 %), у сельских хозяев поселили около 31 тыс. человек (58 %), остальные разместились в пригородных слободах – до 5 %; всего по губернии зарегистрировали более 53 тыс. беженцев. При населении губернии в 2, 67 млн человек удельный вес беженцев составил 1, 89 %. Около 22 % беженцев находились в Елецком уезде, 17 % - в Брянском, 10 % - в Ливенском, т.е. половина всех беженцев (49 %) находилась всего в трёх уездах. В национальном составе беженцев преобладали «русские» (белорусы, украинцы и русские), которые составили 53 %, беженцев польской национальности было зарегистрировано 29, 4 %, латышской – 10, 3 %, еврейской – 4,1 %, литовской – 0,4 %, немцы-колонисты – 2 %⁷¹. Для сравнения в Курской губернии беженцы «русской» национальности составляли 80 % (из них украинцы – 64 %); поляки – 11, 7 %; евреи – 4, 8 %, литовцы, латыши, немцы-колонисты – каждая национальность менее 1 %⁷².

Тыловые губернии центра Европейской России, кроме беженцев из западных территорий, приняли у себя эвакуированные государственные и

⁶⁹ Андреевский Сергей Сергеевич – действительный статский советник, камергер, с 30.12. 1902 г. по 13. 01. 1906 г. - Воронежский губернатор, с 10 июня 1906 г. по 6 декабря 1915 г. - Орловский губернатор.

⁷⁰ ОВ. 6 декабря 1915. № 283; данные предоставили лишь Болховский, Дмитровский, Елецкий, Карачевский, Ливенский и Мценский уезды Орловской губернии.

⁷¹ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5304. Л. 10, 11, 17, 18, 22, 27.

⁷² Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 гг. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Вып. 1. Курск, 1997. С. 5.

общественные учреждения, производства государственного значения с ценным имуществом и оборудованием вместе с сотрудниками и членами их семей. Например, в Калужскую губернию были эвакуированы все учреждения Гродненской губернии, оставленной русскими войсками летом 1915 г., однако эвакуационные мероприятия начались в этой западной губернии задолго до лета 1915 г. К началу войны для гродненского губернатора руководством по эвакуации служили «Временные правила по эвакуации населения и имущества в случае войны», разработанные военным руководством Виленского ВО в конце 1912 г. Перечень учреждений, подлежащих эвакуации, определял губернатор. В июле 1914 г. Генштаб разработал ряд новых правил и положений по эвакуации⁷³. Надо отметить, что переезд гродненских учреждений в Калужскую губернию в августе 1915 г. стал четвертым с начала войны. Первый происходил в сентябре 1914 г. в уездный гродненский город Слоним, после возвращения оттуда второй переезд состоялся в январе 1915 г., а третий – в июле 1915 г. все в тот же город Слоним, откуда осуществлялось перемещение в Калужскую губернию. Все расходы по эвакуации несла государственная казна. Так, на эвакуацию Управления земледелия в Калугу было затрачено 118 рублей, при этом было перевезено около 300 сельскохозяйственных машин и орудий стоимостью более 6 тыс. рублей. В Управлении было 44 сотрудника с семьями⁷⁴.

По прибытии на место учреждения Гродно и Белостока были размещены в Калуге, а все остальные – в уездных городах Калужской губернии. Учреждения Слонимского уезда оказались в Жиздринском уезде, Волковыского уезда – в Медынском, Бельского уезда – в Мещовском, Кобринского уезда – в Мосальском, Пружанского уезда – в Козельском, Брест-Литовского уезда – в Малаярославецком и Боровском, Сокольского уезда – в Тарусском⁷⁵.

⁷³ Черепица В.Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности. Гродно, 2006. С. 29–30.

⁷⁴ Там же. С. 306.

⁷⁵ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 6 (без нумерации листов).

Гродненская Мариинская гимназия в Калуге разместилась в доме Новосильцевой по Георгиевской улице, части преподавателей предложили бесплатные квартиры. Гродненское Реальное училище поместили в здании Калужского Реального училища вместе со второй Варшавской гимназией, Гродненская Губернская типография также обосновалась в Калуге. Гродненская окружная лечебница вместе с богадельней была эвакуирована в Калужскую губернию ещё осенью 1914 г. и размещена на бывшем заводе графа Орлова-Давыдова в Жиздринском уезде, затем в сентябре 1915 г. переведена в с. Ловать этого же уезда⁷⁶.

Кроме рабочих и служащих гродненских предприятий и учреждений с семьями, в Калужскую губернию 21 июля 1915 г. прибыли железнодорожные служащие Привислянских (Привислинских) железных дорог с семьями, казенным инвентарем и собственным имуществом в количестве 500 человек⁷⁷. Их разместили в казармах 74-го пехотного запасного батальона при станции «Калуга».

В сентябре 1915 г., по распоряжению МВД, часть гродненских учреждений, эвакуированных в Калугу, переотправили в другие губернии. Например, в Рязанскую, Курскую, Тамбовскую и другие⁷⁸.

Практически со дня прибытия в Калужскую губернию гродненский губернатор В.Н. Шебеко⁷⁹ не находился в Калуге, так как исполнял поручения военных властей, после чего в феврале 1916 г. был переведён в Москву на

⁷⁶ Черетица В.Н. Указ. соч. С. 309, 313, 316.

⁷⁷ Польский исследователь Конрад Зелинский отмечает, что всего за первый год войны из Привислянских губерний было эвакуировано 1 млн 200 тыс. русских: железнодорожников, чиновников, духовенства, рабочих военных заводов, учителей (*Zieliński K. The evacuation of Russians from the Kingdom of Poland in 1915* // Текст выступления на международной научной конференции «Россия в Первой мировой войне», Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 3-5 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/folderview?id=0B_tVsiISTizlRHpoS0d6dmVkaTQ&usp=sharing (дата обращения: 08.06.2014).

⁷⁸ Черетица В.Н. Указ. соч. С. 307.

⁷⁹ Шебеко Вадим Николаевич (11. 07. 1864 – 12. 11. 1943, Париж) – генерал-майор, из дворян Могилёвской губернии. Гродненский губернатор с 18.10.1913 по 17.02.1916 г. В марте 1915 г. награждён орденом Св. Станислава I степени и медалью «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года».

должность градоначальника. В Калуге его замещал вице-губернатор В.В. Столяров, затем после его смерти Бойе-ав-Геннес. Ещё до эвакуации в Калугу в сентябре 1914 г. в Гродно была создана «Особая оценочная комиссия», и каждый служащий мог оценить своё оставляемое имущество. Комиссия продолжила свою работу в Калуге, разместившись на улице Николо-Козинской в доме Фалеева. Здесь же в Калуге, при канцелярии гродненского губернатора, в мае 1916 г. был образован Гродненский ссудный комитет для оказания материальной помощи горожанам, оставившим свое движимое имущество в Гродно. До 1 июня 1916 г. в комитет поступило 679 ходатайств от гродненцев, в том числе оказавшихся не только в Калужской губернии⁸⁰. За добросовестную работу по эвакуации учреждений Гродненской губернии в Калугу, а именно за приведение в порядок делопроизводства, контроль за делами по выдаче вознаграждений за уничтоженные при отходе армии посевы и урожай, за реквизируемый скот и повозки чиновник гродненской землеустроительной комиссии Л. Ерогин был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Этой же награды был удостоен секретарь гродненского губернского акцизного управления Н. Хрущов и ещё два помощника надзирателя акцизного управления⁸¹. Новый гродненский губернатор А.Н. Крейтон⁸², сменивший В.Н. Шебеко, пребывал в основном в Петрограде, где занимался вопросами предстоявшего возвращения на родину. Калугу А.Н. Крейтон посетил в апреле и ноябре 1916 г., а также в январе 1917 г. В июле 1916 г. губернатор представил правительству план организации вещевых и продовольственных складов для Гродненской губернии в связи с возвращением на родину, в сентябре 1916 г. – план мероприятий по оказанию помощи населению Гродненской губернии по возвращении на прежние места. Крейтон открыл в Петрограде Гродненское

⁸⁰ Черепица В.Н. Указ. соч. С. 301, 243, 238.

⁸¹ Там же. С. 287.

⁸² Крейтон Александр Николаевич (13 сентября 1866 – после 1917), рязанский вице-губернатор с 1913 г. по 1916 г., с февраля 1916 г. - гродненский губернатор.

отделение Татьянинского и Елизаветинского комитетов, приступил к составлению плана возвращения на родину эвакуированных учреждений⁸³.

После смены власти Временное правительство вручило свой мандат на управление эвакуированными учреждениями Гродненской губернии вице-губернатору А.И. Ушакову. Однако общее собрание служащих этих учреждений в Калуге 7 марта 1917 г. образовало комитет из 12 человек «для поддержания народного правительства в деле устройства новой свободной жизни <...>»⁸⁴. Комитет, стремясь «организовать и объединить всех беженцев Гродненской губернии, провёл 26-28 марта 1917 г. общие собрания беженцев, проживающих в Калуге и Калужской губернии, и ознакомил их с задачами текущего момента и программой Нового Правительства». На этих собраниях был избран исполнительный комитет беженцев и служащих правительственных и общественных учреждений в составе 20 человек. Собрания высказались за «желательность иметь своим руководителем, временным комиссаром, выборное лицо»⁸⁵. 5 апреля 1917 г. исполнительный комитет принял резолюцию, в которой деятельность вице-губернатора Ушакова расценивалась как «несоответствовавшая духу нового строя и стеснявшая свободную творческую деятельность общественных организаций в деле проведения в жизнь и укрепления завоёванных народом свобод». Резолюция была направлена Калужскому губернскому комиссару⁸⁶. 7 апреля общее собрание одобрило предложение исполнительного комитета просить МВД об утверждении Временным комиссаром Гродненской губернии директора Гродненского реального училища Владимира Орестовича Лидерса⁸⁷.

Жалованье служащих составляло 20-50 руб. в месяц. Кроме того, они получали ржаную муку из расчёта 1 фунт в день. Размер продовольственного

⁸³ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 25 об.

⁸⁴ НАРБ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

⁸⁵ Там же. Л. 23 об.

⁸⁶ Там же. Л. 28.

⁸⁷ Там же. Л. 24.

беженского пайка составлял 12 руб. в месяц, квартирного – 2 руб. 40 коп.⁸⁸ До 1917 г. жизнь служащих с семьями и беженцев протекала «довольно сносно»: продуктов первой необходимости хватало, и цены на них были умеренные. Постепенно цены стали расти, а продукты – исчезать. Как отмечали сами эвакуированные и беженцы, «с 1917 г. в отношении довольствия последовало резкое изменение: местным сельским населением никакой продукт в город не доставлялся, а если и доставлялся, то в самом ограниченном количестве и по баснословным ценам в сравнении с 1915-1916 гг.». Печёный ржаной хлеб в 1917 г. совершенно исчез, а также крупы и постное масло. Пуд картофеля, стоивший 25-35 коп., теперь стоил 7 руб., $\frac{1}{4}$ кубической сажени дров вместо 6-10 – 60 руб.; десяток яиц (40-50 коп.) – 3 рубля. Хлебного пайка стало не хватать для прокормления семейств. Вместо хлеба стали выдавать муку, не более 6 фунтов на душу, но чтобы печь хлеб, нужны были дрова, которые по цене были недоступны для указанного контингента⁸⁹.

В сложившейся ситуации служащие и беженцы из всех уездов стали направлять Гродненскому губернскому комиссару свои коллективные просьбы о переотправке в хлебородные губернии. Так, общее собрание эвакуированных служащих и представителей беженцев, расселившихся в Боровске и уезде, 29 июля 1917 г. постановило признать безусловно необходимым переезд всех учреждений, служащих с семьями и имуществом и всех беженцев из Боровского уезда в хлебородные губернии, например, в Воронежскую или область войска Донского; в спешном порядке просить через Гродненского губернского комиссара о разрешении переезда, для чего получить ходатайство Гродненского губернского комиссара, для доставки его лично министру внутренних дел, доставка поручалась М.И. Зайко, секретарю Брестского уездного воинского присутствия; просить министра переезд осуществить за счёт казны. Отъезд состоялся 30 сентября 1917 г. со станции Балабаново до

⁸⁸ НАРБ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 12, 22.

⁸⁹ Там же. Л. 269.

станции Ейск Кубанской области⁹⁰. Из Мещовского уезда эвакуированных из Бельского уезда Гродненской губернии 53 служащих и 650 членов их семей с багажом по экстренным отзывам со станции «Шлиппово» отправили в Саратовскую губернию⁹¹. Из Медынского уезда эвакуированных из Волковыского уезда Гродненской губернии переотправили в Белгород Курской губернии⁹². Как видим, основная масса служащих Гродненских учреждений в 1917 г. выехала из Калужской губернии, вместе с беженцами это составило 29 тыс. человек⁹³.

Таким образом, неорганизованная миграция населения возникла с начала Первой мировой войны, когда люди, стремясь избежать опасности, исходящей от противника, покидали свои жилища. При первой возможности они возвращались или устраивались поблизости в пределах прифронтовой территории. Весной 1915 г. немцы перешли в наступление. Отъезд населения, оказавшегося в полосе оборонительных действий русской армии, летом 1915 г. приобрёл массовый характер. К августу в движение пришли практически все, кто ещё медлил с отъездом.

Учитывая сложившуюся обстановку на театре военных действий, для эвакуации населения из районов Северо-Западного и Юго-Западного фронтов были созданы две государственные организации – «Северопомощь» и «Югобеженец». Через местные отделы Всероссийских благотворительных организаций, таких как Татьянанский комитет, Всероссийский Земский Союз, Всероссийский Союз Городов, государство финансировало мероприятия, связанные с массовым передвижением беженцев во внутренние губернии. Это создание врачебно-питательных пунктов на железнодорожных и почтовых станциях по пути движения беженцев, приёмных пунктов для инфекционных больных, помещений для временного размещения транзитных пассажиров, бюро для оформления проездных документов. С осени 1915 г. до начала 1916 г.

⁹⁰ НАРБ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 20, 269.

⁹¹ Там же. Ф. 610. Оп. 1. Д. 36. Л. 15.

⁹² Там же. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.

⁹³ Там же. Л. 23.

была успешно осуществлена массовая перевозка маршрутными поездами беженцев во внутренние районы России. Не всем беженским семьям удалось без потерь добраться до мест посадки в вагоны с тем, чтобы следовать в тыловые районы империи. В основном потери были среди стариков и маленьких детей преимущественно от холеры. Между тем, население, остававшееся на оккупированных территориях, стало свидетелем грабежа природных богатств и материальных ценностей, испытало тяготы принудительного труда, в т.ч. за пределами родины, режима, ограничившего их гражданские права.

Помимо массовой перевозки беженцев с западных окраин империи летом 1915 г. правительство осуществило эвакуацию в центральные губернии Европейской России учреждений и производств, имевших государственное значение, вместе с сотрудниками и членами их семей. Летом 1917 г. по причине ухудшения материального положения эвакуированных, они на основании своих ходатайств были за счёт казны переотправлены более обеспеченные продовольствием южные и юго-восточные районы империи.

Через центральные губернии Европейской России шёл мощный миграционный поток, максимальная интенсивность которого пришлась на сентябрь 1915 г. Большая интенсивность и размеры беженского движения способствовали тому, что повсеместная полноценная регистрация беженцев, передвигавшихся гужевым способом, на местах была налажена не сразу. По этой же причине по ходу движения беженских обозов не хватало заготовленных кормов для скота. На железнодорожных станциях наблюдались большие очереди на посадку в поезда, перевозившие беженцев в избранные ими места размещения.

При одновременном расселении большого количества беженцев возникли трудности, имевшие временный характер, которые были успешно преодолены совместными усилиями администрации, созданных комитетов по обеспечению нужд беженцев при самоуправлениях, местных отделений Всероссийских

общественных благотворительных организаций, местных благотворительных организаций, созданных с началом войны.

Прибытию беженцев сопутствовало появление тревожных слухов и толков о большой военной силе неприятеля, о неизбежности новой эвакуации в скором времени. Местное население с самого начала с большим пониманием и сочувствием отнеслось к беженцам, и последние довольно быстро освоились на новых местах. Настроения тех, кто считал чрезмерным внимание, оказываемое беженцам, местная администрация расценивала как проявление обывательского невежества. Беженцы с благодарностью отзывались о проявленной о них заботе при расселении.

Численность беженского населения, размещенного в центральных губерниях Европейской России – Калужской, Орловской, Тульской, Рязанской, Курской, Воронежской – на начало 1916 г. составила около 350 тыс. Удельный вес детей, стариков и женщин составлял в среднем 70 %. Состоятельные сельские хозяева приняли на жительство около 70 % беженцев, остальные разместились в городах. Самая большая группа «русских» беженцев в основном состояла из белорусов и украинцев. В меньшую по численности группу вошли поляки, латыши, литовцы, евреи, немцы-колонисты и другие национальности.

2.2. Обеспечение нужд беженцев в местах временного размещения

Принятием закона «Об обеспечении нужд беженцев» государство обозначило свою политику по отношению к населению, которое в связи с военными обстоятельствами нуждалось в перемещении из прифронтовых западных районов вглубь страны. Закон возлагал на министерство внутренних дел (МВД) заботы о нуждах беженцев в «пище и крове», определили понятие «беженец»⁹⁴. Во исполнение закона под председательством министра внутренних дел в сентябре 1915 г. было образовано Особое совещание по

⁹⁴ Закон 30 августа 1915 г. Об обеспечении нужд беженцев // Законы и распоряжения о беженцах. М., 1916. С. 2.

устройству беженцев с полномочиями высшего совещательного органа. Кроме того в МВД был создан отдел по устройству беженцев, а на местах все заботы и нуждах беженцев возлагались на Главноначальствующих (губернаторов)⁹⁵, земские и городские управления. Закон оставлял право попечения о беженцах за Татьянинским комитетом (за исключением выдачи продовольственного и квартирного пайков), общественными и национальными организациями⁹⁶. Между тем Земский и Городской союзы, являясь общественными организациями, выступили с предложением о передаче беженцев на попечение общественных организаций при сохранении государственного финансирования. Государственная дума это предложение, противоречившее «Закону о нуждах беженцев», не поддержала. В результате Земскому и Городскому союзам пришлось отказаться от плана возглавить дело попечения о беженцах как в центре, так и на местах⁹⁷.

Особое совещание по устройству беженцев при МВД своим решение установило регулярное беженское пособие. Устройство беженцев внутри империи было поручено Главноуполномоченным 12 районов, на которые была разделена территория Европейской России (См. Приложение 1). Так, Калужская, Орловская и Тульская губернии были включены в VIII район под руководством Келецкого губернатора В.В. Лигина⁹⁸. Рязанская губерния вошла в состав IV района, Главноуполномоченным которого был Ломжинский губернатор С.П. Папудогло⁹⁹. Воронежская и Курская губернии составили VI район, который возглавил Ковенский губернатор Н.Д. Грязев¹⁰⁰.

⁹⁵ Осенью 1915 г. были созданы губернские совещания по устройству беженцев под личным руководством губернаторов.

⁹⁶ Закон 30 августа 1915 г. Об обеспечении нужд беженцев ... С. 3–7.

⁹⁷ См.: Беженец. 23 декабря 1915. № 9–10. С. 3; *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914–весна 1917 г.). М., 2003. С.108, 172.

⁹⁸ Лигин Валериан Валерианович (1873 - ?), статский советник, с 1907 по 1914 гг. вице-губернатор Калишской губернии, в 1914–1917 гг. губернатор Келецкой губернии.

⁹⁹ Папудогло Семен Павлович – действительный статский советник, с 1909 по 1917 гг. губернатор Ломжинской губернии.

¹⁰⁰ КГВ. 12 декабря 1915. С. 13; Грязев Николай Дмитриевич – в 1912–1917 гг. губернатор Ковенской губернии.

В губерниях в соответствии с законом от 30 августа 1915 г. были созданы организации, непосредственно занимавшиеся обеспечением нужд беженцев, временно размещаемых на данной территории. Прежде всего это были комитеты помощи беженцам в губернских и уездных земских и городских управах. Они снабжали беженцев продовольственным и квартирным пайками в установленных законом размерах¹⁰¹, получая на это средства из государственной казны. Из этих же средств оплачивалась медико-санитарная и другие виды помощи, установленные законом. Например, Рязанская губерния с августа до конца 1915 г. получила от Особого совещания по устройству беженцев 914 085 руб.¹⁰². Местные комитеты по устройству беженцев содействовали в подыскании работы, определении стариков и беспризорных детей в убежища и приюты¹⁰³. Кроме беженского пайка, после подачи прошения беженцы могли рассчитывать на получение дополнительного денежного пособия, одежды или обуви, средств на обучение детей (в начальной школе обучали бесплатно), бесплатного или дешевого питания в столовой, топлива по «полутаксовой стоимости», а при необходимости и ниже, наравне с нуждавшимися в этом семьями призванных в армию нижних чинов¹⁰⁴. Беженцы получили возможность приобретать муку по закупочным ценам непосредственно в местах своего проживания, например, через волостные правления¹⁰⁵. К сожалению, снабдить одеждой и обувью всех нуждавшихся беженцев не было возможности. Например, в 1916 г. Мещовская уездная земская управа Калужской губернии выдала одежду или обувь лишь 45 % беженцев (полушубки, куртки, лапти, валенки)¹⁰⁶.

Также на основании закона от 30 августа 1915 г. действовали *общественные и национальные* организации, опекавшие беженцев. Например,

¹⁰¹ На продовольствие полагалось 15–20 копеек в день на человека, размер квартирному пайка составил 1, 2 – 2 рубля в месяц на одного человека // Руководящие положения по устройству беженцев. 2 марта 1916 г. (ГАОО. Ф 580. Ст. 1. Д. 1. Л. 24–24 об).

¹⁰² ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 1 в. Л. 20 об.

¹⁰³ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1192. Л. 178.

¹⁰⁴ Там же. Ф. 648. Оп. 1. Д. 620. Л. 113.

¹⁰⁵ Там же. Ф. 1025. Оп. 2. Д. 2. Л. 89.

¹⁰⁶ Там же. Ф. 599. Оп. 1. Д. 4. Л. 106.

в Туле, кроме земских и городского комитетов по призрению беженцев, действовали ещё 12 обществ – это Губернское и одно уездное отделение Татьянинского комитета, Епархиальный комитет, отдел Всероссийского общества попечения о беженцах (ВОПоБ), отдел Русского общества охранения народного здравия, тульский Педагогический комитет, отдел Польского Комитета помощи жертвам войны, уполномоченный Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского, отдел Литовского общества помощи беженцам, отдел Петроградского Латышского общества «Родина», Еврейский комитет помощи жертвам войны¹⁰⁷. В Рязанской губернии, кроме отделений Татьянинского комитета, ВСГ и ВЗС были созданы отделы Литовского, Латышского Еврейского и двух Польских комитетов попечения о беженцах¹⁰⁸. В Курской губернии из национальных организаций функционировали четыре польские, в том числе Курское попечительство о поляках – иностранных подданных, две еврейские, литовская и латышская, Ковенское отделение Западно-Русского общества по устройству беженцев¹⁰⁹.

Местные отделения Татьянинского комитета занимались регистрацией беженцев, финансировали открытие приютов для детей беженцев. Например, в Калужской губернии детские приюты были открыты в 7 из 11 уездов и губернском центре, где они обучались и грамоте, и ремеслу, детей снабжали одеждой и обувью, а также учебниками. Три убежища на 700 человек с полным содержанием были организованы в Калуге, Жиздре и Медыни. В Жиздре комитет открыл пошивочную мастерскую, где шили теплую одежду для беженцев. Бельё и одежду на сумму более 10 тыс. рублей получили 3,7 тыс. беженцев Медынского уезда. Изготовление тысяч комплектов белья, закупку одежды и обуви организовал Дамский комитет при губернском отделении Татьянинского комитета. Бесплатную столовую на 600 мест для беднейших

¹⁰⁷ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39813. Л. 68–69 об.

¹⁰⁸ Журнал Губернского совещания по устройству беженцев. 2 мая 1916 г. // ГАРО. Ф. 29. Оп. 396. Д. 6. Л. 21.

¹⁰⁹ Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914 – 1917 гг. // Курские тетради. Курс и куряне глазами ученых. С. 57–58.

беженцев открыло в Калуге городское отделение Татьянинского комитета¹¹⁰. Отделением осуществлялась выдача беженцам дополнительных к казённому пайку пособий¹¹¹. Размер разовых пособий Татьянинского комитета составлял в 1916 г. от 5 до 25 руб., например, в Мещовском уезде Калужской губернии, за год было выдано 1 965 руб. по 95 прошениям. Ряд благотворительных организаций, таких как Епархиальные комитеты помощи беженцам духовного звания, местные отделения еврейского «Общества помощи жертвам войны», а также латышского общества «Родина», регулярно получали финансовую помощь от Татьянинского комитета¹¹².

Отделения национальных беженских организаций (польской, еврейской, латышской, литовской) занимались выдачей государственных беженских пайков, содержали приюты, жильё, швейные мастерские, питательные пункты, начальные училища, в основном польские. Так, в Брянском уезде Орловской губернии Комитетом губерний Царства Польского было открыто 5 школ для польских детей в селах Дятьково, Ивот, Бытошь, Ивановичи, Бежица, а также латышская школа, эвакуированная из Либавы в с. Бежицу. Детский польский приют был открыт в с. Супонево¹¹³. В Рязанской губернии усилиями Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского было организовано восемь учреждений для беженцев на 684 места, Петроградского Польского общества – два учреждения на 265 мест, Литовского комитета – два на 134 места, Еврейского общества помощи жертвам войны – два на 160 мест. Это были детские приюты, общежития, убежища для инвалидов¹¹⁴. Национальная общественная благотворительная организация – Западно-Русское общество по устройству беженцев, например её Ковенский отдел, открыл школы и общежития для учащихся, детские приюты, амбулатории, бараки для

¹¹⁰ См.: Очерк деятельности Калужского губернского отдела Комитета ЕИВ ВК Татьяны Николаевны // КК. 21 января 1916. № 16; 22 января 1916. № 17.

¹¹¹ ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 6. Л. 235, 240, 492, 546.

¹¹² ГАРО. Ф. 29. Оп. 396. Д. 6. Л. 155; КК. 7 февраля 1916. № 29; *Курцев А.Н.* Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии... С. 48.

¹¹³ См., например: ГАРО. Ф. 29. Оп. 396. Д. 6. Л. 151–152 об.

¹¹⁴ Подсчитано по: ГАРО. Ф. 29. Оп. 396. Д. 6. Л. 151–154.

инфекционных больных, богадельни в центральных губерниях Европейской России. В сферу деятельности этой организации входило и обеспечение «школьных» нужд беженцев, снабжение их одеждой и бельём¹¹⁵.

Практически все национальные организации проводили культурно-просветительную работу в беженской среде. Они готовили театральные спектакли на родном языке зрителей, концерты, вокально-музыкальные и семейные вечера, наравне с другими организациями принимали участие в сборе пожертвований.

Всероссийская благотворительная организация Земгор на казённые средства содержала бесплатные столовые и жилые бараки для беженцев, к примеру, в Орле на 900 человек¹¹⁶. В Рязанской губернии Всероссийским союзом Городов было организовано 3 учреждения для беженцев на 165 мест, Всероссийским Земским союзом – 2 на 250 мест¹¹⁷. Отделы Всероссийского общества попечения о нуждах беженцев (ВОПоБ)¹¹⁸ открывали в 1916 г. в провинции бесплатные столовые для беженцев в помещениях церковноприходских школ¹¹⁹, а также в монастырях. Например, в калужской Оптиной и Тихоновой Пустынях, отпускались бесплатные обеды, до октября 1916 г. их выдали 15 тыс.¹²⁰ Детский приют на 30 человек, открытый отделом в июле 1916 г., функционировал в с. Полотняный Завод Медынского уезда Калужской губернии. В Курской губернии местный отдел ВОПоБ при финансовой поддержке Ковенского отдела Западно-Русского общества

¹¹⁵ Беженцы из Ковенской губернии находились, например, в Орловской губернии с конца октября 1915 г. Общее их количество, по данным отчёта Уполномоченного Ковенского Отдела, составляло 28 593 чел. «русской» национальности. Они были размещены по всем уездам Орловской губернии (ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5384. Л. 29–30).

¹¹⁶ Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011. С. 99.

¹¹⁷ ГАРО. Ф. 29. Оп. 396. Д. 6. Л. 155.

¹¹⁸ К примеру, отчет о работе Спасского отдела Мценского уездного Орловской губернии комитета ВОПоБ см. в Приложении 2.

¹¹⁹ Сохранилось праздничное пасхальное меню бесплатной столовой на 50 человек, организованной в одной из церковноприходских школ Калуги, из которого видно, что в первый день Пасхи беженцы получили кулич, пять яиц и полтора фунта ветчины каждый. В течение пасхальной недели готовились обеды из двух блюд: щи с мясом и молочная каша // ГАКО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–3.

¹²⁰ ГАКО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 5. Л. 81.

содержал ясли-приюты для детей и убежища для взрослых беженцев¹²¹. Епархиальные комитеты помощи беженцам духовного звания обеспечивали беженцев бесплатным продовольствием и жильём.

В уездах, где осело большинство беженцев, общественные комитеты помощи беженцам, в которые объединялось местное население, оказывали существенную помощь не только в размещении беженцев, но и участвовали в организации общественных столовых, составлении списков беженцев, выдаче беженских пособий¹²². Так, в поселке Бежица Брянского уезда Орловской губернии в августе 1915 г. организовался комитет помощи беженцам при попечительстве Брянского завода о семьях призванных в действующую армию. Представителя завода, члены местных общественных организаций, интеллигенция, всего 50 человек, вошли в состав комитета. Им было организовано бесплатное питание в течение одного месяца для всех прибывавших беженцев «до приискания ими работы». От комитета беженцы получали денежное пособие на продовольствие в размере пайка для семей мобилизованных (4, 5 рубля в месяц) и квартирный паёк от 2 до 5 руб. на месяц (в зависимости от размера семьи). Комитет собирал пожертвования от населения и передавал все собранное беженцам, включая предметы одежды и продовольствие. На начало 1916 г. все трудоспособные беженцы получили работу на Брянском заводе и уже не нуждались в помощи. Таким образом, из 1,8 тыс. человек лишь 200 беженцев остались на попечении комитета. Всего до начала 1916 г. комитет израсходовал на нужды беженцев 10 тыс. рублей, из них 2 тыс. были возвращены комитету казной через местный уездный земский комитет по устройству беженцев, остальные 8 тыс. рублей были пожертвованы заводоуправлением (5,5 тыс. рублей) и цехами Брянского завода (2,5 тыс. рублей)¹²³.

¹²¹ Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914 – 1917 гг. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. С. 57–58.

¹²² КСО. 1915. № 10–12.

¹²³ РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 209. Л. 4–5.

Трудоустройство беженцев с самого начала входило в задачи организаций, занимавшихся их приемом и размещением, т.к. семьи, с достаточным заработком, не нуждались бы в выдаче беженского пайка¹²⁴. К концу 1915 г., например, в Калужской губернии, по данным губернского отделения Татьянинского комитета, детей, женщин, стариков и инвалидов среди беженцев было более 75 %¹²⁵; в Орловской губернии – 66, 2 %¹²⁶. Трудоспособные беженцы, кроме земледельческих и других сельскохозяйственных работ, трудились на казённых и частных заводах, фабриках, в лесном и железнодорожном хозяйствах, торговых заведениях, различных мастерских и конторах, акционерных обществах и др. Так, на Брянском заводе в Бежице на январь 1916 г. трудились более 1,5 тыс. беженцев, в марте 1916 г. 297 чел. работали на оборонную промышленность в Брянском Арсенале, продовольственно-интендантском заведении, на артиллерийском складе, железной дороге, у частных хозяев трудились 280 чел.¹²⁷ На табачных фабриках Елецкого уезда Орловской губернии были устроены 150 женщин-беженок¹²⁸. Популярная у местного населения мастерская по изготовлению дамской и детской одежды в Орле, в которой работали беженки, была открыта Дамским комитетом, возглавляемым супругой губернатора¹²⁹. Беженцам отделениями Татьянинского комитета поручались заказы по починке белья для армии¹³⁰. По разрешению Городской думы беженцы допускались к занятию «извозчицким промыслом»¹³¹. Кожевенные заводы Тульской губернии, испытывавшие дефицит рабочих рук, приглашали на работу беженцев,

¹²⁴ См.: Циркулярная телеграмма министра внутренних дел от 9 августа 1915 г.; контроль за исполнением принадлежал губернаторам // ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1206. Л. 41.

¹²⁵ Подсчитано по: Очерк деятельности Калужского губернского отдела Комитета ЕИВ ВК Татьяны Николаевны // КК. 21 января 1916. № 16; 22 января 1916. № 17.

¹²⁶ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5245. Л. 28.

¹²⁷ Там же. Д. 1512. Л. 75.

¹²⁸ ГА РФ. Ф. 102. ДП 4 Д-во. 1916. Д. 26. Ч. 2. Л. 11–11 об.

¹²⁹ ОВ. 29 октября 1915. № 251; ОВ. 20 сентября 1915. № 221.

¹³⁰ ГАКО. Ф. 599. Оп. 1 Д. 4. Л. 113–114; КГВ. 6 февраля 1916. № 11.

¹³¹ КК. 19 сентября 1915. № 105; в Калуге летом 1915 г. стал ощущаться недостаток извозчиков, большинство которых ушло в деревни на полевые работы // КК. 30 июля 1915. № 83; в Орле этим «промыслом» стали заниматься женщины // ОВ. 5 ноября 1915. № 257.

размещенных не только в Тульской губернии, но и в соседних. Эвакуированный в Калугу Бобруйский артиллерийский склад принял на работу 700 женщин, за один рабочий день продолжительностью 9 часов им платили по 1 рублю¹³².

Сами беженцы в своих воспоминаниях отмечали, что жить только на беженское пособие можно было, лишь во всем себя ограничивая, поэтому они трудились, чтобы иметь заработки. Так, беженка из Гродненской губернии Ираида Добаш со слов матери вспоминала, что жить в Калуге было неплохо: «Один брат работал музыкантом, второй – на маслобойке, сестра служила у батюшки, отец был на фронте, мать не работала, т.к. ухаживала за ребенком»¹³³. О жизни в Москве рассказала Евгения Констанчук: «Дали нам квартиру на улице Бутырской, в доме номер 13 Бажанова (домовладельца – И.Б.), выдали одежду, обувь, топливо. Потом нас переместили в другой дом в Москве. Папа с братом стали работать на литейной фабрике, сестра тоже работала. До отъезда в 1918 г. бедно не жили»¹³⁴. Мать беженца Николая Панфилюка в Омске работала уборщицей, дядя учился в учительской семинарии и тоже работал. Отца в семье не было. Четверых маленьких детей взяли в приют, а старший учился в школе¹³⁵. Беженцы, размещенные вне городов, работали у сельских хозяев¹³⁶.

В 1916 г. в стране наметилась тенденция к оптимизации государственных расходов, связанных с оказанием помощи беженцам, в связи с большими военными расходами в условиях, когда основная масса беженцев была уже размещена во внутренних губерниях и могла при наличии в стране дефицита рабочих рук самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Административно-исполнительная власть на местах приступила к проведению в жизнь политики более экономного расходования государственных средств, отпускаемых на нужды беженского населения. Губернаторы обязали городские и уездные

¹³² ГАКО.Ф. 599. Оп. 1. Д. 4. Л. 130–134, 382.

¹³³ См.: Беженство 1915 года. Белосток, 2000. С. 74, 152.

¹³⁴ Там же. С. 114–115.

¹³⁵ Там же. С. 175–176.

¹³⁶ См., например: Там же. С. 103, 120, 139, 152, 257–258.

управы обязали провести обследование семей, получавших государственные пособия, выявить среди них трудоспособных безработных, предложить им работу, а в случае отказа без уважительной причины предупредить о лишении беженских пособий. Например, в Тульской губернии в начале 1916 г. губернатор предложил всем организациям, оказывавшим помощь беженцам, немедленно отправить из городов в сельскую местность всех способных к сельскохозяйственным работам беженцев вместе с семьями, а для находившихся в городских приютах организовать работу на местах. В том, чтобы дать беженцам работу в целях сокращения расходов казны, видел тульский губернатор задачу всех беженских организаций¹³⁷. В феврале 1916 г., в преддверии предстоявших весенних полевых работ, губернатору доложили о намеченном лишении пособий в Белёвском уезде – 2 чел., в Одоевском – 3, в Каширском – 7, в Ефремовском – 89, в Епифанском – всех мужчин трудоспособного возраста в количестве 564 чел. В Алексинском и Богородицком уездах такой меры как лишение пособия не потребовалось. Ещё в трех районах обследование ещё не было завершено. В Тульском уезде всем трудоспособным мужчинам и женщинам была предоставлена работа в Туле и пригородах¹³⁸. Не все беженцы соглашались на любую предложенную работу. К примеру, из всех 11 уездов Калужской губернии желавшие принять участие в ремонтных работах на железной дороге в г. Вязьме нашлись только в двух уездах и это при том, что отказы от предложенных работ без уважительной причины влекли за собой лишение беженского пайка¹³⁹.

Особое совещание по устройству беженцев предписывало снимать с казенного беженского пайка отказавшихся от земледельческих работ, не считая уважительной такую причину отказа, как «низкая» оплата¹⁴⁰. Расценки на сельскохозяйственный труд устанавливались с участием комитетов помощи

¹³⁷ *Шевелева О. В.* Сельскохозяйственное развитие великорусской провинции и столыпинская аграрная реформа в годы I Мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. Тула, 2008. С. 47.

¹³⁸ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39813. Л. 95.

¹³⁹ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1239. Л. 95.

¹⁴⁰ ГАРО. Ф. 29. Оп. 396. Д. 6. Л. 21 об; ГАКО. Ф. 599. Оп. 1. Д. 1. Л. 279.

беженцам. Так, в марте 1916 г. в Малоархангельском уезде Орловской губернии взрослым мужчинам установили оплату в размере 12 рублей в месяц, а женщинам – 7-8 рублей¹⁴¹. Для сравнения, в Тамбовской губернии, в Лебедянском уезде, мужчина получал лишь 8, а женщина 4 в месяц¹⁴². В Калужской губернии в апреле 1916 г. к сельскохозяйственным работам приступили почти 3 тыс. беженцев, в июне – почти две тыс. человек, включая 500 женщин и 670 подростков¹⁴³. Всего на сельскохозяйственных работах на октябрь 1916 г. находилось 14 % , на других работах – 15 % беженцев¹⁴⁴. Отказавшиеся от сельскохозяйственных работ без уважительной причины, были лишены пособий. Например, в Калужской губернии в мае 1916 г. были лишены пособий 590, в июне 1916 г. – 635 чел.¹⁴⁵. В Орловской губернии в 1916 г. лишили пайков 3 228 чел.¹⁴⁶. В Курской губернии на 1 августа 1916 г. на сельскохозяйственных работах было занято 20, 3 % беженцев, призываемых местными самоуправлениями, на других работах – 4,8 %, безработные составили 8, 6 %. Они были сняты с беженского пайка¹⁴⁷. По результатам 1916 г. картина занятости беженского населения, например, в Рязанской губернии, выглядела следующим образом. Нетрудоспособных беженцев, куда входили дети до 14 и взрослые свыше 60 лет, полные инвалиды и калеки, временно нетрудоспособные, трудоспособные, осуществлявшие уход за детьми, насчитывалось 68 %. В сельскохозяйственных работах участвовали 10 % беженцев, на других работах – 14 %, безработные составляли – 8 %¹⁴⁸.

В мае 1916 г. происходило согласование смет расходов на беженские нужды на II квартал 1916 г., например, калужскую смету в размере 1 205 109

¹⁴¹ ОВ. 8 марта 1916. № 53.

¹⁴² *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962. С. 106.

¹⁴³ КК. 21 мая 1916. № 108; КК. 23 июня 1916. № 117.

¹⁴⁴ ГК. 2 октября 1916. № 63.

¹⁴⁵ КК. 21 мая 1916. № 108; КК. 23 июля 1916. № 117.

¹⁴⁶ ГАОО. Ф. 697. Оп. 1. Д. 5. Л. 5–5 об.

¹⁴⁷ *Курцев А.Н.* Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914 – 1917 гг. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. С. 58.

¹⁴⁸ Подсчитано по: ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 1 в. Л. 117.

руб. Особое совещание не утвердило, сократив её наполовину¹⁴⁹. Губернским совещаниям по устройству беженцев пришлось пересматривать свои сметы. Так, Рязанское Губернское совещание 2 мая 1916 г. не утвердило смету расходов Еврейского благотворительного общества помощи беженцам на усиленное питание некоторых беженцев – евреев, посчитав их видом медицинской или благотворительной помощи. Не были также выделены средства на организацию бюро труда при Еврейском комитете, на открытие «детского очага» на 60 детей, на обучение детей ремеслу. По этим вопросам было рекомендовано обратиться в Татьянинский комитет. Тульской губернии на нужды беженцев во втором квартале 1916 г., после дополнительных согласований, в итоге было ассигновано 983 692 руб.¹⁵⁰.

В июне 1916 г. Особое совещание предписало соответствующим Губернским органам лишать продовольственного пайка 10 % от общего количества беженцев, проживающих в сельской местности, и 15 % беженцев, размещенных в городах. Сокращение расходов диктовалось финансовым положением и наличием дефицита рабочих рук в стране. Особое совещание установило расходы на баню в размере 10-20 копеек в месяц на одного человека, на амбулаторное лечение отпускалось 25 копеек в 3 месяца, на стационарное лечение 1-1,2 руб. в месяц, на содержание детских приютов – 13,5-15 руб. в месяц; на одежду и обувь планировалось выделять по 20 рублей на человека в год, причем это касалось только 20 % общего числа зарегистрированных беженцев. Норма канцелярских и других расходов составила 12 % от общей суммы, выделяемой государством на нужды беженцев¹⁵¹.

Сметное ассигнование на беженские пайки с 1 октября 1916 г. было установлено Особым совещанием лишь на 50 % беженцев, кроме того, предусматривалось снятие сельскохозяйственных рабочих с казенного

¹⁴⁹ ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 1. Л.130.

¹⁵⁰ ГАТО. Ф. 1714. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 об.

¹⁵¹ ГАРО. Ф. 29. Оп. 396. Д. 6. Л. 21 об–22 об, 25, 26, 28–29 об.

беженского пайка. Одновременно был увеличен размер квартирного пайка в уездах. Например, в Калужской губернии – с 1 до 1,2 руб.¹⁵². В Курской губернии квартирное пособие в городах в 1916 г. увеличили с 1,2 до 2 руб. в месяц на человека, а продовольственный – с 15 до 20 коп. в день на одного члена семьи¹⁵³.

В 1916 г. производились реквизиционные выплаты. К примеру, в 1916 г. получили причитающуюся им плату крестьяне из Гродненской губернии, у которых во время эвакуации в Калужскую губернию был реквизирован скот. Сувалкский губернатор в Рязанской губернии производил через уездные управы расчеты с беженцами по реквизициям 1915 г. Кроме того, вопросами вознаграждения за окопные работы занималось Сувалкское Губернское по крестьянским делам присутствие, эвакуированное в Рязань¹⁵⁴. Между тем количество прошений на имя губернаторов, в городские и земские управы о назначении пособий по причине дороговизны возросло¹⁵⁵.

Выдача беженских пайков нетрудоспособным из-за «казначейских затруднений»¹⁵⁶ постоянно осуществлялась с запаздыванием. К примеру, в конце августа 1916 г. беженцы Жиздринского уезда Калужской губернии ещё не получали паёк за июнь. В середине декабря 1916 г. выдача пайков производилась только за август и сентябрь¹⁵⁷. Между тем с начала своей деятельности в октябре 1915 г. по декабрь 1915 г. Жиздринский земско-городской комитет по устройству беженцев получил из казны и выдал продовольственных и квартирных пайков на сумму 142 052 руб., оплатил лечение беженцев, содержание питательных пунктов, одежду и бельё на 4 586

¹⁵² ГАКО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.

¹⁵³ Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 гг. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. С. 59.

¹⁵⁴ Журнал Губернского совещания по устройству беженцев. 2 мая 1916 г. // ГАРО. Ф. 29. Оп. 396. Д. 6. Л. 23.

¹⁵⁵ ГАРО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 4307. Л. 1, 735; Ф. 29. Оп. 395. Д. 10. Л. 121–121 об.

¹⁵⁶ См.: Журнал Губернского совещания по устройству беженцев. 2 мая 1916 г. // ГАРО. Ф. 29. Оп. 396. Д. 6. Л. 33–33 об; КК. 22 января 1916. № 17.

¹⁵⁷ ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 6. Л. 256.

руб. За 1916 г. продовольственных, квартирных и «банных» было выплачено 418 870 руб., всего 565 508 руб.¹⁵⁸

Благотворительный комитет при Брянском заводе Орловской губернии заимообразно брал на себя выдачу беженских пособий¹⁵⁹. Это было вызвано запаздыванием государственного финансирования, что доставляло неудобства нуждавшимся в средствах беженцам. Беженцы из Елецкого уезда, всего 19 человек, в 1916 г. обратились в Татьянинский комитет, прося содействия в получении государственной помощи, предусмотренной законом. Жалоба рассматривалась с выездом на место двумя уполномоченными по устройству беженцев внутри империи И. Голынским и В. Лигиным. В результате были выявлены нарушения в части назначения пособий нетрудоспособным и больным, подтверждены факты задержки выдачи казённых пайков, а также проживания беженцев в холодных квартирах. По итогам проверки было сделано распоряжение об удовлетворении обоснованных претензий елецких беженцев, кроме того, в уездный земский комитет помощи беженцам в марте 1916 г. были направлены денежные средства на беженские пайки за январь и февраль¹⁶⁰. Всего Орловская губерния за 1916 г. получила на удовлетворение нужд беженцев более 1,5 млн рублей, в т.ч. на продовольствие более 900 тыс., на квартирное довольствие – более 400 тыс., содержание приютов – 10,6 тыс., на амбулаторную и больничную помощь – 25,4 тыс., на одежду и обувь – 50 тыс. рублей, на удовлетворение духовных нужд – 4,7 тыс. рублей¹⁶¹.

Общая сумма, отпущенная государственным казначейством на оказание помощи беженцам с июля 1915 г. по 1 мая 1917 г., составила 509 273 175 руб. Из них Губернские совещания и земские управы получили 362 226 798 руб. Например, Калужская губерния получила около 6 млн руб. Национальным, общественным и частным организациям было выделено 103 091 133 руб., из

¹⁵⁸ ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 6. Л. 235, 240, 492.

¹⁵⁹ Краткий отчёт о деятельности Бежицкого при Брянском заводе комитета о беженцах с 17 августа 1915 г. по 1 января 1916 г. // РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 209. Л. 7.

¹⁶⁰ Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011. С. 99. С. 103–104.

¹⁶¹ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5246. Л. 135, 172; ГАОО. Ф. 697. Оп. 1. Д. 5. Л. 2–3.

них больше всех Центральному обывательскому комитету Царства Польского – более 27, 5 млн руб., Латышскому центральному комитету – более 17, 5 млн руб., Еврейскому центральному комитету помощи жертвам войны – более 14 млн. руб. Татьянанский комитет получил около 14 млн руб. Железной дороге за перевозку беженцев было отпущено почти 10,5 млн руб. Частным организациям и учреждениям – более 2 млн руб., в том числе Переселенческому управлению 300 тыс. руб., Главноуполномоченным по устройству беженцев – около 300 тыс. руб. Остаток неизрасходованных средств на 1 мая 1917 г. составил более 16, 5 млн руб.¹⁶²

С началом Первой мировой войны в связи с ростом социальной напряжённости в обществе возросла востребованность благотворительности, которая показала свою способность быстрого реагирования в экстренных ситуациях. Возникшие в связи с началом войны всероссийские благотворительные организации, наряду с РОКК, взяли на себя помощь пострадавшим от военных бедствий. Основным источником их финансирования стали государственные ассигнования. Они открывали в провинции свои отделения, кроме того, по инициативе самоуправлений и частных лиц возникли благотворительные организации местного уровня.

Концерты, спектакли и кинематографические сеансы, народные гулянья, лекции и лотереи, кружечные сборы, а также сборы вещей и продуктов для беженцев проводились отделениями Татьянанского комитета, национальных организаций, Земским и Городским союзами, ВОПоБ, комитетами помощи беженцам местных самоуправлений, благотворительными организациями, возникшими в период войны в городах и сельской местности. Сбор продовольствия для беженцев, начавшийся в сентябре 1915 г. под названием «Ковш зерна нового урожая» в регионах проходил под руководством местных отделений Татьянанского комитета¹⁶³. Священники благословляли своих

¹⁶² ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 1 а. Л. 54–58, 79–80 об, 85–85 об.

¹⁶³ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39813. Л. 154.

прихожан на это доброе дело¹⁶⁴. Добровольные сборщики объезжали на подводах селения и частновладельческие усадьбы и предлагали сдать пожертвования зерном, «избегая всякого рода давления и принуждения к этому», как требовала инструкция. Жертвователю выдавалась квитанция с обозначением веса пожертвования. Собранное зерно сборщик доставлял в волостное правление и сдавал ответственному лицу Татьянинского комитета¹⁶⁵. Пресса, освещавшая это масштабное мероприятие, писала, что крестьяне охотно жертвуют продукты и вещи в пользу беженцев, например, в Ливенском уезде Орловской губернии получили из собранного зерна по 2,5 на каждого едока. Об удачных благотворительных сборах среди духовенства в волостях Малоархангельского уезда писала в октябре 1915 г. газета «Орловская жизнь»¹⁶⁶. В Орловском уезде в октябре 1915 г. прошел сбор картофеля для беженцев, в Елецком уезде собрали зерно, овощи (картофель и капусту), солому¹⁶⁷. В уездах Калужской губернии сельские жители жертвовали беженцам и зерно, и холст; так, в Мещовском уезде собрали более 2 тыс. пудов ржи, свыше 100 пуд. овса, 5 тыс. руб.¹⁶⁸, в Козельском уезде – более 1,7 пуд. ржи, по 100 пуд. муки, овса, ячменя, 148 руб. и 20 аршин холста¹⁶⁹. Везде по губернии «ковш зерна дал очень удовлетворительные результаты». Губернатор распорядился все собранные в уездах продукты и холст расходовать на нужды приютов для детей беженцев, а вещи раздать нуждавшимся беженцам¹⁷⁰.

В центральных губерниях Европейской России отделения Татьянинского комитета в 1915 г. осуществляли сбор пожертвований под названием «Россия – разорённым окраинам». К 1 января 1916 г., например, в Калужской губернии, было собрано более 23 тыс. руб., т.е. ежемесячно в среднем по 3 285 руб.

¹⁶⁴ ГАКО. Ф. 648. Оп. 1. Д. 623. Л. 47.

¹⁶⁵ Там же. Ф. 825. Оп. 5. Д. 571. Л. 16.

¹⁶⁶ ОВ. 30 октября 1915. № 252; 25 февраля 1916. № 43; ОЖ. 21 октября 1915. № 225; 24 октября 1915. № 227.

¹⁶⁷ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5246. Л. 27–29.

¹⁶⁸ КК. 23 ноября 1915. № 134.

¹⁶⁹ Там же. 27 октября 1915. № 121

¹⁷⁰ ГАКО. Ф. 599. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

Крестьянское население жертвовало не только продукты, но и деньги¹⁷¹. В комитет направлялись сборы от музыкальных и драматических спектаклей и концертов, народных гуляний¹⁷². Дамские комитеты при отделениях, устраивали однодневные сборы пожертвований, собирая при этом до нескольких десятков тысяч предметов и тысячи рублей¹⁷³. Например, Тульским губернским отделением Татьянинского комитета в январе 1916 г. было собрано более 3,5 тыс. рублей пожертвований¹⁷⁴. Благотворительные концертные вечера для публики в пользу беженцев устраивались 12 января отделениями Татьянинского комитета в честь тезоименитства великой княжны Татьяны Николаевны¹⁷⁵.

Повсеместный по городам России кружечный сбор 29–31 мая 1915 г., приуроченный ко дню рождения великой княжны Татьяны Николаевны, принес 2,2 млн рублей. При этом если до августа 1915 г. ежемесячные расходы Татьянинского комитета составляли от 500 до 800 тыс. рублей, то в августе они составили более 2,6 млн, в сентябре – свыше 5,7 млн, в октябре – свыше 4 млн, в декабре – свыше 3 млн рублей¹⁷⁶.

Самые разные люди объединялись в различные благотворительные кружки, как, например, в Брянске в августе 1915 г. для организации питания транзитных беженцев на железнодорожных станциях «Полесская» и «Брянск». Усилиями кружка, состоявшего из людей самых разных профессий, получали пищу 700-800 человек ежедневно¹⁷⁷. Питательный пункт для беженцев в сентябре 1915 г. был открыт Брасовским благотворительным обществом помощи пострадавшим от войны. Там беженцы получали горячую пищу из

¹⁷¹ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39813. Л. 37.

¹⁷² См., например: ОВ. 6 декабря 1915. № 283; 9 марта 1916. № 54; ГАКО. Ф. 825. Оп. 5. Д. 604. Л. 60.

¹⁷³ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1187. Л. 101; КК. 12 сентября 1915. № 102.

¹⁷⁴ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39813. Л. 153.

¹⁷⁵ ГАКО. Ф. 825. Оп. 5. Д. 604. Л. 60.

¹⁷⁶ Летопись войны 1914–1915–1916 гг. № 107. С. 11–17.

¹⁷⁷ РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 210; ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 784. Л. 39–41.

крупы, картофеля, сала с хлебом, детям выдавали сахар. Так, по отчёту за 2 недели сентября, было накормлено более 16,5 тыс. чел. на 249 руб.¹⁷⁸

Для благотворительной деятельности люди объединялись и по территориальному принципу, и по месту службы или проведения досуга. Так, благотворительные кружки местных городских управлений по призрению детей беженцев собирали пожертвования в учебных заведениях, на предприятиях, в отделениях Дворянского и Крестьянского банков, от частных лиц¹⁷⁹. Местные газеты писали об инертной в обычное время городской интеллигенции, которая безвозмездно, «не щадя себя», делала для беженцев всё, что только возможно¹⁸⁰. Уездные земские комитеты помощи беженцам из своих средств и на средства жертвователей, которые собирались благотворительными кружками, образованными при комитетах, устанавливали пособия, например, для многосемейных беженцев на одежду и обувь, хроническим больным, на подарки к праздникам и на другие нужды¹⁸¹. Так, в с. Дятьково Брянского уезда Орловской губернии местное благотворительное общество на начало 1916 г. выдало нуждавшимся беженцам более 1,2 тыс. рублей в виде пособий¹⁸². В городских театрах систематически устраивались благотворительные спектакли, средства от которых направлялись в детские приюты и на помощь детям, обучавшимся в гимназиях¹⁸³.

Всем многочисленным организациям и кружкам давалась возможность в установленном порядке проводить свои мероприятия по сбору средств на помощь беженцам. Все благотворительные мероприятия как всероссийского, так и местного уровней планировались заранее. Для их проведения определялись «площадки»: клубы, театры, кинематографы, городские сады, стадионы, ипподромы, цирки. Планировалось и проведение тарелочных и

¹⁷⁸ Известия Главной конторы Брасовского и Дерюгинского ЕИВ ВК Михаила Александровича имений. 1915. № 6–7.

¹⁷⁹ ГАРО. Ф. 29. Оп. 395. Д. 10. Л. 13; КК. 1 октября 1915. № 110.

¹⁸⁰ КК. 4 декабря 1915. № 138.

¹⁸¹ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5384. Л. 31–31 об.

¹⁸² Там же. Д. 5244. Л. 67; Д. 5384. Л. 31.

¹⁸³ См., например: ОВ. 5 ноября 1915. № 257; 20 сентября 1915. № 221.

кружечных сборов в церквах и на городских улицах. Епархиальные комитеты по призрению беженцев собирали пожертвования и распределяли их среди беженцев по приходам¹⁸⁴. В губерниях действовали отделения Всероссийского общества попечения о беженцах. Они открывали бесплатные столовые для беженцев, как и все благотворительные организации, проводили сбор средств на различные беженские нужды¹⁸⁵.

Работу различных благотворительных обществ и кружков оценивали как «полностью оправдывавшую свое назначение» не только представители местного государственного управления¹⁸⁶, но и сами беженцы. Они с благодарностью отзывались об отношении к ним в местах их временного размещения, отмечая заботу о них и готовность помогать: *«Нам было очень хорошо. Мы бы не возвращались, если бы не коммунистический режим, при котором начался голод»*; *«Русские люди очень хорошие»*; *«Нас, беженцев, хлебом завалили, каждый день блины с маслом ели»*¹⁸⁷. Из воспоминаний беженцев, живших в Донской области: *«Хорошо нам было в Донской области, казаки – хорошие люди <...>»*; *«Мы могли купить всё, цены низкие, а продукты высокого качества. Мы и другие беженцы жили здесь лучше, чем дома»*; *«Здесь люди ласковые, гостеприимные, накормили, вечером пришли с подарками, хлебом, мясом, салом»*; *«Все взрослые работали и регулярно получали заработную плату, а за деньги можно было купить всё. Высококачественных продуктов было множество, и цены на них были низкие»*¹⁸⁸. Беженцы, жившие в пределах Тамбовской губернии, вспоминали: *«Неплохо нам жилось в Тамбовской губернии»*; *«Если бы так к нам приехали, как мы сюда, то умерли бы с голоду»*¹⁸⁹. Беженцев, размещённые на жительство

¹⁸⁴ См. об это подробнее: Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011. С. 109–111.

¹⁸⁵ См., например: ГАКО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 5. Л. 621.

¹⁸⁶ См., например: Общество и революция. Калужская губерния в 1917 г. / Под ред. В.Я. Филимонова. Калуга, 1999. С. 54.

¹⁸⁷ Из воспоминаний беженцев А. Ваврашука, Н. Качана, А. Кучки, временно размещённых в Саратовской губернии // Беженство 1915 года. Белосток, 2000. С. 46, 120, 131.

¹⁸⁸ Там же. С. 167, 211, 213, 257.

¹⁸⁹ Там же. С. 83, 98.

в Рязанской губернии, отмечали, что приняли их хорошо, хотя сами много не имели»¹⁹⁰. По их мнению, до революции хорошо жилось местным хозяевам и беженцам, в магазинах всё было, местные приносили беженцам еду и одежду. Из казны ежемесячно семье платили 35 рублей¹⁹¹.

Беженцы, размещённые в Тверской губернии, считали: *«Среди русских хорошо было жить. Это был чрезвычайно хороший народ. Последний кусок хлеба были готовы с нами делить»*¹⁹². По воспоминаниям беженцев, размещённых в Симбирской губернии, доброта русских людей незабываема. Они говорили: *«Если бы к нам столько приехало в Польшу, выгнали бы. Поляк и белорус думает лишь о себе, а до других им и дела нет»*¹⁹³. Теплое к себе отношение отмечали беженцы из Нижегородской губернии¹⁹⁴. *«Помогало нам государство и люди. Хорошо нам там было, купили себе шубы. Если бы только не революция»* (Пермская губерния)¹⁹⁵. *«Всё было хорошо. Молока и масла хватало всем. Каждый день ели пироги и говядину»* (Оренбургская губерния)¹⁹⁶. *«Все беженцы вспоминают русский народ, которого лучше в мире нет»*; *«Разрешили брать сколько надо земли, коней»*; *«Люди там не такие, как у нас, а добрые и бесхитростные. Если бы к нам приехало столько, то на них и не взглянули бы, мол живите, как хотите. А нам помогали и власти и люди»* (Омский уезд Акмолинской губернии)¹⁹⁷. В Кубанской губернии беженцам давали землю, зерно для сева, скот для выращивания, предметы домашнего обихода¹⁹⁸.

Как видно из воспоминаний, жизнь беженцев, расселенных по всей России, в дореволюционное время (до октября 1917 г.) стала лучшим периодом их беженской жизни.

¹⁹⁰ Беженство 1915 года. Белосток, 2000. С. 250.

¹⁹¹ Там же. С. 28.

¹⁹² Там же. С. 171.

¹⁹³ Там же. С. 219.

¹⁹⁴ Там же. С. 65.

¹⁹⁵ Там же. С. 110.

¹⁹⁶ Там же. С. 135.

¹⁹⁷ Там же. С. 112, 161, 176.

¹⁹⁸ Там же. С. 80, 151.

Таким образом, законом от 30 августа 1915 г. «Об обеспечении нужд беженцев» заботы о беженцах были возложены на министерство внутренних дел и созданное при нем Особое Совецание по устройству беженцев, которым, прежде всего, были установлены ежемесячные беженские продовольственный и квартирный пайки, назначены Главноуполномоченные по устройству беженцев во внутренних губерниях. На местах попечение о беженцах поручалось губернаторам, земским и городским управлениям. Закон не запрещал деятельность ранее созданных общественных и национальных организаций помощи беженцам, а Татьянинский комитет освобождался от выдачи ежемесячных беженских пайков.

В центральных губерниях Европейской России действовали все виды организаций помощи беженцам, упомянутые в законе от 30 августа 1915 г. Их основным источником финансирования являлась государственная казна. Эти организации осуществляли регистрацию, назначение и выплату ежемесячных и единовременных пособий, обеспечивали беженцев бесплатной медицинской и лекарственной помощью, одеждой, обувью, оказывали содействие в подыскании работы. Они организовывали детские приюты, убежища для престарелых и инвалидов, бесплатные и дешевые столовые, производственные мастерские, национальные школы. В среднем среди беженцев было более 70 % процентов нетрудоспособных – дети, старики, женщины, среди которых около 15 % трудоспособных неработающих женщин, осуществлявших уход за детьми.

Большинство беженских семей были приняты на жительство сельскими хозяевами и занимались крестьянским трудом, обеспечивая свои семьи. В городах охотно предоставляли беженцам работу в условиях дефицита работников многочисленные предприятия, заведения, учреждения, организации и общества. Сами беженцы в своих воспоминаниях отмечали, что жить только на беженское пособие можно было, лишь во всем себя ограничивая, поэтому они стремились получать заработок.

В 1916 г. наблюдалось постепенное сокращение государственных ассигнований на нужды беженцев. Городским и уездным управам вменялось в

обязанность проведение обследований семей, получавших государственные пособия, предписывалось проявлять большую активность в обеспечении трудоспособных беженцев заработком, в лишении их пособий при отказе от работ без уважительной причины. Количество получавших пособие беженцев летом 1916 г. сократили на 25 %, затем с 1 октября 1916 г. – на 50 %, кроме того, сельскохозяйственные рабочие снимались с государственного пайка. При этом около четверти трудоспособных беженцев к концу 1916 г. не работали. Между тем, как показывали проверки, многие старики и больные необоснованно были лишены пайка.

Беженское население ощущало нужду в одежде и обуви, поэтому все организации, оказывавшие помощь беженцам, занимались сбором пожертвований с учетом, прежде всего, этих нужд. При этом использовались самые разные формы. Проведение массовых благотворительных мероприятий планировалось на всех уровнях, время их проведения заранее сообщалось населению, результаты обнародовались. Благотворительная деятельность отличалась массовой и всесословной поддержкой населения в течение всего военного периода.

Беженцы, где бы они не размещались, с благодарностью отзывались об отношении к ним коренного населения, отмечая заботу и готовность им помогать. Жизнь беженцев, расселенных по всей России, в дореволюционный период стала самым светлым отрезком их беженской жизни.

В заключение следует сделать вывод о том, что российская государственная власть в связи с вынужденной военными обстоятельствами массовой эвакуацией населения из прифронтовых территорий, начавшейся летом 1915 г., решила комплекс проблем, включая финансирование и правовое обеспечение этого крупномасштабного мероприятия. В результате благодаря усилиям местной административно-исполнительной власти и самоуправлений, благотворительных организаций всех уровней при поддержке населения система попечения о беженцах заработала, и задачи по размещению, обеспечению пособием и медико-санитарной помощью, приисканию заработка

и многие другие успешно решались в тыловых центральных губерниях Европейской России. Созданная российская система попечения о беженцах работала в полном соответствии с действовавшим законодательством до начала 1918 г., когда были отменены казённые пайки и ликвидированы все организации, оказывавшие помощь беженцам. Мероприятия по компенсации беженцам материальных потерь остались невыполненными, а их реэвакуация растянулась более чем на семь лет.

2.3. «Гражданские» пленные и депортированные

С началом Первой мировой войны германские и австро-венгерские подданные, проживавшие в России, численность которых составляла соответственно около 170 тыс. и 120 тыс. человек¹⁹⁹, из мирного сословия иностранцев превратились в потенциальных врагов российского государства, для которых были отменены все ранее предусмотренные различными межгосударственными соглашениями преимущества и льготы²⁰⁰.

Главнoначальствующим губерний по распоряжению министерства внутренних дел (МВД) следовало разрешить дальнейшее проживание на прежнем месте подданным неприятельских государств мужского пола от 18 до 45 лет, годным к военной службе, чья благонадежность не вызывала сомнений, после взятия с них подписки о невыезде и под надзором полиции²⁰¹. Неблагонадёжные представители этой группы мужского населения подлежали аресту и высылке в специально отведённые места²⁰². Во исполнение распоряжения МВД обязательным постановлением губернаторов всех иностранных подданных объявили военнопленными и обязали в семидневный

¹⁹⁹ Уткин А. И. Первая мировая война. М., 2002. С. 32.

²⁰⁰ ГАКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 51. Л. 30.

²⁰¹ ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 712. Л. 8.

²⁰² Там же.

срок прибыть в местные управления полиции²⁰³. У них конфисковывалось огнестрельное оружие и перевозочные средства²⁰⁴.

Вместе с тем следует отметить, что, например, Орловский губернатор первоначально поступил с указанной группой неприятельских подданных несколько иначе: он предписал заключить военнообязанных германских и австро-венгерских подданных в тюрьму²⁰⁵. В Рязанской губернии неприятельских подданных призывного возраста принудительно как кандидатов на высылку доставили из уездов в Рязань, разместив в казармах 138-го пехотного Болховского полка²⁰⁶. Если благонадежность контингента сомнений не вызывала, его оставляли на местах. Например, в Калуге к началу войны проживало 15 таких семей, в том числе 12 немецких²⁰⁷. В Рязани после подписки о невыезде оставили «шестерых вражеских подданных», в т. ч. 4 семьи²⁰⁸. В Орле «безусловно благонадёжных» оказалось 11, в Мценском и Трубчевском уездах – по 2 чел. Высылке подлежали 22 человека из Орла и два из Мценского уезда, из Брянска – 3 германских и 6 австро-венгерских подданных, имевших возраст от 18 до 45 лет²⁰⁹.

Местами высылки подданных неприятельских государств в 1914 г. были определены Вятская, Вологодская, Костромская, Оренбургская губернии. Так, из Рязанской губернии в Вятскую выслали в начале сентября 1914 г. 9 германских и 3 австро-венгерских военнообязанных подданных²¹⁰. Из Брянска в Кострому были отправлены 6 австро-венгерских подданных, а в Вологду 11 германских и один австро-венгерский²¹¹. В октябре по предписанию командующего отдельным корпусом жандармов генерал-майора В.Ф. Джунковского германских и австро-венгерских подданных следовало высылать

²⁰³ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1243. Л. 180.

²⁰⁴ См., например: ГАКО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1916. Л. 2, 9, 33–35.

²⁰⁵ ГАБО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 206. Л. 36.

²⁰⁶ ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4056. Л. 480.

²⁰⁷ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1243. Л. 575.

²⁰⁸ ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4056. Л. 66.

²⁰⁹ ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 7141. Л. 34–38; Ф. 580. Ст. 1. Д. 5911. Л. 13–14.

²¹⁰ ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4056. Л. 2.

²¹¹ ГАБО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 206. Л. 6, 10.

в Астраханскую губернию, прекратив высылку в прочие местности²¹². О неблагонадёжности подданных враждебных государств активно сообщало полицию население. Например, воронежский мещанин Г. Попов в августе 1914 г. проинформировал полицию о том, что германский подданный Миропольский якобы высказывается в том плане, что война затеяна с целью уничтожить народ, которого стало много. Мир наступит только тогда, когда союзницы России Англия и Франция будут стерты с лица земли Германией, мощь которой огромна²¹³.

Вражеские подданные подлежали удалению с предприятий, выполнявших военные заказы²¹⁴. Так, в Калужской губернии в августе 1915 г. с Людиновского чугунолитейного завода были удалены австро-венгерские подданные Вильгельм Горячек, 34 лет и Иван Рикль, 19 лет. Они были оставлены в Жиздринском уезде под гласным надзором полиции²¹⁵.

В 1915 г. военнообязанных вражеских подданных высылали из Центральных губерний в Уфимскую и Казанскую губернии²¹⁶. Имели место и случаи возвращения высланных обратно. Так, в 1915 г. были возвращены обратно в Брянск двое германских подданных, так как за их благонадёжность поручился родственник – представитель местной административной власти (помощник начальника Орловского ГЖУ по Брянскому уезду)²¹⁷, разрешено возвращение одному военнопленному австро-венгерской армии, чеху по национальности.

В сентябре 1915 г. в преддверии разрыва дипломатических отношений с Болгарией, на места сообщалось, что болгарских подданных, признанных неблагонадёжными, следовало высылать в Ярославскую губернию, в октябре, после разрыва дипломатических отношений, местами для их выдворения была избрана Тамбовская губерния. Из губерний Европейского центра России,

²¹² ГАБО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 206. Л. 12.

²¹³ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 430. Л. 2, 3, 7.

²¹⁴ См., например: ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 5682. Л. 30, 34, 84.

²¹⁵ ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 388. Л. 196 об.

²¹⁶ ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4056. Л. 149.

²¹⁷ ГАБО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 206. Л. 262–262 об.

например, в уездах Воронежской губернии, до февраля 1917 г. находились 20 болгарских подданных²¹⁸.

Высылки вражеских подданных, проживавших на рассматриваемых территориях центральных губерний Европейской России к началу войны, продолжались и в 1916 г. Так, из пяти уездов Орловской губернии, относившихся в Минскому военному округу, где находилось много учреждений и организаций, работавших на государственную оборону, и воинских частей, губернатору в феврале 1916 г. было предписано выслать «всех без исключения лиц мужского и женского пола, немецкой, австрийской, турецкой и болгарской национальности». В итоге пятерых оставили на месте как «абсолютно благонадёжных», а 27 чел. выслали²¹⁹. В Воронежской губернии в начале 1916 г. проживали 93 германский подданных и 137 австро-венгерских. Когда встал вопрос о выселении 19 человек из них, работавших на кирпичном заводе, то владелец завода подал прошение об их оставлении на заводе как необходимых производству²²⁰. Как видим, «выдворение» неприятельских подданных из мест их довоенного проживания имело перманентный характер в течение всего военного периода.

Выселение подданных Германии и Австро-Венгрии из западных приграничных районов России во внутренние под надзор полиции началось перед объявлением войны. При этом местами их высылки стали Вологодская, Вятская и Оренбургская губернии. С 1915 г. к установленным ранее местам высылки добавились Казанская, Саратовская и Уфимская губернии, затем Енисейская и Пермская губернии²²¹. Военнообязанных выселяли вместе с семьями. К примеру, из 289 германских и австро-венгерских подданных, пересылаемых в январе 1915 г. через Калугу, военнообязанных было лишь 58,

²¹⁸ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 422. Л. 2, 8, 13.

²¹⁹ ГАБО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 206. Л. 55.

²²⁰ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1254. Л. 30–35; Ф. 6. Оп. 2. Д. 510. Л. 13–14.

²²¹ См.: *Нелипович С. Г.* Репрессии против подданных «Центральных держав». Депортации в России 1914–1918 гг. // ВИЖ. 1996. № 6. С. 32, 34.

то есть 20 %, остальные женщины и дети²²². Возникали трудности с размещением подданных держав германского блока, пересылаемых этапным порядком через города центральных губерний Европейской России, так как тюрьмы, где они обычно временно пребывали, не были рассчитаны на такое количество высылаемых, найти же свободное помещение было трудно.

Небольшая часть неприятельских подданных оседала и в центральных районах Европейской России²²³. Так, из Лифляндской губернии в Калугу в августе 1914 г. прибыло 16 германских и австро-венгерских подданных в возрасте 31-80 лет, затем ещё 24 человека из Ковенской губернии²²⁴. К августу 1915 г. в Калуге находилось 147 германских и 67 австро-венгерских подданных²²⁵. Общее количество подданных Четверного союза по всей губернии составляло 462 человека. Некоторые из них испытывали нужду, и губернатор обратился с ходатайством к генеральному американскому консулу о выдаче им пособий²²⁶. Правительства Германии и Австро-Венгрии через американское посольство выдавали своим подданным, находящимся в России, пособие в размере 30 и 10 руб. на одного человека соответственно²²⁷. Постановлением губернатора водворенным под надзор полиции подданным воюющих с Россией держав запрещалось выходить из дома с 9 часов вечера до 5 часов утра, вступать в разговоры с местными жителями²²⁸. В Орловскую губернию прибыли на жительство 73 семьи подданных неприятельских государств, в Воронежскую – 59, Курскую – 52 семьи²²⁹.

Всего в 1914 г. было перевезено во внутренние губернии 68 тыс., в 1915 г. – 134, в 1916 г. – более 41, в 1917 г. – более 11, 5 тыс. человек²³⁰.

²²² ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1182. Л. 20–21.

²²³ Там же. Д. 1243. Л. 662 об; Д. 1182. Л. 1, 3, 59.

²²⁴ Там же. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1243. Л. 576–581, 225.

²²⁵ Там же. Л. 662 об.

²²⁶ КК. 6 августа 1915. № 86.

²²⁷ ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14 а. Л. 97.

²²⁸ КК. 7 июля 1915. № 73.

²²⁹ *Курцев А.Н.* Миграционные процессы репрессивного характера в российском населении в 1861–1917 гг. на примере Центрально-Чернозёмного региона // Учёные записки. Электронный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3. Т. 2. С. 13.

²³⁰ *Нелипович С. Г.* Репрессии против подданных «Центральных держав»... С. 41.

В феврале 1915 г. в результате соглашения между русским и германским правительствами был разрешён выезд за границу германским подданным обоёго пола, однако мужчинам призывного возраста выезд разрешался лишь в случае признания их негодными к военной службе. Репатриантам необходимо было получить заграничный паспорт и за свой счёт перебираться через Петроград в Финляндию или через румынскую границу. Золотые монеты и банковские вклады вывозу не подлежали. В марте 1915 г. такое же разрешение выезда за границу получили подданные Австро-Венгрии²³¹. Далеко не все германские и австро-венгерские подданные могли воспользоваться предоставленным правом выезда на родину из-за недостатка средств²³². В числе первых выехавших в 1915 г. были, например, германские подданные из Рязани В. Зауер 50 лет, Э. Эйзеле, Г. Ридаль 63 лет²³³.

Совет министров и Ставка Верховного главнокомандующего 25 октября 1914 г. приняли решение об интернировании военнообязанных подданных Османской империи, присоединившейся в октябре 1914 г. к германо-австрийскому блоку. Местами водворения турецких подданных из пограничных районов России стали Вологодская, Вятская и Олонецкая губернии; из Европейской части России турецких подданных направляли в Воронежскую, с Северного Кавказа – в Ярославскую, а из Закавказья – в Калужскую губернию²³⁴.

Размещение и содержание военнообязанных турецких подданных можно рассмотреть на примере Калужской губернии, в которую в ноябре 1914 г. интернированные²³⁵ прибывали одна за другой²³⁶, и так продолжалось до конца

²³¹ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1172. Л. 8.

²³² Там же. Д. 1183. Л. 785; Д. 1243. Л. 783; КК. 6 августа 1915. № 86.

²³³ ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4056. Л. 139, 628, 641.

²³⁴ См.: *Нелипович С. Г.* Репрессии против подданных... С. 37.

²³⁵ Интернированных турок в документах называли по-разному: «военнопленными», «высланными» и «военнообязанными».

²³⁶ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1090. Л. 114–115.

ноября, всего прибыло около 2,5 тыс. турок и курдов²³⁷. По своему социальному составу это были в основном неимущие чернорабочие²³⁸.

Размещение военнообязанных турецких подданных представляло для городских властей Калуги большие трудности. Если имевшие средства устроились в гостиницах и на частных квартирах – таких было совсем немного – то остальных размещать было практически негде: казармы были заняты ополченцами и новобранцами, в других подходящих для размещения помещениях были организованы лазареты для раненых. В результате 750 человек направили в уезды²³⁹, остальных оставили в губернском центре, поселив их в железнодорожных вагонах. Полиции было предписано обеспечить всех прибывших работой, чтобы они не стали обузой для государственной казны²⁴⁰.

Отправка в уезды была остановлена из-за начавшейся среди турок эпидемии сыпного тифа на фоне их крайнего истощения²⁴¹. Заболевших изолировали, их лечением занимался медицинский персонал одного из эвакуационного военного госпиталя Калуги²⁴². В связи с эпидемией на территории губернской земской больницы были сооружены «бараки» для инфекционных больных с баней, прачечной и камерой для дезинфекции. Для перевозки заболевших городская управа предоставила повозку²⁴³.

В сложившейся обстановке, учитывая, что истощение организма поддерживает заболевание на высоком уровне, губернский санитарный совет принял решение об увеличении продовольственного пайка турецким подданным с 10 до 15 коп. в день на одного человека. Городская управа Калуги

²³⁷ КСО. 1914. № 11–12. С. 1102–1103.

²³⁸ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1185. Л. 20–21.

²³⁹ Распределение по уездам выглядело следующим образом: в Боровский – 50, Жиздринский – 150, Калужский – 50, Козельский – 75, Ливенский – 75, Малоярославецкий – 50, Медынский – 100, Мещовский – 50, Мосальский – 100, Перемышльский – 50, Тарусский – 30 чел. // КСО. 1914. № 11–12. С. 1103; ГАКО. Ф. 785. Оп. 1. Д. 435. Л. 1–10.

²⁴⁰ ГАКО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1047. Л. 1.

²⁴¹ Там же. Ф. 785. Оп. 1. Д. 384. Л. 28, 58, 59.

²⁴² Там же. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 388. Л. 27.

²⁴³ Там же. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1185. Л. 11, 21, 25, 127.

закупила для них бельё, была организована их помывка, стрижка, проведена дезинфекция одежды и помещений²⁴⁴. Был создан (хотя и с опозданием) противозидемический отряд, занимавшийся дезинфекцией мест общественного пользования. Местная пресса не скрывала своего удовлетворения от санитарной обработки подданных, она сообщала: «Машинка после стрижки 2-3 человек приходит в совершенную негодность <...> из бани турки выходили в русских меховых шапках, молескиновых пиджаках, чистеньких лаптях <...> и выглядели смуглыми, черноокими красавцами неопределённой расы, весьма оригинального вида <...>»²⁴⁵.

Эпидемия, несмотря на принятые меры, унесла жизни 295 человек, что составляло 12 % от общего количества интернированных в Калужскую губернию турок²⁴⁶. Были жертвы среди медицинского персонала, а также среди полицейских чинов в уездах Калужской губернии. Так, в г. Козельске скончался становой пристав и трое нижних чинов полиции, в г. Жиздре умерли два санитарных врача: И.Ф. Аккерман и А.И. Шокуров, а также фельдшер И.А. Иванюшин²⁴⁷. Калужское губернское земство из средств, предусмотренных на проведение противочумных мероприятий, израсходовало 5 тыс. рублей на все лечебные, санитарно-эпидемические меры, а также на погребение скончавшихся от сыпного тифа турецких подданных²⁴⁸. В дальнейшем до конца войны подобной величины эпидемий в губернии не было допущено.

Калужская полиция уделяла большое внимание вопросу трудоустройству турецких подданных, которые направлялись на казённые и общественные работы, на частные предприятия и заведения, где неплохо зарабатывали²⁴⁹. Можно назвать лесопильный завод Мешкова и кирпичный завод Пантюшина в Калуге, Чугуноплавильный завод в Калужском уезде, Никольскую переправу

²⁴⁴ КСО. 1914. № 11–12. С. 1151–1152; КГВ. 10 января 1915. № 3; Отчёт о деятельности... С. 37.

²⁴⁵ КК. 17 января 1915. № 8; 20 января 1915. № 9.

²⁴⁶ ГАКО. Ф. 785. Оп. 1. Д. 384. Л. 332–339.

²⁴⁷ КК. 17 января 1915. № ; КСО. 1915. № 1–3. С. 128.

²⁴⁸ Там же. мая XI. 1915. № 99.

²⁴⁹ Там же. 16 апреля 1915. № 39.

через Оку. Турецкие подданные выполняли различные строительные работы, например, возводили казармы для 9 и 10 пехотных полков и др. Практически во всех уездах Калужской губернии труд турок нашел применение, к примеру, они работали на Людиновском чугунолитейном заводе, лесопильном заводе, на бумажной фабрике в Жиздринском уезде и даже на чугуноплавильных заводах соседней Тульской губернии²⁵⁰. По заявкам сельских хозяев с 1915 г. турецкие подданные направлялись на сельскохозяйственные работы, например, к землевладельцам Голицыну и Коншину было направлено более 40 чел.²⁵¹

Полицейское наблюдение за интернированными турками показало, что один из состоятельных представителей этой группы граждан занимался деятельностью, которая была квалифицирована как шпионаж. В связи с этим хозяин квартиры, где проживал этот турецкий подданный, почётный гражданин Калуги М.М. Фишера, немец русского подданства, был выслан в Казанскую губернию как пособник иностранного шпиона²⁵². Интернированные турецкие подданные находились в пределах Калужской губернии до сентября 1915 г. и были переотправлены в Казанскую губернию по причине предполагавшегося перевода в Калугу Ставки Верховного главнокомандующего²⁵³. Исключение сделали лишь для 42 чел., работавших в пекарне, снабжавшей хлебом местные госпитали и воинские части²⁵⁴. Калужские газетчики посчитали переотправку интернированных турок «мерой вполне своевременной ввиду недостатка в губернии помещений»²⁵⁵.

В других центральных губерниях Европейской России, например, в Воронежской, турецкие интернированные граждане находились на протяжении

²⁵⁰ Всего в январе 1915 г. в Жиздринском уезде Калужской губернии работало 150 турок // ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 388. Л. 23; Д. 413. Л. 1–4; Ф. 783. Оп. 1. Д. 1177. Л. 1; Ф. 1328. Оп. 1. Д. 388. Л. 23; Ф. 785. Оп. 1. Д. 435. Л. 28–30, 172; Д. 1185. Л. 122; ГАКО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1047. Л. 14, 62, 73.

²⁵¹ ГАКО. Ф. 785. Оп. 1. Д. 435. Л. 10, 49–50, 56, 101.

²⁵² Там же. Ф. 33. Оп. 4. Д. 530. Л. 616 об.

²⁵³ Там же. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1090, 1184; Д. 1204. Л. 535; Ф. 785. Оп. 1. Д. 383. Л. 13–14; Д. 412. Л. 27; Д. 434. Л. 24; Д. 1179. Л. 16–19; *Уткин А. И.* Первая мировая война. М., 2002. С. 257;

²⁵⁴ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1243. Л. 37–38, 809, 860.

²⁵⁵ КК. 15 сентября 1915. № 103.

всего военного периода. Так, на городских общественных работах в Воронеже турки в марте 1916 г. были недовольны и жаловались, что им платят 70 копеек в день, а русским 1 рубль²⁵⁶. В Рязанской губернии на февраль 1916 г. находилось 600 военнообязанных турецких подданных, их труд использовался в сельском хозяйстве и на различных предприятиях²⁵⁷. В 1915 и 1916 гг. процесс интернирования турецких подданных из приграничных кавказских территорий (Сухума, Зугдиди, Карса, Баку и др.) в центральные губернии Европейской России не прекращался²⁵⁸.

С целью облегчения ведения боевых действий военное командование интернировало не только вражеских подданных, проживавших в России, но и военнообязанных граждан оккупированных районов вместе с семьями по подозрению в шпионаже. Это были евреи и немцы из Восточной Пруссии, их количество до сих пор не известно²⁵⁹. Из Галиции и Буковины более 20 тыс. евреев было перемещено в августе 1914 – июле 1915 г.²⁶⁰ В калужской тюрьме по указанию генерала В.Ф. Джунковского весной 1915 г. под стражей содержались около 30 военнообязанных евреев австрийского подданства²⁶¹. В тюрьмах Калужской губернии с лета 1914 г. находились 7 германских подданных, подозреваемых в шпионаже и высланных из района военных действий Северо-Западного фронта. В декабре 1914 г. они были освобождены из тюрьмы и водворены на жительство в г. Боровск Калужской губернии под надзор полиции. За исключением одного, все поднадзорные были в возрасте от 45 до 78 лет. На их содержание были получены специальные кредиты. В Тарусе до окончания войны были размещены на жительство под надзором полиции трое

²⁵⁶ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1161. Л. 81–82 об.

²⁵⁷ ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4141. Л. 374, 485, 615.

²⁵⁸ Там же. Л. 12, 13, 78, 152, 153, 276.

²⁵⁹ Например, по вопросу о количестве перемещённых из Восточной Пруссии за время её первой оккупации русской армией к началу сентября 1914 г. существуют только данные немецкой историографии – 10 тыс. чел. Общее число немцев, высланных из восточной Пруссии при 2-й оккупации (октябрь 1914 – февраль 1915 гг.), неизвестно (*Нелипович С. Г.* Население оккупированных территорий рассматривалось как резерв противника // ВИЖ. 2000. № 2. С. 62–63).

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1243. Л. 635.

граждан возраста от 57 до 72 лет русского подданства из Гродненской губернии, высланных оттуда также по подозрению в шпионаже²⁶². События осени 1914 г. на территории Варшавской губернии описал офицер 171-го пехотного Кобринского полка В.В. Завадский (литературный псевдоним – Корсак), отмечавший, что местное польское население самостоятельно «выявляло» шпионов и доносило об этом военным²⁶³. В тюрьмах Павловского и Бирюченского уездов Воронежской губернии содержались высланные из Галиции австрийские подданные, подозреваемые в шпионаже, – 28 и 10 человек соответственно²⁶⁴. В Курской губернии находилось более 1 тысячи интернированных австро-венгерских подданных из Галиции²⁶⁵.

Что касается подданных России немцев-колонистов и евреев, то уже осенью 1914 г. началось их выселение из приграничных губерний²⁶⁶. На добровольный выезд им давалось несколько дней, колонистов из Польских губерний военные власти сначала использовали на окопных работах, затем предоставили подводы и велели следовать в восточном направлении²⁶⁷. По воспоминаниям очевидцев, наблюдавших их движение на восток, это был небедный народ, судя по захваченному с собой домашнему имуществу. Говорили они только по-немецки или по-польски, например, о том, что Россия никогда не победит Германию: «Разве Россия государство? Настоящее государство только немецкое. Царь-то Ваш не настоящий, а немецкий», - ворчали колонисты, недружелюбно глядя на местное население во время остановок в пути следования. Колонисты ругали лошадей и предоставленные им подводы. «Вот Вильгельм завоюет Россию, он покажет Вам хозяйство!», -

²⁶² ГАКО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 1502. Л. 1, 4, 6, 15–16.

²⁶³ *Корсак В.В.* Плен // *Забытая война: сб. ист. лит. произв.* / Сост. *Р.Г. Гагкуев.* (Серия «Голоса истории»). М., 2011. С. 5, 28.

²⁶⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1131. Л. 2, 5.

²⁶⁵ *Курцев А.Н.* Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Вып. 1. Курск, 1997. С. 53.

²⁶⁶ См.: *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 103.

²⁶⁷ См.: *Кудринский Ф.А.* Людские волны. Беженцы // *Нёман.* 1997. № 6. С. 82–87.

заявляли они. Казённая пища их не устраивала. Каждая семья готовила себе сама у отдельного костра, некоторые пили кофе²⁶⁸.

В 1915 г. немцы-колонисты с семьями прибывали в центральную Россию из Сувалкской, Волынской, Люблинской и других губерний. Им полагалось при отсутствии заработка и наличии нужды пособие в размере арестантского, квартирные деньги до 3, 5 рублей на взрослого и 1, 75 руб. на ребёнка, на семью в месяц – до 7 руб., на одежду – не более 30 руб. в год. Например, 3 августа в Калугу прибыло на жительство 42 немца-колониста, высланных из Волынской губернии²⁶⁹. По распоряжению губернатора, местом для их жительства был назначен Лихвинский уезд²⁷⁰. В Калужской губернии немцы-колонисты долго не задержались, так как в сентябре 1915 г. всем им было предписано выехать в суточный срок из пределов губернии по обстоятельствам военного времени²⁷¹. Но ещё до массового выселения один из немцев-колонистов из Плоцкой губернии Адольф Карл Радоц был арестован ГЖУ как политически неблагонадёжный и выслан в Иркутскую губернию под гласный надзор полиции на 2 года с 1 июля 1915 г. Расследование показало, что устроившись старшим рабочим на кирпичный завод Пантюшина в Калуге с заработной платой 200 рублей в месяц, Радоц грубо обращался с подчиненными русскими рабочими, называя их не иначе как свиньями, предлагал их увольнять, заменяя турецкими подданными, размещёнными в Калужском уезде. «Я немец и должен помогать союзникам-туркам», - заявлял Радоц²⁷².

В Рязанской губернии на начало 1917 г. во всех уездах находились немцы-колонисты из Западных губерний в количестве 2 018 чел. Они трудились преимущественно в сельских хозяйствах²⁷³. В Курской губернии до

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ КК. 6 августа 1915. № 86.

²⁷⁰ Так же. 20 августа. 1915. № 92.

²⁷¹ ГАКО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1083. Л. 1–9, 26.

²⁷² Там же. Ф. 784. Оп. 1. Д. 1215. Л. 1, 11, 33.

²⁷³ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 1 в. Л. 87 об; Д. 5682. Л. 176 об, 258.

лета 1917 г. находились в качестве ссыльных 200 немцев русского подданства, в основном колонисты из Волынской губернии²⁷⁴.

Еврейское население русского подданства тоже не избежало выселения в близлежащие прифронтовые губернии в качестве превентивной меры их обезвреживания. Российские правящие круги имели основание подозревать евреев в сочувствии к противнику из-за антиправительственных и антироссийских настроений, на что и рассчитывали в Германии²⁷⁵. Например, по донесениям гродненских полицейских и жандармских чинов, евреи в разговорах с крестьянами, порицая государственный строй России, при каждом удобном случае убеждали их отказаться от вступления в войска и участия в боях с неприятелем, чтобы тем самым способствовать переходу пограничных областей во власть воюющих с нами держав. В начале августа 1914 г. Гродненское ГЖУ получило сведения, что арендатор одного из имений еврей Лапин высказался, что готов отдать половину своего имения германцам, если они победят. В сентябре 1914 г. содержатель одной из гродненских аптек Абрам Тропп-Кранский в присутствии крестьян д. Молоховичи оскорбил особу государя-императора, сказав, указывая на портрет Николая II: «Немецкий царь – умный человек, а этот – дурак и тупица»²⁷⁶. В августе 1915 г. в связи с ситуацией на фронте, способствовавшей массовому беженству, правительство вынуждено отменило черту оседлости евреев, и их переселение с этого времени происходило в рамках общего переселения беженцев вглубь России.

Более трёх тысяч евреев русского подданства, высланных военными властями из приграничных территорий, были расселены в Воронежской

²⁷⁴ Курцев А.Н. Миграционные процессы репрессивного характера... С. 13.

²⁷⁵ См., например: Иоффе Г.З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 85–97; Пивоварчик С.А. Трагедия Первой мировой войны: «евреи-шпионы» (по материалам Национального исторического архива Беларуси в Гродно) // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005. С. 71–83; Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России. 1900–1914 гг. М., 2001; Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquium). СПб., 1999; и др.

²⁷⁶ Черепица В.Н. Указ. соч. С. 148.

губернии. Из них в Воронеже – 1,5 тыс. Они в основном проживали на частных квартирах за свой счет²⁷⁷. Нуждавшиеся немцы-колонисты и евреи российского подданства, высланные военными властями и не состоявшие под надзором полиции, получали беженские пособия. Евреев российского подданства, высланных из прифронтовой полосы в Калугу, в сентябре 1915 г. удалили из губернии как «враждебный элемент» заодно с немцами-колонистами²⁷⁸. Калужский губернатор летом 1915 г. посчитал необходимым содержать их под стражей, т.к. в черту оседлости евреев Калужская губерния не входила²⁷⁹. Высылка евреев из Калуги способствовала разрешению конфликта губернатора с членами Государственной думы, которые настаивали на их освобождении из тюрьмы²⁸⁰.

Отношение населения провинции к подданным неприятельских держав и выходцам оттуда, имевшим российское подданство, с началом войны изменилось, как и государственная политика по отношению к ним. Многие из российских подданных, имевших нерусские фамилии, с началом войны стали менять их на русские. Новые названия получали улицы, различные заведения. Так, в Орле гостиница «Берлин», где «всё было на европейский лад», была переименована в «Белград»²⁸¹. Калужская Городская дума обсуждала вопрос о новом названии улицы Венской²⁸². Главный врач санитарного поезда, доставлявшего в Орёл раненых, «превратился» из Хальбрейха в Полубогатова²⁸³.

²⁷⁷ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 9912. Л. 4–25.

²⁷⁸ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1187. Л. 7.

²⁷⁹ Летом 1915 г. губернии «черты оседлости» оказались настолько переполнены выселенцами евреями, что правительство вынуждено было открыть для них три губернии внутренней России (Тамбовскую, Пензенскую и Воронежскую), а в августе того же года евреи получили возможность селиться во всей России, кроме столиц. (БСЭ. Т. 5. М., 1927. Ст. 177).

²⁸⁰ Кафафов К. Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // ВИ. 2005. № 5. С. 80–81.

²⁸¹ Аксакова (Сиверс) Т. А. Семейная хроника. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2005. С. 271.

²⁸² Переименование не состоялось. Видимо, нового названия не подобрали, а предыдущее – «Говенская» не отличалось благозвучием // ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1100. Л. 130.

²⁸³ Аксакова (Сиверс) Т. А. Указ. соч. С. 272.

В рабочей среде уже в 1914 г. сложилось общее мнение, что на производстве не должно быть места специалистам германского происхождения, которые, как считали рабочие, не были заинтересованы в победе России. Так, калужский губернатор сообщал об этих настроениях, возникших «со времени объявления войны Германией», Департаменту полиции²⁸⁴. Рабочие Троицко-Кондровской писчебумажной фабрики Говарда Медынского уезда Калужской губернии потребовали удалить директора Р. Эльцберга, немца по происхождению, перешедшего в русское подданство²⁸⁵.

Определенная часть русских «немцев» своим поведением провоцировала враждебное к себе отношение тем, что демонстративно не разделяла всеобщей радости при победах русской армии, не вставала, как все во время исполнения российского гимна при посещении культурно-просветительных учреждений и т.д. Так, в Брянске во время патриотической манифестации по поводу начала войны жена рабочего Радицкого завода Спрудэ была «избита толпой» за демонстративно антипатриотичное поведение²⁸⁶. В Зарайске Рязанской губернии германский подданный Карл Мейер был уличен в распространении среди сельского населения версии о ненадёжности системы сберегательных касс России, а уроженец Пруссии Карл Штейнвальдер, имевший русское подданство, «возбуждал волнение» среди рабочих, делая попытки закрыть фабрику, являясь её совладельцем²⁸⁷. Любые проявления германофильства неизменно вызывали крайне негативную реакцию населения²⁸⁸.

В деревне также с начала войны наблюдалось подозрительное отношение к «германцам». Так, в октябре 1914 г. крестьяне Мещовского уезда Калужской

²⁸⁴ ГА РФ. Ф. 102. ДП 4 Д-во. 1915. Д. 26. Ч. 1. Л. 7.

²⁸⁵ Там же. Л. 3.

²⁸⁶ ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 791. Л. 339.

²⁸⁷ ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 5682. Л. 22.

²⁸⁸ Местные представители левых партий и их сторонники на протяжении всего военного периода делали настойчивые попытки придать антивоенную направленность борьбе рабочих промышленных предприятий, за выживание в условиях дефицита и дороговизны самых необходимых товаров. Однако, к «пораженческим» прогерманским лозунгам левых большинство населения провинции, и рабочие в том числе, относились враждебно, как и к германофильским высказываниям «внутренних немцев».

губернии поставили в известность местную административную власть, что управляющий одним из имений Ю. Розенбах (русский подданный) распространяется о том, что немцы скоро будут в Варшаве, а затем и в Калуге²⁸⁹. Крестьяне были свидетелями того, как управляющий, прочтя в «Русском слове» о победоносном сражении русской армии, «рассердился и порвал газету на мелкие кусочки»²⁹⁰.

Усиление антинемецких настроений вызвало «великое отступление» русской армии весной 1915 г., сопровождавшееся большими людскими потерями при катастрофической нехватке вооружения, в обстановке неуклонного роста цен и спекуляции. По данным политических обзоров калужского ГЖУ, народные массы волновало и возмущало плохое вооружение армии, назначения на высокие военные посты лиц немецкого происхождения²⁹¹. «В Гродненской крепости были поставлены начальствующими лицами немцы, которые только подводили русских<...>», – так полагал, например, крестьянин Е. Жарков из Медынского уезда²⁹². В г. Болхове Орловской губернии в сентябре 1915 г. призванные в войска ратники ополчения II разряда вместе с местными жителями неоднократно учиняли погромы в принадлежавшей германскому подданному Г. Тецлаву кондитерской. В конце концов Тецлава с семьёй выслали из города²⁹³. Недовольство директором орловской школы садоводства этническим немцем Ферхманом в июле 1915 г. публично высказывали учащиеся школы. На фоне этих событий постановлением губернатора в июле 1915 г. в Орле «за разжигание межнациональной розни» была закрыта типография Союза русского народа и приостановлено издание газеты «Орёл». Эта газета печатала статьи под заголовками «Кто жид и кто немец», «Что делать с нашими немцами» и др. и приводила списки этнических немцев.

²⁸⁹ ГАКО. Ф. 32. Оп. 10. Д. 2526. Л. 1–1 об.

²⁹⁰ В результате Ю. Розенбах был арестован на три месяца и первое время отбывал наказание в тюрьме // ГАКО. Ф. 32. Оп. 10. Д. 2526. Л. 2, 7, 23.

²⁹¹ Там же. Ф. 784. Оп. 1. Д. 1195. Л. 46.

²⁹² Там же. Ф. 32. Оп. 11. Д. 6. Л. 30.

²⁹³ См.: ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 790. Л. 60–62.

Антинемецкие настроения рабочих предприятий, работавших на оборону, выражались в стремлении убрать с заводов «немцев». Рабочие были уверены, что немцы сдерживают выпуск предметов вооружения, необходимых русской армии²⁹⁴. Так, рабочие Людиновского чугунолитейного завода Калужской губернии считали, что можно было бы выпускать больше боеприпасов и организовать в заводской лаборатории производство взрывчатых веществ. Они были уверены в измене руководителей завода немцев И.Р. Страсбургера (директор), Б.Р. Шифферса (заместитель директора), Франца Родэ (заведующий механической мастерской). Настроение рабочих не осталось без внимания ГЖУ, которое предприняло проверку, но доказательств измены не было собрано никаких, а «немцы» на самом деле имели русское подданство²⁹⁵. Когда летом 1915 г. на Брянском заводе в Бежице (Орловская губерния) перестали изготавливать морские снаряды большого калибра по распоряжению Артиллерийского управления, рабочие увидели в этом измену²⁹⁶. В заводской среде циркулировал слух, что изменниками являются «немецкий инженер еврей Билькин и мастер немец Эдуардов», которые всегда радуются победам немцев. Орловское ГЖУ также не нашло «измены» со стороны упомянутых заводских специалистов²⁹⁷.

Когда в октябре 1916 г. Австро-Венгрия и Германия объявили о создании Польского государства на отвоёванной у России территории, то антигерманские настроения в российском обществе вновь усилились. Председатель Совета министров А.Ф. Трепов, выступивший на совместном заседании Государственного совета и Государственной думы, отметил, что в России «всё оказалось захваченным в значительной мере германскими выходцами: промышленность, школа, наука, искусство»²⁹⁸. Его выступление печатала официальная губернская пресса, но и многие другие газеты также

²⁹⁴ Отчёт унтер-офицера дополнительного штата Калужского ГЖУ от 18 сентября 1915 г. // ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 388. Л. 220–221.

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ ГАБО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 21. Л. 70–70 об.

²⁹⁷ Там же. Л. 77–77 об.

²⁹⁸ ГАКО. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 63. Л. 176.

писали на эту тему. К примеру, что «победа над Германией будет неполной, пока останется немецкий экономический гнёт, что немцы сумели воспользоваться своей исключительной способностью устраивать благополучие на чужой земле. Но теперь немец из тайного врага России стал явным и притом самым страшным врагом»²⁹⁹. Однако, антинемецкая тематика в провинциальной прессе, безусловно, отражавшей общественные настроения, в этот период была неглавной. Ведущей темой являлась дороговизна и частые перебои в снабжении предметами первой необходимости.

Таким образом, из мест своего довоенного проживания во внутренних губерниях России в течение всего военного периода выселялись лишь те неприятельские подданные, которые в установленном порядке признавались неблагонадежными. Неприятельских подданных из западных приграничных районов империи, пересылаемых российскими властями этапным порядком вглубь страны, временно размещали в центральных губерниях Европейской России. Незначительное количество пересылаемых с семьями оседало на территории центральноевропейских губерний, где они находились под надзором полиции. В феврале-марте 1915 г. подданные Германии и Австро-Венгрии непризывного возраста получили право за свой счет выехать на родину. Правительства Германии и Австро-Венгрии через американское посольство выдавали своим подданным, находящимся в России, пособие.

Центральные губернии Европейской России стали специальным местом высылки интернированных военнообязанных подданных Османской империи из приграничных территорий Кавказского региона. Они прибывали на жительство без семей, подавляющее большинство составляли неимущие чернорабочие. Их размещение было связано с большими трудностями из-за недостатка свободных помещений. Скученное проживание группами приводило к возникновению эпидемии тифа, которая, например, в Калужской губернии в 1914 – 1915 гг. унесла жизни 12 % турецких подданных. Все трудоспособные турецкие подданные содержали себя сами, имея заработок.

²⁹⁹ ГК. 9 августа. 1916. № 9.

Временно нетрудоспособным на местах оказывалась материальная и медицинская помощь.

В центральных губерниях Европейской России также размещали имевших русское подданство немцев-колонистов и евреев с семьями, подозревавшихся в шпионаже и высланных из районов боевых действий в качестве превентивной меры их обезвреживания с учетом их антиправительственных и антироссийских настроений. При отсутствии заработка им полагалось специальное казенное пособие, а с августа 1915 г. – беженское, если за ними не был установлен надзор полиции.

Наряду с изменением государственной политики изменилось и отношение населения к подданным неприятельских держав и выходцам оттуда, имевшим к началу войны российское подданство, а также к пришлому еврейскому населению. Всякое проявление германофильства с их стороны неизменно вызывало негативную реакцию населения. В провинции существовали протестные настроения против немецкого засилья, местами принимавшие националистическую окраску.

2.4. Военнопленные Четверного союза

Число военнослужащих Германии, Австро-Венгрии, Турции, Болгарии, взятых в плен российской армией, по современным оценкам, составляет около 2 млн человек, в том числе 1 736 764 военнослужащих австро-венгерской, 159 390 немецкой, 64 509 турецкой и 670 болгарской армий³⁰⁰.

Правовой статус военнопленных на территории Российской империи определялся «Положением о военнопленных», утверждённым императором в октябре 1914 г.³⁰¹ Положение представляло собой перевод Гаагских конвенций

³⁰⁰ Степанов А.И. Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002. Кн. 1. Первая мировая война: исторический очерк /отв. ред. Г.Д. Шкундин. М., 2002. С. 629.

³⁰¹ Положение о военнопленных. Высочайше утверждены 7 октября 1914 г. // Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г., вызванных обстоятельствами военного времени. Пг., 1916. С. 332–340.

1907, 1911 гг. «О законах и обычаях сухопутной войны», включавший как права и обязанности военнопленных, так и правила их содержания, трудового устройства, перевозки и т.д. В Положении был закреплён принцип военного управления делами военнопленных.

В 1914 – 1915 гг. военнопленных направляли в основном в азиатскую часть России. В европейской России военнопленных содержали казарменным порядком в приспособленных помещениях, в том числе при местных воинских частях. Устройством сборных пунктов и пунктов постоянного размещения военнопленных занимались штабы военных округов по согласованию с губернаторами или войсковыми начальниками³⁰². Так, в Воронеже в 1914 г. для военнопленных отвели свободные казармы и городской ночлежный дом, этих помещений хватило для 450 нижних чинов. Заведовать военнопленными был назначен начальник гарнизона полковник Александров. Военнопленных славян разместили отдельно от немцев и венгров. Например, в Тихвинских казармах славян было 176, а немцев и венгров 57. Помещений скоро стало не хватать. Так, в 1915 г. 325 военнопленных турок разместили с трудом и довольно скученно, что привело к распространению среди них заразных болезней. Лечение вражеских военнопленных осуществлялось везде в тех же лечебных учреждениях, что и русских военнослужащих. Например, в октябре 1914 г. в 62 сводном эвакуационном госпитале Воронежа находились 344 военнопленных³⁰³. По медицинским показаниям военнопленных отправляли в московский Генеральный Императора Петра I военный госпиталь, как например, майора австро-венгерской армии Гетца Балаца, находившегося в воронежском госпитале³⁰⁴.

В Калуге военнопленные поступали под начало пристава белостокской городской полиции, эвакуированного в Калугу летом 1915 г. – так распорядился калужский полицмейстер, с помощью пристава был выделен

³⁰² ГАКО. Ф. 825. Оп. 5. Д. 531. Л. 10.

³⁰³ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 2993. Л. 14, 20, 39, 53; Ф. И-212. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.

³⁰⁴ ГАКО. Ф. 825. Оп. 5. Д. 531. Л. 232 об.

местный околоточный надзиратель. Под казармы отвели два помещения и с целью изоляции военнопленных установили возле каждой казармы круглосуточный пост городского, следившего, чтобы военнопленные не покидали казармы без разрешения и не могли общаться «с посторонними лицами»³⁰⁵. Военнопленные должны были подчиняться режиму, запрещавшему им, к примеру, находиться вне мест квартирования, общаться с местными жителями, не имея на это разрешения, и проявлять враждебность, а также позволять себе демонстративные выходки по отношению к ним; совершать побег; прекращать по собственному желанию работу и требовать от работодателя облегчения труда, выдачи кожаной обуви, увеличения пищевого довольствия. За нарушение режима устанавливалось наказание в виде ареста до трёх месяцев или денежный штраф в размере до трёх тыс. рублей. За совершение преступления военнопленным грозило более строгое наказание: а именно привлечение к военному суду³⁰⁶.

Неоднократные проверки содержания военнопленных показывали неудовлетворительное состояние охраны и надзора за ними со стороны чинов гарнизона и полиции. Об отсутствии должного надзора за военнопленными в г. Боброве писала газета «Воронежский телеграф» 25 мая 1916 г.³⁰⁷ Одна из проверок содержания военнопленных офицеров в Богучарске Воронежской губернии летом 1916 г. показала, что их жилище охранялось часовым, прогулки по городу осуществлялись тоже под охраной, но в ночное время дом не запирался, изгородь плохая, и офицеры уходили на ночь к женщинам. В слободе Калач Богучарского уезда надзор за командой военнопленных из 70 человек был поручен местному агроному Мяздрикову, последний перепоручил его одному из военнопленных. В результате его поднадзорные «обзавелись штатским платьем и свободно разгуливали в ночное время по слободе, чем вызывали недовольство местного населения»³⁰⁸. В уездном Землянске офицеры

³⁰⁵ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1244. Л. 39; Д. 1245. Л. 4–5.

³⁰⁶ Там же. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1244. Л. 113; Д. 1245. Л. 13.

³⁰⁷ Воронежский телеграф. 25 мая 1916 г.

³⁰⁸ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1161. Л. 114, 205, 227.

неоднократно замечались в самовольных вечерних прогулках, охранявшим их солдатам об этом было известно, но они за молчание получали чаевые. Прапорщик, надзиравший за офицерами в Землянске, сам принимал их на своей квартире. Местный исправник Куколевский, по мнению ГЖУ, ежедневно в клубе занимался карточной игрой, вместо того, чтобы наблюдать за порядком. Военнопленные офицеры при открытых окнах до вечера могли распевать немецкие песни, что было запрещено. При этом местный воинский начальник на это не реагировал, здороваясь с ними во время этого занятия. Кроме того, военнопленные офицеры систематически заставлялись на прогулках по городскому кладбищу с барышнями и молодыми дамами. Местом встреч офицеров с дамами являлся также зубной кабинет Шифрина. В 11 часов вечера 1 августа 1916 г. в частном саду Савельева был задержан прапорщик австро-венгерской армии Людвиг Пóляк, гулявший с женой псаломщика Марией Поповой. Прапорщик был в гражданской одежде³⁰⁹.

В Рязанской губернии городской полиции в 1916 г. приходилось неоднократно задерживать на улицах военнопленных, находившихся там без присмотра, и препровождать их в городскую и земскую управы или передавать другим хозяевам³¹⁰. В уездах хозяева, взявшие на работу военнопленных, надлежащего надзора за ними также не обеспечивали при попустительстве чинов полиции, которые, как показывали проверки, объезжали свою территорию очень редко. Вместо казарменного содержания военнопленные проживали вместе с хозяевами и отпускались ими всюду без присмотра. Дошло до того, что военнопленный в селе Матчино Затишьевской волости Рязанского уезда объявил себя гадальщиком и свободно занимался этим делом. При этом сельский староста Осипов начальству об этом не сообщал³¹¹. Наличие многочисленных нарушений режима военнопленными представители жандармского корпуса, в частности, тем, что у некоторых военнопленных

³⁰⁹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1254. Л. 22.

³¹⁰ ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Д. 4445 а. Л. 230–235.

³¹¹ Там же. Л. 356–357, 368–368 об.

денег, получаемых из дома, было гораздо больше, чем у их охранников-нижних чинов³¹².

С февраля 1915 г. были введены в действие «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы», согласно которым военнопленные поступали в распоряжение губернских или уездных земских управ³¹³. С марта 1916 г. функция распределения военнопленных на работы перешла от военного министерства к министерству земледелия. В 1915 г. на сельскохозяйственных работах использовались в основном военнопленные славянской национальности австро-венгерской армии³¹⁴. С лета 1915 г. с целью ускорить процесс получения военнопленных для полевых работ Совет министров видоизменил порядок их отпуска. Теперь заинтересованным организациям следовало обращаться непосредственно в штаб соответствующего ВО, лишь поставив в известность губернатора о своём обращении³¹⁵. В центральных губерниях Европейской России, например в Тульской, в январе 1915 г. для сельскохозяйственных работ было запрошено 1 837 военнопленных «исключительно славянского происхождения». Местным исправникам было поручено продумать организацию надзора за военнопленными и представить свои соображения губернатору, что было исполнено. В конце марта 1915 г. из Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) поступили сведения об отпуске Тульской губернии первой партии военнопленных в количестве 1 235 человек. К августу 1915 г. на полях Тульской губернии трудилось в общей сложности 5 189 военнопленных, в том числе 927 человек в Веневском уезде, 766 – в Ефремовском, 756 – в

³¹² ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 791. Л. 239; Д. 828. Л. 74, 315.

³¹³ Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы. Высочайше утверждены 28 февраля 1915 г. // Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г., вызванных обстоятельствами военного времени. Пг., 1916. С. 341–342.

³¹⁴ ГАОО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 879. Л. 406.

³¹⁵ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39861. Л. 101; Об изменении порядка отпуска военнопленных на работы. Высочайше утв. 1 июля 1915 г. // Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г. ... С. 345.

Каширском³¹⁶. В Рязанскую губернию в 1915 г. было прислано на сельскохозяйственные работы 3 523 военнопленных³¹⁷.

По поводу отказов от работ ГУГШ информировало о возвращении таких военнопленных в распоряжение военного ведомства, однако без замены на других³¹⁸. Такое положение нередко являлось поводом для шантажа со стороны военнопленных. Показательно в этом плане заявление землевладельца В.Ф. Разевского в Алексинскую Тульской губернии земскую управу по поводу поведения военнопленных, отпущенных в его распоряжение 15 апреля 1915 г. Он сообщал, что военнопленные поздно выходят на работу и норовят закончить её раньше положенного срока. Требуют завтрак в 8-9 часов, обед – в 12-14, чай – в 16-16.30, ужин после работы и, кроме этого, «ещё какой-то первый завтрак». Разевский указал, что выделил на содержание военнопленных такие дорогостоящие продукты как крупчатка, рис, сало, мясо по 0,5 фунта ежедневно, творог, молоко, лук, огурцы, что обходится ему около 10 рублей в месяц, однако претензиям от военнопленных «нет конца». При неудовлетворении требований военнопленные заявляли, чтобы их отправили обратно. Землевладелец был уверен, что нужны какие-то меры воздействия³¹⁹. В 1916 г. сельскохозяйственные работы в Центральных регионах выполнялись военнопленными всех национальностей.

В Орловской губернии летом 1915 г. к сельскохозяйственным работам были привлечены военнопленные австро-венгерской армии, которые трудились, например, в Брасовском и Дерюгинском имениях вел. князя Михаила Александровича (137 человек). В Карачевском уезде их заработок составлял 6 руб., в Дмитровском – 7 руб. в месяц. Кроме того, им полагался ежемесячный паёк: 1 пуд 30 фунтов ржи, 20 фунт. крупы, по 30 фунт. сала и

³¹⁶ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39861. Л. 136.

³¹⁷ ГАРО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 4172. Л. 69–69 об.

³¹⁸ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39861. Л. 1, 11, 24, 27, 33, 39, 55, 63

³¹⁹ Там же. Д. 39817. Л. 71–72.

масла конопляного, 4 фунта соли и 1 фунт сахара³²⁰. Карачевское уездное земство получило в своё распоряжение 97 военнопленных, Ливенское – 61³²¹. К землевладельцам Орловского уезда Мартынову и Каширину 30 военнопленных прибыли в конце октября 1915 г.³²² В апреле 1916 г. для сельскохозяйственных работ было прислано более 1,5 тыс. военнопленных³²³, из них в Ливенский, Елецкий и Севский уезды направили по 320, 285 и 326 чел. соответственно. Кроме того, в июле 1916 г. в Орловскую губернию было послано ещё 2 246 военнопленных³²⁴.

В Курской губернии в 1916 г. на сельскохозяйственных работах трудились около 7 тыс. военнопленных³²⁵.

В Калужской губернии в 1916 г. ожидалось прибытие из распределительного пункта в Дарнице трёх тыс. военнопленных для сельскохозяйственных и других работ. К 1 августу 1916 г. прибыли две партии военнопленных германской и австро-венгерской армии. Первая из них в количестве 1 тыс. человек частично поступила в ведение Калужской городской управы «для выполнения городских работ», большую часть пленных из этой партии передали Губернской земской управе (ГЗУ) для выполнения сельскохозяйственных работ в различных уездах губернии. Вторую партию, состоявшую из 586 чел., направили также на сельскохозяйственные работы. В начале августа 1916 г. в губернию поступило ещё 607 военнопленных. Таким образом, количество военнопленных в Калужской губернии составило 2 198

³²⁰ Известия главной конторы Брасовского и Дерюгинского ЕИВ ВК Михаила Александровича имений. 1915. № 6–7.

³²¹ ОЖ. 2 июля 1915. № 140.

³²² ОВ. 31 октября 1915. № 253.

³²³ Там же. 19 апреля 1916. № 86.

³²⁴ ГАОО. Ф. 706. Оп. 1 Д. 879. Л. 524.

³²⁵ *Курцев А.Н.* Миграционные процессы репрессивного характера в российском населении в 1861–1917 гг. на примере Центрально-Чернозёмного региона // Учёные записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3. Т. 2. С. 13. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scientificnotes.ru/index.php?page=6&new=21> (дата обращения: 17.03.2013).

человек³²⁶. Большинство из них было направлено на работы по заявкам сельских хозяев.

Размер заработной платы военнопленных устанавливали Губернские земские управы. Так, Калужская ГЗУ 3 августа 1916 г. постановила взимать с работодателей не менее 6 рублей в месяц за пленного с выдачей ему не менее 3 рублей на руки, остальные деньги предназначались земскому управлению. Кроме того, если одеждой и обувью пленным будут снабжать земские управы, то с работодателя будет причитаться 10 рублей в месяц, из которых военнопленному на руки будет выдаваться 4 рубля³²⁷. Плата за труд военнопленных должна была вноситься за месяц вперёд. На практике пленному на руки выдавалось 4 рубля, а 6 из 10 рублей шло земским управам, которые рекомендовали работодателям при выдаче денег пленным делать отметки об этом в книжке военнопленного с подписью владельца книжки и ежемесячно предъявлять эти книжки управам. Далеко не все работодатели соблюдали установленный порядок оплаты труда военнопленных, например, калужский в 1915 г. землевладелец Б. Афонасов, получивший 25 военнопленных, не выплатил ни за месяц вперед, ни спустя месяц после окончания работ более 700 рублей Калужской уездной земской управе³²⁸.

Совет министров в апреле 1915 г. принял решение о возмещении государством расходов местных самоуправлений, связанных с привлечением военнопленных к сельскохозяйственному труду³²⁹. Возмещаемая сумма не могла быть выше 10 руб. на одного пленного в месяц. В этой связи, например, Рязанская и Михайловская уездные земские управы вознамерились получить в возмещение очень значительные суммы по сравнению с другими уездами губерний. Однако Главное управление местного хозяйства МВД не утвердило представленные расчёты. При этом было указано, что расходы в 40 руб. на

³²⁶ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1244. Л. 147; Д. 1245. Л. 17, 22.

³²⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 42–43.

³²⁸ Там же. Л. 42–43, 159, 190.

³²⁹ Изменения правил об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы. Высочайше утв. 22 апреля 1915 г. // Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г. ... С. 342–343.

одного военнопленного превысили даже норму вещевого довольствия нижних чинов русской армии, которая составляла 36 руб. в год³³⁰.

В конце лета землевладельцы через губернаторов обычно ходатайствовали об оставлении у них военнопленных до окончания всех сельскохозяйственных работ, т.е. дольше трех месяцев, на которые они были отпущены³³¹. Надо отметить, что обоснованные ходатайства по возможности удовлетворялись военными властями. Так, на 5 декабря 1915 г. в Веневском уезде Тульской губернии оставалось более 700 военнопленных из 927³³². Тульское губернское земское собрание в декабре 1916 г. сетовало на то, что при существующем порядке «снабжения губерний военнопленными» получается, что чернозёмной Тульской губернии поставлено такое же количество пленных, что и «лесной» Калужской, «вывозящей свою рабочую силу»³³³. Воронежская губерния в 1916 г., ходатайствуя об оставлении военнопленных до окончания всех сельскохозяйственных работ, ссылалась на дождливое и холодное лето. Общее количество военнопленных в губернии на 1 ноября 1916 г. составляло около 20 тыс. человек. Предлагалось снять с работ до 30 % от этого количества, причем прежде всего «военнопленных-одинок из крестьянских хозяйств, главы которых были призваны на военную службу». Учитывая непопулярность этого предложения, отзываться следовало и военнопленных-одинок из хозяйств помещиков и остальных землевладельцев³³⁴. На 1 февраля 1917 г. на сельскохозяйственных работах в Воронежской губернии находилось 12 670 человек³³⁵.

В Калужской губернии в конце сентября 1916 г. уездным земским управам было предложено «немедленно по окончании уборки урожая и

³³⁰ ГАРО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 4172. Л. 3–4 об; 92 об, 103–104.

³³¹ Там же. Л. 135.

³³² Там же. Л. 47.

³³³ Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011. С. 122.

³³⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1161. Л. 238–239.

³³⁵ Нигматов В.В. Жизнь военнопленных в годы Первой мировой войны на территории Воронежской губернии // Воронежский вестник архивиста: Научно-информационный бюллетень. Вып. 2. Воронеж, 2004. С. 103.

осеннего посева снять с сельскохозяйственных работ военнопленных, находящихся в крестьянских селениях, в семьях крестьян, призванных на войну, и передать их в распоряжение прочих испытывающих крайнюю нужду в рабочих руках для сельского хозяйства, но не подходящих под указанную категорию»³³⁶.

Дворянство Орловской губернии направило на имя императора ходатайство об оставлении в губернии всех военнопленных, ранее направленных туда на сельскохозяйственные работы³³⁷. Главное управление по делам местного хозяйства в декабре 1916 г. известило орловского губернатора о том, что комиссия по распределению пленных приняла решение о прекращении дальнейшего снятия военнопленных с сельскохозяйственных работ³³⁸. Таким образом, хлопоты орловских дворян не были напрасными: военнопленных возвратили на сельскохозяйственные работы³³⁹.

Совет министров 7 октября 1914 г. утвердил «Правила о порядке предоставления военнопленных для казённых и общественных работ»³⁴⁰. В соответствии с правилами проживание, питание, охрану, медицинскую помощь военнопленным обеспечивал работодатель. На основании указанных правил труд военнопленных использовался на работах ведомства Главного Управления землеустройства и земледелия: гидромелиоративных, лесных и других³⁴¹. Из-за нехватки военнопленных заявки местных самоуправлений удовлетворялись чаще всего по остаточному принципу. Например, Рязанское городское

³³⁶ ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 149. Л. 71.

³³⁷ См.: ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 842. Л. 66–67.

³³⁸ Там же. Ф. 706. Оп. 1. Д. 879. Л. 633, 729.

³³⁹ В России к сентябрю 1915 г. на сельскохозяйственных работах трудилось 295 тыс. военнопленных, а в 1916 г. уже более 500 тыс. // *Васильева С. Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1999. С. 100.

³⁴⁰ Правила о порядке представления военнопленных для исполнения казённых и общественных работ, в распоряжение заинтересованных в том ведомств, утверждённые Советом Министров 7 октября 1914 г. // Сборник узаконений о привлечении находящихся в России военнопленных на работы и других правил и постановлений, относящихся до военнопленных. Сост. *А.И. Овчинников*. Пг., 1916. С. 24–27.

³⁴¹ Например, в Орловской губернии военнопленные сербы в феврале 1915 г. работали в Ботаническом саду школы садоводства министерства земледелия и Государственных имуществ. В лесничестве Калужской и Тульской губернии в 1915 г. работало 100 военнопленных // КК. 30 июля 1915. № 83.

общественное управление запрашивало на 1915 г. 300 военнопленных для работ в городском хозяйстве, но получило лишь 88 человек. Лишь к концу года, после окончания основных сельскохозяйственных работ, местные самоуправления могли рассчитывать на получение заявленного количества военнопленных для работ по городскому и земскому хозяйству³⁴². Тульской городской управе, запросившей в 1915 г. 120 военнопленных для городских работ, их вовсе не выделили, сославшись на запрет нахождения в там даже военнопленных славянской национальности³⁴³.

В г. Калуге в 1916 г. на городских общественных работах было занято 130 военнопленных³⁴⁴. Такое же количество военнопленных использовалось на общественных работах в Орловском уезде. Часть их принимала участие в постройке Кромского шоссе, работая в каменоломне. Остальные были заняты на железнодорожных работах, в экономиях частных землевладельцев, на торгово-промышленных предприятиях³⁴⁵. Для городских общественных работ по ремонту и строительству, уборке городских улиц, производству строительных материалов, посадке леса, выпечке хлеба в г. Калуге в 1916 г. было выделено 130 военнопленных, в т.ч. 18 военнопленных германской армии. Венгры («мадьяры») составляли 78 % от общего количества военнопленных³⁴⁶. На калужском участке Сызрано-Вяземской железной дороги с мая 1915 по 1917 г. работали более 500 военнопленных германской и австро-венгерской армий, в т.ч. 35 немцев и 1 славянин германской армии, а также более 400 австрийцев, более 50 итальянцев³⁴⁷, более 20 румын и 1 славянин австро-венгерской армии³⁴⁸.

³⁴² ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Д. 4445 а. Л. 64, 487.

³⁴³ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39853. Л. 1, 6, 11.

³⁴⁴ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1245. Л. 90 об–91.

³⁴⁵ ГАОО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 879. Л. 37–38, 93.

³⁴⁶ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1245. Л. 90 об–91.

³⁴⁷ По данным итальянского исследователя Симоне А. Беллеца, из 60 тыс. итальянцев австро-венгерской армии 30 тыс. оказались в русском плену (*Беллеца С.А. Выбирая свою нацию: национальная и политическая идентичность итальянских военнопленных в России (1914 – 1921 гг.) // Доклад на международной конференции «Россия в Первой мировой войне» 3–5 июня, 2014 г., ВШЭ. [Электронный ресурс]. URL:*

К строительству железных дорог, которое осуществлялось частными обществами, военнопленные допускались согласно правилам, утвержденным советом министров 10 октября 1914 г. Правление общества обеспечивало доставку, охрану и содержание военнопленных, в которое входило предоставление военнопленным помещения, обеспечение их продовольствием, одеждой, обувью и бельём, медицинской помощью³⁴⁹.

«Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях» от 17 марта 1915 г. обязывали работодателей оплачивать расходы как по доставке и охране, так и по содержанию пленных, на что расходовалось 2/3 заработка военнопленного³⁵⁰. Величина заработной платы, продолжительность рабочего дня военнопленных должна была соответствовать нормам, установленным в данной местности и на данном предприятии. За исполнение установленных правил отвечала полиция и рабочая инспекция³⁵¹. К работам на частных заводах с сентября 1915 г. допускались признанные благонадёжными военнопленные офицеры-славяне, имевшие специальные знания и желание работать³⁵².

Частная промышленность всего Центрального региона, работавшая на государственную оборону, прибегала к использованию труда военнопленных, однако выделяемых военнопленных часто не хватало, кроме того, от подачи заявки до её исполнения проходило много времени³⁵³. Например, в Калужскую

https://drive.google.com/folderview?id=0B_tVsiISTizlRHpoS0d6dmVkaTQ&usp=sharing (дата обращения: 01.06.2014).

³⁴⁸ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1322. Л. 8–8 об, 76.

³⁴⁹ Правила о допуске военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами, утверждённые Советом Министров 10 октября 1914 г. // Сборник узаконений о привлечении находящихся в России военнопленных на работы и других правил и постановлений, относящихся до военнопленных. Сост. А.И. Овчинников. Пг., 1916. С. 27–28.

³⁵⁰ Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях, утверждённые Советом Министров 17 марта 1915 г. // Сборник узаконений о привлечении находящихся в России военнопленных на работы и других правил и постановлений, относящихся до военнопленных. Сост. А.И. Овчинников. Пг., 1916. С. 28–32.

³⁵¹ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1244. Л. 58.

³⁵² Там же. Л. 59–60.

³⁵³ Из общего количества немецких и австрийских военнопленных в промышленности в годы Первой мировой войны работало от 10 до 30 % // Маркевич А. М., Соколов А. К. «Магнитка

губернию, на Людиновский чугунолитейный завод Мальцовского Акционерного общества (АО) в Жиздринском уезде военнопленные австро-венгерской армии (101 чел.) прибыли 5 ноября 1916 г., хотя заявка подавалась в начале года³⁵⁴. Спустя несколько дней на завод дополнительно прислали 99 рабочих, но это уже были сарты и киргизы³⁵⁵. В 1916 г. в Калужской губернии труд небольших групп военнопленных в качестве чернорабочих использовался в основном на отдельных мелких и средних предприятиях, выполнявших военные заказы. Так, на чугуноплавильных заводах в Лихвинском и Тарусском уездах, на мануфактурных фабриках в Боровском уезде, бумажной фабрике в Медынском уезде и др. Исключение составлял Цементный завод в Жиздринском уезде, на котором работало более 300 военнопленных³⁵⁶.

Случаи отказа военнопленных от работ под различными предложениями наблюдались повсеместно. Так, в январе 1915 г. в имении Тинякова в Орловском уезде трое немецких военнопленных «категорически отказались работать и возмущали других военнопленных»³⁵⁷. В Воронежской губернии летом 1915 г. назначенные на работы в имение Антоновка Острогожского уезда землевладельца А. Голостенова 17 военнопленных австро-венгерской армии заявили, что готовы трудиться лишь для крестьян³⁵⁸. В Калужском уезде Калужской губернии в сентябре 1916 г. трое из четырех военнопленных в одном из имений отказались работать, потребовав увеличения заработной платы, а также включения в рацион кофе с сахаром по утрам, больше мяса и хлеба³⁵⁹.

близ Садового кольца»: Стимулы труда на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М., 2005. С. 57.

³⁵⁴ ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 480. Л. 32

³⁵⁵ Там же. Д. 426. Л. 234; до сентября 1915 г. Людиновский завод использовал труд военнообязанных турецких граждан // ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 388. Л. 220–221.

³⁵⁶ ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 480. Л. 6–7; Ф. 784. Оп. 1. Д. 1288. Л. 12–13, 19, 22, 60, 61, 151–152, 427; Д. 1409. Л. 30.

³⁵⁷ ГАОО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 879. Л. 47.

³⁵⁸ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 427. Л. 3.

³⁵⁹ ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 78–79; По утвержденной в 1915 г. норме военнопленным полагалось в день 800 грамм хлеба, 100 г. крупы, 100 г. мяса или рыбы, приварочные

На одном из калужских участков Сызрано-Вяземской железной дороги 15 июня 1915 г. военнопленные отказались идти на работу. 22 июня на другом участке последовали их примеру 86 военнопленных, а 3 июля не вышли на работу ещё 10 чел. на станции «Калуга». Железнодорожная администрация и полиция не имели на тот момент чётких указаний, как поступать с военнопленными в таких случаях. Они использовали в основном метод «уговоров», затем стали прибегать к арестам и «уменьшению кормового довольствия»³⁶⁰. Наконец штаб Московского военного округа 22 июля уведомил калужского губернатора, что местным начальникам полиции предоставлено право за отказ военнопленных от работ налагать на них дисциплинарные взыскания, аналогичные налагаемым на городских и стражников³⁶¹. После этого, например, в 1916 г. в Малоярославецком уезде Калужской губернии подвергался усиленному аресту на 7 дней военнопленный австро-венгерской армии, находившийся на лесных работах, Якоб Берингер³⁶².

В Рязанской губернии в 1916 г. было зарегистрировано 16 случаев отказа от сельскохозяйственных работ в Рязанском уезде, когда пришлось прибегнуть к помощи полиции. Отмечались случаи агрессивного поведения военнопленных по отношению к работодателю. Так, в деревне Юрасово Бахмачеевской волости военнопленный австро-венгерской армии венгр Иоганн Бургер в ответ на сделанное замечание, связанное с работой, попытался избить хозяина, у которого работал, а затем оказал сопротивление вмешавшейся полиции. Все 16 военнопленных получили наказание в виде ареста в основном на 7 суток, а И. Бургер – в виде усиленного ареста на четверо суток с содержанием в темной камере на хлебе и воде³⁶³. За тот же период за отказы от городских работ в Рязани были подвергнуты аналогичному наказанию 36 военнопленных, в том числе 14 германской армии за отказ работать на

припасы на 2,5 копейки. Чайное довольствие, полагавшееся ранее, было отменено // ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14 а. Л. 19.

³⁶⁰ ГАКО. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 83. Л. 149, 176, 208–209.

³⁶¹ Там же. Ф. 648. Оп. 1. Д. 620. Л. 75.

³⁶² Там же. Ф. 825. Оп. 5. Д. 531. Л. 235.

³⁶³ ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Д. 4445 а. Л. 120, 121, 147, 161, 166, 173, 269, 433, 443, 482.

городских свалках, 3 военнопленных турецкой армии, отказавшихся работать в городском ассенизационном обозе³⁶⁴.

Побеги военнопленных в центральных губерниях Европейской России в течение военного периода не носили массового характера. Периодически отмечались единичные случаи побегов³⁶⁵. Это хорошо видно на примере Воронежской губернии, где из города Воронеж в 1915 г. побег совершили 4 военнопленных австро-венгерской армии, в Воронежском уезде – один, в Бирючинском уезде – 2 офицера, которых задержали³⁶⁶. При этом общее количество военнопленных в губернии составляло 7 тыс. человек. В 1916 г. из Задонского уезда бежали трое военнопленных³⁶⁷. Во втором полугодии 1916г. из Воронежского уезда бежали пятеро, из Задонского – один военнопленный³⁶⁸. Военнопленных в губернии было на этот период 20 тыс. Задерживаемые беглецы объясняли, что пробираются на родину. Так, 13 июня 1916 г. в Острогожском уезде Воронежской губернии крестьяне буквально наткнулись на трех иностранцев, отдыхавших под деревом. Выяснилось, что это военнопленные австро-венгерской армии, бежавшие из Тамбовской губернии с сахарного завода. В июле в Новохопёрском уезде задержали беглеца из Пензы, военнопленного австро-венгерской армии, который держал путь в Австро-Венгрию³⁶⁹.

Освобождалась от всех таможенных и иных сборов вся корреспонденция, а также денежные суммы, адресованные военнопленным или отправляемые ими. Военные цензоры в Москве и Харькове просматривали письма военнопленных³⁷⁰. От военнопленных почтовые отправления поступали через земскую управу или местные полицейские управления к уездному воинскому начальнику, который и направлял их военным цензорам. В соответствии с

³⁶⁴ ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Д. 4445 а. Л. 2–5, 12, 60, 79, 89, 122, 126, 132, 306, 432.

³⁶⁵ ГАОО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 879. Л. 431 об; ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1245. Л. 4 об; ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Д. 4445 а. Л. 123.

³⁶⁶ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1161. Л. 75.

³⁶⁷ Там же. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 500. Л. 1, 7; Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1254. Л. 15, 21.

³⁶⁸ Там же. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1161. Л. 227, 241, 242.

³⁶⁹ Там же. Л. 198, 221; Ф. И-6. Оп. 2. Д. 572. Л. 1.

³⁷⁰ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1244. Л. 37–38.

отношением Московского военного округа от 9 июля 1916 г. пленным разрешалось отправлять в месяц 4 открытки и 2 письма³⁷¹. Телеграммы могли отправлять лишь с письменного разрешения воинского начальника только военнопленные австро-венгерской армии. Все поступления на имя военнопленных также проходили военную цензуру³⁷². Например, с сентября по декабрь 1916 г. 150 военнопленных отправили 129 писем из Калужского уезда, где находились на работах. За этот же период ими было получено 15 посылок, 28 писем, 2 денежных перевода и ещё 10 повесток на получение почтовых отправлений, всего 55³⁷³.

Военнопленные-славяне имели некоторые привилегии, связанные с размещением и содержанием³⁷⁴. Однако привилегии не касались вопроса перемены подданства. Так, прошения военнопленных, в том числе и славян, о принятии в российское подданство неизменно оставались неудовлетворенными³⁷⁵. К примеру, на прошение военнопленного австро-венгерской армии Семёна Кирина от 16 февраля 1916 г. отказ от 5 марта мотивирован «отсутствием законных оснований для принятия в российское подданство»³⁷⁶.

Военнопленным-славянам предлагалось вступать в добровольческие части, чтобы воевать на стороне русской армии. Из них была сформирована чешско-словацкая дружина и сербская дивизия³⁷⁷. Трое из находившихся в Орловском уезде военнопленных австро-венгерской армии – два серба и словенец – вступили в 1916 г. в сербскую дивизию³⁷⁸.

³⁷¹ Как пишет бывший военнопленный офицер русской армии, им разрешалось отправлять из лагеря в месяц также 4 открытки, но 1 закрытое письмо (*Корсак В.В. Плен // Забытая война: сб. ист. лит. произв. / Сост. Р.Г. Гагкуев. М., 2011. С. 84*).

³⁷² ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14 а. Л. 60.

³⁷³ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 162–164, 168, 176, 201–203 об.

³⁷⁴ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1254. Л. 7; Д. 1244. Л. 52, 55.

³⁷⁵ См., например: ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Д. 4445 а. Л. 39, 44.

³⁷⁶ ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4142. Л. 2, 4.

³⁷⁷ *Брусилев А.А. Мои воспоминания. Мн., 2003. С. 200, 223; см. также: Базанов С.Н. Изменники Родины или патриоты? // История. Научно-методический журнал для учителей истории и обществознания. 2013. № 7-8, июль-август. С. 10–16.*

³⁷⁸ ГАОО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 879. Л. 551.

Население провинции относилось к военнопленным по-разному, например, к раненым – сочувственно. Этим даже пользовались городские попрошайки, просившие подаяние под видом раненых вражеских военнопленных³⁷⁹. Многие хозяева нуждались в период войны в работниках. Добросовестных работников всегда высоко ценили, и военнопленные не были тут исключением, несмотря на их принадлежность к враждебному лагерю³⁸⁰.

Пленные офицеры, как правило, не работали. Население видело их гуляющими по городам. Например, в Калуге в 1915 г. многие местные жители принимали раненого французского офицера за австрийца и демонстрировали по отношению к нему враждебность³⁸¹. В Рязани с самого момента прибытия туда здоровых, а также раненых и больных военнопленных офицеров австро-венгерской армии стали ходить толки о слишком доброжелательном отношении к этим офицерам администрации и небольшой части горожан, состоящей исключительно из дам и девиц. Военнопленных поместили в центре города, в лучших зданиях, им разрешили «фланировать» по многолюдным улицам города большую половину дня. При этом дамы и девицы позволяли себе отзываться на заигрывание с ними военнопленных офицеров и даже делать первые шаги к установлению с ними отношений. Правда, администрация, сочтя нарекания населения справедливыми, здоровых офицеров переместила из центра города на окраину и сократила время их прогулок. Однако, по мнению начальника Рязанского ГЖУ, в деле изоляции военнопленных от внешнего мира «надо было сделать ещё очень много»³⁸². Следует отметить, что проблема «изоляции» военнопленных, размещенных в центральноевропейских губерниях, так и не была решена до окончания военного периода.

Таким образом, в центральных губерниях Европейской России для приёма военнопленных были открыты сборные пункты и пункты постоянного

³⁷⁹ ГАВО. Ф. И-212. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.

³⁸⁰ См., например: Рапорт Мещовского уездного исправника // Общество и революция... С. 47.

³⁸¹ Белова И.Б. Военнопленные на территории Калужской и Орловской губерний в годы Первой мировой войны // ВИЖ. 2007. № 12. С. 44.

³⁸² ГАРО. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 175. Л. 21–22 об.

размещения. Военнопленных размещали казарменным порядком в специально нанятых и приспособленных помещениях. Режим «изоляции военнопленных от внешнего мира», которого пыталось добиться министерство внутренних дел силами местных жандармских управлений, так и не был воплощен в жизнь до окончания войны. Положение «полной свободы» военнопленных, по поводу которого выражало недовольство население провинции, стало возможным благодаря позиции, занятой держателями военнопленных, в том числе и общественными городскими и уездными самоуправлениями, которые, используя труд военнопленных в виде малочисленных, до 10 человек, групп и военнопленных-одиночек, не обеспечивали их охрану. Они считали это экономически невыгодным и поэтому неприемлемым. В сельских хозяйствах вместо казарменного содержания военнопленные проживали вместе с хозяевами и отпускались ими всюду без присмотра. Кроме того, надзор за военнопленными в пунктах постоянного размещения не был удовлетворительным, по данным специальных проверок ГЖУ и прессы, благодаря попустительству со стороны как воинских чинов, непосредственно несших охрану и отвечавших за ее организацию, так и чинов полиции.

Пребывание вражеских пленных в центральных губерниях Европейской России было обусловлено их использованием в качестве рабочей силы, прежде всего в сельском хозяйстве, на железной дороге, промышленных предприятиях, на городских общественных работах. На работодателя возлагались все расходы по доставке, охране и содержанию военнопленных. Труд пленных оплачивался, в установленном порядке они обеспечивались продовольствием, одеждой, обувью, медицинской помощью, им отводились помещения для жилья. Всего в рассматриваемом регионе к 1917 г. работали более 40 тыс. военнопленных.

Отказы военнопленных от работ, и не только от непрестижных или тяжелых, имели место с начала определения их на казённые и общественные работы, а затем и на сельскохозяйственные, когда за отказ работать военнопленные просто возвращались военному ведомству без замены. После введения в практику летом 1915 г. дисциплинарных взысканий отказы от работ

в центральных губерниях Европейской России стали регистрироваться значительно реже, особенно отказы под надуманными предложениями. Военнопленные чаще отказывались от городских общественных работ (ассенизационные обозы, свалки), чем от полевых. На протяжении всего военного периода побеги находившихся в центральных губерниях Европейской России военнопленных, были редки, несмотря на слабый надзор.

Военнопленным была предоставлена возможность вести переписку и получать посылки. В просьбах о приобретении российского подданства им всегда отказывалось, зато предлагалось вступать в национальные воинские формирования, чтобы вместе с российской армией сражаться против Германии и её союзников.

Для населения было характерно сочувственное отношение к раненым военнопленным, к трудолюбивым и прилежным работникам. Режим, установленный для военнопленных офицеров, основная масса населения считала слишком мягким, правда, этому способствовали упущения местных представителей военных и полиции, непосредственно обеспечивавших соблюдение военнопленными установленных правил содержания.

ГЛАВА III. БЫВШИЕ РУССКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ. ЦЕНТРОПЛЕНБЕЖ И ЕГО МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ

До 1918 г. в Россию вернулась почти треть русских военнопленных. После 1918 г. предстояло возвратиться на родину в РСФСР более чем одному миллиону наших пленных.

3.1. Возвращение из плена и государственные меры поддержки бывших русских военнопленных

После февраля 1917 г. с целью объединения усилий общественных организаций и государственных структур в деле помощи военнопленным при Главном управлении Российского общества Красного Креста был создан Центральный комитет по делам военнопленных. В октябре-ноябре 1917 г. на очередной международной конференции в Копенгагене между Россией и Центральными государствами были согласованы правила по содержанию, управлению и организации помощи военнопленным¹.

После заключения 3 марта 1918 г. Брестского мирного договора для планомерного обмена военнопленными в апреле была создана русско-германская смешанная комиссия, а в июле-августе – русско-австрийская и русские комиссии попечения о пленных на территории Германии и Австро-Венгрии².

Декретом Совета народных комиссаров (СНК) от 23 апреля 1918 г. для согласования, объединения и направления деятельности всех учреждений и организаций, ведавших делами военных и гражданских пленных, заложников и беженцев, учреждалась Центральная Коллегия о пленных и беженцах (Центропленбеж)³, открывшая затем свои органы на местах. Коллегия назначалась СНК и имела право доклада непосредственно СНК. Решения

¹ Жданов Н.М. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. М., 1920. С. 53.

² Там же. С. 118–122.

³ Декрет об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев. 23 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 165–167.

Коллегии были обязательны для всех ведомств РСФСР. Решением, принятым 21 июня 1918 г., СНК установил, что Центропленбеж призван оказывать помощь возвращающимся русским военнопленным без отклонений в состоянии здоровья до времени их водворения, а больным и инвалидам – до передачи их органам государственного призрения⁴. В период планомерной реэвакуации с июля-августа до ноября 1918 г. Центропленбежем было зарегистрировано 181 375 вернувшихся в Россию русских военнопленных⁵.

Ноябрьские революционные события в Австро-Венгрии и Германии нарушили начавшуюся планомерную работу по обмену военнопленными и способствовали массовому стихийному движению русских военнопленных из этих стран, продолжавшемуся до февраля-марта 1919 г. В связи с возникшим массовым стихийным движением В.И. Ленин 23 ноября 1918 г. утвердил циркуляр Центропленбежа, подтверждавший полномочия этой организации как высшей инстанции, ведавшей делами военнопленных. Все ведомства и учреждения обязывались оказывать Центропленбежу и его органам на местах самое широкое и решительное содействие. Были также утверждены сверхсметные ассигнования в размере 35 млн рублей⁶. По поводу стихийного движения русских солдат В.И. Ленин, выступая на рабочей конференции Пресненского района Москвы 14 декабря 1918 г., сказал: «Из Германии бежит сейчас в Россию 2 миллиона человек. Эти 2 миллиона истерзаны и измучены. Они голодны, как никто. Это не люди, а тени, скелеты людей»⁷. Центропленбежем называлась другая цифра – 1,5 млн человек⁸.

⁴ Декрет в дополнение декрета об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев. 21 июня 1918 г. // Там же. С. 462–463.

⁵ Мальков А.А. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии 1915–1919 гг. Казань, 1971. С. 192.

⁶ Циркулярная телеграмма СНК о подтверждении Центральной коллегии о пленных и беженцах её полномочий по эвакуации, снабжению всем необходимым и устройству на местах возвращающихся военнопленных // Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 57–59.

⁷ Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. М., 1969. Т. 37. С. 382.

⁸ ГАОО. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 16. Л. 205.

По современным данным, численность русских военнопленных составила 2 417 тыс., до 1918 г. прибыли из плена 715 тыс. инвалидов и 60 тыс. бежали из лагерей⁹, всего 775 тыс. (32 %). Таким образом, на начало 1918 г. в плену оставались 1 642 тыс. (68 %). За исключением умерших в плену 190 тыс., остались в Европе – 95 тыс., вернулись в Прибалтийские государства – 215 тыс.¹⁰ Как видим, не вернулись в Россию 500 тыс. (21 %) русских военнопленных. Поэтому в Советскую Россию могли вернуться не более 1 142 тыс. (47 % от 2 417 тыс.) К началу 1920 г., по данным Центропленбежа, за границей находилось около 400 тыс. (16, 5 %) русских военнопленных¹¹. Отсюда следует, что за 1918–1919 гг. в Россию вернулись 742 тыс. (31 %) русских военнопленных, из них по обмену усилиями Центропленбежа до ноября 1918 г. было возвращено 181 375 (7,5 %) человек. Остальные 560 625 (23 %) возвращались в Россию самотёком либо в результате вступления в белую армию.

О массовом стихийном движении русских военнопленных говорилось в радиограмме австро-венгерского военного министерства от 30 января 1919 г.: «До ноября 1918 г. русские военнопленные при отправке на родину снабжались одеждой, продовольствием и документами <...> После свержения монархии военнопленные самовольно в массовом порядке ушли из лагерей и с мест своей работы, не дожидаясь организованной отправки на родину и не считаясь с соответствующими предписаниями». В ответ министерство иностранных дел РСФСР обвинило австрийские власти в открытии лагерей военнопленных после ноябрьской революции 1918 г. без принятия мер по «быстрой и организованной отправке военнопленных на родину»¹².

Антанта предприняла шаги по прекращению массового самотёка русских военнопленных. 15 января 1919 г. при продлении соглашения о перемирии с

⁹ Степанов А.И. Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века. Кн. 1. М., 2002. С. 630.

¹⁰ Там же.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 107. Л 67.

¹² Нота Народного комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству Иностранных Дел Австрии. 5 марта 1919 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958. С. 87–89.

Центральными державами в условия перемирия была включена дополнительная статья, согласно которой устанавливался непосредственный контроль стран Антанты над возвращением на родину русских военнопленных из Германии. Для этого была создана межсоюзническая комиссия, возглавил которую начальник английской военной миссии в Берлине генерал Дж. Эварт¹³. При этом германское правительство взяло на себя обязательство не отправлять на родину русских военнопленных помимо этой комиссии¹⁴. Правительство РСФСР выразило своё отношение к установлению контроля стран Антанты над репатриацией русских военнопленных из Германии в своей ноте от 21 января 1919 г. правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США, заявив, что «русское советское правительство одно компетентно заботиться о российских гражданах, оставшихся в Германии, и оно одно имеет право передавать эти заботы какой-либо другой державе. Русское советское правительство не было побеждено державами Согласия и не заключало с ними мирного договора»¹⁵.

Тем не менее в апреле 1919 г. Совет 5 министров иностранных дел принял решение отправлять русских военнопленных «в те русские области, возвращение в которые допустимо по экономическим и политическим условиям». В соответствии с этим решением в июне 1919 г. был утверждён план репатриации русских военнопленных. Представитель США Гувер 18 июля предложил направить 25 тыс. военнопленных для усиления «русской северной армии» и 40 тыс. – генералу Деникину. В октябре 1919 г. *межсоюзническая* комиссия была реорганизована в *международную* комиссию для контроля над русскими военнопленными, в которую были включены представители Германии и Белого движения. В 1919 г. обмена военнопленными с Германией и

¹³ Генерал-лейтенант Джон Спенсер Эварт (1861–1930).

¹⁴ Примечания к Ноте Правительства РСФСР Правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США. 21 января 1919 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 733–734.

¹⁵ Нота Правительства РСФСР Правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США. 21 января 1919 г. // Документы... Т. 2. С. 37.

её бывшими союзниками не производилось до заключения соответствующих соглашений в 1920 г.

В декабре 1919 г. – феврале 1920 г. правительство РСФСР вело переговоры с Великобританией об обмене военнопленными, об устранении препятствий к возвращению из Дании двух тысяч русских военнопленных, перешедших туда из Германии, а также из Бельгии, Голландии и Швейцарии. Наконец, 12 февраля 1920 г. было подписано соглашение о помощи со стороны Великобритании в деле морского транспорта для возвращающихся на родину из этих стран военнопленных. Кроме того, Британское правительство обязалось признавать всякую договорённость между Советским и Германским правительствами¹⁶. Такое Соглашение между РСФСР и Германией об отправке на родину военнопленных было подписано в Берлине в апреле 1920 г.¹⁷ В Копенгагене в апреле было заключено аналогичное соглашение с правительством Италии¹⁸, в мае – с правительством Венгрии¹⁹, в июле – с правительством Австрии²⁰. Несколько позже, 5 июня 1922 г., был заключен Временный договор РСФСР с Чехословацкой республикой²¹. Последний

¹⁶ Сообщение Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР о переговорах с Великобританией об обмене пленными. 19 декабря 1919 г.; Сообщение Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР о состоянии советско-английских переговоров об обмене военнопленными. 25 января 1920 г.; Соглашение между Правительством Великобритании и правительством РСФСР об обмене пленными. 12 февраля 1920 г. // Документы... Т. 2. С. 311–312, 329, 364–367.

¹⁷ Соглашение между РСФСР и Германией об отправке на родину военнопленных и интернированных гражданских лиц обеих сторон. 19 апреля 1920 г. // Документы... Т. 2. С. 459–462.

¹⁸ Соглашение между Королевским Итальянским Правительством и Российским Советским Правительством об обмене пленных и интернированных гражданских лиц. 24 апреля 1920 г. // Документы... Т. 2. С. 485–486.

¹⁹ Соглашение между Правительствами РСФСР и УССР, с одной стороны, и Правительством Великобритании – с другой, о возвращении на родину военнопленных. 21 мая 1920 г. // Документы... Т. 2. С. 539–541.

²⁰ Договор между Правительствами РСФСР и УССР, с одной стороны, и Правительством Австрийской Республики. 5 июля 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 12–13.

²¹ Временный Договор между Российской Советской федеративной Социалистической Республикой и Чехословацкой Республикой. 5 июня 1922 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 5. М., 1961. С. 441.

бесплатный транспорт репатриантов оттуда был отправлен 8 марта 1923 г. на Украину²².

С началом массового стихийного движения русских военнопленных в ноябре 1918 г. Центропленбеж приказом от 15 ноября 1918 г. возложил на свои местные органы - губернские и уездные коллегии по делам пленных и беженцев (губ- и уездпленбежи), карточную регистрацию²³ возвращавшихся из плена русских солдат²⁴. Уездпленбежам предписывалось широко оповещать население о необходимости регистрации и получения билета военнопленного всеми возвратившимися из плена, так как только при этом условии они смогут обращаться за получением жалованья за время нахождения в плену, бесплатной медицинской помощи и других видов государственной помощи. Наплыв военнопленных оказался очень велик, например, в Рязанской губернии за лето 1918 г. зарегистрировали 50 русских военнопленных, а за ноябрь через Губпленбеж прошло 2,6 тыс. человек²⁵. В Орловской губернии в начале декабря 1918 г., например, в Трубчевский уездпленбеж ежедневно обращались по 500 человек и более²⁶.

В таких условиях с карточной регистрацией военнопленных в центральных губерниях Европейской России сразу возникли проблемы. Регистрационных карточек здесь недоставало ещё до начала массового стихийного наплыва военнопленных в ноябре 1918 г.²⁷ Тульский Губпленбеж не имел бланков для регистрации военнопленных и не ручался за точность их

²² Однако благодаря нахождению военнопленных мировой войны в отдалённых от Праги местностях Чехословакии, куда не дошли газеты об отправке *последнего* транспорта, многие военнопленные, желающие вернуться на родину, не могли выехать домой транспортом, а для поездки на собственный счёт у них не было средств. Таких граждан насчитывалось около 300, все они являлись уроженцами Украины // Документы внешней политики СССР. Т. 6. М., 1962. С. 389–390.

²³ Пример карточки военнопленного см. в Приложении 7.

²⁴ Анкета Жиздринской уездной коллегии по делам пленных и беженцев // ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 32.

²⁵ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 57. Л. 2, 14; Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 67.

²⁶ ГАБО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 1. Л. 130.

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2 а. Д. 43. Л. 2.

учёта²⁸. Губпленбеж Рязани вместо регистрационных бланков в декабре 1918 г., в период пика стихийного движения военнопленных, получил разрешение Центропленбежа на их заказ в количестве 10 тыс. штук в местной типографии. Типография испытывала проблему с бумагой, поэтому не могла выполнить срочный заказ. Через два месяца, в феврале 1919 г., Рязанский Губпленбеж просил Центр о том же – выслать регистрационные карточки²⁹. И к 1920 г. карточная регистрация массы возвратившихся в период с ноября 1918 г. по март 1919 г. военнопленных не была закончена³⁰.

С выдачей билетов военнопленного дело обстояло ничуть не лучше: повсеместно в местных пленбежах не хватало бланков этого документа, которыми их не обеспечил Центропленбеж³¹. Например, Рязанский Губпленбеж к сентябрю 1919 г. отчитался о выдаче 297 билетов военнопленного при количестве возвратившихся из плена в основном за несколько месяцев 1918–1919 гг. более 19 тыс. человек, что составило 1,56 %³². В январе 1920 г. в Рязанский Губпленбеж поступило 261 заявление от военнопленных, возвратившихся в период массового движения конца 1918 – начала 1919 гг., о выдаче им билета военнопленного для получения жалования за время плена. По этим заявлениям было выдано в январе 27 билетов военнопленного (10 %) ³³. В Тульской губернии к 1920 г. зарегистрировали 17 тыс. русских военнопленных, при этом билет военнопленного выдали 892 из них (5 %) ³⁴. Для сравнения в уездах Калужской губернии этот показатель составлял от 30 до 60 % ³⁵.

В апреле 1919 г. Центропленбеж принял решение регистрировать военнопленных, прибывших на места без регистрации на одном из головных пунктов приёма военнопленных, только в Губпленбежах и билет военнопленного выдавать также в Губпленбежах всем военнопленным при

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 136. Л. 38.

²⁹ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 9, 15, 26 об.

³⁰ Там же. Д. 716. Л. 11 об.

³¹ Там же. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 57. Л. 2 об–3.

³² Подсчитано по: ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 67.

³³ Подсчитано по: Там же. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 716. Л. 11 об.

³⁴ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377 (без нумерации листов).

³⁵ ГАКО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 3 (без нумерации листов); Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 364 об.

наличии у них регистрационной карточки. Приказ вместе с инструкцией вводился в действие по истечении недельного срока со дня получения их Губпленбежами³⁶. Например, в Калужской губернии этот приказ вступил в силу лишь с июля 1919 г., уездные пленбежи заполняли только регистрационные карточки, в обмен на которые Губпленбеж выдавал им билеты военнопленного для вручения на месте³⁷. В Рязанской губернии указанный порядок был введен в действие с 1 июня 1919 г.³⁸ Выдача билетов военнопленного осуществлялась по 1922 г. включительно. С января 1923 г. возвращавшиеся на родину бывшие русские военнопленные на общих основаниях в органах милиции получали лишь вид на жительство³⁹.

В мае 1919 г. Совет Обороны предписал призывать всех бывших русских военнопленных, сверстники которых уже были призваны в Красную армию, но не ранее истечения двухмесячного срока после их возвращения из плена⁴⁰. Например, в Воронежской губернии первый призыв возвратившихся из плена более двух месяцев назад и родившихся в 1894–1898 гг., а также в 1889–1893 гг. был назначен на июнь 1919 г.⁴¹

Согласно постановлению СНК от 16 ноября 1918 г. о денежном довольствии военнопленных и их семейств, бывшие солдаты получили право на денежное довольствие, исчисленное из прежних окладов со дня последнего довольствия на службе по первое мая 1917 г., а с 1 мая 1917 г. по день прибытия – по повышенному окладу (Приказ по военному ведомству № 256 от 29 апреля 1917 г.). Прочим военнопленным за всё время плена довольствие исчислялось из оклада 64 рубля в месяц. Сумма, причитавшаяся каждому

³⁶ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 2. Л. 112.

³⁷ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 80 (без нумерации листов).

³⁸ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 67.

³⁹ ГАКО. Ф. Р-2244. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

⁴⁰ Постановление Совета Обороны о призыве на военную службу солдат старой армии, вернувшихся или возвращающихся из плена. 12 мая 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 5. М., 1971. С. 181–183.

⁴¹ ГАВО. Ф. Р-538. Оп. 6. Д. 64. Л. 3.

военнопленному, не должна была превышать 1,5 тыс. рублей⁴². Семейства военнопленных с 1 января 1918 г. до возвращения из плена приобрели право на получение половины содержания, установленного военнопленным. Воинам-инвалидам сверх денежного довольствия за время плена были установлены единовременные пособия в размере 25 «полуинвалидам» и 50 рублей «полным» инвалидам. На эти выплаты отпускалось 472 млн рублей⁴³. В 1920 г. единовременные пособия бывшим военнопленным – инвалидам были отменены⁴⁴.

Дело обеспечения денежными пособиями военнопленных и их семейств с августа 1919 г. передали от Наркомата по военным делам Центропленбежу⁴⁵, которому поручалось установить порядок удовлетворения пособием по соглашению с Главным военно-хозяйственным управлением. На местах денежное довольствие за время плена выдавали военные комиссариаты, аванс в 40 рублей в счёт этого довольствия и единовременное пособие воинам-инвалидам – уездпленбежи. На практике эти выплаты бывшие военнопленные чаще всего не имели возможности получить беспрепятственно из-за отсутствия денежных средств в вышеупомянутых организациях и необходимых документов у военнопленных по вине Центропленбежа. Так, в Жиздринском уезде Калужской губернии с лета 1918 г. за год было зарегистрировано 4 550 вернувшихся из плена, из них аванс в 1919 г. выдали лишь 1 749 чел. (38 %)⁴⁶. Уездпленбежи фактически не имели средств для этих выплат с мая 1919 г., хотя лишь в августе 1919 г. Центропленбеж уведомил о приостановке этой выплаты,

⁴² Например, в Жиздринском уезде Калужской губернии размер денежного довольствия за время плена бывших воинов составлял от 100 до 200 рублей // ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 20. Л. 39.

⁴³ Постановление СНК о денежном довольствии военнопленных и их семейств. 16 ноября 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 20–24.

⁴⁴ Постановление СНК о порядке выдачи единовременных пособий военнопленным и воинам-инвалидам. 9 июня 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. 9. М., 1978. С. 45–46.

⁴⁵ Постановление СНК о передаче Центральной коллегии о пленных и беженцах дела обеспечения денежными пособиями военнопленных и их семейств. 14 августа 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 6. М., 1973. С. 36.

⁴⁶ Доклад Жиздринской уездной коллегии по делам пленных и беженцев на предстоящий 9 Жиздринский уездный очередной Съезд Советов. 1 июня 1919 г. // ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 187.

а в апреле 1920 г. – об её отмене⁴⁷. В Тульской губернии в Алексинский уезд возвратилось к началу 1920 г. 957 военнопленных, из них аванс в счёт жалования за время плена получили в 1919 г. 10,5 % военнопленных. Выдача жалования здесь началась с июля 1919 г. При этом лишь 5 % возвратившихся в Тульскую губернию в период массового движения конца 1918 – начала 1919 гг. и получивших билет военнопленного в 1919 г., могли рассчитывать на получение жалования за время плена⁴⁸.

В день регистрации в местных органах Центропленбежа бывшие русские военнопленные имели право получить паёк (хлеб, чай, сахар, вобла) в размере, установленном Декретом СНК от 17 декабря 1918 г.⁴⁹ Для этого уездным коллегиям со складов местных Губпленбежей должны были отпускаться продукты. Например, в Жиздринском уезде Калужской губернии с января по май 1919 г. при наличии продуктов на складе готовилась горячая пища. Её получили 57 % зарегистрированных на тот период бывших военнопленных. В дальнейшем при наличии продуктов им выдавался сухой паёк, состоявший из 400 грамм хлеба, 100 гр. рыбы, 1 гр. чая, 25 гр. сахара. С декабря 1920 г. паёк состоял из 400 гр. хлеба, 400 гр. картофеля, 25 гр. сахара, 12 гр. соли, 4 гр. суррогата кофе. Хлеб разрешалось частично заменять картофелем: 100 гр. хлеба – на 200 гр. картофеля. Из-за частого отсутствия продовольствия военнопленные не могли получить паёк, они удовлетворялись им «по мере возможности»⁵⁰. Так, по данным проверки, не все военнопленные получали довольствие в день прибытия в Курске и Воронеже⁵¹. Это отмечалось ещё до начала массового движения военнопленных. При этом печеный хлеб и сахар отпускались пленбежами для парткомовских столовых⁵². С 1 октября 1921 г.

⁴⁷ ГАКО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 2 (без нумерации листов).

⁴⁸ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377 (без нумерации листов).

⁴⁹ Декрет СНК от 17 декабря 1918 г. «Об уравнивании пайка бывших военнопленных с пайком, установленным для тыловых и резервных частей Красной армии».

⁵⁰ ГАКО. Ф. Р-2237. Оп. 1. Д. 4 (без нумерации листов); ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377 (без нумерации листов).

⁵¹ Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 3 ноября 1918 г. № 17.

⁵² ГАДНИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 49. Л. 14, 17.

уездные органы Центрального управления по эвакуации населения (Центрэвака)⁵³ совсем прекратили выдачу пайков⁵⁴.

При катастрофической ситуации с продовольствием и обмундированием их учёт и хранение на складах Губпленбежей были организованы крайне неудовлетворительно, о чём говорят материалы проверок местных контролирующих органов⁵⁵. Например, в Калужском Губпленбеже в июне 1919 г. были выявлены факты отпуска муки и выпеченного хлеба без проведения их по приходно-расходной книге. При проверке в мае 1919 г. там было «незаприходовано» 33 пуда муки, а половина всего имущества вообще не значилась в описи, 9 пудов хлеба оказались непригодными к употреблению даже скоту и были уничтожены комиссией. Только после ревизии встал вопрос о составлении «инструкции по правильному ведению хозяйственного дела». Начальник Губернского управления пленбежа вынужден был признать, что «хозяйственная часть управления находится в бесхозном состоянии»⁵⁶. Хранение продуктов на складах уездпленбежей было поставлено не лучше, чем на губернском. Внезапные проверки выявляли порчу и недостачу, а также излишки продуктов. Например, на складе Жиздринского уездпленбежа Калужской губернии в июле 1919 г. была обнаружена недостача более 1 пуда воблы, более 17 пудов овсяной муки, более 30 фунтов пшеничной муки, 4 фунтов печеного хлеба. Кроме продуктов, недоставало 14 пиджаков. Мука «частично находилась в процессе горения». Несколько френчей «были изъедены мышами». Отмечены излишки сахара, конопляного масла, сушеных овощей, более 4 пудов соли, более 14 пудов ржаной муки⁵⁷. Недостачу муки всегда объясняли «крысоедом», рыбы – «утечкой рассола»⁵⁸. Недостача

⁵³ В феврале 1920 г. Центропленбеж был реорганизован в Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак).

⁵⁴ ГАКО. Ф. Р-2237. Оп. 1. Д. 5 (без нумерации листов).

⁵⁵ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 119. Л. 359; ГАБО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 18. Л. 113.

⁵⁶ Протокол Губернского Съезда представителей уездных пленбежей совместно с делегатами-беженцами от 8 сентября 1919 г. // ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 362–362 об.

⁵⁷ Там же. Д. 23 (без нумерации листов).

⁵⁸ Там же. Ф. Р-2237. Оп. 1. Д. 5 (без нумерации листов); Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 96 (без нумерации листов).

продовольствия обнаруживалась и при первом осмотре поступавших на склад продуктов, как, например, в Орловской губернии⁵⁹. Сотрудники Рязанского Губпленбежа утверждали, что «такая нехватка имела хронический характер»⁶⁰.

Ещё в начале апреля 1918 г., через месяц после заключения Брест-Литовского мирного договора, Московский комитет помощи военнопленным сообщал своим местным отделам, что недалёк тот момент, когда русские военнопленные начнут прибывать на родину, «ожидая помощи и надеясь отдохнуть после всех испытаний, лишений и страданий <...> инвалиды уже прибывают. Между тем в России ничего не делается для того, чтобы обеспечить им эту помощь⁶¹: существовавшие организации распадаются, общегосударственная машина <...> вряд ли сможет сделать что-либо для этой новой сложной задачи <...>». Комитет призывал местные отделы «не теряя ни одного дня приступить к сбору пожертвований деньгами и вещами, ведя пропаганду самым энергичным образом путем плакатов и воззваний. Нужно облегчить военнопленным возможность добраться до своих домов и хозяйств, снабжая припасами или деньгами в дорогу»⁶².

В период массового движения военнопленных путём воззваний местные совдепы агитировали за пожертвование «разных вещей для военнопленных», как, к примеру, в г. Коротояке Воронежской губернии. Служащим предлагалось, не взирая на «принцип, выдвинутый правительством Советской России, об аннулировании старых империалистических поборов», отчислять в пользу военнопленных однодневный заработок⁶³. Рязанский Губпленбеж в декабре 1918 г. обязал волостные советы оказывать помощь возвращавшимся

⁵⁹ ГАВО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 18. Л. 111, 114.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2а. Д. 43. Л. 26–26 об.

⁶¹ Глава миссии Датского Красного Креста в России, организации, спасшей тысячи жизней русских военнопленных, ринувшихся в Россию в связи с крушением Германии и Австро-Венгрии, назвал Центропленбеж («Центроплен») «большевистской организацией» и «союзом личных друзей правительства», который вместо оказания реальной помощи русским военнопленным подвергал их «большевистскому оболваниванию» // *Енсен Б.* Миссия Датского Красного Креста в России. 1918–1919 годы (ОИ. 1997. № 1. С. 29).

⁶² ГАВО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–3.

⁶³ Там же. Л. 48 об; Д. 4. Л. 66.

русским военнопленным также «местными средствами» по причине «затруднительности центра в финансовом отношении и недостачи обмундирования и обуви», например, перевозку «из села в село до места жительства» предписывалось организовать посредством «натуральноподводной повинности». При этом «подводчики должны иметь с собою тулупы или другую теплую одежду», так как пленным никто не снабдил теплым платьем и обувью. Ночлег для пленным «должен быть у населения в виде натуральной повинности». Губернским и уездным продовольственными организациями из отпущенных Центром средств надлежало заготовить продукты, но питательные пункты следовало открывать только в крайнем случае при станции, так как и приготовление пищи «население сёл должно принять на себя»⁶⁴.

В уездпленбежах получить вещевое довольствие было так же непросто, как и остальное. Причина состояла в его отсутствии или недостатке, поэтому стать обладателем набора обмундирования было практически невозможно⁶⁵. Кроме того, это запрещалось Центропленбежем, а между тем, практически все пленные нуждались в нём, требовали и выражали недовольство его отсутствием⁶⁶. В этой ситуации было принято решение, что самым неимущим волисполкомы будут выдавать удостоверения, а сами пленные будут давать подписки о том, что никто из них ранее никакого обмундирования не получал. В Орловской губернии в 1918 г. такие удостоверения выдавали комбеды⁶⁷. К примеру, в удостоверении указывалось, что данный военнопленный «не имеет одежды и средств купить её, так как бедного класса и одинок» или «находится в критическом положении» или «действительно остро нуждается в одежде и обуви, в семье отец 70 лет, мать, жена с детьми» и т.п. Подписки обычно составлялись от имени целой группы военнопленных (от нескольких до 90

⁶⁴ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.

⁶⁵ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 25. Л. 24.

⁶⁶ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 21 (без нумерации листов); ГАБО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 4. Л. 143–143 об.

⁶⁷ ГАОО. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 2. Л. 58.

человек) и содержали данные об ответственности за ложные сведения⁶⁸. Получить удостоверение о нуждаемости не означало получить обмундирование. Некоторые бывшие военнопленные, зарегистрировавшиеся в своих уездах, пытались обзавестись обмундированием в Губпленбеже. Однако там они получали только не обмундирование, а только «разъяснения», что надо брать обмундирование в уездпленбежах, когда оно там появится. При этом «разъяснения» получали и уездпленбежи, что им «ни под каким видом» не следует направлять бывших военнопленных в Губпленбеж, а требовать от волостных Советов выдачи «объективных удостоверений» об имущественном положении военнопленных и разъяснять, что «обмундирования для всех просто нет из-за сложного экономического положения молодой Советской республики»⁶⁹.

В январе 1919 г. тот же Жиздринский уездпленбеж получил 300 ватных пальто и 100 папах, а также 25 комплектов белья на две с лишним тысячи зарегистрированных военнопленных. Обувь (70 пар сапог) впервые здесь получили в феврале 1919 г., затем в марте и мае, а всего 540 пар. «Обувь старая, чинённая, но годная к носке», - отмечено в отчёте. 50% белья было ношеным, со старыми пятнами. Бедственное положение с обмундированием вынуждало уездные пленбежи просить волостные Советы о прекращении выдачи удостоверений о нуждаемости в обмундировании. Например, на заявление бывшего военнопленного Г. Лосева, имевшего семью из 9 человек, у которого не было ничего из одежды, была наложена резолюция: «Пусть явится <...> и получит только один пиджак»⁷⁰. Когда в мае 1919 г. Совет Обороны предписал всех бывших русских военнопленных призывать в Красную армию, местным отделам продовольствия и снабжения рекомендовалось «все предметы снабжения, причитавшиеся населению по общей развёрстке», выдавать в

⁶⁸ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 21 (без нумерации листов).

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

первую очередь военнопленным, которые не получили никакого обмундирования по приезде из плена⁷¹.

Так как многие пленные являлись в уездные коллегии прямо с вокзала «раздетыми и босыми», их не могли отправлять по домам в таком виде в сильные морозы и были вынуждены держать при уездных коллегиях по нескольку дней, «до более тёплого времени»⁷². По этой причине, к примеру, в Мещовском уезде Калужской губернии в декабре 1918 г., по инициативе уездного Совета, проводилась реквизиция тёплой одежды и обуви «у некоторых граждан Мещовска», так как на складе уездпленбежа ни одежды, ни обуви не было. 1 января 1919 г. уездпленбеж получил 50 пар валенок, 400 полупальто, 200 папах и 200 комплектов белья. В феврале получили 50 пар сапог. К этому времени зарегистрировалось 1 400 военнопленных, и половина из них получила из обмундирования только кое-что⁷³. В Мосальском уезде Калужской губернии к 20 февраля 1919 г. зарегистрировались 1 351 человек, из которых частично получили обмундирование 521 чел. (38, 6 %) ⁷⁴.

В Тульской губернии в 1919 г. одежду и бельё получили, например, в Алексинском уездпленбеже, 19, 5 % возвратившихся военнопленных, в Каширском – 25 %. Обувь не выдавалась, за исключением лаптей, её можно было только купить по удостоверению уездного продкома. 176 пар лаптей в Каширском уездпленбеже не взял никто, так как они были «очень худые и грязные»⁷⁵. Рязанский Губпленбеж в 1919 г. выдал бесплатно несколько пар ботинок на несколько тысяч военнопленных, возвратившихся в Рязанский уезд⁷⁶.

С 1920 г., когда возобновился обмен военнопленными, положение с выдачей вещевого довольствия не улучшилось, хотя количество возвращавшихся в 1920–1921 гг. сократилось весьма значительно. Так, в

⁷¹ ГАВО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 1. Л. 49–49 об.

⁷² ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 21 (без нумерации листов).

⁷³ Там же. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 3 (без нумерации листов).

⁷⁴ Там же. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов).

⁷⁵ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377 (без нумерации листов).

⁷⁶ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 716. Л. 46–48.

Жиздринском уезде Калужской губернии в 1918 г. вернулись 2 140, в 1919 г. – 2 605 человек, а в 1920 г. – 412, в 1921 г. – 306 человек. В Медынском уезде в 1918 г. – 617, в 1919 г. – 938, а в 1920 г. – 107, в 1921 г. – 93 человека. Все возвратившиеся в 1920 г. 107 человек получили нижнее бельё и брюки, но пиджаки достались уже только 70 пленным, валенки – 7, лапти – 34, а полупальто – одному⁷⁷. При этом иностранные коммунисты могли получить в пленбежах «полное обмундирование», но только по направлению местных парткомов⁷⁸. В сентябре 1921 г. Губернские управления по эвакуации населения обязали уезды не позднее 1 октября 1921 г. передать им обмундирование и продовольствие. Возвращавшихся пленных при необходимости следовало направлять в Губэвак с отношением, в котором указывать, что требуется выдать.

Для определения права бывших русских военнопленных на пенсию⁷⁹, лечение, снабжение протезами требовалось освидетельствование. В соответствии с совместным приказом Центропленбежа и Наркоматов здравоохранения и социального обеспечения от 24 февраля 1919 г., который предписывал «перенести центр тяжести освидетельствования на места», в губернских центрах в мае 1919 г. создавались Губернские межведомственные совещания по освидетельствованию бывших военнопленных. В них входили представители Губпленбежа, Губернского медико-санитарного отдела, военного комиссариата, отдела социального обеспечения. Совещание принимало решение об организации во всех уездах губерний аналогичных межведомственных совещаний и врачебных комиссий по освидетельствованию

⁷⁷ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 75, 79, 80 (без нумерации листов).

⁷⁸ ГАДНИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 49. Л. 10.

⁷⁹ Пенсии делились на 5 разрядов в зависимости от степени утраты трудоспособности и составляли (в год): 1 разряд – полная утрата трудоспособности, соединённая с необходимостью в постоянном постороннем уходе – 1 125 руб. 36 коп.; 2 разряд – полная утрата трудоспособности, не соединённая с необходимостью в постоянном постороннем уходе – 806 руб. 40 коп.; 3 разряд – сильное понижение трудоспособности (70–100 %) – 459 руб.; 4 разряд – среднее понижение трудоспособности (40–70 %) – 198 руб.; 5 разряд – слабое понижение трудоспособности (10–40 %) – 66 руб. // Газета пленного. 26 янв. 1919. № 2. Л. 4.

бывших военнопленных. Так, в Жиздринском и Мосальском уездах Калужской губернии планировалось создать при уездной больнице по две комиссии (постоянная и подвижная для выездов), в остальных уездах – по одной⁸⁰. Созданное в Жиздре в июне 1919 г. уездное межведомственное совещание пришло к заключению о невозможности организации двух врачебных комиссий в связи с нехваткой врачей из-за эпидемии тифа. Решено было использовать для освидетельствования медицинскую комиссию, существовавшую при отделе социального обеспечения⁸¹. Как бы то ни было, но до сентября 1919 г. освидетельствование прошли все 230 подавших заявления военнопленных, вернувшихся как в 1918, так и в 1919 г.⁸² Процесс оформления пенсии длился от 3-4 месяцев до 1 года⁸³. В Рязанской губернии, например, к сентябрю 1919 г. были освидетельствованы 68 военнопленных – уроженцев Рязанского уезда⁸⁴. В уездах Тульской губернии освидетельствования начались в июне 1919 г., комиссии проводились, как правило, 2 раза в месяц, например, в Ефремовском уезде в 1919 г. было освидетельствовано 74 человека⁸⁵.

В мае 1920 г. вышел приказ Реввоенсовета, Центрэвака, Наркомздрава и Наркомсобеса, регламентирующий «порядок обслуживания больных и увечных военнопленных, возвратившихся из иноплеменного плена (Германия, Франция, Австрия и пр.)». Согласно приказу, военнопленные должны были подвергаться освидетельствованию в комиссии *по месту выгрузки* из санпоезда с целью разбивки на группы для обслуживания тем или иным ведомством: 1) группа здоровых, передающаяся в ведение местных органов Центрэвака; 2) нуждающиеся в помещении их в дома инвалидов; 3) нуждающиеся в протезировании; 4) требующие амбулаторного лечения; 5) требующие госпитального лечения общего типа; 6) нуждающиеся в специальном лечении:

⁸⁰ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 15. Л. 26.

⁸¹ Там же. Л. 45; Аналогично поступали и в других центральноевропейских губерниях // ГАБО. Ф. Р-1267. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

⁸² ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 15. Л. 78.

⁸³ Там же. Д. 15. Л. 105; Д. 13. Л. 106–106 об.

⁸⁴ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 70 об.

⁸⁵ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377 (без нумерации листов).

санаторно-курортном, физиотерапевтическом и механотерапевтическом; 7) нуждающиеся в пенсионировании. Непрошедшие освидетельствование в комиссии имели право пройти его в течение двухмесячного срока со дня регистрации⁸⁶.

По данным Калужской Губернской коллегии пленбежа, в период Первой мировой войны около 21 тыс. уроженцев Калужской губернии попали в плен⁸⁷. По подсчётам А.Н. Курцева, уроженцев других Центральных губерний Европейской России, таких как Тульская, Орловская, Рязанская, Курская и Воронежская, в плену оказалось соответственно 26, 38, 38, 45 и 50 тыс. человек⁸⁸. Что касается отдельных уездов, то, например, в Жиздринском уезде Калужской губернии на момент организации уездного пленбежа 1 июля 1918 г. в плену числилось 7 250 человек⁸⁹, в Мосальском уезде – 2 585, в Мещовском – 2 800, в Калужском, Медынском и Козельском – более 2 тысяч в каждом, в Боровском и Перемышльском – более одной тысячи в каждом, в остальных уездах – до одной тысячи человек⁹⁰.

По подсчётам Тульского Губпленбежа, в 1918–1919 гг. возвратились из плена 17 тыс. военнопленных (65, 5 % от их общего количества)⁹¹. В Рязанскую губернию вернулось за 1918– сентябрь 1919 гг. 19 тыс. военнопленных (50 %)⁹². По данным Калужского Губпленбежа, в Калужскую губернию до 1 июня 1918 г. возвратились из плена 1 341 чел. (6,4 %), с 1 июня до 1 декабря 1918 г. ещё – 1 476 чел. (7 %) – (см. таблицу), из них из германского плена – 837, из австрийского – 639 человек.

⁸⁶ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 74 (без нумерации листов).

⁸⁷ Там же. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 64 об.

⁸⁸ *Курцев А.Н.* Миграционные процессы репрессивного характера в российском населении в 1861–1917 гг. на примере Центрально-Черноземного региона // Учёные записки. Электронный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3. Т. 2. С. 8.

⁸⁹ Доклад Жиздринской уездной коллегии по делам пленных и беженцев на предстоящий 9 Жиздринский уездный очередной Съезд Советов. 1 июня 1919 г. // ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 187.

⁹⁰ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 88–95.

⁹¹ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377 (без нумерации листов).

⁹² ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 70 об.

Численность бывших русских военнопленных, вернувшихся из германского и австрийского плена на родину в Калужскую губернию за период с 1 июня по 1 декабря 1918 г.⁹³

Уезды	количество военнопленных			
	здоровых	больных	инвалидов	всего
г. Калуга	20	27	2	49
Калужский	92	97	13	202
Жиздринский	165	142	17	324
Козельский	75	63	5	143
Медынский	47	59	3	109
Мещовский	57	65	-	122
Перемышльский	62	66	5	133
Мосальский	79	67	7	153
Малоярославецкий	19	15	1	35
Боровский	17	24	1	42
Лихвинский	65	64	-	129
Тарусский	19	15	1	35
ВСЕГО	717	704	55	1 476

На 1 февраля 1919 г. в Калужскую губернию возвратилось около 10 тыс. военнопленных (48 %). На пике стихийного массового движения русских военнопленных в декабре 1918 г. – январе 1919 г. возвратилось 7 183 человека (34,2 %). На 1 мая 1919 г. число военнопленных увеличилось до 12 тыс. (57 %), на 1 сентября 1919 г. – до 16 тыс. (76 %). За 1920-1921 гг. возвратились ещё

⁹³ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 214. Л. 51 об–52.

приблизительно 10 % военнопленных⁹⁴. А всего по 1921 г. включительно – до 80–86 % от общего количества пленных.

По Жиздринскому уезду за 1918–1919 гг. вернулось 4 745 (65, 4 %) пленных, за 1920–1921 гг. – 718 человек (9,9 %); всего за 1918–1921 гг. – 75, 3 %⁹⁵. По Медынскому уезду за 1918–1919 гг. – 1 555 человек (73 %), за 1920–1921 гг. – 200 человек (9,4 %); всего – 82,4 %⁹⁶. Для сравнения общее число возвратившихся военнопленных в Россию с начала войны по 1921 г. включительно составило 79 %. Вместе с вернувшимися в Польшу и республики Прибалтики, составившими 8, 9 %, число возвратившихся из плена достигло 87,9 %⁹⁷.

* * *

Возвращению в Россию подлежали военнослужащие русского экспедиционного корпуса (РЭК)⁹⁸, отправленного в 1916–1917 гг. в союзную Францию.

В августе 1918 г. Франция через шведское правительство сделало официальное заявление Советской России о том, что не будет препятствовать возвращению в Россию находящихся во Франции русских солдат при содействии интернационального Красного Креста и трёх представителей Российского Общества Красного Креста (РОКК)⁹⁹. 9 января 1919 г. французский консул в Копенгагене Дюшен прибыл в Москву для переговоров об обмене военнопленными. Об итогах переговоров Дюшен информировал правительство Франции и просил сообщить решение, дату отплытия судна из

⁹⁴ Посчитано по: ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 6. Л. 61; Д. 79, 80 (без нумерации листов); Ф. Р-2250. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов). Данные по Медынскому и Жиздринскому уездам Калужской губернии.

⁹⁵ ГАКО. Ф. Р-2250. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов).

⁹⁶ Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 6. Л. 61; Д. 79, 80 (без нумерации листов).

⁹⁷ См.: Мировые войны XX века. Кн. 1. М., 2002. С. 630.

⁹⁸ Русский экспедиционный корпус (РЭК) – это условное название четырёх особых пехотных и одной артиллерийской бригады (в 1917 г. переформированы в две особые пехотные дивизии), отправленных в 1916–1917 гг. во Францию по просьбе её правительства общей численностью свыше 44 тысяч человек // Военный энциклопедический словарь. М., 2002. С. 1347.

⁹⁹ Нота Народного Комиссара Иностранных Дел Правительству Швейцарии. 9 августа 1918 г. // Документы внешней политики. Т. 1. М., 1957. С. 422.

Франции и прибытия его в Ревель. 15 января 1919 г. французское правительство приняло условия обмена, переданные Дюшеном. Число отправляемых русских военнослужащих – 1 150, гражданских лиц – 57. Это в 20 раз больше, чем число Французов в России (68 человек). Выход судна был назначен на 16 января¹⁰⁰.

Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин в ноте от 4 апреля 1919 г. министру иностранных дел Франции С. Пишону сообщал о том, что представителям РОКК во Франции во главе с Д.З. Мануильским было поручено выработать план распределения возвращаемых русских по различным судам, устанавливать даты их отъездов и пути их следования, удостовериться, что ни одному русскому не возбраняется отправка в Россию. В ноте указывалось, что ничего этого представители РОКК не могут выполнить, т.к. им не созданы соответствующие условия¹⁰¹.

Французы ответили (7 апреля 1919 г.), что «*никогда* (выделено мной. – И.Б.) в предыдущих соглашениях не было речи о том, чтобы Миссия Мануильского устанавливала распределение транспортов, сроки отправки, морские и сухопутные пути и т.д. <...> не может быть и речи о разговорах между Делегацией Русского Красного Креста (так в тексте. – И.Б.) и её согражданами *без свидетелей* (выделено мной. – И.Б.)»¹⁰². Другие правительства такие льготы русской миссии предоставляли, но она воспользовалась ими для того, чтобы вести активную революционную пропаганду. «Требование о юридическом советнике для Русского Красного Креста ничем не оправдано», т.к. это общество не является во Франции

¹⁰⁰ Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству Иностранных Дел Франции. 18 января 1919 г. // Документы внешней политики. Т. 2. М., 1958. С. 35.

¹⁰¹ Нота Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Министру Иностранных Дел Франции С. Пишону. 4 апреля 1919 г. // Документы внешней политики. Т. 2. М., 1958. С. 112.

¹⁰² См.: Нота Министерства Иностранных Дел Франции Народному Комиссариату Иностранных Дел РСФСР. 7 апреля 1919 г. // Там же. С. 122–124.

юридическим лицом. Россия же является страной, где «всякая нормальная юрисдикция упразднена»¹⁰³.

Министерство иностранных дел (МИД) РСФСР 8 апреля 1919 г. сообщило французскому МИДу о своей готовности допустить возвращение всех желающих ехать во Францию только после того, как Миссия Мануильского посетит все тюрьмы, концлагеря, дисциплинарные роты для общения с русскими гражданами¹⁰⁴. 9 мая 1919 г. российский МИД направил Франции ноту протеста против задержания Миссии Мануильского в Финляндии и предупредил о домашнем аресте членов бывшей французской военной миссии и дальнейших «более энергичных мерах репрессии»¹⁰⁵.

Во французской ноте от 12 ноября 1919 г. правительству РСФСР сообщалось, что французское правительство, согласно выраженному им ещё в апреле намерению возвратить на родину русских независимо от всяких переговоров с Советами, приступило к систематической репатриации не только находящихся во Франции русских солдат, но и 33 тыс. русских пленных из Германии, перешедших во Францию в период перемирия. Около половины их уже смогло вернуться в Россию, между тем как ни один француз не получил разрешения покинуть советскую территорию¹⁰⁶. Предлагался обмен большевистских агентов, находящихся во власти французского правительства, на всех французских, находящихся в России¹⁰⁷.

20 апреля 1920 г. в Копенгагене Франция заключила Соглашение с Советской Россией и Украиной об отправке всех русских военных,

¹⁰³ Нота Министерства Иностранных Дел Франции Народному Комиссариату Иностранных Дел РСФСР. 7 апреля 1919 г. // Документы внешней политики. Т. 2. М., 1958. С. 122–124.

¹⁰⁴ Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству Иностранных Дел Франции. 8 апреля 1919 г. // Там же. С. 119–124.

¹⁰⁵ Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству Иностранных Дел Франции. 9 мая 1919 г. // Там же. С. 160–161.

¹⁰⁶ Российское правительство объявило заложниками за жизнь русских солдат, остававшихся во Франции, французских граждан бывшей французской военной миссии (Нота Правительств РСФСР и Советской Украины Правительству Франции // Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958. С. 225).

¹⁰⁷ Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству Иностранных Дел Франции. 20 ноября 1919 г. // Там же. С. 294–296.

составлявших РЭК во Франции и в Македонии, а также тех военных, которые стали военнопленными и находились во Франции, Алжире, Салониках и др. территориях, куда могли быть посланы французским правительством. Число подлежащих отправке определялось в 22 тыс. человек, по 2,5 тыс. русских на 100 французов, которых в России и Украине всего 900 человек. Обмен намечалось начать немедленно и закончить за 3 месяца с доставкой через Черноморские порты¹⁰⁸.

В январе 1922 г. Пуанкаре сообщил советскому правительству, что большая часть личного состава русских воинских частей, сражавшихся на французском фронте во время мировой войны, отправлена на родину в 1920 г., остальных, пожелавших остаться во Франции, около 5 тыс. человек. В дальнейшем вернуться в Россию выразили желание 2,2 тыс. человек из них. Местонахождение 1,3 тыс. человек бывших русских военнопленных, бежавших из Германии и укrywшихся во Франции, неизвестно. Французское правительство готово перевезти в любой черноморский порт всех лиц, относящихся к этим категориям. Лица, которые до 1 октября 1922 г. не выразят согласия вернуться в свою страну, утратят право на бесплатную репатриацию за счёт французских властей¹⁰⁹.

19 июня 1923 г. из Марселя отправилась группа русских репатриантов в количестве 587 человек. Из них 516 бывших русских военнослужащих. Французское правительство объявило, что репатриация русских за счёт французского правительства закончена, и теперь все оставшиеся смогут вернуться на родину *самостоятельно*¹¹⁰. 26 июня 1923 г. эта последняя партия

¹⁰⁸Соглашение между Французским правительством, с одной стороны, и Советом Народных Комиссаров России и СНК Украины – с другой. 20 апреля 1920 г. // Документы внешней политики. Т. 2. М., 1958. С. 463–466.

¹⁰⁹Нота Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Председателю Совета Министров и Министру Иностранных Дел Франции Пуанкаре. 28 января 1922 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 5. М., 1961. С. 71–72; 717.

¹¹⁰Примечания к Ноте Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Председателю Совета Министров и Министру Иностранных Дел Франции Пуанкаре. 28 января 1922 г. // Там же. С. 717.

русских солдат на пароходе «Брага» прибыла из Марселя в Новороссийск¹¹¹. Как видим, возвращение на родину бывших военнослужащих РЭК тормозилось из-за политических разногласий между Россией и Францией.

Местные пленбежи регистрировали бывших солдат русского экспедиционного корпуса, которые военнопленными не признавались. Им выдавались удостоверения с указанием воинского звания, времени отправки на фронты союзников и прибытия в Россию с записью о том, что военнопленными они не считаются¹¹². Указанный контингент имел право на получение содержания, установленного при командировании их на фронт союзников, но, в отличие от военнопленных, в особом порядке, разработанном Военно-ликвидационным комитетом¹¹³. Местные пленбежи неоднократно спрашивали разрешения Центра на удовлетворение данной группы бывших воинов пищевым и вещевым довольствием наравне с военнопленными, но положительного ответа не получали¹¹⁴.

В марте 1920 г. Центрэвак распорядился провести «допросы» бывших военнослужащих РЭК, отправленных на фронт союзников, с целью сбора материалов о жестоком обращении с ними французских военных властей. Собранные показания свидетельствовали о жестоком обращении с военнослужащими после выхода России из войны, которых насильно удерживали за пределами России, заставляя воевать, а затем, после ноября 1918 г., выполнять непосильную работу в крайне тяжёлых условиях¹¹⁵.

Например, в Калужскую губернию до начала санкционированной репатриации военнослужащих РЭК в апреле 1920 г. на родину в Медынский уезд из Франции возвратились: Николаев Константин Иванович, 23 лет, холост, ефрейтор и Соловьёв Василий Данилович, 23 лет, рядовой, воевал на

¹¹¹ Нота Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Председателю Совета Министров и Министру Иностранных Дел Франции Пуанкаре. 4 августа 1923 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 6. М., 1962. С. 404–405.

¹¹² ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 24. Л. 9.

¹¹³ Там же. Д. 12. Л. 232.

¹¹⁴ Там же. Д. 24. Л. 1.

¹¹⁵ Там же. Л. 13–14, 25–25 об.

Салоникском фронте с августа 1916 г.¹¹⁶ В Жиздринский уезд вернулся из Франции Баранов Дмитрий Алексеевич¹¹⁷.

В 1920 г. в Медынский уезд возвратился Георгий Погодин, бежавший из Франции через Англию и Норвегию¹¹⁸, и Матюхин Егор Фёдорович, рядовой, 28 лет, женат, двое детей, отправленный на союзнический Французский фронт в январе 1916 г., затем бывший на принудительных работах в Африке 3 года, возвратился в Россию в сентябре 1920 г.¹¹⁹ В Жиздринский уезд в 1920 г. возвратились 12 человек (см. Приложение 14), среди них Уличев Георгий Галактионович, рядовой, 24 лет, грамотный, холост, отправленный в составе 2-й особой бригады на Французский фронт в июне 1917 г. В феврале 1918 г. военнослужащие этой бригады потребовали отправки в Россию, но были привлечены к принудительным работам в Турции. Их по несколько дней не кормили, заставляли ночевать в ямах¹²⁰. За первое полугодие 1921 г. в Жиздринский уезд вернулись 5 военнослужащих РЭК¹²¹. В Орловскую губернию в 1920 г. вернулись 204 военнослужащих РЭК¹²².

В мае 1922 г. Центрэвак объявил об окончании работ по возвращению из-за границы бывших русских военнопленных и расформировании в связи с этим своего подотдела по учёту русских военнопленных¹²³. Между тем, по данным Центрэвака, за 10 месяцев 1922 г. в Россию возвратились 3 580 бывших русских военнопленных¹²⁴. С 1 января 1923 г. Центрэвак прекратил своё существование (см. Приложение 13). Последние лагеря русских военнопленных в Германии были распущены летом 1922 г. Тех, кто не воспользовался отправкой на

¹¹⁶ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 71 (без нумерации листов).

¹¹⁷ Там же. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 15. Л. 73.

¹¹⁸ Там же. Ф. Р-337. Оп. Д. 80 (без нумерации листов).

¹¹⁹ Там же. Д. 93 (без нумерации листов).

¹²⁰ Там же. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 24. Л. 2, 9, 10, 15, 19, 22, 26, 27, 31, 36, 43, 45, 48.

¹²¹ Там же. Ф. Р-2250. Оп. 2. Д. 3 (без нумерации листов); за период с 1919 по первую половину 1921 г. возвратились 22 участника РЭК (выявленные данные по двум уездам – Медынскому Калужской губернии и Жиздринскому Калужской (с 1920 г. Брянской) губернии).

¹²² Подсчитано по: ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 194. Л. 179–193.

¹²³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1. Д. 18. Л. 106.

¹²⁴ Там же. Оп. 4. Д. 85. Л. 4.

родину, перевели на самостоятельное содержание¹²⁵. Согласно постановлению Президиума ЦИК от 13 ноября 1925 г., все находившиеся за границей и пропустившие в установленные сроки регистрацию без уважительной причины признавались утратившими советское гражданство, и всякие ходатайства их о приёме в таковое рассматриваются в общем порядке, существующем для иностранцев. Это относилось к бывшим военнопленным, интернированным военнослужащим царской и Красной армий и целому ряду других категорий¹²⁶.

Таким образом, после заключения Брестского мира обмен военнопленными начался в конце лета 1918 г. и продолжался до ноября 1918 г. В итоге в Россию было возвращено свыше 180 тыс. военнопленных русской армии из оставшихся в плену на начало 1918 г. более 1 600 тыс. человек. В результате массового стихийного движения военнопленных, начавшегося в ноябре 1918 г., связанного с окончанием Первой мировой войны, революционными событиями в Австро-Венгрии и Германии, и продолжавшегося до февраля-марта 1919 г., в Россию вернулось около 600 тыс. русских военнопленных. Небольшая их часть осела в Дании, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Франции. В 1919 г. обмена военнопленными не производилось. Антанта установила контроль за русскими военнопленными в лагерях Германии, несмотря на протесты советского правительства. К началу 1920 г. за границей находилось около 400 тыс. русских военнопленных, которые возвращались в Советскую Россию вплоть до 1925 г. после заключения соответствующих соглашений. Как видим, в основном за несколько месяцев 1918 г. самотёком в Советскую Россию вернулось столько же русских военнопленных, сколько их было возвращено в плановом порядке усилиями советских государственных структур за несколько лет, с 1918 по 1925 гг.

¹²⁵ *Нагорная О. С.* Другой военный опыт. Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии. М., 2010. С. 181.

¹²⁶ Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы): Сборник документов и материалов / сост. З.С. Бочарова. М., 2004. С. 25.

Большевицкому руководству было безразлично, как сотни тысяч русских военнопленных, стихийно возвращавшихся на родину в конце 1918 – начале 1919 гг., воспримут происходившее в России. Поэтому не случайно, что все решения о материальной поддержке возвращавшихся русских пленных принимались в ноябре-декабре 1918 г., а не к началу обмена военнопленными летом 1918 г.

Однако из-за систематического отсутствия на складах эвакуационных органов продовольствия возвращавшиеся военнопленные в день регистрации не могли получить причитающийся им паёк. Обмундирование или обувь реально получали лишь беднейшие из военнопленных, и то не все нуждающиеся в нём, по специально введённым на местах удостоверениям волисполкомов или комбедов. Как правило, это были бывшие в употреблении отдельные предметы обмундирования. Отсутствие теплой одежды как у военнопленных, так и на складах местных пленбежей, заставляло местные власти прибегать к реквизиции одежды у населения, которую правильнее назвать конфискацией. При катастрофическом положении с продовольствием и обмундированием, в котором нуждались практически все возвращавшиеся военнопленные, их учёт и хранение не были налажены. Единовременные пособия, установленные воинам-инвалидам, получить которые было трудно из-за отсутствия средств, были отменены в апреле 1920 г. Оформление пенсий длилось 3-4 месяца и более. Денежные выплаты за время плена из-за частого отсутствия средств на эти цели бывшие русские пленные не могли получить вплоть до нового призыва в армию. Центропленбеж ещё до начала массового стихийного движения русских военнопленных не обеспечил свои органы на местах всем необходимым для регистрации пленных и выдачи им документов установленной формы. Это отражалось на качестве учёта пленных и делало невозможным их обращение за получением государственной помощи.

Всё это свидетельствует о декларативном характере декретов советского правительства о материальной поддержке бывших русских военнопленных, не имевших соответствующего финансового обеспечения.

3.2. Политическое просвещение пленных и беженцев

После заключения Брестского мирного договора (3 марта 1918 г.), в преддверии предстоявшего обмена военнопленными, 26 июня в составе Центропленбежа был создан культурно-просветительный отдел (культпросвет), на который была возложена организация политической пропаганды и агитации среди возвращавшихся из плена солдат русской армии, начиная с пограничных пунктов, в пути следования, на узловых станциях, приёмных пунктах¹²⁷. Отдел возник в результате преобразования Всероссийского бюро военнопленных при военном отделе ВЦИК, созданного в январе 1918 г. для агитационно-пропагандистской работы среди иностранных и русских пленных. В результате «политически надёжные товарищи» социалисты-интернационалисты из иностранных военнопленных были привлечены к установлению связи с лагерями русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии, куда доставлялась агитационная литература, направлялись подготовленные агитаторы¹²⁸, к озвучиванию идеи организации III Коммунистического Интернационала. ЦК РКП(б), руководивший работой по подготовке борцов за приближение «победы мировой революции», считал политически подготовленных бывших вражеских военнопленных главным кадровым резервом для создания коммунистических партий в зарубежных странах¹²⁹. Как известно, военнопленные-интернационалисты приняли участие в Гражданской войне и агитировали за вступление в Красную армию своих беспартийных товарищей.

Приказом Центропленбежа № 112 от 4 сентября 1918 г. всем органам Центропленбежа на местах предлагалось образовать культпросветы, на которые возлагалось проведение политической агитации среди бывших военнопленных русской армии, возвращавшихся на родину, и беженцев, ожидавших

¹²⁷ Мальков А.А. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии 1915–1919 гг. Казань, 1971. С. 191.

¹²⁸ Там же. С. 136.

¹²⁹ Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М., 2009. С. 20.

резэвакуации, а также участие в привлечении указанного контингента к устройству сельскохозяйственных коммун, артелей для полевых работ¹³⁰. Во главе организуемых культпросветов рекомендовалось иметь «партийных товарищей-коммунистов», так как главная работа отдела – политическая агитация. Путём агитации следовало добиться, чтобы «лозунги борьбы пролетариата и крестьянства за социализм, окончательную победу революции стали понятными людям, незнакомым с революционным движением»¹³¹, но политическая обстановка к восприятию подобных лозунгов явно не располагала. По донесениям агитаторов (эmissсаров, комиссаров, как они называются в документах) Центропленбежа, задействованных в процессе обмена военнопленными с лета 1918 г., люди были голодны настолько, что «при каждой остановке поезда ходили по путям и подбирали объедки, обгладывали валяющиеся кости, облизывали консервные банки», на пограничных станциях отсутствовала баня, бельё¹³². При этом, по донесениям агитаторов, проводились митинги, на которых «иногда предлагались резолюции, которые принимались восторженно, почти единогласно»¹³³.

В конце ноября – начале декабря 1918 г. эmissсар Центропленбежа врач И. Сапиро докладывал, что картина движения военнопленных на станции «Смоленск» уже представляла собой сплошной «стихийный поток, вышедший из берегов железнодорожного канала». Кругом были больные, снятые в большом количестве с поездов¹³⁴. В Брянск в ноябре 1918 г. прибывало из Австро-Венгрии через пограничные станции «Зерново» и «Унеча» до тысячи русских военнопленных в день. Их количество росло, среди них было много больных, все «оборванные, босые и голодные». Они обращались за помощью. В Брянск из Орловского Губпленбежа прибыл заведующий отделом И. Аберберг. Он вынужден был лишь констатировать, что Брянский пленбеж находился «в

¹³⁰ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 4. Л. 310.

¹³¹ Там же. Л. 309; ГАВО. Ф. Р-2136. Оп. 1. Д. 8. Л. 53.

¹³² ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 42. Л. 30.

¹³³ Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 27 октября 1918. № 16. С. 10; текст резолюции см. в Приложении 6.

¹³⁴ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 46. Л. 26.

тисках полного безденежья», как и его представители на пограничных станциях, поэтому «тёплого приёма на родине» получиться никак не могло, так как ни одеть, ни накормить, ни обогреть пленных было нечем. Из Брянска многие военнопленные следовали в Орёл, туда прибывали и военнопленные со стороны Курска. Распределительного пункта в Орле не было. Его отсутствие сильно затрудняло деятельность железной дороги, не говоря о положении и настроении военнопленных, несмотря на усилия агитаторов¹³⁵. Между тем, в разработанной Центропленбежем программе для агитаторов от 24 ноября 1918 г., говорилось, что военнопленные не имели права предъявлять к Советской власти «чрезмерные требования», иначе они будут «врагами трудового народа»¹³⁶.

Стихийное массовое движение русских военнопленных закончилось в феврале 1919 г. по инициативе Антанты, установившей контроль над возвращением русских военнопленных из германских лагерей. В этих условиях согласие служить в белой армии открывало нашим военнопленным путь на родину¹³⁷.

В ноябре 1918 г. в связи с революционными событиями в Австро-Венгрии и Германии уполномоченные Центропленбежа не только встречали на западной границе возвращавшихся русских военнопленных, но и провожали бывших вражеских пленных, выступая перед ними с речами «о мировой революции» и отсылая в Москву отчёты о проведённых мероприятиях и резолюции митингов, например: «Выслушав о положении авангарда мировой революции, просим довести до сведения российского рабоче-крестьянского правительства, что, прибыв на родину, будем стараться установить советскую власть, дабы скорее грянул час, когда пролетариат всего мира соединится в единую мировую коммуны. Председатель митинга комиссар Пленбежа Пупкевич»¹³⁸.

¹³⁵ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 18. Л. 169, 204, 249.

¹³⁶ *Жданова И.А.* Организация возвращения российских пленных в 1918-1919 годах // РИ. 2011. № 4. С. 70.

¹³⁷ *Мальков А.А.* Указ. соч. С. 176.

¹³⁸ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 23. Л. 194, 204, 206.

На беженских собраниях также предлагалось принимать аналогичные резолюции и направлять их в Центр, например: «Мы верим в рабоче-крестьянское правительство, клянёмся его активно поддержать <...> Да здравствует мировая революция!»¹³⁹.

В одной из центральных губерний Европейской России – Калужской, культпросвет в Губпленбеже был организован в июне 1918 г. Он непосредственно занимался политической агитацией как среди бывших вражеских военнопленных и беженцев города и уезда, так и среди русских военнопленных, которые временно оказывались в ночлежном доме или чайной, в регистрационном или питательном пунктах, открытых Губпленбежем близ железнодорожной станции¹⁴⁰. В арсенале культпросвета Губпленбежа было два способа агитации: раздача литературы, присылаемой из Центропленбежа, и устройство беседований и митингов для прибывавших на родину военнопленных¹⁴¹. При этом помещения для ночлега бывших русских военнопленных не имели постельных принадлежностей и инвентаря, в них не производилась уборка, о чем сообщали проверяющие Центропленбежа, например, из Воронежа, Курска и Орла¹⁴². В ноябре 1918 г., в период массового стихийного возвращения русских военнопленных, орган Губернской организации РКП (б) – газета «Коммуна» под заголовком «Кое-что о наших пленных» писала о «громадной» ответственности местных органов Центропленбежа, которым «нужно каждому пленному правильно осветить вопрос о положении Социалистической революции, чтобы в их лице не приобрести врагов для власти <...>», о том, что «для более целесообразного распространения идей коммунизма приглашены агитаторы для пленных»¹⁴³. В одном из сентябрьских номеров газеты было напечатано «Обращение ко всем трудящимся беженцам-белорусам» эмиссара Белорусского национального

¹³⁹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 23. Л. 170.

¹⁴⁰ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 214. Л. 56.

¹⁴¹ Там же. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 100–100 об.

¹⁴² Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 2 декабря 1918. № 19.

¹⁴³ Коммуна. 31 ноября 1918. № 122.

комиссариата (Белнацком¹⁴⁴) по делам беженцев Василевича, призывавшего с оружием в руках защищать советскую власть: «Кому дороги завоевания революции, кому нужна свобода, земля и воля в Белоруссии, тот без малейшего колебания должен встать рядом со своим братом Великороссом в ряды революционной Армии и грудью защищать интересы революции»¹⁴⁵.

Представитель Белнацкома, находившийся в Калужской губернии с 15 июня по 1 сентября 1918 г., в итоге признал культпросветработу Губпленбежа в Калуге, а также уездных пленбежей слабой. Беженцы высказывали ему свое недовольство тем, что не получили землю и инвентарь для её обработки, а работ «для применения физического труда» в губернии было недостаточно. Не способствовало успеху политической работы в беженской среде враждебное отношение местного сельского населения к беженцам и, самое главное, катастрофическое положение с продовольствием. Так, представитель Центра отметил «весьма вялое течение не по разработанному плану» реэвакуации беженцев на фоне всеобщего их стремления во что бы то ни стало поскорее отбыть на родину. О результатах агитации беженцев за добровольное вступление в Красную армию эмиссар Белнацкома высказался в том плане, что они (результаты) «пока ещё не выявлены»¹⁴⁶. На агитационно-инструкторские курсы тоже никто из беженцев не записался. В анкете, предложенной информационным бюро при Наркомнаце в сентябре 1918 г., Василевич на вопрос о политической организации беженцев записал: «Сорганизовать их политически не представляется возможным несмотря на принятые меры»¹⁴⁷. В октябре 1918 г. Калугу посетил сотрудник беженского отдела Белнацкома А.

¹⁴⁴ Белорусский национальный комиссариат (Белнацком) был создан декретом СНК от 31. 01 (19. 02). 1918 г. в составе Народного комиссариата по делам национальностей с целью укрепления в массах идеи создания белорусской государственности на основе диктатуры пролетариата, сплочения беженцев-белорусов вокруг Советской власти. Ликвидирован в марте 1919 г. решением Президиума ЦИК БССР. Подробнее о Белнацкоме см.: *Скалабан В.В.* Белорусский национальный комиссариат (январь 1918 – март 1919 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 1987.

¹⁴⁵ Коммуна. 5 сентября 1918. № 55.

¹⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 7. Д. 28. Л. 63–63 об.

¹⁴⁷ НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 67. Л. 2, 27.

Янулевич. По его мнению, организация партийных ячеек в беженской среде невозможна ввиду «общего стремления всех беженцев на родину». Всему виной продовольственный вопрос¹⁴⁸.

В Рязанском Губпленбеже во время массового возвращения пленных агитационной деятельностью занимались члены коллегии пленбежа во главе с председателем, а также привлеченные члены местных парткомов всех уровней. В Губпленбеже считали, что участие партийных представителей оправдывалось ещё и тем, что «пленные при водворении их на места жительства превращаются в обыкновенных граждан». Согласно отчетным данным, «агитационная деятельность заключалась в том, что при прибытии эшелона с пленными устраивались митинги, произносились речи и раздавалась литература»¹⁴⁹. В последующий период работа культпросвета «ограничивалась только раздачей некоторого количества литературы русским военнопленным и отпуском желающим разного рода книг и брошюр из библиотеки-читальни <...> Агентом-агитатором состоял назначенный Рязанской уездной партией товарищ Дементьев»¹⁵⁰.

В уездных органах Центропленбежа культпросветы возникли в конце 1918 – начале 1919 гг., во время пика массового стихийного движения русских военнопленных¹⁵¹. Например, в самом крупном Жиздринском уезде Калужской губернии это началось в январе 1919 г. Отдел состоял из одного работника-заведующего, который распространял агитационную литературу преимущественно среди бывших русских военнопленных, обращавшихся для регистрации. Практиковались и собеседования «по текущему моменту». В январе 1919 г. через Жиздринский пленбеж ежедневно проходило до 150 человек, к двадцатым числам февраля было зарегистрировано около 3,5 тыс.

¹⁴⁸ НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 67. Л. 11 об.

¹⁴⁹ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 72.

¹⁵⁰ Там же. Д. 663. Л. 189 об.

¹⁵¹ ГАВО. Ф. Р-2136. Оп. 1. Д. 8. Л. 17.

бывших русских военнопленных, и все были обеспечены агитационной литературой¹⁵².

5 января 1919 г. было объявлено «Всероссийским Днём военнопленного», который рекомендовалось отметить «праздничными митингами, концертами, выдачей пищевого довольствия в двойном размере, а также табака и, конечно, агитационной литературы»¹⁵³. На местах этот праздник переносили по нескольку раз, например, в том же Жиздринском уезде – три раза, в итоге его отметили 2 марта, когда удалось получить кое-какие продукты, сократилось количество прибывавших военнопленных и стало теплее. На праздничном митинге присутствовало около 200 бывших русских военнопленных, хотя рассчитывали на участие 400 человек. Выступал член уездпленбежа и председатель исполкома уездного Совета, после бывших военнопленных пригласили на обед, а затем была раздача табака, спичек, бумаги и агитационной литературы¹⁵⁴. Накануне этого мероприятия поступило 3 тыс. экземпляров брошюр, таких как «Сельская коммуна», «Программа коммунистов», «Что такое Советская власть» и другие¹⁵⁵. В остальных уездах губернии «День военнопленного» проходил по такому же примерно сценарию¹⁵⁶.

В 1919 г. на съездах уездных пленбежей заслушивались отчёты о культурно-просветительной работе¹⁵⁷. Так, на I Съезде уездных пленбежей в Калуге, состоявшемся 20-21 февраля 1919 г., Боровский культпросвет, образованный в ноябре 1918 г., отчитался, что, кроме раздачи литературы и беседований о «задачах русского пролетариата и крестьянства», не смог перейти к более «живой» работе по устройству митингов, коллективных чтений политической литературы, спектаклей из-за «недостатка лекторов и

¹⁵² ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 92–92 об.

¹⁵³ Там же. Д. 4 (без нумерации листов).

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ См., например: ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 87–102 об.

агитаторов»¹⁵⁸. О невозможности организации митингов по этой же причине, а также по причине разбросанности людей по многим деревням, между которыми большие расстояния, говорили практически все представители уездных пленбежей. Перемышльский делегат добавил, что в уезде не до митингов, так как люди голодают, свирепствует тиф, поэтому прежде всего нужны медицинские работники, а не агитаторы¹⁵⁹.

В Мещовском уездном пленбеже культпросвета не было организовано и о политическом просвещении возвращавшихся русских военнопленных на съезде не упоминалось, но для беженцев, на настроении которых «печально отразилась» их «непосвящённость в суть происходящих политических событий», со слов докладчика, «были организованы митинги». Для этого «за неимением свободных лиц» в уездпленбеже приглашали лекторов из уездного комитета РКП(б)¹⁶⁰. Представитель культпросвета Мосальского уездпленбежа Троцкий, по его словам, выезжал за пределы уездного центра для проведения митингов и беседований с людьми по месту их жительства. Как часто он это делал, сколько людей собирал, сколько вопросов они ему задавали – обо всём этом выступающий не сказал, как и все остальные делегаты. Заведующий культпросветом Губпленбежа назвал работу отдела (то есть свою работу) по Калуге и уезду «протекающей успешно», но в остальных уездах – «хромающей» по причине «недостатка агитаторских сил». В резолюции съезда по этому вопросу политическая агитация среди пленных и беженцев была названа одной из главных задач уездных пленбежей¹⁶¹.

Накануне съезда культпросвет Губпленбежа разослал на места Схему работы культпросветов. Согласно схеме *всех* пленных и беженцев следовало охватить политическим влиянием совместно с Комитетами бедноты, местными Советами и партийными ячейками. Схемой, в частности, предусматривалось:

¹⁵⁸ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 93 об.

¹⁵⁹ Там же. Л. 94 об.

¹⁶⁰ Там же. Л. 95 об.

¹⁶¹ Там же. Л. 91 об.

«- покрыть каждый уезд широкой сетью библиотек, читален, кружков для совместного чтения рекомендованной Центром литературы;

- привлечь 2-3 агитаторов, которые, разъезжая по населённым пунктам, устраивали бы собеседования, лекции, митинги;

- раздавать агитационную литературу по месту жительства беженцев и бывших военнопленных, а не только при их обращении в коллегию;

- организовать школы политической грамоты для изучения целей и задач революционного движения, привлечения беженцев и бывших военнопленных в Красную армию и трудовые коммуны;

- устраивать торжественные проводы со снабжением агитационными материалами беженцев, едущих в места, где пока господствуют капиталисты и ещё нет Советов»¹⁶². В схеме также указывался перечень литературы: «Что дала рабочим и крестьянам Великая Октябрьская Революция», «Слово русским рабочим и крестьянам», «Программа коммунистов», «Карл Маркс», «Что такое коммуна» и т.д. (всего 14 названий).

Однако в апреле 1919 г. Губпленбеж признал культпросветработу на местах «очень незначительной» и предложил упразднить культпросветы с возложением их функций на всех служащих уездных пленбежей, что и было выполнено. «Кипучей» агитационно-пропагандистской работы в уездах Губпленбеж так и не обнаружил: не произошло ни «всеобщего охвата политическим влиянием пленных и беженцев», ни «совместных чтений», ни «раздачи агитационной литературы по месту жительства», ни «массовых торжественных проводов на родину», ни «массового добровольного вступления беженцев и бывших русских пленных в Красную армию и в трудовые коммуны». Схемы остались на бумаге. В Воронежской губернии в марте – апреле работе уездных культпросветов среди пленных и беженцев давалась аналогичная оценка, признавалась практическая невозможность личного общения с указанным контингентом по месту жительства¹⁶³. Зато к этому

¹⁶² ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 14 (без нумерации листов).

¹⁶³ ГАВО. Ф. Р-2136. Оп. 1. Д. 8. Л. 55, 65.

времени прекратилось стихийное массовое возвращение военнопленных, так как отправка из Германии русских военнопленных по своему усмотрению занялась Антанта. При этом культпросветы Губпленбежей в апреле 1919 г. подверглись реорганизации, сопровождавшейся сокращением штатов, при сохранении за Губпленбежами функции культпросветработы до конца 1919 г.¹⁶⁴

Между тем политическая обстановка в 1918 – 1919 гг. в России характеризовалась резко отрицательным отношением крестьян, в т. ч. солдат, вернувшихся из плена, к военным мобилизациям. Вместо Красной армии многие из них вступали в вооружённые отряды, громили военные комиссариаты, убивали коммунистов и других советских работников. Волна крестьянских восстаний затронула весь Центр Европейской России, в том числе Курскую, Воронежскую, Орловскую, Тульскую, Калужскую, Рязанскую губернии¹⁶⁵. Так, в вооружённых выступлениях против власти коммунистов в ноябре 1918 г. в Рязанской губернии приняло участие население 9 уездов из 12¹⁶⁶. В волостях действовали агитаторы, распространявшие воззвания к населению, так называемые «летучки». Например, в Медынском уезде Калужской губернии имели хождение следующие воззвания: «Товарищи, граждане, погибает наша Родина – погибает с голоду. При царе Николае была у нас мука и каша, а при этом Совете и хлеба нет <...> не ходите в солдаты <...> за что мы пойдём на войну?»; «Вы не выбирали Ленина <...>»; «Свободному – Ленин враг <...> Власть – народу, а не германскому шпиону <...>»; «И льётся кровь братская». В вооружённом восстании в ноябре 1918 г. приняли участие 17 из 22 волостей уезда¹⁶⁷. Остальные граждане губернии безучастно отнеслись к воззваниям о записи в Красную армию¹⁶⁸. Не секрет, что газеты, воззвания, плакаты охотно использовались «на папиросы и оклейку стен», о чём

¹⁶⁴ См. подробнее об этом: ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 214. Л. 58.

¹⁶⁵ См. например: *Вронский О.Г.* Крестьянские восстания в Тульской губернии в 1918 – 1920 гг. // Тула в Гражданской войне. 1917 – 1922 гг. Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Тула, 1996. С. 20–22; *Алексеев В.* Октябрь и Гражданская война в ЦЧО. Воронеж, 1932. С. 60, 76.

¹⁶⁶ ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 13. Л. 41–44 об.

¹⁶⁷ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 5. Д. 2. Л. 263, 314.

¹⁶⁸ Там же. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 67. Л. 153.

говорилось на различных совещаниях, когда речь шла об эффективности политической агитации¹⁶⁹. За первое полугодие 1919 г. в Курской губернии было зафиксировано 106 крестьянских восстаний, Воронежской – 101, Орловской – 31¹⁷⁰.

К 1919 г. дезертирство и укрывательство дезертиров повсеместно приняли такие размеры, что была учреждена специальная организация – Центральная Комиссия по борьбе с дезертирством («Центркомдезертир»), а на местах – окружные, губернские и уездные комиссии при военных комиссариатах, которым пришлось работать с большим напряжением сил, используя репрессивные методы. Члены сельских партийных ячеек выходили из них, чтобы не оказаться на фронте, и укрывали сыновей-дезертиров, что крайне возмущало народ, считавший, что «война им не нужна, а нужна только партии». Об этом писали в своих докладах партийные организаторы из губернских центров¹⁷¹. Боровский уездный военный комиссариат в июне 1919 г. направил в Калужскую Губернскую комиссию по борьбе с дезертирством списки граждан, неявившихся по мобилизации, в том числе 57 человек, вернувшихся из плена, по Чубаровской, Серединской, Никольской волостям¹⁷².

О тяжёлом финансово-экономическом положении в центре Европейской России можно судить по телеграмме Касимовского совета Рязанской губернии от 22 июля 1918 г.: «В уезде свирепствует тиф, появились холерные заболевания <...> Нужна немедленная помощь врачей. Нет денег, нет хлеба, населению выдали последнее на два дня, беднота в волостях жнёт преждевременно хлеб, спасите голодных <...> Несмотря на присылаемые сметы, кредитов открыто не было, приказано готовить армию против Чехословацкого мятежа, а содержать нечем. Обмундирования нет совсем.

¹⁶⁹ ГАКО. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 67. Л. 157.

¹⁷⁰ Алексеев В. Указ. соч. С. 83.

¹⁷¹ ГАКО. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 69. Л. 77; ГАВО. Ф. Р-1954. Оп. 1. Д. 23. Л. 43, 55 об.

¹⁷² ГАКО. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 69. Л. 156.

Срочно откройте кредиты военному и другим комиссариатам. Шлите врачей, обмундирование, хлеба, для больных рису <...>»¹⁷³.

Положение беженцев с лета 1918 г. стало просто катастрофическим: казённые беженские пайки были отменены, упразднены организации, занимавшиеся оказанием помощи жертвам войны. Коренное население не хотело держать беженцев на квартирах, а продкомы – выдавать им продовольствие, которого на всех не хватало. «Беженские массы» осаждали местные органы власти, требуя отправки на родину, скапливались на железнодорожных станциях в ожидании отправки. В Рязанской губернии летом 1918 г. отмечались случаи разгона беженцами местных советов. Для наведения порядка приходилось прибегать к помощи конной стражи¹⁷⁴.

В 1919 г. эвакуация была остановлена на неопределённое время, но коренное население упрекало беженцев за то, что они не уезжали, увеличивая количество больных и голодных. Тяжесть положения беженцев признавали как все местные советы сверху донизу, так и местные органы Центропленбежа, не раз направлявшие в Центр свои резолюции и просьбы решить вопрос о материальной помощи беженцам до эвакуации их на родину. Беженские ходоки и сами писали и ездили в Москву «к товарищу Ленину», но всё было безрезультатно¹⁷⁵. Организация сельских коммун из беженской бедноты всеми местными ведомствами была признана невозможной из-за отсутствия всех видов сельскохозяйственного инвентаря и семян¹⁷⁶.

Неудивительно, что в таких условиях попытки Центральной власти, оставившей беженцев без реальной поддержки, превратить их путём политической агитации в сознательных сторонников и защитников Советской республики, оказались практически безрезультатными: в Красной армии беженцы находились лишь по мобилизации. Уездные органы Центропленбежа информировали об отсутствии беженцев, «желавших поступать на военную

¹⁷³ ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 13. Л. 17.

¹⁷⁴ НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 48; Д. 128. Л. 28–29.

¹⁷⁵ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 92 об.

¹⁷⁶ Там же. Д. 13. Л. 106–106 об.

службу в советские полки, летучие отряды и другие воинские формирования»¹⁷⁷. По своему отношению к частым мобилизациям ни беженцы, ни вернувшиеся из плена солдаты ничем не отличались от общей массы голодающего населения, хотя к бывшим русским военнопленным Советское правительство отнеслось несколько лучше, чем к беженцам. Им дали право на получение жалованья за всё время нахождения в плену, продовольственного и вещевого довольствия, бесплатного лечения и протезирования, пособий по инвалидности. Правда, реализация этих прав давалась бывшим военнопленным очень и очень нелегко. Бывшие солдаты, как и беженцы, не выражали желания с оружием в руках защищать завоевания Октябрьской революции, рабоче-крестьянскую власть и старались различными способами уклониться от воинской повинности, и большевистская агитация была здесь бессильна.

Попытка оживления агитационных мер воздействия на сознание возвратившихся бывших русских военнопленных и беженцев со стороны Центропленбежа и его губернских органов была предпринята летом - осенью 1919 г., когда части ВСЮР угрожали Москве. Так, Рязанский Губпленбеж, получив в июле 1919 г. распоряжение Центра о принятии мер «к более широкому развитию культурно-просветительной деятельности среди пленных и беженцев», принял решение об открытии клуба с библиотекой в Троицкой слободе Рязани, но помещение требовалось электрифицировать, и открытие клуба затянулось на несколько месяцев¹⁷⁸. Губпленбежами выпускались листовки, в которых беженцев обнадёживали, что ждать отправки осталось недолго, так как советское правительство «принимает все меры для облегчения участи беженцев, ведёт трудные переговоры с буржуазной Польшей»¹⁷⁹. Бывших русских военнопленных призывали в листовках «мстить бывшим генералам и помещикам»: «Товарищи военнопленные! <...> Помните, что Деникин и Колчак несут прежнее национальное угнетение и полякам, и

¹⁷⁷ ГАКО. Ф. Р-526. Оп. 5. Д. 2. Л. 144–145; Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 149.

¹⁷⁸ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 59 об.

¹⁷⁹ Там же. Д. 12. Л. 5; Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 63 (без нумерации листов).

украинцам, и сибирякам, и латышам. <...> Мщением, беспощадной мстостью к насильникам и обманщикам, генералам и помещикам зажгётесь Вы, узнав, как одурманивал, как обманывал Вас наш общий враг. <...> Военнопленные должны быть вместе с пролетариями Советской России!»¹⁸⁰.

По уездам рассылались циркуляры об оживлении культурно-просветительной работы, «необходимой и крайне важной по причине отсталости беженских масс и военнопленных в политическом развитии, что объясняется теми условиями жизни, в которых они находятся <...> только сознательное отношение к событиям, разыгрывающимся на глазах пролетарских масс, к которым принадлежит большинство пленных и беженцев, может служить залогом победы пролетариата России над многочисленными врагами, стремящимися подавить мировую заразу большевизма, мировой очаг революции – восставших русских рабочих и крестьян». Снова предлагалось поставить культурно-просветительную работу на «должную высоту» путём приглашения из уездкомов партии агитаторов для *постоянной* работы среди пленных и беженцев. На эту работу обещали «в скором времени» прислать средства¹⁸¹.

К циркулярам прилагались *инструкции по проведению агитационной работы*, согласно которым один раз в месяц обязательно следовало устраивать митинги, два раза в месяц – поездки агитаторов по деревням и сёлам для бесед, а «каждый проходящий в уездные пленбежи, должен получать листовку, брошюру, плакат»¹⁸². Пленбежи продолжали раздачу партийной агитационной литературы прибывающим русским военнопленным: «Рабочая революция в 1905 г.», «Программа коммунистов», «Основной закон и социализация земли», «Свободная Америка», «Советский букварь для взрослых», «О союзе крестьян и рабочих», «О мятеже левых эсеров» и др.¹⁸³ При этом, правда, в Рязанском

¹⁸⁰ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 4. Д. 20. Л. 73. Листовка культпросвета Губпленбежа от 24 ноября 1919 г.

¹⁸¹ Там же. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 2,4; Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 63 (без нумерации листов).

¹⁸² Там же. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 63 (без нумерации листов).

¹⁸³ Там же. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 4 (без нумерации листов).

Губленбеже отмечали, что получали из Центра до мая 1919 г. ежемесячно в среднем по 500 экземпляров газет, которые раздавали русским пленным, но с мая высылка газет прекратилась. Губпленбеж теперь имел лишь по 5 экземпляров газеты «Правда», «Беднота», «Известия ВЦИК» от Губернского агентства Центропечати¹⁸⁴. Тульским же культпросветом Губпленбежа в 1919 г. брошюры и местные газеты «раздавались в достаточном количестве»¹⁸⁵.

Уездные пленбежи, получившие обещанный кредит, в ноябре-декабре 1919 г. впервые смогли организовать мероприятия (спектакли, танцы под духовой оркестр), ставшие последними, так как с 1 января 1920 г. Губпленбежи освобождались от ведения политической агитации среди своего контингента. Надо отметить, что местные агитаторы отмечали контрреволюционное настроение сельского населения, большую вероятность возникновения восстаний и опасались за свою жизнь¹⁸⁶.

С начала 1920 г. подверглась реорганизации вся система Центропленбежа. Новая организация-преемник получила название Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак). Как видим, в названии ни о пленных, ни о беженцах не упоминается. К этому времени основная масса бывших вражеских военнопленных и беженцев реэвакуировалась, то есть самостоятельно покинула территорию Советской России, а большинство военнопленных русской армии – лагеря военнопленных в Центральной Европе и возвратилось в Россию, за исключением погибших от военных действий, эпидемий и голода.

Центрэвак периодически предлагал своим местным органам принимать меры к распространению среди пленных и беженцев советских газет, листовок, брошюр, для чего «требовать средства от местных культпросвет организаций»¹⁸⁷.

¹⁸⁴ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 72 об.

¹⁸⁵ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377 (без нумерации листов).

¹⁸⁶ ГАВО. Ф. Р-1954. Оп. 1. Д. 23. Л. 43–75.

¹⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1 а. Д. 2. Л. 151.

Таким образом, организация культпросвета Центропленбежа в июне 1918 г. была связана с предстоявшим возвращением на родину, в соответствии с Брестским мирным договором, военнопленных русской армии. На «правильное восприятие советской действительности» были направлены усилия агитаторов Центропленбежа, работавших с военнопленными от самой границы до станции назначения. Культпросвет Центропленбежа стал преемником Всероссийского бюро военнопленных при военном отделе ВЦИК, созданного в январе 1918 г. для организации политической пропаганды и агитации среди иностранных военнопленных в России и русских военнопленных, находившихся в лагерях за рубежом. Между тем абсолютное большинство вражеских военнопленных предпочло отъезд на родину в 1918–1919 гг. участием в Гражданской войне в России, а приняли в ней участие, по современным данным, 7 % военнопленных из находившихся в России на начало 1918 г., причём как на стороне большевиков, так и на стороне антибольшевистских сил, как добровольно, так и в принудительном порядке.

Агитаторы Центропленбежа политико-воспитательную работу с возвращавшимися на родину русскими военнопленными недаром начинали прямо на границе, так как в лагерях Германии и Австро-Венгрии проводилась антибольшевистская пропаганда. После приветственных речей и музыки в честь военнопленных агитаторы приступали к разъяснению политической и экономической ситуации в стране, при этом они возлагали вину за происходящее на «внутреннюю и внешнюю контрреволюцию», на борьбу с которой и «брошены все силы коммунистической партии и трудового народа». Военнопленных ставили в известность о том, что с учетом сложности политического момента всякое недовольство советской властью будет считаться «контрреволюционным проявлением» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но если бывшие солдаты будут на стороне трудового народа, то Советское государство окажет им помощь, особенно если они готовы с оружием в руках защищать молодую Советскую Республику. На каждой железнодорожной станции военнопленные видели одну и ту же

картину, в центре которой – эшелоны войск, военные грузы, охрана, на каждом шагу вооружённые патрули, проверки документов, досмотры, то есть картина единого военного лагеря, подчиняющегося законам военного времени. Увиденное настораживало, свидетельствуя о серьёзности момента, не подходящего для выражения недовольства обстановкой в стране и предъявления претензий к власти. Под впечатлением от увиденного усиливалось основное желание всех бывших русских военнопленных, истосковавшихся по дому, как можно скорее, нигде не задерживаясь, любым способом добраться до своего родного дома. Личные мотивы, масса лагерных и дорожных впечатлений и определяли настроение русских военнопленных, увидевших через много лет свою родную страну, и отношение к новой власти. Несмотря на опасения большевиков, сотни тысяч русских военнопленных мирно, без массовых публичных проявлений недовольства приемом, оказанным им новой властью, рассеялись по России. Но это не означало, что они были готовы защищать новую власть. Добровольно в Красную армию военнопленные в массе своей не пошли, но приняли участие в антибольшевистских крестьянских восстаниях, массово прокатившихся в 1918 – 1919 гг. по территории России, в том числе и в европейском её Центре.

В сентябре 1918 г. культпросветы были организованы в губернских органах Центропленбежа, несколько позже – в уездных. В распоряжении культпросветов Губпленбежей была периодическая печать и агитаторы Губкомов. Основной мотив агитационных выступлений – это необходимость в рядах Красной армии защищать интересы пролетарской революции. Губпленбежами осуществлялся выпуск листовок, в которых возвращавшимся русским военнопленным рекомендовалось быть вместе с пролетариями Советской России и мстить бывшим генералам и помещикам. Беженцам разъяснялось, что их возвращение на родину зависит от успехов Красной армии. Параллельно в уездах распространялись антибольшевистские листовки и действовали нелегальные агитаторы.

Губпленбежами разрабатывались *схемы* работы для уездных культпросветов. Этих схем на местах не придерживались в силу их утопического характера. Например, предлагалось организовывать в уездах школы политической грамоты, чтобы изучать цели и задачи революционного движения, и это для страдающих от голода и эпидемий людей; привлекать беженцев, лишённых поддержки государства, и военнопленных, оказавшихся в условиях, несильно отличавшихся от беженских, к активному участию в Гражданской войне на стороне большевиков; распространять агитационную литературу по месту жительства беженцев и военнопленных при отсутствии для этого средств передвижения. Уездным культпросветам предлагались *инструкции* по проведению *систематической* агитационной работы с беженским населением и бывшими русскими военнопленными посредством приглашения агитаторов из уездных комитетов партии. Для воплощения в жизнь этих схем и инструкций не было условий и средств, в чём признавались сами работники культпросветов губернских и уездных органов Центропленбежа.

Агитационная работа на уездном уровне отличалась от губернского тем, что там не разрабатывали рекомендаций, циркуляров и схем, а просто распространяли агитационную литературу, в которой, как правило, не было недостатка, и проводили политбеседы с возвращающимися русскими военнопленными. Митинги были редкостью из-за дефицита агитаторов и денежных средств. На уездном уровне агитационная работа признавалась проверяющими незначительной.

Деятельность культпросветов при уездных организациях Центропленбежа была недолгой (она продолжалась всего несколько месяцев). В своем составе они имели, как правило, одного работника. После их упразднения, связанного с окончанием массового стихийного возвращения русских военнопленных, раздача литературы и проведение политбесед по обращаемости снова стали обязанностью всех работников уездпленбежей. Разъезжать по деревням им было некогда, не на чем и опасно из-за антибольшевистских настроений,

эпидемий тифа. Кроме того, в этом не было смысла, так как их нетрудоспособный контингент нуждался в медицинской и социальной помощи, а не в агитационных мероприятиях, а трудоспособный – был на заработках и постоянно находился в разъездах. Сами местные агитаторы отзывались о своей работе как о неэффективной, так как народ не переставал демонстрировать непонимание политического положения Советской республики, всё время поднимая продовольственный вопрос.

В заключение следует отметить, что, несмотря на агитационно-пропагандистские усилия большевиков, осуществлявшиеся, в том числе и через систему Центропленбежа, основная масса вражеских военнопленных и беженцев самостоятельно покинула Россию до 1920 г. Большинство же русских военнопленных, самостоятельно возвратившихся в Россию также до начала 1920 г., на призыв к вооружённой защите социалистического отечества не откликнулось и находилось в Красной армии лишь по призыву. Приходится констатировать, что условия жизни, в которых находились пленные и беженцы в Советской России, оказали на них гораздо более сильное влияние, чем коммунистическая пропаганда.

ГЛАВА IV. ВОЕННОПЛЕННЫЕ ЧЕТВЕРНОГО СОЮЗА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917 – 1925 гг.)

Перед руководством Советской России в отношении военнопленных Германии и её союзников встала проблема их содержания и возвращения на родину. Политическая ситуация внутри страны и в мире накладывала свой отпечаток на решение данной проблемы.

4.1. Военнопленные и советская действительность

С началом Первой мировой войны тыловым губерниям Европейской России, откуда прежде всего действующая армия черпала материальные и продовольственные ресурсы, потребовалась дополнительная рабочая сила. На промышленных предприятиях и на железной дороге, в сельском хозяйстве был востребован труд военнопленных. Их количество зависело от объёма выполняемых работ для фронта.

На февраль 1917 г., например, в Калужской губернии находились более трёх тысяч военнопленных германского блока. В Тульской, Рязанской, Орловской, Курской и Воронежской губерниях количество пленных было в 1,5–4,5 раза больше. Однако с лета 1917 г. военнопленные всё чаще стали самовольно оставлять работы и скрываться в неизвестном направлении¹. Уездная милиция только успевала собирать сведения о побегах². Например, из одного Козельского уезда Калужской губернии за первые 15 дней сентября 1917 г. бежали 23 человека³.

После очередной смены власти в октябре 1917 г. военнопленные, находившиеся в центральных губерниях Европейской России, поступили в ведение местных комиссариатов по национальным и религиозным или по гражданским делам. В декабре 1917 г. они были уравнены в правах с

¹ ГАКО. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

² Там же. Л. 9, 10.

³ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 1. Л. 15, 22–24, 29–33.

гражданами нейтральных государств и получили возможность свободно, без охраны, проживать на частных квартирах⁴. Вместе с тем у военнопленных появились серьёзные проблемы с пропитанием, и началось их стихийное движение по стране в поисках лучших условий жизни и за её пределы, которое, например, рязанские власти назвали «самовольным блужданием»⁵. Заключение Брестского мирного договора стимулировало выезд пленных из России.

Германия через нейтральную Швецию оказывала помощь своим подданным в России. В провинции, например, в Орле, Комитет помощи германским подданным в 1918 г. направлял денежные средства аналогичным уездным комитетам на выдачу пособий: Ливенский уезд в январе получил 370 рублей, в феврале – 500 рублей⁶. С марта 1918 г., действуя в соответствии с Брестским мирным договором в части улучшения условий жизни пленных, бюро помощи германским подданным Королевского Шведского генконсульства (секретарь Франц Вагнер) попыталось организовать в г. Ливны кухню для военнопленных германских солдат и офицеров. Однако организаторы столкнулись с препятствиями, которые им преодолеть не удалось. В письме от 14 апреля 1918 г. Ф. Вагнер назвал одно из таких препятствий – это «дороговизна, дороговизна почти при полном отсутствии всего и вся». Кроме того, в письме говорилось о «печальном» опыте устройства кухонь в других местах. Так, в Курске русские власти стали свозить на германскую кухню «всех пленных со всех окрестностей, освободив себя от обязанности кормить их». В связи с этим Ф. Вагнер предложил выдавать пленным германской армии пособие в размере 10 рублей в месяц на одного человека, а для находящихся в госпитале – по 20 рублей в месяц и приобретать для них медикаменты. Одеждой Бюро помочь не могло. Комитет помощи германским подданным в Ливенском уезде в апреле 1918 г. взял под опеку и австро-венгерских пленных⁷. Что касается гражданских пленных, то в апреле

⁴ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 49. Л. 5.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2а. Д. 43. Л. 1.

⁶ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 1. Л. 25–26.

⁷ Там же. Л. 37.

1918 г. пособие от комитета получили 14 человек. С июля 1918 г. миссия австро-венгерской Комиссии попечения о пленных оказывала материальную помощь и поддержку австро-венгерским подданным, периодически отправляя им денежные пособия и медикаменты. Например, в Рязанской губернии, с августа 1918 г. помощь оказывалась военнопленным Сапожковского, Раненбургского и Рязанского лагерей⁸. В сентябре 1918 г. австро-венгерская миссия ходатайствовала о закрытии лагеря в Сапожковском уезде и переводе военнопленных в Рязанский лагерь для скорейшей эвакуации, об отправке на родину 105 инвалидов из Раненбургского лагеря, где пленные голодали, не получая положенного содержания⁹. Далее последовали революционные события 30-31 октября в Австро-Венгрии, затем в Германии, аннулирование Брестского мирного договора и ликвидация в России Австро-Венгерской и Германской миссий по делам военнопленных.

С апреля 1918 г. пленные Четверного союза перешли в ведение Центральной коллегии по делам пленных и беженцев, образованной в составе Наркомата по военным делам, открывшей свои организации на местах. С первых дней своего существования Центральная коллегия пленбежа предприняла попытку изменить ситуацию с «самочинными массовыми передвижениями военнопленных по всей территории России» и обязала местные власти принять меры к ликвидации этого явления. В апрельском циркуляре Центропленбежа отмечалось, что «некоторые местные власти присвоили себе право освобождать военнопленных и приравнивать их к совершенно свободным гражданам, тогда как порядок перехода пленных в русское гражданство установлен декретом ВЦИК от 1 апреля 1918 г., и никакие иные виды освобождения из плена не должны допускаться»¹⁰. Однако «самочинное движение» имело объективные причины: стремление к самосохранению в условиях всё нараставшего продовольственного кризиса

⁸ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 22. Л. 41, 49.

⁹ Там же. Д. 19. Л. 71.

¹⁰ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 57.

заставляло военнопленных устремиться на родину, чему способствовало заключение Брестского мирного договора, а также в производящие губернии, наряду с коренным населением России. Революционные события, произошедшие в Центральной Европе, и Компьенское перемирие в ноябре 1918 г. стали новым стимулом для стихийного возвращения иностранных пленных на родину.

Предложенный ВЦИК в апреле 1918 г. способ освобождения из плена в виде перемены гражданства¹¹ был выгоден советскому руководству, поскольку давал возможность пополнять ряды Красной армии контингентом, имевшим военную подготовку, избегая критики со стороны мирового сообщества. Для этого только требовалось желание военнопленного и его заявление о положительном отношении к советской власти. Превращение иностранных военнопленных в российских граждан освобождало советское правительство от забот по содержанию и эвакуации на родину около 2 млн человек. Прошения принимали губернские советы, они же выдавали удостоверения о приёме в российское гражданство. Существовал и секретный приказ Центропленбежа № 29 (июнь 1918 г.), согласно которому отдельные военнопленные переставали ими быть, по политическим мотивам превращаясь в подданных иностранных государств на территории России и в политэмигрантов в отношении своих стран¹².

На местах все процедурные вопросы, связанные с переменой гражданства, возлагались на милицию. Её сотрудники разыскивали военнопленных, оформляли документацию, взимали гербовый сбор и подписи военнопленных, именуемых в анкетах «просителями», но всё это при условии, что просители к этому моменту ещё находились на территории губерний, что случалось редко. Удостоверения о приёме в российское гражданство за

¹¹ Выйти из российского гражданства было труднее, чем получить его. Дела по ходатайствам о выходе с 18 ноября 1918 г. были аннулированы циркуляром НКВД от 31 июля 1919 г. С этого времени прекращался до особого распоряжения и приём новых прошений о выходе из российского гражданства (ГАОО. Ф. Р-1161. Оп. 1. Д. 93. Л. 6.

¹² ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 16. Л. 100–100 об.

подписью председателя губисполкома вручала военнопленным та же милиция, которая ещё собирала плату за объявление об этом событии в местных газетах. Так, в Калуге с мая до конца 1918 г. лишь 17 военнопленных австро-венгерской армии (0,6 % от общего количества военнопленных, находившихся в губернии на начало 1918 г.) получили удостоверение и стали гражданами Советской России, в их числе 8 чехов, 3 хорвата, по 2 венгра, поляка и немца¹³. Некоторые военнопленные, например немец Ф. Гроллингер и венгр Д. Местергази, отказались получать уже оформленные удостоверения о принятии их в российское гражданство, сославшись на своё желание вернуться на родину¹⁴. Десять военнопленных, которых тоже собирались сделать гражданами Советской России, скрылись из Калуги. Один из них, военнопленный германской армии, немец Ф. Налбах, перед этим вступил в брак с русской гражданкой. Бывший военнопленный австрийской армии Иван Пеле «был в розыске» с мая по август 1918 г., но безрезультатно. После ранения он находился в Калуге на лечении, но в числе отправленных на родину из госпиталя не значился¹⁵.

В соседних губерниях, например, в Орловской, пожелавших стать гражданами Советской России, тоже было немного. Так, переменить австрийское гражданство на русское выразил желание бывший офицер военного времени австро-венгерской армии Фридрих Карлович Микули, поляк из г. Львова, находившийся в разное время в Мценском, Болховском и Орловском лагерях для военнопленных. В своём прошении от 27 августа 1918 г. Микули указал, что по убеждениям является социал-демократом¹⁶. Переменил гражданство и находящийся в Кромском уезде 22-летний солдат 62-го пехотного полка австро-венгерской армии, венгр по национальности Михаил

¹³ Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 19, 30, 33, 34, 35, 36, 38, 41, 42, 43, 48, 49, 51, 52, 54, 55, 58, 59, 61, 62, 63, 65, 66, 70, 73, 75, 76, 77, 80, 81, 82, 83; Оп. 4. Д. 25.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–10; Д. 63. Л. 9–10.

¹⁵ Там же. Д. 65. Л. 3.

¹⁶ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 228. Л. 1–3.

Ковач, попавший в плен в сентябре 1915 г. под Тарнополем¹⁷. Не захотели стать советскими гражданами, несмотря на то, что женились на россиянках, несколько военнопленных австрийской армии из Елецкого уезда (Букша, Едличка, Мануш, Сабо, Хангельберг). Они с жёнами и грудными детьми зарегистрировались в марте 1918 г. для отправки на родину в местном уездпленбеже¹⁸. В Рязанской губернии с июля до ноябрьских событий 1918 г. в Австро-Венгрии и Германии принял российское гражданство военнопленный германской армии Конрад Меллер, 26 лет, турецкий военнообязанный Яков Гробман, 23 лет и ещё 9 военнопленных австро-венгерской армии, чехи и поляки¹⁹. До конца 1918 г. удостоверение о принятии в российское гражданство получили военнопленные австро-венгерской армии Антон Арделян, Василий Андришан, Юзеф Борош²⁰. После заключения Компьенского перемирия в ноябре 1918 г. отказался от своего намерения перейти в российское гражданство военнопленный австро-венгерской армии Людвиг Дюкало²¹.

Абсолютное большинство военнопленных оставляло в 1918 - начале 1919 гг. Европейскую Россию самовольно. Лишь немногие обращалась по поводу отъезда на родину в местные органы Центропленбежа за удостоверениями, чтобы не быть остановленными в пути. Например, начальник нестроевой команды Калужского гарнизона сообщал 11 июня 1918 г. Губернскому военному комиссару: «За последнее время участились случаи бегства военнопленных из вверенной мне нестроевой команды <...> Военнопленные бегут по деревням, покупают билеты на поезд и уезжают <...> На железной дороге их задерживают как неимеющих документов, но комендант их освобождает <...> Прошу принять меры»²². Поступивший на службу в первую караульную роту в Калуге военнопленный австро-венгерской армии Владислав Карголь, видимо, тоже собираясь уехать, заявил, что не желает служить в роте

¹⁷ ГАОО. Ф. Р-1706. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.

¹⁸ Там же. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 6. Л. 511.

¹⁹ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 4. Л. 15, 18, 27, 50–50 об.

²⁰ Там же. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 1. Л. 10; Д. 2. Л. 6; Д. 3. Л. 8.

²¹ Там же. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 2. Л. 11.

²² ГАКО. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 1а. Л. 79.

и просил «выдать его документы», находившиеся в Губвоенкомате²³. Жиздринский уездпленбеж в июне 1919 г. докладывал очередному уездному Съезду советов, что лишь 11 человек уехали в 1918 г. за свой счёт, но легально. В 1919 г. за удостоверением обратились ещё 11 человек²⁴, а 79 человек бежали с работ. Военнопленный австро-венгерской армии Франц Соров, бежавший из Сибири, оказался в Жиздре по пути на родину, в Венгрию, в сентябре 1919 г.²⁵. Мосальская уездная коллегия пленбежа сообщала о 8 бежавших из 12 зарегистрированных на февраль 1919 г.²⁶ В Медыньском уезде большинство военнопленных уехало на родину *легально* за свой счёт в 1918 г., но из 12 оставшихся 6 сбежали из имения в Ореховенской волости, где они работали²⁷.

В Орловской губернии отмечалось аналогичное явление, когда военнопленные бросали работы и скрывались. Например, 28 июля 1918 г. военнопленный австро-венгерской армии Фёдор Проказа бежал из сборно-пересыльного пункта орловского уездного Комиссариата по военным делам (г. Орёл), где он работал. 18 августа 1918 г. ещё 7 военнопленных, работавших в этом же учреждении, бежали, все остальные отказались от работ. В ночь на 18 августа 1918 г. с работ по уборке фуража в Яковлевской волости Орловского уезда бежали четверо военнопленных австро-венгерской армии. Орловское отделение австро-венгерской миссии помощи военнопленным 9 августа 1918 г. просило Орловский уездпленбеж дать распоряжение военкомату отпустить имевшихся в его распоряжении военнопленных, не желавших оставаться на работах, в лагерь военнопленных ввиду их предполагавшейся вскоре эвакуации на родину. Орловский Губпленбеж по этой причине своим распоряжением от 21 августа 1918 г. обязал всех работодателей возвратить военнопленных, работавших в г. Орле, в лагерь постоянного размещения. Однако затем, до затянувшегося начала эшелонной реэвакуации, военнопленные, собранные в г.

²³ ГАКО. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 39. Л. 39–40.

²⁴ Там же. Ф. Р-2019. Оп. 1. Л. 187 об.

²⁵ Там же. Д. 14. Л. 53.

²⁶ Там же. Д. 12. Л. 91 об.

²⁷ Там же. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 9. Л. 155.

Орле, по согласованию с Орловским отделением австро-венгерской миссии отпусkaliсь на работы в пределах города к частным предпринимателям, на орловские заводы, в лечебные учреждения, хлебопекарни, даже в конвойную команду²⁸. Военнопленные по заявкам работодателей трудились кузнецами и слесарями, чернорабочими, санитарями, сторожами, дворниками. Но были и такие, которые совершали побегии с этих работ, как, например, военнопленный австро-венгерской армии Фёдор Балан, присланный на работу 14 сентября 1918 г. к гражданину Синельникову в г. Орле, и скрывшийся 30 сентября²⁹. Что касается уездов, то 11 сентября 1918 г. Орловский Губпленбеж отдал распоряжение не снимать военнопленных с сельскохозяйственных работ до самого их окончания³⁰.

В Рязанской губернии, например, из Раненбургского лагеря, в июле 1918 г. бежали 9 военнопленных австро-венгерской армии, венгры и два немца, но в октябре количество совершивших побег составило уже 67 человек³¹. В ночь с 3 на 4 ноября 1918 г. из обоза при Губвоенкоме бежали сразу 20 военнопленных³². В ноябре военнопленные бежали массово из всех уездов³³. Тот факт, что «стали скрываться» даже больные и инвалиды, работники Губпленбежей связывали с непредоставлением для их отправки на родину санитарных поездов в необходимом количестве³⁴. В «массовом бегстве» на родину принимали участие и офицеры. Голод, холод, эпидемии, общая разруха оказали своё влияние и на них. Они без разрешения покидали места своего размещения, что было совсем не трудно сделать³⁵. Так, в Рязани более 40 военнопленных офицеров-славян австро-венгерской армии были размещены в трёх отдельных домах по 2 человека в комнате, один денщик обслуживал двух

²⁸ ГАОО. Ф. Р-1687. Оп. 1. Д. 2. Л. 7, 12, 18, 34, 36, 37, 50–55.

²⁹ Там же. Л. 77.

³⁰ Там же. Д. 5. Л. 2, 3, 5, 14, 18, 24.

³¹ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 29. Л. 7, 37; Д. 22. Л. 73.

³² Там же. Д. 33. Л. 153.

³³ Там же. Д. 31. Л. 9, 11, 18.

³⁴ Там же. Д. 33. Л. 2.

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 390. Л. 345; ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 33. Л. 39, 153; Д. 31, Л. 9.

офицеров. Караул отсутствовал, имелся только сторож³⁶. На местах считали, что «массовое возвращение наших пленных из Австрии и Германии без обмена «голова за голову» дает повод военнопленным-иностранцам совершать побег по примеру русских пленных». Констатируя «самовольное массовое бегство бывших вражеских пленных на родину» и отмечая, что «ни один из бежавших военнопленных задержан не был», уездпленбежи предлагали впредь не проводить розыск бежавших, а просто снимать их с учёта³⁷.

Бежавших и пропавших военнопленных стали разыскивать иностранные миссии по делам военнопленных. Сотни военнопленных австро-венгерской армии разыскивались по 3-4 года. Так, в 1922 г. список разыскиваемых в России военнопленных, составленный австрийской миссией по делам военнопленных (уполномоченный господин Польш), состоял из 464 человек. К примеру, в Орловской губернии пропал бывший военнотомский Ландштурмного пехотного полка Генрих Томашко. Но из Орла ответили, что он исчез в 1918 г.³⁸ В Калужской губернии австрийская миссия разыскивала рядового 21 Ландштурмного пехотного полка, уроженца Вены, Иоганна Рингхофера, а также Франца Чеха³⁹. В списке Поля были военнопленные, пропавшие в самых разных регионах – Омске, Томске, Оренбурге и др. регионов⁴⁰. Германское посольство, например, в 1923 г. разыскивало в Орловской губернии военнопленного Иоганна Марлинского, находившегося в 1916 г. в одном из госпиталей Орла и пропавшего в 1919 г. В Томске пропал военнопленный Мартин Марштад. Представительством Чехословацкой республики разыскивался Франц Пжиск, пропавший в 1919 г. в Томске⁴¹. Германское посольство просило вернуть настоящую фамилию найденному военнопленному Фрицу Зюттерлину, который по вине советских органов стал

³⁶ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 33. Л. 9, 275–275 об; Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 522. Л. 6.

³⁷ Там же. Д. 22. Л. 102.

³⁸ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 390. Л. 307.

³⁹ ГАКО. Ф. Р-2244. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 163. Л. 40, 202.

⁴¹ Там же. Оп. 43. Д. 123. Л. 93.

именоваться иностранным гражданином Зибиленко⁴². В 1924 г. германское посольство искало Генриха Клаусмана, Станислава Целиковского, находившегося ранее в Трубчевском уезде Орловской губернии⁴³.

Точный учёт военнопленных отсутствовал. Военнопленные, находившиеся «на вольных работах» ещё до организации уездпленбежей, после их образования в июле 1918 г. туда не обращались и поэтому не были зарегистрированы, и в уездпленбежах не знали, где такие пленные живут и чем занимаются⁴⁴. Например, с апреля до конца 1919 г. в Жиздринский уездпленбеж Калужской губернии обратились по поводу отъезда на родину 11 австро-венгерских военнопленных, которые ранее не были зарегистрированы, они проживали в разных волостях уезда и даже в г. Жиздре и сами себя обеспечивали. В июне 1919 г. по поводу отъезда на родину обратились в уездпленбеж ещё два до этого не зарегистрированных военнопленных австро-венгерской армии, один из которых ранее бежал из сибирского лагеря⁴⁵.

В лагерях, куда военнопленных собирали в 1918 г. в связи с планируемыми отправками на родину, у них отбирали всё, что можно было отобрать, обращались грубо. Так, уполномоченный германской миссии сообщал в Центропленбеж в августе 1918 г. из Воронежа, что красноармейцы Люблинского полка систематически отбирают обеды у пленных германцев⁴⁶. Лагерная охрана «отбирала деньги и одежду, при этом практиковала побои»⁴⁷. 1 октября 1918 г. Тульский отдел австро-венгерской миссии сообщал местному Губпленбежу, что 28 сентября в уездном городе Ефремове член местного уездпленбежа А. Зайцов заставлял 15 австро-венгерских военнопленных, находившихся в лагере, идти на работу «избиением ремнём». Отказ от работы был протестом против удержания половины дневного заработка (вместо 8 выдали 4 рубля) на продовольствие, которого военнопленные не получили. Из

⁴² ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 163. Л. 96.

⁴³ Там же. Д. 221. Л. 550; Д. 224. Л. 245.

⁴⁴ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 14. Л. 9–12; ГАБО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 1. Л. 58.

⁴⁵ Там же. Л. 38–39, 41–42, 51, 53.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 42. Л. 64–65.

⁴⁷ Там же. Д. 3. Л. 186 об.

Рязани в Центропленбеж сообщали о грубом поведении в отношении военнопленных офицеров со стороны красноармейцев из бывших иностранных военнопленных⁴⁸. В Тульской губернии в августе 1918 г. офицера австро-венгерской армии Стефана Удудека арестовали красноармейцы из бывших военнопленных, отобрали деньги (23 тыс. 817 руб.) и личные вещи⁴⁹. Администрацией Раненбургского лагеря для военнопленных в Рязанской губернии был ликвидирован («объявлен смещенным») Комитет помощи военнопленным, а его членам запрещено покидать территорию лагеря под угрозой расстрела, как стало известно Центропленбежу. Расследование проводил уездный совет, сообщивший в Центр, что военнопленные, руководимые комитетом, показали себя контрреволюционерами, якобы заявив о «непризнании распоряжений Советской власти». Они были готовы выполнять лишь указания германского Консульства в Москве, «после чего за пленными был учрежден бдительный надзор»⁵⁰. Однако, кроме бдительного надзора, с 1 сентября 1918 г. военнопленных этого лагеря оставили без содержания, составлявшего 1,5 рубля в день согласно межправительственной договоренности⁵¹. Как видим, обстановка в лагерях способствовала побегам.

Всех военнопленных агитировали вступать в Красную армию, на полное государственное обеспечение. По этой причине пленные соглашались служить, например, в местных караульных ротах. Иностранное гражданство не являлось помехой для военной службы, хотя переход в российское гражданство будущим красноармейцам предлагался⁵². Так, в Первый Советский полк, сформировавшийся в г. Калуге, военнопленные австро-венгерской армии чехи В. Кашпар и А. Шпачек были приняты ещё до получения российского гражданства⁵³, а в Рязани в Красную армию вступил бывший военнопленный

⁴⁸ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 22. Л. 95.

⁴⁹ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 291 (без нумерации листов).

⁵⁰ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 29. Л. 27–27 об, 29–29 об.

⁵¹ Там же. Л. 43.

⁵² ГАКО. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 39. Л. 5.

⁵³ Там же. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 52, Д. 82 (без нумерации листов).

турецкой армии товарищ Хусейн Ибокорми⁵⁴. В декабре 1918 г. численность Рязанского интернационального отряда составляла 65 человек, Тульского – 200⁵⁵. В Орловском интернациональном отряде в октябре 1918 г. насчитывалось 120 человек, в Воронежском – 200⁵⁶. В вышеперечисленных губерниях количество военнопленных, вступивших в 1918 г. в ряды Красной армии, составило от 1 до 1,4 % от их общей численности в этих губерниях к началу 1918 г. В Орловской губернии в августе 1918 г. местный отряд, образованный в конце 1917 г. из военнопленных австро-венгерской армии численностью 100 человек, участвовал в подавлении крестьянского выступления в Ливенском уезде⁵⁷. При этом Брестским мирным договором было запрещено вооружение военнопленных, и германское правительство и правительства других стран, в частности датское, активно выступали против вовлечения иностранных военнопленных в Гражданскую войну в России, за разоружение созданных формирований, прекращение деятельности революционных организаций военнопленных. Ответная реакция большевиков была чисто формальной, «для отвода глаз». По свидетельству И. Ульянова, председателя «Всероссийского бюро пленных», члена ВЦИК, «работа по привлечению в ряды Красной армии пленных, вопреки всяким запрещениям и насилию со стороны германских властей, велась всё время с начала Октябрьской революции». Революционные структуры, в которые входили военнопленные-социалисты, были лишь переименованы. Например, организованные в некоторых городах «Советы военнопленных социал-демократов всех наций, населяющих Германию и Австро-Венгрию» стали называться Комитетами иностранных рабочих и крестьян. При этом «более деятельные товарищи приняли русское гражданство». Это называлось «переменой революционного ярлыка» и

⁵⁴ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 32. Л. 31.

⁵⁵ Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. В 2-х томах. Т. 2. Участие венгерских интернационалистов в защите Советской власти на фронтах гражданской войны в СССР. М., 1968. С. 38.

⁵⁶ Там же. С. 35.

⁵⁷ Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. В 2-х томах. Т. 2. Участие венгерских интернационалистов в защите Советской власти на фронтах гражданской войны в СССР. М., 1968. С. 392.

делалось для того, чтобы «империалисты потеряли формальное основание придирается к пленным». Иногда под воздействием обоснованной критики из боязни международных осложнений приходилось арестовывать агитаторов-военнопленных, членов коммунистической партии, но только для того, «чтобы выпустить товарища через другие двери»⁵⁸.

Советское правительство в 1918 г. всемерно затягивало процесс эвакуации на родину здоровых военнопленных Центральных держав⁵⁹, поэтому пленные, оказавшись без работы или с заработком, на который нельзя было существовать, поступая на военную службу, могли рассчитывать на паёк и обмундирование. К примеру, бывший солдат 137-го пехотного полка германской армии Оббе Фосберг был пленен в апреле 1915 г. и направлен в Сибирь, в один из лагерей, откуда попал на работу в Донскую область. Из-за недостаточного пайка, который получал там военнопленный, Фосберг, с его слов, в апреле 1918 г. добровольно вступил в 3-й Интернациональный полк, там пленный неоднократно просил отправить его на родину. Получив ранение, Фосберг лечился в Царицыне, Саратове, Орле, где в декабре 1918 г. снова заявил о своём желании возвратиться на родину⁶⁰. Согласно данным Центрального исполкома иностранных рабочих и крестьян, в Красной армии в 1918 г., до революций в Германии и Австро-Венгрии, находилось более 50 тысяч военнопленных⁶¹. По подсчётам современных исследователей, в рядах Красной армии, а также в белогвардейских частях в общей сложности в 1918 г., оказалось 127 тыс. легионеров из бывших военнопленных⁶².

⁵⁸ См.: Ульянов И. Октябрьская революция и военнопленные // Пролетарская революция. 1929. № 7. С. 99, 106–109.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 17. Л. 8.

⁶⁰ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 6. Л. 70–70 об.

⁶¹ Ульянов И. Октябрьская революция и военнопленные // Пролетарская революция. 1929. № 7. С. 109; Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. В 2-х томах. Т. 1. М., 1968. С. 172.

⁶² Всего в Первую мировую войну, как уже отмечалось, русская армия взяла в плен около 2 млн солдат и офицеров вражеских армий. На начало 1918 г. количество военнопленных уменьшилось на 199 тыс. человек за счёт умерших в плену, возвращённых на родину по инвалидности и экстернированных в нейтральные и союзные страны (Волков Е.З. Динамика

Беспартийных военнопленных, а их было большинство, агитировали, используя военнопленных–социалистов соответствующей национальности или страны, за вступление в иностранные группы РКП(б): венгерскую, немецкую, чехословацкую, югославянскую и др.⁶³, чтобы приобщить их к партийно-политической работе на коммунистической платформе. Членам зарубежных социал-демократических партий делались такие же предложения. Они рассматривались как главный кадровый резерв для создания компартий в своих странах. Большевики не отказались от подготовки революции в различных странах мира, где «пока господствовал капитал». Например, по данным калужской милиции, венгр Карл Шмидт 1 августа 1918 г. отправился в Москву, где якобы вступил в венгерскую группу РКП(б). Правда, его так и не разыскали ни в Калуге, ни в Москве, чтобы вручить удостоверение о российском гражданстве⁶⁴. Другой военнопленный, чех Карл Иванович Сливко, 24 лет, рабочий, член австрийской социал-демократической партии с 1912 г., вступил в чехословацкую группу РКП в 1918 г. На II Губернском Съезде советов в июле 1918 г. он был избран членом калужского губисполкома и назначен председателем Калужской губернской коллегии по делам военнопленных и беженцев. «Свои обязанности исполнял добросовестно, как полагается коммунисту, ныне же уезжает на Запад для продолжения партийной работы», - записано в удостоверении, выданном Сливко 8 апреля 1919 г., за подписью председателя губисполкома Васильева (см. Приложение 6)⁶⁵. В 1921 г. К.И. Сливко был избран членом ЦК компартии Чехословакии и, по поручению Коминтерна, 7 декабря 1922 г. поздравлял молодёжь на торжественном заседании по поводу четырёхлетней годовщины Калужской губернской

народонаселения СССР за 80 лет. М.; Л., 1930. С. 75–77; *Степанов А.И.* Цена войны: жертвы и потери. – Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. М., 2002. С. 630).

⁶³ В мае 1918 г. была организована Федерация иностранных групп РКП (б), которую возглавил Б. Кун, как руководящий орган секций РКП (б), ведущий в 1918–1919 гг. работу среди иностранцев-коммунистов на территории Советской республики. Федерация иностранных групп просуществовала до начала 1920 г. // Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Коминтерн 1919–1943: документы. М., 2004. С. 10.

⁶⁴ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 81 (без нумерации листов).

⁶⁵ Там же. Д. 149. Л. 1, 2, 5.

организации Российского коммунистического союза молодёжи⁶⁶, а также 9 декабря 1922 г. приветствовал делегатов VIII Губернского Съезда Советов в Калуге⁶⁷. Как видим, К.И. Сливко, вернувшись с партийного задания из-за границы, обосновался в Москве, где продолжал выполнять задания Коминтерна.

Венгерской партийной группой при ЦК РКП(б), созданной 24 марта 1918 г., в Москве в мае 1918 г. была организована агитаторская школа. Подготовленные в ней агитаторы направлялись в провинцию, в красноармейские части, Венгрию, на Украину. В нескольких городах, в том числе в Курске, Воронеже, Орле, Рязани, Туле, венгерские коммунисты объединялись в партийные ячейки. Однако в связи с революционными событиями на родине все члены этих ячеек выехали туда в 1918–1919 гг. В ноябре 1918 г. венгерская группа при ЦК РКП(б) развернула агитацию среди беспартийных масс военнопленных за их возвращение домой в качестве солдат революции. Им предлагалась доставка до границы и оружие, которое следовало применить против «подлой контрреволюционной банды буржуазии». Одновременно в Венгрию, «на агитацию» отправился весь состав президиума вышеназванной партийной группы вместе с другими подготовленными агитаторами, всего 80 человек⁶⁸.

Агитацией военнопленных «в духе коммунизма и приближения победы мировой революции» руководил ЦК РКП(б). При военном отделе ВЦИК в январе 1918 г. было образовано Всероссийское бюро пленных, основной задачей которого являлась агитация среди военнопленных, находившихся в России. Перед этим, 25 декабря 1917 г., в Москве под воззванием к немецким солдатам, находившимся на Восточном фронте, подписалась группа немецких военнопленных социал-демократов, назвавшись членами III Интернационала,

⁶⁶ Коммуна. 9 декабря 1922. № 277.

⁶⁷ Калужский край. Сборник документов и материалов. Кн. 3. Тула, 1982. С. 118.

⁶⁸ Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. В 2-х томах. Т. 1. М., 1968. С. 182–183, 197–201, 261.

ещё тогда не существовавшего⁶⁹. 14 марта 1918 г. в Москве вышеупомянутое Всероссийское бюро пленных организовало конференцию военнопленных, на которой была выдвинута идея создания новой интернациональной коммунистической организации - «Международной коммунистической партии»⁷⁰. В июне 1918 г. Бюро было преобразовано в культпросветотдел при Центропленбеже. В сентябре 1918 г. органам Центропленбежа на местах было предложено образовать культурно-просветительные отделы⁷¹. На губернском уровне эти отделы просуществовали до конца 1919 г., а на уездном были упразднены ещё раньше - в апреле 1919 г., через три-четыре месяца после создания, когда прекратилось массовое стихийное движение русских и бывших вражеских военнопленных.

Вполне естественно, что эффективность пропаганды нового мира, «свободного от эксплуатации и войн», постепенно слабела, поскольку голодная советская действительность не могла не отражаться на здоровье и настроении беспартийного большинства бывших военнопленных, которые устремились на родину, не полагаясь и не дожидаясь официальных межправительственных соглашений по обмену пленными. Именно «общее плохое экономическое положение», а также «нехватка пригодных агитаторов» в качестве причин, «играющих очень большую роль» в возникновении «демонстрации упадка духа» среди бывших иностранных военнопленных в Красной армии назвал Бела Кун. Он представлял Федерацию иностранных групп РКП(б) на заседании немецкой и венгерской групп РКП(б) 3-й армии 13 октября 1918 г., где речь шла о развале дисциплины среди вступивших в Красную армию бывших военнопленных. Не желавших воевать военнопленных после объявления о Компьенском перемирии и революционных событиях в Австро-Венгрии и Германии их партийные руководители и вдохновители-соотечественники предлагали демобилизовать, чтобы «очистить армию от сеющих

⁶⁹ *Ватлин А.Ю.* Коминтерн: Идеи. Решения. Судьбы. М., 2009. С. 16.

⁷⁰ *Ульянов И.* Октябрьская революция и военнопленные // Пролетарская революция. 1929. № 7. С. 101.

⁷¹ Приказ Центропленбежа от 4 сентября 1918 г.

недовольство»⁷². Центральная Федерация иностранных групп РКП(б) 7 декабря 1918 г. и 2 января 1919 г. обсуждала создавшееся в армии положение в связи с этими антивоенными настроениями. В итоге Реввоенсовет Республики в январе 1919 г. прослужившим в Красной армии 6 месяцев и желавшим уволиться предоставил такое право⁷³. Но в действительности уволиться из рядов Красной армии было не так-то просто: увольнение ставилось в прямую зависимость от положения дел на фронтах Гражданской войны. Например, командующий 4-й армией М.В. Фрунзе в марте 1919 г. по поводу освобождения из армии желающих ехать домой дословно сказал: «Я требую, чтобы интернационалисты <...> помогли бы сначала довершить начатую задачу <...> преступление перед революцией мировой создавать затруднения в момент самого решительного удара, наносимого нами врагу»⁷⁴.

8 мая 1919 г. правительство Советской Венгрии объявило мобилизацию всех венгров от 18 до 45 лет, находившихся в России и на Украине, с целью защиты советского строя в Венгрии от «иностранных империалистов и своих капиталистов»⁷⁵. В России явку на призывные пункты предстояло обеспечивать местным исполкомам всех уровней. Например, в Орловской губернии кромский уездный исполком 17 мая 1919 г. разослал телеграммы во все волсоветы с приказом «немедленно выслать в уездпленбеж всех военнопленных австро-венгерской армии для срочной отправки на родину»⁷⁶. В лагерь военнопленных в Кромах, а также в Ельце, Севске, Ливнах, Малоархангельске телеграфировали о немедленном направлении всех военнопленных австро-венгерской армии в Орловский Губпленбеж. К 27 мая 1919 г. из уездного центра отправили в Орёл 11 военнопленных. 15 июля 1919 г. Губпленбеж предписал кромскому пленбежу составить списки на военнопленных, не желавших явиться в Орёл, и оповестить их, что отныне они не будут пользоваться защитой Совета австро-

⁷² Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. Т. 2. С. 166–167.

⁷³ Венгерские интернационалисты... Т. 2. С. 41.

⁷⁴ Там же. С. 220.

⁷⁵ Там же. С. 60, 65.

⁷⁶ ГАОО. Ф. Р-1706. Оп. 1. Д. 1. Л. 17 об.

венгерских рабочих и солдатских депутатов (Австросовета) и не могут рассчитывать на его помощь при эвакуации на родину⁷⁷. В мае 1919 г. через Орёл на родину следовали группы по 30 человек мобилизованных австро-венгерских военнопленных из Тамбова (14, 15, 16, 17, 22 мая)⁷⁸.

По данным отчёта венгерской группы при ЦК РКП(б), удалось мобилизовать всего 10–12 тысяч военнопленных, среди которых были и добровольцы⁷⁹. Красноармейцы-интернационалисты, не желавшие оставаться в России, потребовали немедленного своего перевода к границе для дальнейшего движения через Украину на родину, в противном случае угрожая оставить службу в Красной армии. Летом 1919 г. Орловский, Воронежский, Тульский венгерские отряды численностью от 120 до 200 человек каждый были включены в интернациональный полк для оказания помощи Советской Венгрии⁸⁰. Но советская власть в Венгрии просуществовала, как известно, недолго. После её ликвидации рядовые красноармейцы-венгры, уцелевшие в боях, посчитав приказ о мобилизации недействительным и свое дальнейшее участие в Гражданской войне законченным, массово дезертировали из Красной армии. Они справедливо полагали, что в Красной армии должны оставаться лишь добровольцы. Так, осенью 1919 г. по этой причине была расформирована, «позорно разоружена» интербригада, находившаяся при 12-й армии Южного фронта. В Москве дезертиры укрывались, например, в приюте Австросовета⁸¹. В 1919 г. с помощью немецкой группы РКП(б) проводилась мобилизация в Красную армию «всех бывших пленников австрийцев, ожидавших отправки на родину, и ни трудом и ни оружием не помогавших Советской власти». При этом германским пленным предлагалось вступать в Красную армию

⁷⁷ ГАОО. Ф. Р-1706. Оп. 1. Д. 1. Л. 9, 14, 41.

⁷⁸ Там же. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 6. Л. 572, 586.

⁷⁹ Отчёт о деятельности Венгерской группы при ЦК РКП(б) в 1919 г. (Не ранее 31 декабря 1919 г.) // Венгерские интернационалисты... Т. 1. С. 263.

⁸⁰ Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. Т. 2. С. 58–59, 74.

⁸¹ Там же. С. 87–89.

добровольно⁸². Бывшие военнопленные 1885 г. рождения и старше, принявшие советское гражданство, получили возможность уволиться из Красной армии после 11 декабря 1920 г., а все не принявшие – ещё позже, после 30 апреля 1921 г.⁸³

В ноябре 1918 г., как только в Москве было получено сообщение о свержении кайзера Германии, военнопленные-коммунисты, представители немецкой секции Федерации иностранных групп при ЦК РКП(б) объявили образование Совета германских рабочих и солдат для ведения всех дел, касавшихся интересов германских граждан до получения директив от нового германского правительства⁸⁴. Аналогично поступили австро-венгерские коммунисты из бывших военнопленных, образовавшие Совет, который 6 ноября 1918 г. «перенял революционным порядком все дела <...> бывшей австро-венгерской миссии по делам военнопленных». Письмом от 23 ноября 1918 г. Совет уведомил об этом Центропленбеж и просил считать его единственным представителем граждан бывшей Австро-Венгрии⁸⁵.

Советы иностранных рабочих и солдатских депутатов, состоящие из военнопленных были созданы на местном уровне⁸⁶. Например, в Смоленске, по сообщениям оттуда от 9 ноября 1918 г., «товарищи военнопленные» арестовали членов австрийской и германской комиссий по делам военнопленных и объявили себя «комитетом, защищающим интересы всех военнопленных». В связи с этим событием Смоленский Губпленбеж по прямому проводу связался с Центропленбежем: «Нас крайне удивляет отсутствие с Вашей стороны каких-либо распоряжений, несмотря на все наши запросы <...> Как нам реагировать

⁸² Интернационалисты. Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. 1917–1920 гг. М., 1987. С. 401.

⁸³ Там же. С. 100–101.

⁸⁴ Сообщение Народного Комиссариата Иностранных Дел о создании Революционного Совета Германских Рабочих и солдат в Москве. 10 ноября 1918 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1959. С. 564.

⁸⁵ Письмо Совета бывших австро-венгерских граждан в Советской России в Центропленбеж о переходе представительства австро-венгерских граждан в руки Совета. 23 ноября 1918 г. // Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. Т. 1. М., 1968. С. 188–189.

⁸⁶ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 4. Д. 25. Л. 37–38.

на эти аресты?», - спрашивали Москву, которая не рекомендовала противодействовать Комитету⁸⁷. Это свидетельствует о том, что описанные аресты и захваты были организованы и происходили с ведома власти. Иностранные Советы занимались гражданскими делами военно- и гражданских пленных. Они старались содействовать отправке бывших солдат на родину, снабжению их одеждой и решению некоторых других вопросов⁸⁸. К примеру, в августе 1919 г. местный Австросовет, заботясь о пленных, задерживаемых на станции «Орёл» по пути на родину, просил Орловский Губпленбеж о размещении австрийских гражданских пленнх в бараках бывшего 35 госпиталя, а военнопленных – в Орловском лагере на Кромской улице и об организации им врачебной помощи⁸⁹. В Петрограде председателем созданного там Австросовета стал Макс Штибер⁹⁰.

Центропленбеж объявил своим местным органам о создании Совета австро-венгерских рабочих и солдатских депутатов в Москве в декабре 1918 г. Сообщалось, что бывшая австро-венгерская миссия по делам военнопленных «приняла наименование “Совет австро-венгерских рабочих и солдатских депутатов в России”»⁹¹. Через год, в ноябре 1919 г., вместо австро-венгерского совета были учреждены венгерский, чешский, югославский и румынский советы, объединившиеся в Федерацию иностранных советов (Фединсовет)⁹². Фединсовет вошел в состав Центропленбежа, в качестве подотдела, он просуществовал до 1921 г. Его ликвидация обосновывалась «исчерпанием контингентов, подлежащих репатриации в государства Центральной Европы». ВЧК считала излишней «широчайшую автономию», которой обладала, по её мнению, эта иностранная Федерация и рекомендовала приступить «к её

⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 84. Л. 10.

⁸⁸ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 22. Л. 53; Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 19 об.

⁸⁹ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 74. Л. 231.

⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 84. Л. 58.

⁹¹ Там же. Оп. 2. Д. 23. Л. 201.

⁹² Отчет о деятельности Венгерской группы при ЦК РКП(б) в 1919 г. Примечания // Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. М., 1968. Т. 1. С. 268.

немедленной ликвидации». Представители Фединсовета имелись в Губэваках⁹³. С 1 ноября 1921 г. местные представительства Фединсовета ликвидировались приказом Центрэвака, а сотрудники трудоустраивались в тех же Губэваках⁹⁴.

В ноябре 1919 г. Губпленбежи получили указание Центра о привлечении всех оставшихся ввиду отсутствия эшелонной отправки военнопленных к «общегосударственным работам». Это означало запрещение «вольных работ», позволявших военнопленным как-то кормиться. 20 декабря 1919 г. вышел приказ Центропленбежа № 400, предписавший своим органам на местах в целях выяснения общего количества бывших вражеских военнопленных Первой мировой войны в течение двух недель в Европейской России и одного месяца в Сибири и Туркестане произвести регистрацию бывших вражеских военнопленных по карточкам прилагаемого образца, которые затем направить в Статистическо-Справочный отдел Центропленбежа. Регистрационные карточки уездэваки, например, Калужской губернии, получили в апреле 1920 г.⁹⁵ В феврале 1920 г. Центропленбеж в ответ на запросы с мест дал разъяснение по мерам против уклонявшихся от общегосударственных работ или самовольно оставлявших таковые военнопленных. Их следовало арестовывать и заключать в концентрационный лагерь принудительных работ, как и гражданское население в аналогичных случаях, или передавать до возобновления эвакуации в распоряжение отдела принудительных работ для назначения на работы по нарядам. Выбор меры предоставлялся Губпленбежу с обязательным сообщением административному отделу Центропленбежа⁹⁶. Иностранцы агитаторы-пропагандисты разъясняли военнопленным, что «экономическое укрепление Советской власти ведёт к упрочению положения рабочего класса всего мира, что каждый удар молота приближает к родине и к мировой

⁹³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 52. Л. 13–14, 23.

⁹⁴ Там же. Оп. 4. Д. 246. Л. 14.

⁹⁵ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 85 (без нумерации листов).

⁹⁶ Там же.

революции». Поэтому надо восстанавливать разрушенные железные дороги, сразу после этого налаживать добычу угля и поднимать сельское хозяйство⁹⁷.

Таким образом, до октября 1917 г. военнопленные в качестве рабочей силы направлялись в установленном порядке в Центральные губернии Европейской России, в распоряжение и по заявкам работодателей, обеспечивавших их доставку, содержание и охрану. В результате смены власти военнопленные оказались предоставленными самим себе. Они получили возможность свободно проживать и зарабатывать себе на жизнь. Их передвижение никто не контролировал. Вектор движения военнопленных имел западное направление, хотя отмечалось и движение в производящие российские регионы, так как оставаться в потребляющих центральных губерниях Европейской России было в сложившихся условиях подобно смерти.

С апреля 1918 г. военнопленные перешли в ведение Центропленбежа. Эта организация с первых дней своего существования предприняла попытку изменить ситуацию с «самочинными массовыми передвижениями военнопленных по всей территории России», обязала местные власти принять меры к ликвидации этого явления и сбору пленных в лагерях. Одновременно ВЦИК установил порядок освобождения из плена через принятие русского гражданства. Это был легальный способ пополнения рядов Красной армии. Кроме того, превращение иностранных военнопленных в российских граждан освобождало правительство от забот по содержанию и эвакуации военнопленных на родину. Пожелавших стать гражданами Советской России было крайне мало, большинство предпочитало уехать из России. Обстановка в лагерях, куда военнопленных собирали в 1918 г., способствовала побегам, т.к. охрана обращалась с пленными грубо и бесцеремонно, отбирая у них деньги и личные вещи. Особой грубостью по отношению к пленным офицерам отличались охранники из нижних чинов бывших военнопленных.

⁹⁷ Статья газеты «Forradalom» с призывом к иностранным трудящимся участвовать в борьбе с хозяйственной разрухой в стране Советов. 13 марта 1920 г. // Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. М., 1968. Т. 1. С. 286–287.

Большевистское руководство к работе по выполнению двух своих основных задач по защите «пролетарской революции» и распространению революционного процесса на другие государства привлекло иностранных военнопленных-социалистов. Они активно участвовали в ведении агитации среди беспартийных военнопленных за добровольное их вступление в Красную армию и в принудительной мобилизации этого контингента. Военнопленные-социалисты занимались формированием интернациональных отрядов, используемых в составе Красной армии на фронтах и в тылу, организацией Советов иностранных рабочих и солдатских депутатов вместо ликвидированных ими революционным порядком иностранных миссий по делам военнопленных, проведением различных политических акций и конференций с участием военнопленных. Иностранцев коммунистов с партийными заданиями отправляли на родину. В ноябре 1918 г. венгерская партийная группа при ЦК РКП(б) развернула агитацию среди беспартийных масс военнопленных за их возвращение домой в качестве солдат революции. Им предлагалась доставка до границы и оружие, которое следовало применить против «подлой контрреволюционной банды буржуазии». Одновременно в Венгрию, «на агитацию» отправился весь состав президиума венгерской партийной группы.

Количество военнопленных, вступивших в 1918 г. в Красную и белые армии, составило около 7 % от их общего количества на январь 1918 г. Это были в основном беспартийные военнопленные, которым не удалось самостоятельно уехать из России, им надо было выживать в условиях безработицы и полного расстройтва хозяйства страны. В центральных губерниях Европейской России, по нашим подсчетам, количество военнопленных, вступивших в Красную армию в 1918 г., не достигало 1,5 % от их общей численности в регионе к началу 1918 г. Непоступивших на военную службу добровольно военнопленных Австро-Венгрии в 1919 г. отправляли на фронт в принудительном порядке. После ликвидации советской власти в Венгрии бывшие военнопленные массово дезертировали из Красной армии,

заявляя, что там должны оставаться лишь добровольцы. Между тем, основная масса военнопленных покинула Россию в 1918 – начале 1919 гг., при этом большевистская пропаганда не помешала им сделать свой выбор. Массовое стихийное передвижение военнопленных на родину, превратившееся в настоящее бегство, было вызвано их нежеланием участвовать в Гражданской войне в России и невозможностью как существования в условиях советской действительности, так и организованной репатриации в обозримом будущем.

С 1920 г. все зарегистрировавшиеся трудоспособные военнопленные, ожидавшие эвакуации на родину, привлекались к так называемым общегосударственным работам, задерживавшим отъезд на родину. Уклонявшиеся или самовольно оставившие работы подлежали заключению в концентрационный лагерь принудительных работ или передаче в распоряжение отделов принудительных работ для назначения на работы по нарядам.

4.2. Возвращение на родину

О начале подготовки к планомерному обмену военнопленными с Германией и Австро-Венгрией летом 1917 г. объявило Временное правительство. В начале июня 1917 г. Центральный комитет по делам о военнопленных при Главном управлении Российского общества Красного Креста сообщил об этом на места. В августе 1917 г. штаб Московского военного округа разослал циркуляр о предстоящей регистрации вражеских военнопленных и Инструкцию по её проведению. Как уже упоминалось, около 2 млн солдат и офицеров неприятеля взяла в плен русская армия в Первую мировую войну⁹⁸. На начало 1918 г. количество военнопленных сократилось на 199 тыс. человек за счёт умерших в плену, возвращённых на родину по

⁹⁸ Посчитано по: Акт передачи картотеки бывших военнопленных Четверного союза от 9 октября 1924 г. // ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 170 а. Л. 79–80.

инвалидности и отправленных в нейтральные и союзные страны⁹⁹. Пока шла подготовка запланированного обмена, произошла смена власти.

Соглашение между Советской Россией и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией о возвращении на родину раненых и больных военнопленных, подписанное в Петрограде 25 января (7 февраля) 1918 г. как добавление к договору о перемирии от 2 (15) декабря 1917 г. способствовало планомерному обмену военнопленными¹⁰⁰. После подписания Брестского мира, в течение весны-лета 1918 г., были созданы Русско-германская и Русско-австрийская комиссии, приступившие к работе по обмену военнопленными¹⁰¹. В то же время заключение Брестского мирного договора значительно облегчило пленным возвращение на родину, их самостоятельное стихийное движение, ставшее заметным с лета 1917 г., приняло массовый характер¹⁰². Центропленбеж предписывал своим органам на местах «срочно принять меры к категорическому недопущению выезда пленных из пределов губерний без разрешения <...> установить караулы на вокзалах и пропускных пунктах»¹⁰³. Австро-венгерское Восточное Главнокомандование выражало недовольство по поводу действий Советской России, направленных на затруднение австро-венгерским пленным возвращения, об этом, в частности, говорилось в радиограмме от 24 апреля 1918 г.¹⁰⁴ Однако до начала обмена, в первом

⁹⁹ Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.; Л., 1930. С. 75–77; Степанов А.И. Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. М., 2002. С. 630.

¹⁰⁰ Русско-Германский Дополнительный договор к Мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой. 3 марта 1918 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1959. С. 174–177.

¹⁰¹ В работе Русско-германской смешанной комиссии участвовали представители турецкого Красного Полумесяца. Болгарская делегация в работах смешанных комиссий совсем не участвовала // Жданов Н.М. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. М., 1920. С. 121.

¹⁰² Отчёт о деятельности Всероссийского ЦИК Революционной интернационально-социалистической организации иностранных рабочих и крестьян с 19 апреля по 30 сентября 1918 г. // Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Т. 1. М., 1968. С. 170.

¹⁰³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 30. Л. 2.

¹⁰⁴ Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел Министерству Иностранных Дел Австро-Венгрии. 25 апреля 1918 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1959. С. 264–265.

полугодии 1918 г., из российского плена, включая территорию Украины, в Австро-Венгрию вернулось 550 тыс. военнопленных¹⁰⁵.

В ноябре 1918 г. в результате подписания Компьенского перемирия Брестский мирный договор, а также вышеупомянутое Соглашение были, как известно, аннулированы СНК, что прервало начатую работу по планомерному обмену пленными, в результате которой было репатрировано, по данным Центропленбежа, 162 тыс. иностранных военнопленных¹⁰⁶, что составляет 9 % от их общего количества на январь 1918 г., и одновременно подстегнуло стихийное движение военнопленных на родину. Действительно, когда в апреле 1920 г. в Берлине было подписано новое Соглашение между РСФСР и Германией об отправке на родину военнопленных¹⁰⁷, в России осталось всего около 130 тыс. военнопленных (7 %)¹⁰⁸.

В связи с возобновляемым обменом пленными в июле 1920 г. в Москве была учреждена немецкая миссия по делам военных и гражданских пленных, в Берлине – соответствующая русская миссия. Специально оговаривался вопрос о недопустимости ведения пропаганды в рамках миссий, которым следовало заниматься исключительно подготовкой к реэвакуации и оказанием материальной помощи военнопленным¹⁰⁹. В Дополнительном соглашении от 22 января 1921 г. к Берлинскому соглашению от 19 апреля 1920 г. речь шла о транзитной доставке военнопленных через территории Литвы и Латвии при содействии Международного Красного Креста. Отмечалось, что «значительное большинство германских военнопленных уже доставлено на родину к этому

¹⁰⁵ Ответ военного министерства Австро-Венгрии на запрос депутата австрийской Нижней палаты парламента В. Малика о положении военнопленных в России // Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Т. 1. М., 1968. С. 153.

¹⁰⁶ *Жданова И.А.* Организация возвращения российских пленных в 1918 – 1919 гг. // РИ. 2011. № 4. С. 64.

¹⁰⁷ Соглашение между РСФСР и Германией об отправке на родину военнопленных и интернированных гражданских лиц обеих сторон. 19 апреля 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958. С. 459–462.

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 107. Л. 88.

¹⁰⁹ Дополнительное соглашение между РСФСР и Германией о возвращении на родину военнопленных и гражданских интернированных. 7 июля 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 14–16.

времени»¹¹⁰. С 1 марта 1922 г. бесплатная эвакуация германских военных и гражданских пленных была прекращена. Центральное Управление по эвакуации населения (Центрэвак) сообщило на места, что после указанного срока эвакуация будет производиться исключительно за собственный счёт отправляющихся. Все пленные, желавшие бесплатно переехать, должны были до 1 марта зарегистрироваться у уполномоченных по эвакуации населения при уездисполкомах¹¹¹.

Летом 1920 г. в Копенгагене договор о возвращении на родину военных и гражданских пленных был заключён с Австрией. В нём специально оговаривалось, что австрийское правительство будет соблюдать нейтралитет «в войне против России, полностью запретит поставку и перевозку через свою территорию оружия всех видов, боевых припасов и военного имущества». Кроме того, Австрия предоставляла право свободного передвижения находившимся в стране народным комиссарам бывшего Венгерского советского правительства¹¹². В декабре 1921 г. в Вене было подписано Дополнительное соглашение к Соглашению о возвращении на родину военнопленных и гражданских интернированных обеих сторон, заключённому в Копенгагене 5 июля 1920 г. между правительствами Российской и Украинской советских республик и правительством Австрийской республики. Правительства приняли обязательство в самом спешном порядке провести возвращение на родину ещё не отправленных военных и гражданских пленных. В этой связи указанный контингент не должен был обременяться никакими служебными обязанностями и обязательствами. Конкретно российскому и украинскому правительствам вменялось в обязанность не допускать случаев насильственного удаления из вагонов возвращающихся на родину, в том числе

¹¹⁰ Дополнительное к Берлинскому соглашению между Россией и Германией от 19 апреля 1920 г. соглашение о реэвакуации на родину транзитом через Латвию и Литву пленных и интернированных обеих сторон. 22 января 1921 г. // Там же. С. 489–490.

¹¹¹ ГАКО. Ф. Р-2244. Оп. 1. Д. 3. Л. 9; ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 390. Л. 190.

¹¹² Договор между Правительствами РСФСР и УССР, с одной стороны, и Правительством Австрийской республики, с другой. 5 июля 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 12–13.

с целью выполнения каких-либо общественных работ, а при наличии к этому веских оснований незамедлительно информировать соответствующее правительство. Согласно этому документу, бывшие военнопленные, гражданские интернированные, добровольно возвратившиеся на территорию государства, в котором они находились в плену, не подлежали отправке на родину в качестве военнопленных (гражданских интернированных). Отмечалось также, что *транспортные списки* возвращающихся на родину составляет соответствующее учреждение страны пребывания, что подлежащие отправке обладают правом неограниченного общения со своими Полномочными Представительствами, а также правом брать с собой свои семьи. Находящиеся вблизи польской границы австрийские военнопленные и гражданские интернированные передаются польским приёмным станциям по существующему соглашению между польским и австрийским правительствами¹¹³.

Дополнительное соглашение вступило в силу с 14 февраля 1922 г., а с 31 августа 1922 г. приказом Центрэвака от 31 марта 1922 г. прекращалась бесплатная эвакуация военных и гражданских австро-венгерских пленных на родину¹¹⁴. В феврале 1924 г. правительство СССР сообщило правительству Австрии, что на территории страны из числа военнопленных остались единичные лица, желающие возвратиться в Австрию, «поэтому Союзное (советское – И.Б.) правительство считает эвакуацию австрийских военнопленных законченной с 1 мая 1924 г. Лица, пропустившие указанный

¹¹³ Дополнительное соглашение (7 декабря 1921 г.) к Соглашению о возвращении на родину военнопленных и гражданских интернированных обеих Сторон, заключённому в Копенгагене 5 июля 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 4. Приложение 4. М., 1960. С. 624–629; в Дополнительном соглашении представителям обеих сторон давалось право наводить справки о пропавших без вести и умерших, запрашивать удостоверения о смерти и сообщения о местонахождении могил. Правительства брали на себя «поддержание в исправности» могил на своей территории.

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1. Д. 18. Л. 64.

срок, не смогут выехать в *эвакуационном*, а только в *общем* порядке выезда иностранцев из пределов Союза»¹¹⁵.

В мае 1920 г. в Копенгагене было подписано Соглашение с правительством Венгрии. По соглашению советское правительство отпускало на родину из Европейской части России, Сибири, Туркестана и Советской Украины всех военнопленных и гражданских лиц из Венгрии и принимало обязательство производить довольствие на русской территории возвращающихся на родину без последующего расчета с Венгрией¹¹⁶. В июле 1921 г. в Риге РСФСР и УССР заключили с правительством Венгрии Договор об обмене военнопленными. По Договору все военнопленные «венгерцы», из Туркестана и Сибири в том числе, все гражданские лица и задержанный в Москве капитан Карл Маршалл, доставлялись до границы. При этом *обмен первой категории* планировалось осуществить без задержки, согласно копенгагенскому соглашению. Нижние чины (пролетарии) менялись на русских нижних чинов и военнопленных из буржуазии. *Обмен второй категории* должен был происходить через посредство третьего государства, которое определялось после ратификации настоящего договора. Офицеры и буржуазные элементы, задержанные в России, обменивались на 400 поимённо указанных лиц. Лица этой категории партиями должны были присоединять к эшелонам с солдатами. Весь обмен планировалось выполнить до конца 1921 г.¹¹⁷

Соглашением РСФСР и УССР с Латвией и Венгрией от 8 октября 1921 г. относительно содействия Латвии при осуществлении Советско-Венгерского договора от 28 июля 1921 г. предусматривался обмен на Латвийской территории через посредство Международного Красного Креста. Указывалось

¹¹⁵ Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представительству Австрии в СССР. Февраль 1924 г. № 2100 // Документы внешней политики СССР. Т. 7. М., 1963. С. 137–138.

¹¹⁶ Соглашение между Правительствами РСФСР и УССР, с одной стороны, и Правительством Венгрии, с другой, о возвращении на родину военнопленных. 21 мая 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958. С. 539–541.

¹¹⁷ Договор между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Венгрией – с другой, об обмене военнопленных и интернированных гражданских лиц. 28 июля 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960. С. 242–246.

число венгерских военнопленных офицеров и гражданских лиц, находящихся в России – 2,5 тыс. человек, в Венгрии – 400 человек. Это осуждённые, арестованные или интернированные за деяния, учинённые ими во время существования в Венгрии Советской республики¹¹⁸. Между Копенгагенским соглашением от 21 мая 1920 г. и Рижским договором от 28 июля 1921 г. было сделано два официальных дипломатических обращения (ноты) со стороны Советской России (6 августа и 12 ноября 1920 г.), в которых советское правительство заявляло о том, что под его покровительством находятся 10 бывших членов Венгерского советского правительства, преследуемых в Венгрии. В России одна тысяча венгерских офицеров была заключена в концентрационные лагеря, 10 из них объявлены заложниками «в отношении 10 бывших народных комиссаров», ожидающих «судебной расправы»¹¹⁹. 15 июля 1922 г. представителями РСФСР и Венгрии был подписан протокол, согласно которому венгерское правительство обязывалось отправить в Советскую Россию дополнительно 93 венгерских коммуниста в обмен на находившихся ещё в Советской стране венгерских офицеров и некоторых гражданских лиц¹²⁰.

Договор между Россией и Турцией о возвращении на родину военнопленных был подписан 16 марта 1921 г., а 28 марта – конвенция о репатриации во исполнение этого Договора. Предусматривалось, что каждая из сторон имела право использовать военных и гражданских пленников до момента

¹¹⁸ Соглашение РСФСР и УССР с Латвией и Венгрией относительно содействия Латвийского Правительства при осуществлении Советско-Венгерского договора от 28 июля 1921 г. // Там же. Т. 4. М., 1960. С. 396–399; Венгерская Советская республика (ВСР) – политический режим, существовавший в Венгрии, в период с 21 марта по 1 августа 1919 г. Первоначально правительство ВСР представляло собой коалицию социалистов и коммунистов во главе с Шандором Гарбаи, но через несколько дней Бела Кун, занимавший пост комиссара по иностранным делам, вывел из него всех социалистов. После разгрома ВСР румынскими войсками Б. Кун, М. Ракоши, Э. Герё, Т. Самуэли и др. члены правительства бежали в Австрию.

¹¹⁹ Нота Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Министру Иностранных Дел Венгрии Телеки. 6 августа 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 89; Нота Правительства РСФСР Правительству Венгрии. 12 ноября 1920 г. // Там же. 325–326.

¹²⁰ Примечания к Договору между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Венгрией – с другой, об обмене военнопленных и интернированных гражданских лиц от 28 июля 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960. С. 778.

возвращения на родину как рабочую силу, но не использовать на особо тяжёлых работах и работах, могущих задержать их возвращение на родину. С целью оказания пленным помощи и поддержки в связи с репатриацией обе стороны создали две делегации из трёх человек каждая. Конвенция вступала в силу со дня её подписания в Москве 28 марта 1921 г.¹²¹ В июле 1923 г. советское правительство согласилось продлить действие Конвенции о репатриации на «достаточный» срок. Турецкая сторона в ответ сообщила, что в Турции не имеется больше русских военнопленных и гражданских лиц, оставшихся после мировой войны, но имеются русские беженцы, желающие вернуться на родину и скопившиеся в Константинополе. Обмен нотами 13 августа и 19 сентября 1923 г. касался нового состава репатриационных комиссий¹²². Советская репатриационная комиссия, возглавляемая В.П. Потёмкиным, приступила к работе в октябре 1923 г. К концу 1925 г. взаимная репатриация была в основном завершена. Стороны договорились с 1 января 1926 г. ликвидировать обе репатриационные комиссии и считать Конвенцию о репатриации утратившей силу¹²³.

Договор с Чехословакией, позволивший обменяться представительствами и начать обмен пленными и беженцами, был заключен летом 1922 г.¹²⁴ Что касается Чехословацкого корпуса, то 7 февраля 1920 г. его командование заключило с советским правительством соглашение о перемирии. 2 сентября 1920 г. последние подразделения корпуса покинули Владивосток¹²⁵.

¹²¹ Конвенция между РСФСР и Турцией о репатриации. 28 марта 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960. С. 32–34.

¹²² Нота заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Послу Турции в СССР Ахмеду Мухтару. 24 июля 1923 г.; Комментарии к Ноте Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Послу Турции в СССР Ахмеду Мухтару. 13 августа 1923 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 6. М., 1962. С. 397, 410–411.

¹²³ Примечания к Ноте Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Послу Турции в СССР Ахмеду Мухтару. 13 августа 1923 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 6. М., 1962. С. 623.

¹²⁴ Временный Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Чехословацкой Республикой. 5 июня 1922 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 5. М., 1961. С. 441 – 446.

¹²⁵ Чехословацкого корпуса мятеж 1918 г. // Военный энциклопедический словарь. М., 2002. Ст. 1591.

Возвращаясь к началу практической работы по обмену пленными, следует отметить, что порядок обмена неоднократно обсуждался и уточнялся на заседаниях Смешанной Русско-Германской комиссии о военнопленных. Например, 27 и 30 апреля 1918 г. по вопросу о гражданских пленниках пришли к мнению о том, что сначала эвакуации будут подлежать семьи, включая мужчин призывного возраста, затем одинокие женщины, дети, больные, мужчины старше 45 лет, духовенство, врачи и только после них – одинокие военнообязанные мужчины¹²⁶. *Вне всякой очереди* следовало отпускать желавших ехать одиночным порядком за свой счёт. Из группы военнопленных сначала следовало эвакуировать больных и инвалидов, при наличии свободных мест рекомендовалось отправлять отдельные группы здоровых военнопленных до установления условий обмена всей массы здоровых военнопленных¹²⁷.

При этом далеко не все местные коллегии по делам пленников и беженцев (пленбежи) были знакомы с установленным порядком обмена пленными, тем более с вносимыми в него дополнениями и уточнениями, о чём свидетельствует их переписка с Центропленбежем. Например, летом 1918 г. губпленбежи просили выслать им декрет ВЦИК от 1 апреля 1918 г. о порядке перехода пленников в русское гражданство или просили экземпляр Брестского мирного договора, а бюро военнопленных при генконсульстве РСФСР в Берлине «остро нуждалась в сведениях о всех постановлениях и приказах, вышедших со времени второй революции»¹²⁸. Кроме того, секретные инструкции Центра предписывали задерживать мужчин призывного возраста и здоровых военнопленных, ссылаясь при этом на отсутствие распоряжений Центра, свободных мест в эшелонах, наличие контингента, подлежащего отправке в первую очередь и т. д. Так, Воронежский Губпленбеж 27 мая 1918 г. телеграфировал Центропленбежу о том, что Германская Главная комиссия по делам пленников, в соответствии с установленным порядком обмена, настаивала

¹²⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 68. Л. 4.

¹²⁷ Там же. Оп. 2. Д. 17. Л. 1–2 об, 7.

¹²⁸ Там же. Д. 23. Л. 13, 43, 63.

на отправке на родину не только инвалидов, но и здоровых гражданских и военных пленнх. В этой ситуации Воронежский Губпленбеж просил «немедленного указания», так как иностранные консульства уже заготовили целый поезд для вывоза военнопленных¹²⁹. После консультаций были отправлены лишь германские инвалиды, для здоровых военнопленных не нашлось мест. Эшелон сопровождал германский представитель, на что Центропленбеж отреагировал предупреждением «впредь не допускать назначений никаких иностранных комендантов, караулов, санитаров» под угрозой суда ревтрибунала¹³⁰. Председатель Центропленбежа И.С. Уншлихт «убедительно просил» председателя Воронежского Губпленбежа Крылова запрашивать Центропленбеж в связи со всякой отправкой¹³¹. Повсеместно нарушался и установленный порядок внеочередной отправки желающих ехать на родину за свой счёт, им отказывали в выдаче «проходных свидетельств» (удостоверений), на что неоднократно указывала Германская Комиссия по делам пленнх¹³².

Центропленбеж разработал план эвакуации, изложенный в приказе № 30 от 4 июня 1918 г. В первую очередь предусматривалась эвакуация военнопленных-инвалидов и гражданских пленнх из областей: Северной (6 губерний), Туркестанской, Московской (6 губерний, включая Тульскую, Орловскую). Были намечены несколько маршрутов, например, из Москвы через Великие Луки на Псков или через Смоленск на Оршу; из Орла через Брянск и Смоленск на Оршу; из Ташкента через Самару, Пензу, Тулу на Оршу. Сборные пункты по направлениям эвакуации надлежало организовать областным и губернским пленбежам¹³³, например, для Московской области в Москве и Орле. Инвалидов и больных предполагалось эвакуировать санитарными поездами. Причём отмечалось, что курсирование санитарных поездов для Московской

¹²⁹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 23. Л. 8, 12.

¹³⁰ Там же. Л. 18–18 об.

¹³¹ Там же. Оп. 4. Д. 68. Л. 13.

¹³² Там же. Л. 22.

¹³³ Там же. Д. 16. Л. 98–98 об.

области устанавливается «по мере возможности», поэтому с самого начала с санитарными поездами возникли большие проблемы. При этом отправки военнопленных одиночным порядком «хотя бы инвалидов ни в коем случае не разрешалось»¹³⁴. При таком положении дел объявленная в приказе борьба с внеплановым передвижением, даже когда самовольно едущих предписывалось «задерживать и немедленно водворять в ближайшие концентрационные лагеря», не увенчалась успехом. Наоборот, внеплановое передвижение получило новый стимул после Компьенского перемирия. К этому времени, с начала ноября, планомерная эвакуация и вовсе прекратилась.

Самостоятельный внеплановый отъезд в 1918–1919 гг. стал основным способом возвращения военнопленных на родину. Достаточно рассмотреть динамику численности военнопленных на примере отдельных губерний центра Европейской России. Так, к лету 1918 г. количество военнопленных, например, в Калужской губернии составило 1,5 тыс. человек из 3 тыс., находившихся в губернии на начало 1918 г.¹³⁵. К ноябрю 1918 г. в губернии оставалось 474 человека, в том числе бывших солдат германской армии – 24, а австро-венгерской – 450 человек. Губпленбежем было отправлено в августе-сентябре 1918 г. на родину по обмену военнопленными 649 человек, в том числе 110 из калужских госпиталей¹³⁶. За ноябрь – декабрь 1918 г., по данным Губпленбежа, численность военнопленных сократилась до 120 человек. В 1919 г. количество военнопленных в губернии продолжало уменьшаться. Так, на 1 мая 1919 г. насчитывалось 65 военнопленных австрийской и 10 германской армий¹³⁷. В сентябре 1919 г. на Втором съезде уездных органов Центропленбежа исполняющий дела заведомом пленных Губпленбежа Войцехович назвал цифры оставшихся в губернии на тот момент военнопленных – это 24 австрийских и 8 германских, а всего 32 человека. Остальные, по его словам,

¹³⁴ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 68. Л. 37, 38; ГАБО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 12. Л. 35.

¹³⁵ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 12. Л. 361 об.

¹³⁶ Там же. Л. 64–64 об.

¹³⁷ Там же. Д. 214. Л. 61 об.

уехали одиночным порядком¹³⁸. Как видим, в 1918 г. самостоятельно покинули территорию Калужской губернии до Компьенского перемирия 1 877 (62,7 %) военнопленных, после него – 442 (14,7 %), всего 77 %. По обмену в 1918 г. в плановом порядке отправили 649 военнопленных (22 %). Оставалось на начало 1920 г. 32 военнопленных (1 %) ¹³⁹. Следовательно, преобладающим видом возвращения на родину военнопленных являлся их самостоятельный внеплановый отъезд.

В Тульской губернии в 1917 г. находилось 18 255 военнопленных¹⁴⁰, к лету 1918 г. осталось 9 079, на начало 1919 г. – 1 080¹⁴¹. При этом по обмену в 1918 г., в период *плановой эвакуации* с 28 августа по 30 октября, отправили всего около 2 тысяч военнопленных¹⁴². Таким образом, до начала 1919 г. самостоятельно выехали из Тульской губернии 83 % военнопленных, по обмену в 1918 г. отправили лишь 11 %. Между тем после революции в Венгрии в конце октября 1918 г. по политическим мотивам имели место санкционированные Центром отправки военнопленных австро-венгерской армии на родину. Например, в Каширском уезде, где на начало 1919 г. размещалось около одной тыс. военнопленных, по данным местного уездпленбежа, они «самовольно отправлялись в Москву, в Совет австро-венгерских рабочих и солдат», который «направлял их эшелонами дальше на родину <...> После отхода всех военнопленных в Москву лагерь военнопленных был закрыт в феврале <...> Оставшиеся на работах и должностях австрийцы живут как вольные жители, дожидаясь своей отправки на родину»¹⁴³.

¹³⁸ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 361 об; ГАДНИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 48. Л. 10.

¹³⁹ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 14. Л. 82; Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 85 (без нумерации листов).

¹⁴⁰ *Курцев А.Н.* Миграционные процессы репрессивного характера в российском населении в 1861–1917 гг. на примере Центрально-Чернозёмного региона// Учёные записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3. Т. 2. С. 13.
URL: <http://www.scientificnotes.ru/index.php?page=6&new=21> (дата обращения: 17. 03. 2013).

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 136. Л. 1, 38.

¹⁴² Там же. Д. 46. Л. 6–25.

¹⁴³ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377 (без нумерации листов).

В Рязанской губернии в 1917 г. находилось 4,5 тысяч военнопленных¹⁴⁴. К лету 1918 г. военнопленных их было уже 3 003 чел., а в 1919 г. – 900 чел.¹⁴⁵ По обмену до ноября 1918 г. на родину были отправлены всего 88 инвалидов¹⁴⁶. Хотя только в одном из уездов – Рязанском, по заключению медицинской комиссии, подлежали отправке на родину 123 военнопленных-инвалида¹⁴⁷, в Спасском уезде – 62 инвалида, в Раненбургском лагере – 123 инвалида и больных¹⁴⁸. Всего не смогли отправить 400 освидетельствованных военнопленных из-за непредоставления железнодорожного санитарного транспорта¹⁴⁹. Интересно отметить, что в августе 1918 г. Москва согласовала отправку из Раненбургского лагеря в Москву 8 военнопленных германской армии, но одновременно отказалась принять 12 инвалидов австро-венгерской армии из этого лагеря¹⁵⁰. В декабре 1918 г. 85 военнопленных-австрийцев этого же Раненбургского лагеря обратились в уездпленбеж по поводу отъезда на родину. Им было отказано, а уездным советам разъяснено, что «эвакуация военнопленных австрийцев в настоящее время не производится»¹⁵¹. Однако в это же самое время отправляли венгров, согласившихся выступить с оружием в руках против «своей буржуазии». Таким образом, в 1918-1919 гг. самостоятельно покинули территорию Рязанской губернии 78 %, отправлены по обмену были – 2 %, оставалось в губернии на начало 1920 г. – 20 % военнопленных.

В Воронежской губернии в начале 1917 г. находилось 15 048 (100 %) военнопленных, в сентябре – 14 347¹⁵². На 1 августа 1918 г. оставалось 12 141 военнопленных, в т. ч. 231 офицер, к 1 ноября 1918 г. – 5 590, в том числе 20

¹⁴⁴ Курцев А.Н. Миграционные процессы... С. 13.

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 23. Л. 161.

¹⁴⁶ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 66–66 об.

¹⁴⁷ Там же. Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 1. Л. 187.

¹⁴⁸ Там же. Оп. 2. Д. 32. Л. 9; Д. 21. Л. 3.

¹⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2 а. Д. 43. Л. 1.

¹⁵⁰ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 29. Л. 11, 16, 20.

¹⁵¹ Там же. Л. 49.

¹⁵² Нигматов В.В. Жизнь военнопленных в годы Первой мировой войны на территории Воронежской губернии // Воронежский вестник архивиста: Научно-информационный бюллетень. Вып. 2. Воронеж, 2004. С. 103–106.

офицеров, к 1 января 1919 г. из этого количества военнопленных осталось лишь 10 человек, в том числе 2 офицера. По обмену летом 1918 г. было отправлено в Москву около 200 человек военнопленных-инвалидов¹⁵³. В октябре 1918 г. – 900 военнопленных австро-венгерской армии, всего 1 100 человек (7 %) ¹⁵⁴. Как видим, 93 % военнопленных самостоятельно выехали на родину к началу 1919 г. В 1920–1921 гг. в губернии осело около 200 военнопленных, прибывших из других регионов.

В Орловской губернии летом 1918 г. находилось 8,5 тыс. военнопленных, по данным, собранным Губпленбежем. Центропленбеж считал эту цифру в 3,5 раза заниженной и требовал точных сведений, для чего предлагалось «всякое свободное проживание военнопленных на частных квартирах немедленно пресечь <...> и водворить их в лагеря»¹⁵⁵. При этом на 15 марта 1919 г. в губернии осталось 2 376 военнопленных, в том числе германской армии – 208 человек, остальные – австро-венгерской армии, т.е. на 72 % (6 124 чел.) меньше¹⁵⁶.

Что касается планомерного обмена¹⁵⁷ пленными, то в июле-августе 1918 г. на родину отправили 330 военнопленных-инвалидов и 126 гражданских пленнх, 9 октября с орловским эшелоном № 1 были эвакуированы 900 военнопленных австро-венгерской армии, в том числе из Орловского госпиталя

¹⁵³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 68. Л. 31.

¹⁵⁴ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 18. Л. 18.

¹⁵⁵ ГАБО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 1. Л. 58.

¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 602. Л. 84.

¹⁵⁷ До начала обмена пленными в первой половине июня 1918 г. Бюро помощи германским подданным Шведского Генконсульства уведомило Орловский комитет помощи о том, что всех германских гражданских и военных пленнх следует направить в Москву, в Германскую Главную комиссию по делам пленнх, так как реэвакуация предполагается только через Москву. В Москве для пленнх было организовано Германское убежище с полным содержанием до реэвакуации на родину. Через месяц, 8 июля 1918 г., Германская комиссия по делам пленнх в Орле уже сообщала в уезды об эвакуации гражданских и военнопленных Германии, Турции и Болгарии через Орёл. Всех *гражданских* пленнх из уездов Орловской губернии следовало собрать в Орле. Мужчинам 18-48 лет надлежало явиться в Германскую комиссию, иначе они превращались в дезертиров. Нежелавшие выезжать на родину теряли право на пособия. Военнопленных также предписывалось сконцентрировать в Орле. В ожидании отправки пленнх собирали и распускали не один раз, в результате многих недосчитались // ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 1. Л. 76, 77, 79, 92, 120.

и лагеря для военнопленных, Малоархангельского и Кромского лагерей¹⁵⁸. 21 октября эшелон № 2 из Орла эвакуировали ещё 1 063 военнопленных¹⁵⁹, всего 2 293 человек, или 27 % от 8,5 тысяч. Гражданских пленнх в общей сложности было отправлено 230 человек, из них 74 – германских и 9 – турецких. Бесплатно отправили 100, остальные ехали за свой счёт¹⁶⁰. Им выдали «удостоверительные карточки гражданского пленного, едущего одиночным порядком из России за свой счёт»¹⁶¹. На этом обмен пленными закончился. Следует отметить, что 1 и 5 ноября получили возможность уехать на родину 1,5 тысячи военнопленных австро-венгерской армии, а 17 декабря ещё более 400¹⁶². Таким образом, за четыре месяца планового обмена эвакуировали на родину 2 тыс. военнопленных. И столько же пленнх за более короткий срок отправили из Орловской губернии после венгерской революции в 1918 г.

В Курской губернии из 7 тыс. военнопленных¹⁶³ осталось на 1 марта 1919 г. 286 человек (4 %), в том числе 5 бывших солдат германской армии¹⁶⁴.

Раньше других в 1918 г. была приостановлена отправка турецких пленнх. Так, 24 сентября 1918 г. Центропленбеж по телеграфу отдал распоряжение всем своим местным органам о «немедленной приостановке отправки всех турецких военных и гражданских пленнх и установлении за ними надзора»¹⁶⁵. Но запросы с мест о том, что делать с турецкими военнопленными, продолжали поступать. Центропленбеж отвечал, что «ввиду перерыва сношений с турецким правительством пленные турки не эвакуируются впредь до разрешения этого вопроса международным путём»¹⁶⁶. До этого времени интересы турецких подданных в России защищало

¹⁵⁸ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 22. Л. 1, 2, 7 об, 8.

¹⁵⁹ Там же. Д. 18. Л. 70.

¹⁶⁰ Там же. Д. 86. Л. 11.

¹⁶¹ Там же. Д. 66. Л. 164.

¹⁶² ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 136. Л. 12.

¹⁶³ Курцев А.Н. Миграционные процессы... С. 13.

¹⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 602. Л. 91.

¹⁶⁵ Там же. Оп. 3. Д. 570. Л. 12.

¹⁶⁶ Там же. Л. 3.

германское Генеральное консульство¹⁶⁷. С конца октября прекратился обмен военнопленными с Австро-Венгрией и Германией. Приостановленный плановый обмен пленными не возобновлялся до 1920 г.

По неполным данным Центропленбежа, собранным в январе 1920 г., на начало 1920 г. на территории Европейской России насчитывалось около 19 тыс. бывших военнопленных, в том числе, по нашим подсчетам, в шести центральных губерниях – Калужской, Тульской, Рязанской, Орловской, Курской, Воронежской – менее 4,5 тыс. человек. Количество военнопленных в Сибири было в 5 раз больше, чем в Европейской России, то есть около 100 тысяч¹⁶⁸. В Туркестане находилось около 10 тысяч военнопленных германской армии¹⁶⁹. Всего около 130 тыс. чел., что составляет 7 % от количества военнопленных, находившихся в России на начало 1918 г. Таким образом, с учётом количества оставшихся на 1920 г. в Советской России (7 %), эвакуированных по обмену с конца июля по 30 октября 1918 г. (9 %), выехавшие самостоятельно в 1918 – начале 1919 гг. (вместе с погибшими и умершими в 1918 – 1919 гг.) составили 84 %, или более 1,5 млн человек.

В начале 1920 г. Губпленбежи интересовал вопрос о том, будет ли в 1920 г. производиться эвакуация военных и гражданских пленными на родину, как поступать с военнопленными, прибывающими без разрешительных документов Центра на следование одиночным порядком на родину, можно ли отправлять военнопленных в другие губернии без разрешения Центра. В ответ Центропленбеж предписывал самовольно едущих на родину пленными направлять в концентрационные лагеря для привлечения к труду «общегосударственного значения»¹⁷⁰. 4 мая 1920 г. Центрэвак сообщил на места о возобновлении работы по планомерному обмену пленными. Это сообщение было опубликовано в губернских газетах, а в уездах распространено через объявления. Пленным предлагалось регистрироваться для предстоявшей

¹⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Л. 31.

¹⁶⁸ Там же. Оп. 4. Д. 107. Л. 88.

¹⁶⁹ Там же. Д. 228. Л. 50.

¹⁷⁰ ГАБО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 30. Л. 4–5 об.

планомерной отправки на родину¹⁷¹. Возобновлялась эвакуация инвалидов Первой мировой войны, всё ещё остававшихся на территории России. Например, в марте-апреле 1920 г. из Москвы отправили санитарные поезда с инвалидами бывшей австро-венгерской армии до демаркационной линии¹⁷². На этот период, например, в Тульской губернии ожидали отправки 708 инвалидов, среди них 78 – германской армии, 11 – турецкой, 12 – болгарской¹⁷³.

Здоровые военнопленные, обращавшиеся с января по июль включительно в местные органы Центрэвака по поводу возвращения на родину, получали ответ, что «не было распоряжения на отправку». При этом им предлагалось вступить в Красную армию, если они не хотят трудиться по направлениям местных отделов принудительных работ. Губэваки докладывали в Центр, что военнопленных, следовавших на родину без разрешения, они задерживают и направляют в местные лагеря принудительных работ, откуда их посылают на общегосударственные работы. Между тем военнопленные с этих работ бегут, из лагерей – тоже, бегут даже те немногие, которые поначалу выразили желание вступить в Красную армию, чтобы избавиться от концлагеря. Пленные скрывались поодиночке или небольшими группами по 2–3 человека и ехали на Запад¹⁷⁴. В Брянске в августе 1920 г. милиция задержала военнопленного австро-венгерской армии Степана Тодора, «пробиравшегося из Иркутска пешком в Венгрию»¹⁷⁵. По распоряжению Центра отправки военнопленных на родину в 1920 г. начались с августа¹⁷⁶. При этом на места было сообщено, что отправлению на родину *не подлежат* следующие категории гражданских и военнопленных: *«германцы польской национальности; австрийцы польской национальности; уроженцы Галиции; уроженцы Украины; офицеры»*¹⁷⁷. Из

¹⁷¹ ГАВО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 3. Л. 62.

¹⁷² ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 177; Д. 170. Л. 31, 32.

¹⁷³ Там же. Д. 166. Л. 24.

¹⁷⁴ Посчитано по: ГАБО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 30. Л. 51, 135, 147, 161, 174, 176, 185, 186, 187, 199.

¹⁷⁵ ГАБО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 30. Л. 15, 161, 163-163 об, 175.

¹⁷⁶ См.: Венгерские интернационалисты в октябрьской революции... Т. 1. С. 344, 356.

¹⁷⁷ ГАБО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 30. Л. 302; ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 535. Л. 18, 25.

этой группы лишь инвалидов первой категории разрешалось включать в эшелоны австро-венгерских военнопленных¹⁷⁸.

Красноармейцев-иностранцев стали отправлять на родину после демобилизации в 1921 г.¹⁷⁹ Интересно отметить, что из 4 600 отправленных военнопленных 46 % (2 102 чел.) являлись членами РКП(б)¹⁸⁰. В январе 1921 г. Центрэвак запросил свои органы на местах о количестве чешских и словацких граждан, желающих выехать на родину. Например, в Воронежской губернии на этот момент было зарегистрировано 122 чел. военнопленных и 24 членов их семей, кроме того, 15 гражданских пленнх, всего – 161. Сообщалось, что «указанный контингент рассеян по всей губернии». Общее количество военнопленных составляло к ноябрю 1921 г. 216 чел.¹⁸¹. В октябре 1921 г. Центрэвак объявил о регистрации и эвакуации граждан Югославии – «пролетариев и полупролетариев», в порядке, установленном для германских и австрийских пленнх¹⁸².

При возобновившихся в 1920 г. плановых отправках пленнх имели место и такие негативные моменты, как задержка объявленной отправки, злоупотребления персонала. Так, в августе 1920 г. здоровых военнопленных, прибывавших в Петроград перед отправкой на родину, задерживали с целью использования их Топливным комитетом. В обоснование приводился довод о том, что «военнопленные прибывают эшелонами, на которых можно было бы возить дрова в Центр, поэтому не помешает, если венгерский пролетариат окажет перед отъездом на родину помощь русскому пролетариату по

¹⁷⁸ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 535. Л. 37.

¹⁷⁹ Примечания к Отчёту Венгерской секции агитпропаганды при Новороссийском комитете РКП (б) Центральному бюро венгерских секций об агитационной работе среди возвращающихся на родину военнопленных. 12 июля 1921 г. // Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. Т. 1. М., 1968. С. 443.

¹⁸⁰ Из отчёта подотдела национальных меньшинств ЦК РКП (б) о работе Венгерской секции за февраль – июль 1921 г. // Там же. С. 450.

¹⁸¹ ГАВО. Ф. Р-529. Оп. 1. Д. 479. Л. 18; Д. 475. Л. 33 об.

¹⁸² ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 197.

топливному вопросу»¹⁸³. В сентябре 1920 г. отъезжавшие на родину военнопленные несколько дней работали на субботниках. В течение недели 700 человек принимали участие в постройке водопровода в Петрограде, затем занимались переноской брёвен, 45 человек остались в Петрограде на более длительное время¹⁸⁴. В декабре 1921 г. военнопленных из Курганского уезда Тобольской губернии собрали в Кургане для отправки на родину, но она всё откладывалась. При этом в городе за проживание надо было платить по 3 тыс. рублей в сутки, в связи с чем военнопленные ушли по деревням на заработки. Этим и воспользовался начальник местного уездэвака, отправив на родину своих родственников, когда вагоны были поданы. В итоге военнопленным пришлось покупать билеты по 600 рублей, для чего им надо было продать всё своё имущество. Когда они по пути следования «обратились за продовольствием в Губэвак Челябинска», им отказали на том основании, что они едут за свой счёт, значит, «богатые» и продовольствие им не полагается¹⁸⁵.

В марте 1922 г. Народный комиссариат внутренних дел определил, что «граждане, заявившие себя иностранцами, но документы коих признаны НКВД недостаточными для признания их таковыми, будут получать вид на жительство для граждан РСФСР». «Заявившие себя иностранцами» должны были обращаться в свои дипломатические представительства по поводу получения требуемых документов. Из циркуляра также следовало, что документы от иностранных представительств будут признаваться лишь в том случае, когда на них будет стоять виза полномочного представительства РСФСР в этой стране, что будет означать выдачу документа теми, кому это положено делать¹⁸⁶.

¹⁸³ Протокол общего собрания Венгерской секции агитпропаганды при Петроградском губкоме РКП (б). 6 августа 1920 г. // Венгерские интернационалисты в октябрьской революции... Т. 1. С. 344.

¹⁸⁴ Доклад Венгерского отдела агитпропаганды при Петроградском губкоме РКП (б) Московской конференции венгерских коммунистов о своей деятельности. 18 сентября 1920 г. // Венгерские интернационалисты... Сборник документов. Т. 1. С. 356.

¹⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 390. Л. 67.

¹⁸⁶ ГАВО. Ф. Р-2136. Оп. 1. Д. 132. Л. 115.

Часть военнопленных выезжала на родину с русскими жёнами. Так, из отправленных в июне 1921 г. из Тульской губернии 19 бывших австро-венгерских военнопленных шестеро были с жёнами и детьми. «Австро-германопленных» отправляли через Латвию при посредстве международного Красного Креста¹⁸⁷, чья миссия завершилась 30 июня 1922 г., хотя, по заявлению Центрэвака, военнопленные продолжали прибывать в Москву для дальнейшей отправки¹⁸⁸. При этом бесплатная отправка германских пленных советской стороной уже была прекращена с 1 марта, а австро-венгерских – с 31 августа 1922 г.¹⁸⁹ В сентябре 1922 г. чехословацкая торгово-промышленная миссия просила Центрэвак ускорить отправку на родину военнопленных из Сибири, т.к. приближался зимний сезон¹⁹⁰. 11 военнопленных австро-венгерской армии, находившихся в Кубанской области, три месяца с лета 1922 г. ожидали отправки, «уволившись и бедствуя»¹⁹¹. 7 турецких подданных ожидали отправки в сентябре 1922 г. в Воронеже¹⁹². 3 января 1923 г. представительство Чехословацкой республики сообщило в НКВД, что в Киеве находятся бывшие военнопленные австро-венгерской армии: чехи, немцы, хорваты, сербы, болгары. Некоторые из них не знают, гражданами какой страны они теперь являются. Их всех представительство предлагало присоединить к транспорту чехословацких репатриантов¹⁹³.

За первые десять месяцев 1922 г. через пропускные пункты прошло 2 467 военных и 1 563 гражданских пленных, в том числе 456 военных и 849 гражданских пленных Германии, а всего 4 030 чел.¹⁹⁴. Например, из Тульской губернии отправили 407 военнопленных из 458 зарегистрированных¹⁹⁵.

¹⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 440. Л. 21.

¹⁸⁸ Там же. Д. 390. Л. 188.

¹⁸⁹ На 15 июня 1922 г. в России оставалось около 3 тысяч австро-венгерских военнопленных (преимущественно в Сибири, Туркестане, на Кавказе) и примерно 200–360 германских // ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 390. Л. 172.

¹⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 297. Л. 8.

¹⁹¹ Там же. Л. 44.

¹⁹² Там же. Л. 17.

¹⁹³ Там же. Л. 97.

¹⁹⁴ Там же. Д. 85. Л. 4.

¹⁹⁵ ГАТО. Ф. Р-1766. Оп. 1. Д. 22. Л. 10.

В 1923 г., за год до окончания репатриации австрийских военнопленных, в отдел управления Орловского губисполкома обратился бывший военнопленный австро-венгерской армии Георгий Буяндрич с заявлением, что оставаться на жительство здесь он не желает. «Я не уехал в своё время потому, что когда была отправка военнопленных в 1918 г., я собрался было уехать, но меня не приняли, потому что я серб, и нам сказали, что можете уходить по работам по первому требованию. И я всё время работал при деревне Глебово Яковлевской волости Орловского уезда. Когда мне предложили уехать на родину в 1922 г., то я не уехал потому, что не управился – очень короткое было время», - сообщил Буяндрич. Через месяц после подачи заявления, 27 марта 1923 г., Г. Буяндричу сообщили, что для отправки на родину, которая производится из Москвы, он должен ехать *за свой счёт*. Одновременно другой бывший военнопленный австро-венгерской армии Пётр Яблонский с женой и дочерью, осевший в г. Ельце, заявил о желании выехать на родину (г. Черновиц, Румыния). Ему также выдали разрешение на выезд за свой счёт в Москву для отправки¹⁹⁶.

Межведомственное совещание от 1 февраля 1924 г. в составе представителей НКВД, РВС, ОГПУ, НКВД был согласован «технический порядок» окончания эвакуации военнопленных Первой мировой войны. Так, уроженцам Австрии, Чехословакии и Германии предстояло зарегистрироваться и прибыть в Москву в двухмесячный срок, неявившиеся теряли право на эвакуацию. Явка на сборные пункты осуществлялась за счет военнопленных. Германские военнопленные могли обращаться в германские консульства. По положению, принятому совещанием, регистрация не распространялась на уроженцев Венгрии, Югославии, Румынии, Болгарии, а также Италии, они не подлежали отправке в эвакуационном порядке¹⁹⁷. По результатам совещания в Представительства Австрии и Чехословакии и в посольство Германии были направлены ноты об окончании эвакуации. В документах констатировалось, что

¹⁹⁶ ГАОО. Ф. Р-1162. Оп. 1. Д. 1118. Л. 202, 261, 267.

¹⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 163. Л. 327, 328.

«на территории Союза из числа военнопленных остались только единичные лица, желавшие возвратиться на родину. Союзным правительствам назначен предельный срок для получения военнопленными виз на выезд в эвакуационном порядке - 1 мая 1924 г. Пропустившие предельный срок смогут выехать в общем порядке выезда иностранцев»¹⁹⁸.

В 1924 г. в Воронежский губисполком обратился за разрешением на выезд на родину бывший военнопленный 45-го пехотного полка австро-венгерской армии Андрей Затворницкий, поляк, попавший в плен в ноябре 1914 г.¹⁹⁹ В начале 1924 г. в Борисоглебском уезде Воронежской губернии ещё оставались более 40 военнопленных австро-венгерской армии, 3 турецких военнопленных²⁰⁰. К декабрю 1924 г. количество австро-венгерских военнопленных сократилось до 38 человек, большинство из которых имело русских жен и детей. Из них половина была согласна возбудить ходатайство о приеме в гражданство СССР²⁰¹. В 1924 г., 6 ноября, заведующий репатриационным отделением иностранного подотдела Центрального административного управления НКВД Леопольд Гейзлер сопровождал до границы для передачи венгерскому представителю 24 заложников и военнопленных с семьями (80 человек)²⁰².

Согласно циркуляру НКВД от 24 марта 1925 г. «О порядке выезда на родину венгерских военнопленных» военнопленные, уроженцы Венгрии должны были представить в Губисполкомы документы (регистрационную карточку органов Центрэвака, национальный паспорт, присланный из Венгрии) и получить удостоверение для отправки в Москву как военнопленных. Отправка до Москвы осуществлялась за свой счёт, а из Москвы до границы – бесплатно. При этом выезд из Москвы должен был состояться до 15 июня 1925 г. Отдельным пунктом в циркуляре отмечалось, что бывшие военнопленные

¹⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 163. Л. 332, 333.

¹⁹⁹ ГАВО. Ф. Р-1163. Оп. 1. Д. 43. Л. 40.

²⁰⁰ Там же. Л. 100.

²⁰¹ Там же. Д. 18. Л. 142.

²⁰² ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 170 а. Л. 73.

австро-венгерской армии, являвшиеся подданными Румынии, Болгарии, Югославии, отправке в порядке данного циркуляра не подлежали²⁰³. При этом выезд в эти страны бывшим военнопленным в частном порядке не воспрещался²⁰⁴.

27 мая 1925 г. НКВД сообщил на места, что бывшие венгерские военнопленные, заявившие о намерении принять советское гражданство, освобождаются от гербового сбора. Ходатайства о выезде на родину от бывших венгерских военнопленных следовало принимать при условии установления их принадлежности к категории военнопленных советской милицией. Все бывшие венгерские военнопленные обязывались возбуждать ходатайства о принятии их в советское гражданство либо о выезде на родину. В противном случае они подлежали принудительной репатриации²⁰⁵.

В мае 1925 г. продолжались отъезды военнопленных в Чехословакию. Например, Антон Дробный добрался, наконец, до Москвы из Нерчинска, чтобы оттуда ехать на родину. В июле просил об отправке на родину военнопленный австро-венгерской армии Иосиф Лаутербах²⁰⁶. В 1925 г. по поводу отправки на родину обращались уроженцы Галиции, например, Янишевский Валериан Генрихович²⁰⁷.

С целью доведения до конца репатриации турецких военнопленных в марте 1925 г. в Москву прибыла Турецкая репатриационная комиссия под председательством Мааруф-бея. Комиссия должна была посетить места наибольшего скопления лиц, подлежащих репатриации, например, в Центральном регионе это были Орёл и Воронеж. Комиссия при наличии основания для репатриации выдавала военнопленным на местах удостоверения со сроком действия три месяца, аналогичные удостоверениям, выдаваемым турецким послом в Москве. Губернские Административные отделы, со своей

²⁰³ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 53. Д. 42. Л. 338, 339.

²⁰⁴ Там же. Оп. 50. Д. 170 в. Л. 102.

²⁰⁵ ГАВО. Ф. Р-1163. Оп. 1. Д. 18. Л. 294.

²⁰⁶ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 170 в. Л. 43, 149.

²⁰⁷ Там же. Д. 170 б. Л. 273, 275.

стороны, выдавали им как репатриантам выездные визы, действительные в течение двух месяцев, а дорога до передаточного пункта в Одессе оплачивалась советской стороной. Пропустившие сроки действия своих выездных виз и удостоверений теряли право на бесплатную репатриацию²⁰⁸.

Таким образом, из двух миллионов солдат и офицеров, взятых в плен российской армией, к началу 1918 г. в России находилось на 199 тыс. военнопленных меньше за счёт умерших, возвращенных на родину по инвалидности и отправленных в нейтральные и союзные страны. Массовое стихийное движение военнопленных на родину началось с 1918 г. Только до обмена военнопленными, начавшегося в конце июля – начале августа 1918 г., 550 тыс. военнопленных вернулись из России в Австро-Венгрию, что составило около трети от общего количества вражеских военнопленных, находившихся в России на начало 1918 г. Стимулом для самостоятельного движения военнопленных на родину стали Брестский мир, а затем и окончание Первой мировой войны. В итоге самостоятельный внеплановый отъезд в 1918–1919 гг. стал основным способом возвращения военнопленных на родину.

Планомерный обмен военнопленными осуществлялся Центропленбежем с конца июля по 30 октября 1918 г., до начала революционных событий 1918 г. в Австро-Венгрии, Германии и Турции. За этот период было отправлено на родину лишь 9 % военнопленных, находившихся в России на начало 1918 г. При этом советской стороной неправомерно задерживалось возвращение на родину «гражданских» пленных призывного возраста, здоровых военнопленных, а также внеочередная отправка желающих ехать на родину за свой счёт. В то же самое время Центропленбежем беспрепятственно отправлялись в сторону границы и вооруженные военнопленные венгры, давшие согласие воевать против «своей буржуазии». При острой нехватке санитарных вагонов не разрешалась отправка одиночным порядком. Всё это также способствовало самостоятельным отъездам пленных.

²⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 53. Д. 43. Л. 165, 166, 167.

Возобновление обмена военнопленными произошло в 1920 г., после заключения соответствующих межгосударственных соглашений, когда 93 % бывших военнопленных уже покинули Советскую Россию, из них 84 % самостоятельно либо погибли в 1918 – 1919 гг. в результате боевых действий и болезней на фоне хронического недоедания.

Процесс возвращения из остававшихся в России 7 % пленных продолжался более 5 лет, с 1920 по 1925 г. включительно, чему способствовала политика советского руководства, направленная на задержку военнопленных призывного возраста польской национальности, галичан, украинцев, офицеров, а также всех, находившихся в рядах Красной армии. Неправомерно в принудительном порядке военнопленных как пытавшихся самостоятельно покинуть территорию Советского государства, так и отправляемых на родину в плановом порядке, использовали на работах по восстановлению разрушенного Гражданской войной народного хозяйства.

ГЛАВА V. ПОЛОЖЕНИЕ БЕЖЕНЦЕВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В 1918 – 1919 гг. ЦЕНТРОПЛЕНБЕЖ

С самого начала перед советской властью встала проблема обеспечения нужд нескольких миллионов беженцев Первой мировой войны. Заключение Брест-Литовского мирного договора выдвинуло на повестку дня вопрос реэвакуации беженцев.

5.1. Советы беженцев

Центральное правление Всероссийского Союза беженцев¹, избранное на II Всероссийском съезде беженцев (19-25 ноября 1917 г.), направило губернским советам резолюции съезда, а также свои конкретные предложения по «правильной» организации дела помощи беженцам на местах. Предлагалось назначить комиссара по делам беженцев, который должен обеспечить реорганизацию старых беженских учреждений на демократических началах путём проведения в городах и уездах выборов в Советы беженцев на общих собраниях². Принятые съездом резолюции касались всех аспектов беженской проблемы. Так, в резолюции *о реэвакуации* беженцев съезд выразил уверенность, что возвращение беженцев начнётся одновременно с общей демобилизацией. Все заботы по возвращению возьмёт на себя государство, включая организацию питания и медицинской помощи в пути. По прибытии на родину к «разрушенным очагам» беженцы должны получать государственную помощь (продовольственный и квартирный пайки, одежда, обувь) «до устройства своей жизни». Сопровождение беженцев будет обеспечивать Всероссийский Союз беженцев. В резолюции *о финансировании* отмечалось, что нужды беженцев «вызваны государственной властью», поэтому средства на

¹ Всероссийский Союз беженцев был создан решением Всероссийского съезда беженцев в сентябре 1917 г. Председателем и секретарем Бюро Союза стали латышские большевики Я. Рович и А. Дижбит // *Бартеле Т., Шалда В.* Латышские беженцы в России в годы Гражданской войны // ОИ. 2000. № 1. С. 19.

² ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

обеспечение этих нужд должны выделяться государством. Особое Совещание по устройству беженцев через Правление Всероссийского Союза беженцев будет распределять эти средства между местными органами, «образованными самими беженцами». В резолюции *по земельному вопросу* съезд обращал внимание Совета Народных Комиссаров на необходимость предоставления беженцам права пользования землёй по месту временного проживания, учитывая «их особое, критическое бедственное положение». Одна из резолюций съезда была посвящена вопросу детского образования и просвещения взрослого беженского населения. В ней, в частности, говорилось о том, что школа должна быть светской, и Закон Божий исключается из учебных программ. Объявлялось о необходимости бесплатного обучения детей и повсеместного открытия вечерних курсов для взрослых. В резолюции *литературной комиссии* съезда говорилось о газете «Беженская правда», печатном органе Всероссийского Союза беженцев, которая должна бесплатно рассылаться во все демократические местные беженские организации³.

На местах вначале появились губернские Советы беженцев. Так, в Калуге губернский Совет беженцев был образован 3 января 1918 г. Председателем Совета был избран Бохонович, эвакуационную секцию возглавил Лопас, оба – беженцы⁴. Совет принял дела от ликвидировавшихся в тот период прежних досоветских организаций, занимавшихся беженцами. Это Калужский Объединённый Комитет Земского и Городского союзов по оказанию помощи беженцам, Губернское Совещание по устройству беженцев, Губернское и Городское Отделения Татьянинского Комитета, Бюро труда при Губернском Отделении Татьянинского Комитета, Центральный Обывательский Комитет Калужского Округа, из национальных организаций – Калужский Польский Комитет помощи жертвам войны, Калужское отделение Литовского Общества по оказанию помощи пострадавшим от войны, Калужский отдел Латышского Общества вспомоществования беженцам «Родина», Калужское

³ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 6–12.

⁴ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Ф. Р-1805. Оп. 1. Д. 1. Л. 287 об.

Еврейское Общество помощи жертвам войны. Совет взял на своё попечение 4 тыс. нетрудоспособных неимущих беженцев, 11 детских приютов и 12 школ для детей беженцев, врачебно-питательный пункт на станции «Калуга». Создание Советов беженцев в уездах происходило при активном участии губернского Совета беженцев⁵.

В Орловской губернии деятельность губернского Совета беженцев, например, в начале марта 1918 г., была направлена на утверждение новых норм беженских пайков, принятых губернским совещанием по устройству беженцев ещё 28 ноября 1917 г., по которым продовольственное пособие составляло 40 копеек в день на одного человека, а квартирное – 13 копеек⁶.

В Рязанской губернии по предложению комиссара Центрального Правления Союза беженцев Станислава Мицкевича 23 января 1918 г. были утверждены «нормы беженского довольствия для составления сметы на первую четверть 1918 г.». При этом учитывалось, что беженский продовольственный паёк приравнивался к пайку для семей, призванных в войска, который состоял из: 1 пуда 28 фунтов ржаной муки – 10 рублей; 10 фунтов крупы – 3,75 рубля; 1 фунта постного масла – 1,15 копеек; 4 фунтов соли – 0,5 рубля; всего – 15,4 рубля. Поэтому размер продовольственного пайка был установлен в 15 рублей 40 копеек в месяц на одного человека. Квартирная норма – 3 рубля в месяц на одного человека в городе и 2 рубля в селениях. На содержание приютов, убежищ и общежитий – 40 рублей в месяц на одного человека. Коечное лечение – 2,5 рубля в день на одного человека, содержание школ – 8 рублей в месяц на одного ученика⁷. На четвертый квартал 1917 г. Рязанскому губернскому Совету беженцев было ассигновано 178 251 руб.⁸

В уездах общие собрания беженцев проводились в марте 1918 г.⁹ Параллельно создавались губернские исполнительные комитеты Советов

⁵ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 214. Л. 45, 55.

⁶ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 8. Л. 1а–2.

⁷ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 1 в. Л. 239.

⁸ Там же. Л. 244.

⁹ ГАОО. Ф. Р-1840. Оп. 1. Д. 3. Л. 70.

беженцев, куда входили четыре представителя от губернского совета и по одному от каждого уездного Совета беженцев¹⁰. Создание уездных Советов беженцев рассмотрим на примере Жиздринского уезда Калужской губернии. На собрании беженцев 3 марта присутствовало 243 представителя из 10 волостей и города Жиздры. На этот период в уезде проживало более 5 тысяч беженцев, из них мужчин от 15 до 60 лет немногим более 1 тысячи человек¹¹. Открытым голосованием в уездный Совет беженцев избрали по 4 члена и 2 кандидата от белорусов, поляков, литовцев, латышей и евреев. От белорусов членами Совета стали: Степан Степанович Новыш – председатель Совета; Яков Игнатьевич Зайцев, 29 лет, беспартийный, окончил двухклассное училище; Фома Игнатьевич Пентяк, 36 лет, эсер, окончил уездное училище; Андрей Павлович Цвикевич. От поляков: Иосиф Игнатьевич Банацкий; Феликс Антонович Бельский; Казимир Станиславович Квятковский; Сигизмунд Викентьевич Витецкий. От литовцев: Альфонс Иосифович Петрашкевич; Иван Иосифович Тилиндис; Антон Карлович Малиновский; Иосиф Петрович Давгирдт. От латышей: Х.Я. Родэ; Э.А. Зведер; Э.Э. Звелер; Б.П. Страуман. От евреев: Михаил Владимирович Стучинский; Давид Борисович Люстигман; Моисей Давидович Эрбштейн; Натан Борисович Айзенберг. В Совет беженцев был включён и представитель уездного совета рабочих и солдатских депутатов.

Вновь избранный Совет беженцев сразу же обратился в исполком жиздринского совета рабочих и крестьянских депутатов с просьбой о передаче ему арестованного имущества и денежных средств прежних организаций, оказывавших помощь беженцам (местные отделения Земско-городского и Татьянинского комитета, Польского общества помощи жертвам войны, Ковенского отдела Западно-Русского общества помощи беженцам). Во время Первой мировой войны в Жиздринском уезде было открыто 12 школ для детей беженцев (в т. ч. 3 польские) в г. Жиздре, сёлах Людиново, Сукремль, Брынь, Песоченский Завод, Зимницы, деревнях Думиничи, Слободка, Волое, Поляное,

¹⁰ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–5 об.

¹¹ Там же. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 214. Л. 26.

Вёртное, Мурачёвка, которые финансировались Ковенским отделением Западно-Русского общества¹². Кроме того, в г. Жиздре был организован приют для детей беженцев, в селе Брынь – приют для детей и стариков, а в селе Ловать разместили богадельню, эвакуированную из Гродненской губернии. Теперь эти учреждения переходили в ведение жиздринского Совета беженцев¹³.

После создания уездных Советов беженцев повсеместно начались выборы в Советы волостного уровня. Например, Людиновский временный волостной Совет беженцев (Жиздринский уезд Калужской губернии) сделал объявление: «Просим всех граждан беженцев: поляков, белорусов, литовцев и латышей, явиться на общее собрание в здании людиновского Народного дома во вторник 2 апреля нового стиля (20 марта) 1918 г., в 3 ч. 30 мин. для выборов членов в Волостной Совет Беженцев»¹⁴. Жиздринский уездный Совет беженцев составил инструкцию по организации волостных советов беженцев, в которой, в частности, говорилось: «В Совет не должны входить лица, ранее состоявшие на полицейских должностях, а также лица, противостоящие новому демократическому строю <...> избранному волостному Совету беженцев будут отпускаться уездным советом беженцев средства на удовлетворение беженцев пайками, а в исключительных случаях и на оказание других видов помощи». Волостные советы рабочих и крестьянских депутатов после утверждения протоколов собрания беженцев уездным Советом беженцев обязывались передать избранным волостным Советам беженцев «все дела и суммы» от прежних беженских организаций¹⁵. В течение марта-апреля 1918 г. собрания в волостях Жиздринского уезда были проведены, и их протоколы поступили в уездный Совет беженцев для утверждения. В Орловской губернии, например, в Паньковский волостной Совет беженцев Новосильского уезда, 20 марта 1918 г.

¹² ГАКО. Ф. Р-2019. Д. 5 (без нумерации листов).

¹³ Там же. Д. 3. Л. 1 об; Д. 12. Л. 187 а.

¹⁴ Там же. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

¹⁵ Там же. Ф. Р-1805. Оп. 1. Д. 1. Л. 270.

единогласно избрали Вацлава Обуховича (председатель), Николая Богалю, Фёдора Соболя и Ивана Юзевчука¹⁶.

Сразу же после выборов в волостные Советы беженцев стали поступать прошения о выдаче удостоверений и экстренных отзывов (см. Приложение 4) для бесплатного проезда по железной дороге в так называемые хлебородные губернии. Массовая отправка уже осуществлялась с 1917 г. прежними организациями помощи беженцам при земских и городских самоуправлениях. Так, в Медынском уезде Калужской губернии после Октябрьской революции, с ноября 1917 г. по 15 марта 1918 г., было отправлено 802 беженца¹⁷. Ранее Медынская горуправа на свой запрос получила ответ из Омска от 10 октября 1917 г., в котором сообщалось, что Западно-Сибирская беженская управа при Акмолинском областном комиссариате готова разместить по селениям в Алтайской губернии – 140 тысяч, в Томской – 36 тысяч, в Акмолинской области – около 15 тыс., в Енисейской губернии (Минусинский уезд) – 3 тыс. беженцев. Сообщалось также, что распределительный пункт находится в Омске, и беженцев следует направлять до станции «Новониколаевск» Томской железной дороги, о чем заблаговременно сообщить¹⁸. Пропшения об отправке в другие губернии беженцы обосновывали отсутствием продовольствия и заработков, например: «Находимся на краю голодной смерти <...> страдаем от сильного голода <...> положение с продовольствием катастрофическое <...> совершенное отсутствие работ и продовольствия <...>»¹⁹.

Советы беженцев осуществляли отправку в районы Сибири и другие губернии юго-восточного направления вплоть до своего упразднения в июле 1918 г. К примеру, беженские семьи из Песоченской волости Жиздринского уезда Калужской губернии Макария Савонюка из 9 человек, Исаака Стельмашука из 4 человек, Фёклы Дощик из 4 человек со своим имуществом (составлявшим 70, 50 и 30 пудов соответственно) выехали в Оренбургскую

¹⁶ ГАОО. Ф Р-1840. Оп. 1. Д. 3. Л. 49.

¹⁷ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов).

¹⁸ Там же. Ф. Р-1805. Оп. 1. Д. 1. Л. 230–230 об.

¹⁹ Там же. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 29 (без нумерации листов).

губернию. Чуть позже туда же были отправлены семьи Николая Тинькевича (5 человек и 50 пудов багажа) и Иосифа Зинкевича (4 чел. и 35 пуд. багажа), все из Гродненской губернии. От группы беженцев из с. Сукремль был направлен в качестве ходока в Курскую губернию Ф. Макаревич «для подыскания нового места жительства». В Будской волости из с. Думиничи от 17 семей были выдвинуты 3 ходока (К. Игнатюк, А. Климович, С. Лысюк) и направлены в Томскую губернию. В течение мая-июня 1918 г. удовлетворялись ходатайства беженцев из различных волостей Жиздринского уезда и г. Жиздры о бесплатном проезде ходоков также в Саратовскую, Воронежскую, Тамбовскую губернии, Донскую область²⁰.

Необходимо отметить, что несмотря на заключение мирного договора в Брест-Литовске, беженцы не получили возможности вернуться на родину легальным способом, а Советы беженцев со дня своего основания постоянно получали из Центра распоряжения по удерживанию беженцев на местах. Так, народный комиссар по демобилизации старой армии М.С. Кедров 13 марта 1918 г. телеграфировал: «Выдача разрешений на возвращение беженцев в прифронтовую полосу в настоящий момент невозможна». Распоряжение от 4 апреля 1918 г. из Москвы, от Наркома Внутренних дел Г.И. Петровского и комиссара по делам беженцев А.М. Дижбита гласило: «Ввиду катастрофического состояния наших железных дорог передвижение беженцев должно производиться только с согласия железнодорожной организации <...> Необходимо принять все меры к удержанию беженцев на местах впредь до разрешения вопроса о возвращении на родину в смешанной австро-германорусской комиссии, которая приступит к работе после обмена ратификационными грамотами». Телеграмма московского Комиссара по делам беженцев Смольского: «Всеми силами сдержите возвращение беженцев на родину, так как немцы пока не пропускают»; телеграмма из Смоленска от председателя исполкома губернского Совета беженцев Я. Индринсона: «Через границу немецкие власти ещё никого не пропускают. Согласно телеграмме из

²⁰ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 29 (без нумерации листов).

Орши, беженцы, прибывшие туда на свой страх и риск, находятся в безвыходном положении и голодают»²¹.

В приказе Центропленбежа от 25 мая 1918 г. говорилось, что на предложение Наркомата иностранных дел от 15 апреля 1918 г. по поводу открытия границ для беженцев, скопившихся в пограничных пунктах, Германское правительство 21 апреля 1918 г. объявило согласие на пропуск лишь отдельных лиц из Варшавского генерал-губернаторства при условии наличия у них продовольствия на 3 месяца. Затем 18 мая 1918 г. немцы согласились на проезд беженцев партиями по 500 человек через каждые 2 дня в Люблинское генерал-губернаторство. Для пропуска *всех без ограничения беженцев* Германское правительство настаивало на заключении особых дипломатических соглашений. Вместо этого Центр требовал принятия мер к недопущению передвижения беженских масс без предварительного согласования. Однако несанкционированное движение беженцев только нарастало. 30 мая 1918 г. Центропленбеж телеграфировал: «Из всех мест беженцы стихийно устремились в пограничные пункты, желая пробиться на родину. Немцы пропускают исключительно людей зажиточных, беднота скопляется в приграничной полосе, создавая там катастрофическое положение <...> не давайте *никаких нарядов* к отправке беженцев к западным границам»²². В начале июня 1918 г. было объявлено о воспрещении въезда беженцев в Вязьму по причине отсутствия хлеба, наличия в госпиталях двух тысяч тифозных больных и ежедневного прибытия в город 2,5 тыс. беженцев. Советы Смоленска и Орши также объявили о запрещении въезда на своей территории²³.

В местные беженские Советы обращались и за пособиями. Так, в Ловатский волсовет Жиздринского уезда Калужской губернии обратилась уроженка Гродненской губернии Мария Маркевич: «<...> От мужа нет известий три месяца. У меня двое детей 2-х лет и 6 месяцев. Прошу выдать мне

²¹ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 18, 20–22.

²² Там же. Л. 62.

²³ Там же. Л. 66.

пособие»²⁴. Служащий волостного совета, пересылая прошение в уездный, сделал на нём приписку: «Гражданке Маркевич остаётся только побираться, а за большим наплывом побирающихся и своего недостатка в продовольствии подаяния нет». В г. Жиздре беженка из той же Гродненской губернии Заустинская написала в своём прошении о пособии: «Муж вернулся с фронта больным, имею троих детей, до января 1918 г. получала ежемесячное пособие 10 рублей». Мальчик из Гродненской губернии Александр Цебрик просил выдать ему единовременное пособие на пропитание в пути до г. Ельца, куда его отправляли до подыскания места жительства «ввиду свирепствовавшего в Жиздринском уезде голода». Ранее он находился под покровительством досоветских беженских организаций, а теперь средств не имел²⁵. Пособия из-за недостатка средств назначали самым бедным по результатам обследования представителями Советов беженцев. При этом возникали недовольство и жалобы. Так, член Калужского губсовета беженцев Сергей Дудич в апреле 1918 г. был обвинён беженкой из Гродненской губернии Евдокией Кохнович в получении взятки от беженца Андрея Шишко за назначение ему пособия после обследования Дудича. Дело дошло до ревтрибунала, однако вина Дудича не была доказана²⁶.

Советы беженцев на своих заседаниях рассматривали все насущные проблемы повседневной жизни беженцев. Так, на заседании Жиздринского уездного Совета 23 апреля 1918 г. его председатель Степан Новыш доложил о получении от губернского Совета беженцев 10 150 рублей на беженские пайки за прошлое время, а именно за ноябрь и декабрь 1917 г., и 65 тысяч рублей на призрение нетрудоспособных беженцев в январе-марте 1918 г. Кроме того, губернский Совет беженцев выделил для беженских приютов некоторое количество белья, одежды, обуви, которые следовало получить в Калуге. На

²⁴ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 9 (без нумерации листов).

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Ф. Р-819. Оп. 3. Д. 76. Л. 1, 2, 4, 8.

заседании было решено увеличить оклады «учащим» (учителям) с 75-80 рублей в месяц до 200²⁷.

На следующем заседании Совета беженцев 30 апреля 1918 г. председатель ознакомил собравшихся с постановлением наркомата внутренних дел от 21 марта 1918 г., в пункте 22 которого говорилось о прекращении с 1 января 1918 г. выдачи казённого беженского пайка²⁸. Согласно постановлению, денежные средства предполагалось отпускать лишь на содержание беженских приютов, убежищ и школ. Сметы этих учреждений, составленные беженской организацией, «стоящей на платформе Советской власти», подлежали утверждению уездных или городских совдепов, затем губернского, а потом – беженским отделом наркомата внутренних дел. В случае утверждения смет денежные суммы поступали на счёт губернского совдепа для дальнейшего распределения между учреждениями через губернский и уездные Советы беженцев²⁹.

Однако, несмотря на указанное постановление, жиздринский уездный Совет беженцев с одобрения губернского Совета беженцев 11 апреля 1918 г. оставил прежним размер беженского пайка на душу в месяц (7 рублей 30 копеек) и число лиц, получающих его, до открытия в уезде, как надеялись члены Совета, достаточного количества приютов, богаделен и общежитий, где будут призреваться неимущие нетрудоспособные беженцы. По просьбе Зикеевского волостного Совета беженцев постановили возобновить с 15 мая 1918 г. работу школы в д. Мурачёвка³⁰. На этом же заседании была рассмотрена дополнительная смета расходов на первый квартал 1918 г. В ней на содержание школ планировалось израсходовать 11 050 рублей; богоугодных заведений, эвакуированных из Гродненской губернии - 4 582 рубля; на медицинскую помощь – 875 рублей; на передвижение беженцев до железнодорожной станции

²⁷ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

²⁸ Постановление было утверждено наркомом внутренних дел Г.И. Петровским 4 апреля 1918 г. // ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 30–31.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 4.

при переселении в производящие губернии – 5 тыс. рублей; всего – 21, 5 тыс. рублей.

На заседании 18 мая 1918 г. председатель уездного Совета беженцев известил волостные Советы беженцев о прекращении снабжения беженских организаций мукой по нарядам губернских продорганов. Предполагалось снабжение беженцев местными продорганами наравне с коренным сельским населением. Это решение значительно обостряло проблему продовольственного снабжения беженцев на местах. В связи с этим Жиздринский уездный Совет беженцев постановил в г. Жиздре организовать беженскую *кооперативную* лавку, но это не снизило остроту продовольственного вопроса из-за отсутствия продуктов³¹. Так, в Жиздринский уездный Совет беженцев 31 мая 1918 г. обратился священник Константин Кончевский, заведующий приютом, расположенным в селе Брынь, с просьбой сделать распоряжение об отпуске для приюта продовольствия из беженской лавки, т.к. местные продовольственные органы «ничего не дают за неимением». Было отпущено 9 пудов ржаной муки, ничего другого в лавке не имелось. При следующем обращении в беженской лавке муки уже не было «и добывать её не было никакой возможности»³². Ещё в марте-апреле 1918 г. уездный Совет беженцев имел возможность снабжать нуждающихся беженцев мукой по 10 фунтов в месяц на каждого. Так, 11 марта 1918 г. для 230 человек в Людинове было отпущено по 6 фунтов (10 рублей за пуд). Уменьшение нормы выдачи в данном случае было связано с резко возросшим количеством нуждающихся беженцев³³. Беженский кооператив в Жиздре, созданный в мае 1918 г., просуществовал до начала 1919 г. В него входило до одной тыс. человек. Например, жиздринским центральным продовольственным складом в августе 1918 г. кооперативу было отпущено 90 пудов муки, по 14 рублей 40 копеек за

³¹ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 3. Л. 41.

³² Там же. Д. 7. Л. 6, 7, 12.

³³ Там же. Д. 30 (без нумерации листов).

пуд; в сентябре – 12 пудов сельди, соль, керосин, ландрин; в ноябре – соль, сельдь, тарань³⁴.

С 1 июля 1918 г. уездные Советы беженцев были упразднены, они просуществовали всего 4 месяца. Прекратил свою деятельность и Губернский Совет беженцев. В Рязанской губернии ликвидация Советов беженцев проходила в августе 1918 г.³⁵ В Орловской губернии губернскому Совету беженцев до своей ликвидации удалось получить от государства на содержание беженских приютов и убежищ в первом полугодии 1918 г. лишь 1/6 часть причитавшихся по смете средств³⁶.

Таким образом, I Всероссийский съезд беженцев, созданный в сентябре 1917 г., учредил Всероссийский Союз беженцев. После очередной смены власти, в ноябре 1917 г., II Всероссийский съезд беженцев взял курс на сотрудничество с советской властью и создание на демократических началах Советов беженцев, избрал новое руководство Всероссийского Союза беженцев. Съезд обнародовал широкую программу государственной помощи беженцам на местах их временного проживания, а также по возвращении их на родину, порядок и сроки их реэвакуации. С января по апрель 1918 г. были созданы Советы беженцев от губернского до волостного уровней. Одновременно власть ликвидировала прежние организации, оказывавшие помощь беженцам.

Советы беженцев продолжили отправку беженцев в хлеботорные губернии Сибири и юго-востока России, начатую досоветскими беженскими организациями в 1917 г. Принять участие в возвращении беженцев на родину после выхода Советской России из войны Советы беженцев возможности не получили. Наоборот, центральной властью в этом вопросе Советам беженцев отводилась роль сдерживателя стихийного движения беженцев на Запад, непреодолимого в сложившихся условиях. Из остатка средств ликвидированных прежних беженских организаций Советы беженцев

³⁴ ГАКО. Ф. Р-2020. Оп. 1. Д. 1, 2 (без нумерации листов).

³⁵ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 68 об.

³⁶ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 8. Л. 8–8 об; 21–22.

продолжали выплачивать денежные пособия нуждавшимся, финансировать беженские школы и приюты, через беженские лавки снабжали беженцев продовольствием. Кратковременность существования и ликвидация новых беженских демократических организаций – Советов беженцев, в основном к июлю – августу 1918 г. свидетельствует о том, что эти организации очень скоро стали лишними в складывающейся политической системе общества нового типа. Ни один из пунктов программы государственной помощи беженцам, принятой II Всероссийским съездом беженцев выполнен не был.

5.2. Беженцы – граждане Советской Республики

После заключения в Брест-Литовске мирного договора с Германией в марте 1918 г. для решения проблемы возвращения на родину военных и гражданских пленных, беженцев и заложников 23 апреля 1918 г. в составе комиссариата по военным делам, как уже упоминалось, была учреждена Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж)³⁷. Беженцы подлежали ведению Центропленбежа с момента их посадки в вагоны для реэвакуации³⁸. Губернские и уездные органы этой структуры в центральном районе Европейской России организовались в основном летом 1918 г. Оказание материальной помощи беженцам до реэвакуации в их обязанности не входило, хотя беженские пайки были отменены с 1 января 1918 г., о чём было объявлено задним числом в марте 1918 г.³⁹

³⁷ В составе коллегии были утверждены: И.С. Уншлихт, Н.С. Тихменев, Р.М. Радек, И.И. Ульянов и М.М. Луцкий. Центральная коллегия имела в своём составе следующие отделы: 1) административный (заведование военнопленными и гражданскими пленными в России); 2) отдел по размену пленными и беженцами (части: санитарно-эвакуационная, регистрационно-статистическая, железнодорожно-транспортная; 3) правовой отдел; 4) отдел снабжения и продовольствия; 5) отдел помощи русским военнопленным за границей; 6) отдел о беженцах; 7) финансовый отдел и 8) управление делами Коллегии // Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 2 июня 1918. № 1. С. 2.

³⁸ Декрет в дополнение декрета об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев. 21 июня 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С 462–463.

³⁹ Постановление НКВД от 21 марта 1918 г. // ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 30–31.

К этому времени прежние досоветские беженские организации были распущены и ликвидировались. Советы беженцев, созданные уже в советский период. Было распущено и Центральное правление Всероссийского Союза беженцев, избранное на II Всероссийском съезде беженцев в ноябре 1917 г., который принял резолюции «О реэвакуации», «О финансировании», «О праве пользования землёй». В резолюциях на советское государство возлагалась ответственность за дальнейшую судьбу беженцев, за проведение в жизнь специальных программ, разработанных Всероссийским Союзом беженцев, что не входило в планы центральной власти.

Беженским отделам созданных местных эвакуационных органов предстояло заниматься подготовкой реэвакуации. Например, Калужская губернская коллегия пленбежа приступила к работе с 1 июня 1918 г. Первым её председателем стал Ян Филиппович Франковский, членами – Карл Иванович Сливко, бывший военнопленный, чех по национальности, член РСДРП с 1912 г., вступивший в РКП(б), возглавлявший коллегия с 27 июля 1918 г. по 8 апреля 1919 г., и Клара Карловна Лапина, член РКП(б)⁴⁰. Первоначально в составе Губпленбежа было 8 отделов (74 сотрудника): эвакуационный, или беженский; пленных; культпросветотдел; хозяйственный; врачебно-санитарный; финансовый; секретарский и ликвидационный. Эвакуационный отдел возглавлял Я. Франковский, а затем эвакуационную часть общего отдела С. Каралис; отделом пленных руководила Софья Амброжкевич, а затем Ян Суходол, бывший делопроизводитель этого отдела. Культпросветотделом заведовала К.К. Лапина. После апрельской 1919 г. реорганизации и сокращения на 50 % сотрудников из 8 осталось 3 отдела: общий, пленных и материально-финансовый. Возглавил Коллегию товарищ Тихвинский, членами Коллегии стали Волков и Е. Лясковская. Общим отделом стала руководить Е. Лясковская, член ППС, бывший делопроизводитель культпросветотдела. Отдел занимался беженцами и культпросветработой. Возглавил материально-финансовый отдел Фридрих Спунде, бывший начальник секретарского отдела.

⁴⁰ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 2 (без нумерации листов); Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 149. Л. 1.

Надо отметить, что все делопроизводители, конторщики, регистратор Губернского Совета беженцев после его ликвидации перешли на работу в Губпленбеж⁴¹. На 1 августа 1919 г. в калужском Губпленбеже было 6 отделов: общий (Лясковская), беженский (Каралис), пленных (Родзяловский), хозяйственный (Мешков), культпросвет (Волков), бухгалтерский (Паль)⁴².

В Рязанской губернии первым председателем Коллегии Губпленбежа был назначен член Губисполкома Иван Ильич Янкин, кроме него, Коллегия состояла из секретаря и четырёх членов. К практической работе приступили с начала июня 1918 г., первоначально было образовано семь отделов, затем добавился культпросветотдел. После апрельской 1919 г. реорганизации в Губпленбеже осталось 6 делопроизводств. В августе 1919 г., когда Губернская коллегия стала управлением, начальником был назначен И.И. Янкин. Уездпленбежи также были реорганизованы, сначала в подотделы, затем в июне 1919 г. – в делопроизводства при Совдепах с двумя сотрудниками – уполномоченными пленбежа⁴³. Тульский Губпленбеж в составе председателя Фёдора Фёдоровича Розенбаха, секретаря Альфреда Эмильевича Тейле, членов Бориса Ивановича Калинина и Петра Эдуардовича Берлина приступил к работе 7 июня 1918 г.⁴⁴

Принятые местными организациями Центропленбежа от Советов беженцев школы, приюты, убежища практически сразу были переданы в ведение Наркоматов просвещения и социального обеспечения в соответствии с Декретом СНК от 27 июля 1918 г. об уравнении беженцев, остающихся в российском гражданстве, в отношении подведомственности с остальными гражданами Российской Республики⁴⁵. Беженцам из местностей, отторгнутых от России по Брестскому мирному договору, декретом СНК от 15 июля 1918 г.

⁴¹ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 214. Л. 45–58.

⁴² ГАДНИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 48. Л. 10–10 об.

⁴³ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 51 об–52, 64–66.

⁴⁴ ГАОО. Ф. Р-1840. Оп. 1. Д. 11. Л. 132.

⁴⁵ Декрет об уравнении беженцев, остающихся в российском гражданстве, с остальными гражданами Республики. 27 июля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 103–104.

предоставлялось право в месячный срок возбудить ходатайство перед НКВД о выходе из российского гражданства⁴⁶. По многочисленным ходатайствам указанный срок продлялся трижды: 16 августа, 21 сентября, 22 октября 1918 г., в итоге заявления принимались до 16 ноября 1918 г.⁴⁷ Временные правила порядка выхода уроженцев Украины из российского гражданства были разработаны НКВД лишь в сентябре 1918 г.⁴⁸

Уездпленбежи были образованы в основном с 1 июля 1918 г. Первое время из остатков средств ликвидированных Советов беженцев уездпленбежами оказывалась материальная помощь нуждающимся в виде пайков, единовременных пособий, одежды. Но оказание материальной помощи беженцам до начала их отправки на родину в компетенцию Центропленбежа не входило.

В сложившейся ситуации с первых дней возникновения в центре Европейской России уездных органов Центропленбежа беженцы стали адресовать им заявления об отправке на родину или в производящие юго-восточные губернии. До начала планомерной реэвакуации уездные пленбежи помогали беженцам уехать⁴⁹. Например, в 1918 г. Жиздринский уездпленбеж Калужской губернии отправил по экстренным отзывам (бесплатно) в Курскую, Воронежскую, Тамбовскую губернии 685 беженцев. Ещё 296 беженцам были выданы удостоверения, необходимые для проезда по железной дороге, и они за свой счёт покинули Жиздринский уезд. Аналогично действовали и остальные уездпленбежи губернии⁵⁰. Летом 1918 г. помогали отправлять на родину отдельные группы белорусских беженцев из Рязанской, Тульской, Орловской,

⁴⁶ Декрет о выходе некоторых категорий лиц из российского гражданства. 15 июля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 18–19. Декрет был опубликован в «Известиях» 16 июля 1918 г., № 148.

⁴⁷ ГАОО. Ф. Р-1162. Оп. 1. Д. 18. Л. 16–16 об; см. также: *Фельштинский Ю.Г.* К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной политики. М., 1991. С. 70, 123.

⁴⁸ Известия Калужского Губернского исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 28 ноября 1918. № 246.

⁴⁹ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 69 об; *Лахарева Н.В.* Реэвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925 гг.). Курск, 2001. С. 64–65.

⁵⁰ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 187 а.

Воронежской и Калужской губерний и эмиссары Белнацкома⁵¹. За помощью в Белнацком обращались выселяемые из квартир беженцы, как, например, в Новосильском уезде Тульской губернии в октябре 1918 г. Белнацком пытался улаживать эти вопросы через местные совдепы⁵².

Начать реэвакуацию беженцев планировалось с Северо-Западного района страны (зона первая, Пограничная). Такие центральные губернии Европейской России, как Орловская, Курская, Калужская, Тульская были отнесены ко второй зоне, а Рязанская и Воронежская – к четвёртой (см. Приложение 3)⁵³. Сначала Центропленбеж потребовал от своих уездных органов по-новому провести регистрацию беженцев, используя бланки нового образца. Списки зарегистрированных беженцев следовало направлять в Губпленбеж на утверждение и определение очереди отправки. Документы, оформленные по старой форме, возвращали. Например, Почепский уездпленбеж Орловской губернии, отправивший в Орёл списки около 2,5 тыс. беженцев, составленные по старому образцу, получил их обратно. Между тем беженцы выражали нетерпение и недовольство. «Могут возникнуть неприятные эксцессы, если отъезд на родину будет и дальше задерживаться, так как помощь беженцам не оказывается, и они терпят острую нужду во всём», - отмечалось в отчёте уездпленбежа. Нелегально выехали 500 человек, «их не могла сдержать никакая сила <...>, приходилось им помогать, а именно: выдать пропуска, поскольку разъяснений по этому вопросу не было», - оправдывались работники местного пленбежа. Кроме того, из других районов прибывали транзитные беженцы тоже с пропусками уездпленбежей⁵⁴. Как видим, уездпленбежи помогали беженцам уехать за свой счёт.

В другом уезде Орловской губернии – Елецком смогли как исключение к 1 октября 1918 г. добиться бесплатной отправки 293 беженцев из 12,5 тыс.,

⁵¹ НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 55. Л. 40, 49, 87, 89, 93, 112, 115–118, 125–126, 129, 156, 167–171, 174, 176, 252.

⁵² Там же. Д. 47. Л. 335.

⁵³ Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 2 июня 1918. № 1. С. 7.

⁵⁴ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 10. Л. 5–5 об.

находившихся там в условиях, когда «во многих деревнях домовладельцы-крестьяне повыбрасывали их с малыми детьми из своих домов на улицу, абсолютно отказали в продаже им каких бы то ни было жизненных продуктов. Полуголодные и полунагие переносят они всевозможные страдания. Коллегия же за неимением в своем распоряжении средств, придти на помощь не может»⁵⁵.

В октябре 1918 г. из губерний Центрального реэмиграционного района⁵⁶ при активном участии польского представительства Центропленбежем было отправлено всего 6 тысяч польских беженцев: орловским и калужским эшелонами чуть более 2 тыс., рязанским эшелонами – более тысячи вместе с литовцами и белорусами, 3 тыс. поляков отправили из Москвы⁵⁷. 3 тыс. беженцев отправили в этот же период и из Воронежской губернии⁵⁸. Реэвакуация сопровождалась неоднократным переносом времени отправки, например, более 1 тысячи беженцев, отправленных в Оршу 1 октября 1918 г., перед отъездом находились в вагонах свыше 2 месяцев. Когда комендант эшелона по прибытии в Вязьму обратился в местный пленбеж за получением продовольствия для 1 тысячи человек, ему отпустили только небольшое количество чая и сахара. В Смоленске он не получил ничего, в Орше беженцам выдавали 1 раз в день суп «в виде вонючей жидкости с неразваренной пшеницей»⁵⁹.

Надо отметить, что в начале марта 1919 г. НКВД приостановил рассмотрение ходатайств о выходе из российского гражданства уроженцев всех местностей, кроме Польши и Финляндии, и аннулировал выданные

⁵⁵ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 10. Л. 12.

⁵⁶ Центральное реэмиграционное управление было создано в августе 1918 г. Представительством Регентского Совета Королевства Польского в России для содействия беженцам – польским гражданам в деле реэмиграции. Было организовано 5 реэмиграционных районов: Северный с центром в Петрограде, Центральный (Москва), Юго-Восточный (Самара, временно Саратов), Восточный (Екатеринбург, временно Челябинск), Сибирский (Томск) // ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 42. Л. 5–7.

⁵⁷ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 18. Л. 29–29 об.

⁵⁸ Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 27 октября 1918. № 16.

⁵⁹ Там же. 3 ноября 1918. № 17.

удостоверения о приёме прошений. Циркуляром НКВД от 31 июля 1919 г. прекращался приём прошений о выходе из российского гражданства, а все дела по ходатайствам с 18 ноября 1918 г. аннулировались. В результате беженцы призывного возраста, пожелавшие выйти из российского гражданства, против своей воли оказались в Красной армии и стали участниками Гражданской войны⁶⁰. Уклонявшимся от этой повинности занимались ревтрибуналы, губернские комиссии по борьбе с дезертирством, а с марта 1921 г. – суды⁶¹.

Долго ожидавшие плановой отправки беженцы попадали в поле зрения всяких дельцов и аферистов, которые, пользуясь ситуацией, предлагали свои услуги по ускорению оформления отъезда за пять рублей с одного человека, кроме того, беженцам советовали дополнительно приобретать по 50 рублей какие-то «охранные листы» также для ускорения отправки. Снявшиеся с мест беженцы, уже не имевшие крыши над головой, готовы были заплатить, лишь бы уехать⁶². Железнодорожные станции летом 1918 г. сплошь были заполнены беженцами, в том числе больными. Например, в Курске в августе-октябре свирепствовала эпидемия холеры: от трупов не успевали освобождать вагоны и пути. Затем началась эпидемия сыпного тифа⁶³. Обирали беженцев и должностные лица. Так, 16 октября 1918 г. в Орше задержали санитарный поезд с украинскими беженцами. При этом сотрудники чрезвычайной пограничной комиссии запросили за отставку поезда 1,5 тыс. рублей, потом ещё 200 тыс.⁶⁴. В сентябре 1918 г. комендант Калужского эшелона, состоящего из беженцев-

⁶⁰ ГАОО. Ф. Р-1162. Оп. 1. Д. 18. Л. 59.

⁶¹ Постановление Совета обороны о борьбе с дезертирством. 25 декабря 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 254–256; Постановление Совета обороны о предоставлении губернским комиссиям по борьбе с дезертирством прав революционных трибуналов в отношении вынесения приговоров по делам дезертиров. 13 декабря 1919 г.; Постановление Совета обороны о предоставлении уездным комиссиям по борьбе с дезертирством права наложения наказаний на укрывателей дезертиров // Декреты Советской власти. Т. 7. М., 1974. С. 22–23; Постановление ВЦИК и СНК о направлении в народные суды всех дел о военном дезертирстве, пособничестве, попустительстве и укрывательстве // Декреты Советской власти. Т. 13. М., 1989. С. 10–12.

⁶² ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 3. Л. 161–162.

⁶³ *Лахарева Н.В.* Резвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925 гг.). Курск, 2001. С. 71, 95.

⁶⁴ Там же. С. 34.

белорусов, К.К. Лапина, сотрудница местного Губпленбежа, не обеспечила беженцев в пути положенным продовольствием, хотя отчиталась о его выдаче. Кроме того, беженцы этого эшелона лишились ценных вещей, отданных на хранение Лапиной⁶⁵.

Конкретных сроков плановой отправки местные органы Центропленбежа заранее не знали и сообщить беженцам ничего не могли, а условия советской действительности, в которых они оказались, заставляли их действовать самостоятельно на свой страх и риск. Например, в июле 1918 г. у границы с Украиной, на территории Курской губернии, скопилось до 5 тыс. беженцев, а за демаркационной линией на расстоянии 5-6 вёрст – до 20 тыс.⁶⁶ Рязанскую губернию, плановая отправка из которой намечалась лишь в четвёртую очередь, уже к лету 1918 г. в основном самостоятельно и частично с помощью прежних беженских организаций покинула бóльшая часть беженцев: из 73,5 тыс., имевшихся на начало 1917 г., осталось около 15 тыс. (20 %)⁶⁷. Рязанский Губпленбеж стал добиваться внеплановой отправки на родину всех оставшихся беженцев, мотивируя свою просьбу «критическим положением беженцев как в продовольственном, так и в квартирном отношениях, когда выезд на родину есть единственное спасение от голодной смерти совершенно не получивших земли»⁶⁸. Получая отказы центра, Губпленбеж Рязани неоднократно пытался получить разрешение на отставку беженцев дальше на Восток, в более обеспеченные продовольствием губернии, но и это было запрещено⁶⁹. Тогда Губпленбеж стал добиваться санкции на выдачу удостоверений беженцам, согласным выехать из губернии за свой счёт, и снова получал отказы⁷⁰. Отсутствие официального разрешения не помешало беженцам и дальше самостоятельно покидать территорию Рязанской губернии, спасаясь от голода. При этом Губпленбеж не успевал отвечать Центру, что не участвовал в

⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 39. Л. 2–4; ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 8. Л. 112.

⁶⁶ Там же. Д. 69. Л. 5–6.

⁶⁷ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 1 в. Л. 88.

⁶⁸ Там же. Оп. 2. Д. 18. Л. 12, 33–33 об.

⁶⁹ Там же. Д. 11. Л. 8, 14.

⁷⁰ Там же. Л. 17, 23.

отправке, что беженцы уезжали самовольно, несмотря на воспрещение, что они «передвигались, как частные пассажиры»⁷¹. Конкретно о 6 тысячах беженцев, якобы уехавших из Рязанской губернии в 1918 г., Губпленбеж заверил Центр, что ему об этом «ничего не известно»⁷².

По распоряжению Центра, самовольно передвигавшихся беженцев в 1918 г. снимали с поездов по пути на родину и размещали, в частности, в близлежащих к железнодорожным станциям разграбленных и пустовавших имениях (без печей, окон и дверей)⁷³. С наступлением весны 1919 г. тот же Рязанский Губпленбеж снова безрезультатно пытался в официальном порядке отправить беженцев в юго-восточные губернии⁷⁴. Летом беженцы самовольно двигались не только по железным или грунтовым дорогам, но и водным путём⁷⁵. Другая часть беженцев в это время дожидалась плановой отправки, например, группа уроженцев Гродненской губернии расположилась в пакгаузах железнодорожной станции «Михайлов» и «Богоявленск». На железнодорожной станции «Сухарево» ожидали отправки 285 беженцев из Ряжского уезда. Местному уездному исполкому было предписано удалить их со станции и расселить в бывших помещичьих домах под угрозой отстранения от должности и придания суду, но дело не двигалось⁷⁶.

Из Калужской губернии в конце августа – начале сентября 1918 г. Центропленбеж санкционировал отправку на родину двумя эшелонами 1 017 беженцев из Жиздринского уезда⁷⁷ в направлении Орши. Из Калуги и Калужского уезда в направлении Орши и Себежа отправили 1 207 чел. в августе и 1 730 в сентябре, всего 2 937 чел. Из Козельского уезда 29 ноября 1918 г. отбыли на Украину 670 чел.⁷⁸, но было уже поздно, беженцев не принимали, там снова произошла смена власти. Понятно, что отправка на родину

⁷¹ ГАРО. Ф. Р-1104. Оп. 1. Д. 6. Л. 235.

⁷² Там же. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 54. Л. 40–40 об; Д. 11. Л. 50.

⁷³ Там же. Д. 11. Л. 21–21 об.

⁷⁴ Там же. Л. 100.

⁷⁵ Там же. Д. 54. Л. 72, 81.

⁷⁶ Там же. Д. 11. Л. 226, 267, 323–324.

⁷⁷ По другим данным – 1 190 чел.

⁷⁸ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 64.

эшелонами в общей сложности около 5 тыс. чел. в 1918 г. не решила проблему реэвакуации беженцев, которых в Калужской губернии оставалось на лето 1918 г. 35,7 тыс. человек⁷⁹. Кроме того, планомерные маршрутные перевозки на этом были приостановлены на неопределённое время, а индивидуальная отправка беженцев была строго запрещена до особого распоряжения.

В начале 1919 г. уездпленбежи получили информацию о возможном возобновлении маршрутных реэвакуаций. Это касалось лишь уроженцев Минской, Могилёвской и Витебской губерний, советских на этот период⁸⁰. Действительно, свыше 1 300 беженцев из разных уездов Калужской губернии были отправлены на родину 9 марта 1919 г. Отправка проходила не без проблем. Так, в крупнейшем из уездов – Жиздринском, где расстояние от самой дальней деревни до станции отправки составляло 75 вёрст, а время в пути на подводах от 1 до 2 дней, об отъезде своевременно были оповещены 59 беженцев из 71. При посадке в вагоны беженцам полагался паёк. На складе местного уездпленбежа продовольствия не было, из Центра оно тоже не поступило. На Губпродком рассчитывать не приходилось, хотя обращение туда было направлено. В результате пришлось позаимствовать муку для выпечки хлеба, чай и сахар, поступившие на склад Губпленбежа для русских военнопленных. Эта реэвакуация стала первой и последней в 1919 г.⁸¹ Постановление об очередной приостановке реэвакуации было принято СНК 27 марта 1919 г.⁸²

В Тульской губернии единственная плановая отправка одного беженского эшелона в Могилёвскую губернию в 1919 г. состоялась 3 января⁸³.

Центропленбеж в 1919 г. прямо объявил своим местным органам, что «дело о реэвакуации беженцев в данное время находится в очень плачевном

⁷⁹ Красный октябрь. 1917–1920. Калуга, 1920. Ч. VIII. С. 2.

⁸⁰ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 2–3; одно из заявлений об отправке на родину – см. в Приложении 5.

⁸¹ ГАКО. Ф. Р-2023. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.

⁸² Постановление СНК о приостановке эвакуации в Латвию, Литву и Белоруссию. 27 марта 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 656.

⁸³ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377 (без нумерации листов).

положении, и на скорую отправку на родину нет почти никакой надежды. Комиссариат путей сообщения может предоставить для беженцев всего один эшелон в неделю». Исходя из этого предлагалось составить сметы расходов на удовлетворение нужд беженцев и представить их в Центропланбеж⁸⁴. Сметы были составлены и представлены, но этим все и кончилось. Если вопрос об оказании помощи беженцам до их реэвакуации не был решён положительно в Советской России, то, например, Совнарком Советской Украины установил своим декретом от 28 марта 1919 г. семейные пайки неимущим нетрудоспособным беженцам в размере от 75 до 200 рублей в зависимости от числа едоков⁸⁵.

Между тем беспрепятственный проезд на родину предоставлялся беженцам-членам коммунистической партии, «всецело стоящим на платформе советской власти, для участия в созидании новой свободной социалистической России на своих родных местах», как они писали в своих заявлениях. Например, из Перемышльского уезда Калужской губернии Максим Рукша и Алексей Гарбарук отправились в феврале 1919 г. в Гродненскую губернию, а Герасим Попроцкий – в Виленскую⁸⁶. Емельян Семенюк, размещённый с семьёй в Тамбовской губернии, по знакомству получил в Тамбове товарный вагон и справку о том, что он – революционер и едет в Польшу, чтобы организовать там коммунистическую партию. В справке указывалось, чтобы по дороге его вагон не останавливали и выдавали паёк. Сын беженца вспоминал, что на железнодорожных станциях беженцы в ожидании поезда сидели по три месяца, а отцовский вагон незамедлительно прицеплялся к поездам нужного направления. В вагоне находилась и лошадь с коровой⁸⁷.

В декабре 1918 г. в губкомы РКП(б) из Москвы, от Литовской секции РКП(б), рассылались телеграммы о мобилизации «в связи с возрастающим

⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 299. Л. 34.

⁸⁵ ГАБО. Ф. Р-1266. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 299. Л. 17.

⁸⁷ Семенюк П. Бегство от беды // Беженство 1915 года / Ред. В. Луба. Белосток, 2000. С. 234.

революционным движением в Литве всех товарищей коммунистов – уроженцев Сувалкской, Ковенской, Виленской и Гродненской губерний для создания там Советской власти <...> Время не ждёт, каждый час дорог!»⁸⁸. Основная роль в советизации советских окраин отводилась, как известно, Красной армии. Группу беспартийных беженцев из Сапожковского уезда Рязанской губернии, получивших от Бычковского сельского совета разрешение на проезд до Минска и отправившихся туда за свой счёт в январе 1919 г., остановили, как нелегалов, едущих без санкции Центра⁸⁹. При этом в Минске уже была установлена советская власть. Распоряжением Реввоенсовета, опубликованном в Московских Центральных Известиях 26 марта 1919 г., окончательно останавливалось отправление беженцев на Запад «ввиду скопления беженцев в конечных пунктах, переполнения всех барачных помещений и прекращения, ввиду стратегической обстановки, дальнейшего направления их в западном районе». Одновременно здесь же было помещено объявление Минского пленбежа: «Белогвардейцы привлекают на службу всех, проходящих через их фронт и способных носить оружие, <...> переход беженцев через демаркационную линию влияет на ход военных операций <...> если беженцы будут направляться в Минск, то все они будут арестовываться и препровождаться под конвоем»⁹⁰. Главпленбеж Советской Украины предписывал удалять самостоятельно едущих на родину беженцев из вагонов и размещать их в ближайших беженских лагерях, а совдепы и особые отделы Красной армии предупреждались об ответственности за выдачу беженцам разрешений на выезд и пропусков⁹¹.

В 1919 г. при отсутствии плановой реэвакуации наблюдалось повсеместное массовое изгнание беженцев из домов местных сельских жителей, которые требовали квартирную плату. По этому вопросу беженские ходоки, например, из села Инякино Спасской волости Рязанского уезда в мае 1919 г. ездили с жалобой в Москву. В ответ местным органам Центропленбежа

⁸⁸ ГАДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.

⁸⁹ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 11. Л. 64–64 об.

⁹⁰ Там же. Д. 54. Л. 31.

⁹¹ ГАБО. Ф. Р-1266. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–3 об, 13, 70.

было предложено разместить их на прежнем месте. Они, конечно, рассчитывали на отправку на родину. Вместо этого беженцев призывали в Красную армию⁹². Уездные пленбежи через волостные советы занимались улаживанием этой проблемы. К примеру, крестьяне деревни Которец Маклаковской волости Жиздринского уезда Калужской губернии выгнали из домов 5 семей (26 человек), и беженцы двинулись в Жиздру, прямо на железнодорожную станцию, чтобы их отправили на родину, в Гродненскую губернию. Со станции беженцев направили в уездпленбеж, который попытался разместить их в Милеевской волости, но и там их не приняли. В результате беженцев вернули обратно в ту же Маклаковскую волость⁹³. Аналогичные случаи отмечались, например, в Ухорской волости Спасского уезда Рязанской губернии. В мае 1919 г. беженцы получили там всего по 4 фунта хлеба на целый месяц, и когда их выгнали из квартир, они отправились на железнодорожную станцию «Проня», чтобы ехать домой. Началась переписка об обратном водворении с угрозами ревтрибуналом при невыполнении распоряжения Губпленбежа местной властью⁹⁴.

Невыдача беженцам продовольствия райпродкомами была обычным явлением. Так, в Воронежский Губпленбеж в начале марта 1919 г. обратилось до 100 и более беженцев с жалобами на отказ в выдаче продовольствия и выселение из квартир или домов. По этой причине за 10 дней марта было выдано 55 удостоверений на 205 человек для выезда на родину за свой счёт⁹⁵. В Рязанской губернии беженцы Лужковской волости Михайловского уезда в мае 1919 г. обратились в Губпленбеж по поводу невыдачи им хлеба и отказов в жилье, вследствие чего они просили разрешение на выезд на родину за свой

⁹² ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1. Д. 102. Л. 108, 198–199.

⁹³ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 213–227.

⁹⁴ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 11. Л. 120.

⁹⁵ ГАВО. Ф. Р-1987. Оп. 3. Д. 2. Л. 2.

счёт. Как им стало известно, совет Скопинского уезда выдал такое разрешение беженцам, и они все вместе отправились на родину со станции «Павелец»⁹⁶.

Уроженцы Холмской и Гродненской губерний из Зарайского уезда Рязанской губернии в марте 1919 г. телеграфировали В.И. Ленину о том, что Кругловский волпродком категорически отказал им в выдаче хлебного пайка, и просили отправить их домой⁹⁷. При обращениях к «уважаемому товарищу Ленину» в ответ всегда предлагалось «принять срочные меры к снабжению беженцев продовольствием и предметами первой необходимости наравне с прочим населением». Иные Губпленбежи, в свою очередь, отвечали Центру, что с продовольствием положение кризисное, а беженцев много или прямо просили помочь с продовольствием, если отправка на родину невозможна⁹⁸.

Козельский уездпленбеж Калужской губернии 31 июля 1919 г. докладывал Губпленбежу, что беженцы не получают продуктов от местных райпродкомов за неимением таковых и по той же причине не могут приобрести их у местного населения, а заградительные отряды препятствуют привозу продуктов из производящих губерний. Сообщалось также, что беженская беднота, которой большинство, второй год не получавшая никакой материальной помощи, дошла до высшей степени нужды: «<...> питается исключительно одной зеленью в виде щавеля, крапивы и лебеды, разута и раздета <...> Беженцы возмущены тем, что 25 июля 1919 г. через Сухиничи на Запад проследовал беженский эшелон из Тамбовской губернии, а две недели назад – из Воронежской. И та, и другая губернии являются хлебородными, люди не понимают, что происходит. Запрашивать Центральную коллегию уездным строго запрещено, поэтому запрос адресуем Губернской коллегии». 4 августа 1919 г. Козельский уездпленбеж поставил в известность Губпленбеж о том, что 2 августа через станцию «Сухиничи» проследовал уже третий беженский эшелон (1 700 человек из Тамбовской губернии). Сведения

⁹⁶ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 11. Л. 190; см. также: *Лахарева Н.В.* Резвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925 гг.). Курск, 2001. С. 67.

⁹⁷ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 54. Л. 45.

⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1 а. Д. 202. Л. 37, 59, 60, 104, 108, 139 об.

получены от коменданта эшелона. Третье уведомление из Козельска было направлено в Калугу 11 августа 1919 г.: «Объяснений отправки беженцев из хлебобродных губерний на родину не имеем. Беженцы осаждают коллегую. Слагаем с себя всякую ответственность за могущие быть выступления»⁹⁹. К примеру, в Самаре в октябре 1918 г. для удаления беженцев, добивавшихся отправки на родину, со двора местного пленбежа вызывалась конная стража¹⁰⁰.

Продкомы не выдавали беженцам продовольствие даже в те редкие дни, когда оно выдавалось коренному сельскому населению, например, в Коротоякском уезде Воронежской губернии, где проживали уроженцы Гродненской и Холмской губернии, которые жаловались в Губпленбеж¹⁰¹. В Новосильском и Алексинском, Каширском и Венёвском уездах Тульской губернии беженцы также жаловались на произвол продорганов¹⁰². В Дороховском волостном продотделе Медынского уезда Калужской губернии, например, беженской семье М. Трофимюк из 4 человек (деревня Зиновино) так прямо и сказали: «Семья ваша к коренному населению не принадлежит»¹⁰³. О «ропоте на почве голода» летом 1919 г. сообщали Людиновский и Кондрыкинский волостные совдепы Жиздринского уезда Калужской губернии¹⁰⁴. В этой ситуации Центропленбеж дал разрешение местным пленбежам «в виде исключения в особо уважительных случаях» выдавать беженцам, «являвшимся за справками из отдалённых селений», суточный рацион, который в день возвращения на родину получали русские военнопленные. Практически все беженские семьи в уезде ездили за хлебом и другими продуктами на Украину и другие губернии, несмотря ни на какие заградотряды¹⁰⁵. Согласно положению СНК от 6 августа 1918 г. Калужским Губернским продовольственным комитетом на всех железнодорожных

⁹⁹ ГАКО. Ф. Р-2023. Оп. 1. Д. 1. Л. 100–102.

¹⁰⁰ Доклад эmissара Белнацкома Саратовской губернии Степанюка // НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 128. Л. 28-29.

¹⁰¹ ГАВО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 6. Л. 35.

¹⁰² ГАОО. Ф. Р-1840. Оп. 1. Д. 15. Л. 56; ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 877 (без нумерации листов).

¹⁰³ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 51 (без нумерации листов).

¹⁰⁴ Там же. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 15. Л. 2 а, 5 а.

¹⁰⁵ Там же. Д. 12. Л. 188.

станциях и крупных шоссейных дорогах были расположены реквизиционно-заградительные продовольственные отряды, которые реквизировали муку и зерно. Печёного хлеба можно было провезти до 20 фунтов. Только при наличии удостоверения о том, что продовольствие с Украины, разрешалось провести 5 пудов хлеба (муки и зерна) на одного пассажира и два пуда крупы¹⁰⁶. В 1919 г. Украина была для населения главной закупочной базой, лишь с середины 1920 г. Совнарком Украины запретил самостоятельные заготовки продовольствия и объявил о борьбе с мешочничеством¹⁰⁷.

От хронического недоедания, эпидемий люди болели и не все из них выживали. Так, по неполным данным, собранным не по всем волостям Жиздринского уезда, за период с лета 1918 по конец 1919 г. умерло около 300 беженцев, в том числе, с 1 сентября по 15 ноября 1919 г. – 88 человек (35 человек в месяц)¹⁰⁸. В других уездах, например, в Козельском, за второе полугодие 1919 г. умерло 125 беженцев (20,9 человека в месяц). Кому-то в этот период удавалось выбраться из пределов голодной губернии, а кому-то – нет. Вот сведения 1919 г. по Фоминичской волости Жиздринского уезда, которые периодически собирались для уездного пленбежа в 1919 г., о беженцах из Гродненской губернии: «Дудко Корнелий Иванович (Кобринский уезд) – умер; Латинского К.А. (Слонимский уезд) дочери Софья и Михалина – выбыли по причине замужества; Яхимюк М.В. с дочерью Степанидой (Бельский уезд) – уехали в неизвестном направлении; Хлябич А.С. с семьёй из семи человек – уехали; Тубай Надежда – выбыла по причине замужества; Софья Рудзь – проживает в волости. Сведения по Песоченской волости Жиздринского уезда: Земняк Евдокия – умерла; Степанюк Мария – умерла; Петерсон К.А. – выехал на родину; семья Чебурашкиных – находится в волости»¹⁰⁹.

В Рязанской губернии в 1918 – 1919 гг., по далеко не полным сведениям, собранным по 7 уездам из 12, в которых находились беженцы, умерло 460

¹⁰⁶ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 11. Л. 403.

¹⁰⁷ Давыдов Ю.А. Мешочники и диктатура в России. 1917 – 1921 гг. СПб., 2007. С. 292.

¹⁰⁸ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 411–412.

¹⁰⁹ Там же. Д. 22 (без нумерации листов).

человек. Ясно, что в остальных уездах численность беженцев тоже сократилась, т.к. люди находились в одинаковых условиях¹¹⁰.

Местные пленбежи часто игнорировали запрет Центра на отправку беженцев в другие, лучше обеспеченные продовольствием, губернии. Учитывая, что придётся держать ответ, они старались придать своим действиям законные основания. Например, Рязанский Губпленбеж в апреле 1919 г. отправил в Воронеж ходоков от 35 беженских семей для подыскания места переселения на основании якобы «неотменённого разрешения Центральной коллегии о пленных и беженцах по поводу посылки подобного рода ходоков»¹¹¹. О каком конкретно неотменённом разрешении шла речь, не указывалось. Ходоки заключили в Воронежской губернии трудовой договор с местным губернским управлением советскими хозяйствами, и в мае 1919 г. артель из 143 беженцев выехала из Рязанской губернии¹¹². Уездные пленбежи вопреки запретам выдавали удостоверения и даже экстренные отзывы беженцам для проезда по железной дороге в хлебородные губернии. Например, в мае 1919 г. в г. Жиздре выдали удостоверение беженцу из Варшавской губернии Э. Гейденрейху, 38 лет, с женой, четырьмя детьми и матерью для выезда в Полтавскую губернию и вывоза имущества. В этом удостоверении указали и причину выдачи: «Все беженцы в Жиздринском уезде за отсутствием хлеба и других продуктов обречены на голодную смерть»¹¹³.

Центр требовал объяснений, например: «На каком основании без разрешения Центропленбежа был выдан экстренный отзыв на проезд от станции «Думиничи» до станции «Левчиновка» Полтавской губернии на 25 человек?». Уездпленбежи давали объяснения. Отpravку до Левчиновки объяснили следующим образом: «Отзыв выдан 8 апреля 1919 г. на 25 человек и 125 пудов багажа в виду настойчиво-угрожающего требования беженцев, особенно женщин, которые обосновывали его согласием начальника станции

¹¹⁰ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 61. Л. 1–75; Ф. Р-1104. Оп. 1. Д. 6. Л. 73, 79–81, 107, 110 об.

¹¹¹ Там же. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 522. Л. 10–10 об.

¹¹² Там же. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 11. Л. 125.

¹¹³ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 141.

«Думиничи» отправить их в Полтавскую губернию при наличии экстренного отзыва. Родные этих семейств проживают в Полтавской губернии и зовут их к себе, предварительно заручившись согласием местных властей. Создавшееся тяжёлое положение в Жиздринском уезде в продовольственном отношении заставило даже местное коренное население бросить свои хозяйства и отправиться на Украину (так в тексте. – И.Б.). И это ещё более озлобляет беженцев, считающих, что их нарочно держат в мешке, чтобы окончательно погибнуть. Учтя все эти обстоятельства и имея в виду, что среди беженцев было 75 % детей, коллегия пошла на уступки, выдав экстренный отзыв, причём местный исполком, со своей стороны, разрешил им выезд в Полтавскую губернию <...> Коллегия формально нарушила распоряжение Центра, но иначе она не смогла бы разгрузить голодный уезд от проживавших в нём до 1 июля 1918 г. до 6 тысяч беженцев, а теперь их 1 990 чел., зарегистрированных для эвакуации на родину»¹¹⁴.

Губернские советы в 1919 г. ходатайствовали перед Центром о разгрузке своих территорий от беженцев, мотивируя свои просьбы невозможностью оказывать помощь всем нуждавшимся. Денежное единовременное пособие, которое могло быть выдано собесом лишь немногим, составляло 50-80 рублей в месяц, этого могло хватить лишь на 3-4 дня¹¹⁵. Не получая разрешения на отправку беженцев, совдепы на свой страх и риск выдавали такие разрешения, по которым железная дорога выделяла места и даже вагоны, особенно если среди беженцев были семьи железнодорожников¹¹⁶.

Беженцы двигались на Запад или в юго-восточном направлении и без всяких удостоверений, просто в качестве пассажиров¹¹⁷. Всех, у кого не было разрешения Центра на проезд, предписывалось задерживать в дороге, как и в 1918 г. Власти по месту задержания должны были расселять беженцев¹¹⁸. Но

¹¹⁴ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 147.

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1 а. Д. 8. Л. 49.

¹¹⁶ Там же. Оп. 4. Д. 107. Л. 17.

¹¹⁷ Там же. Оп. 1 а. Д. 102. Л. 82.

¹¹⁸ Там же. Оп. 7. Д. 75. Л. 16; ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 11. Л. 471.

где их было размещать при наличии своих беженцев и где взять продовольствие? В результате беженцев отправляли следовать дальше. Например, беженские эшелоны (3,5 тыс. человек) были задержаны возле Тулы 3 октября 1919 г. эмиссаром Центропленбежа К. Цодкиным, который попытался расселить их вблизи железнодорожных станций «Белёв» и «Горбачёво», однако, вопреки его намерениям, беженцы усилиями местных властей были отправлены следовать дальше. «Товарищ Цодкин не встретил поддержки» даже со стороны белёвского ревкома¹¹⁹. 35 вагонов с беженцами из Самары и Симбирска без разрешительных документов добрались в мае 1919 г. до Вязьмы. Эшелон уроженцев Волынской, Холмской и польских губерний, более тысячи человек, в апреле 1919 г. задержали в Смоленске. Беженцы отказались покинуть вагоны. Не подействовал и запрет выдачи продовольствия. В итоге их отправили дальше «как исключение ввиду отсутствия свободных помещений». Добравшихся до прифронтовой полосы тоже пытались возвращать. Так, в августе 1919 г. уполномоченный Центропленбежа Розенгауз сообщал в Реввоенсовет Западного фронта и Центропленбеж, что возвращение беженцев, находившихся уже в пределах Западного фронта, во внутренние губернии он считает нецелесообразным и технически трудновыполнимым. По его мнению, проще было пропустить беженцев, чем возвращать их обратно¹²⁰.

Самостоятельно передвигавшихся по железной дороге беженцев Центр после принятия соответствующего решения в сентябре 1919 г.¹²¹ предписывал использовать на работах государственной важности, например, на угольных шахтах, торфоразработках и пр. Так, 6 октября 1919 г. остановленный в Орле эшелон с беженцами было предписано передать на принудительные работы. Правда, по результатам медосмотра, выявившего большое количество больных тифом и дизентерией, эшелон временно направили в изоляционно-пропускной

¹¹⁹ ГАТО. Ф. Р-717. Оп. 2. Д. 103. Л. 19, 21.

¹²⁰ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1а. Д. 8. Л. 10, 34–35, 46.

¹²¹ Декрет СНК Об использовании рабочей силы беженцев. 19 сентября 1919 г. // Декреты Советской власти. М., 1973. Т. 6. С. 122–123.

пункт на станции «Ряжск» Рязанской губернии¹²². По-прежнему беспрепятственно следовали по железной дороге на Запад лишь беженцы, направленные Центром для «активной партийной работы»¹²³.

Как видим, в 1919 г., как и в 1918 г., вместо плановой по территориальному принципу реэвакуации наблюдалось самостоятельное беженское движение, которому Центропленбеж чинил препятствия.

В 1919 г. в ответ на поток жалоб беженцев на «голод и холод» при запрете отправки на родину работники Центропленбежа продолжали рекомендовать своим местным органам принимать меры к тому, чтобы беженцы «получали обеспечивающий существование заработок и паёк, а нетрудоспособные – пособие от местных отделений Наркомтруда и Наркомсобеса¹²⁴. Эти рекомендации заведомо являлись невыполнимыми, так как средств для обеспечения всех нуждавшихся в помощи беженцев местным отделам социального обеспечения не отпускалось, а заработков, пайков и пособий, «обеспечивающих существование», местные отделы труда предоставить не могли. В регионах охотно бы следовали советам Центра, не будь они оторваны от реальности. Советы заслушивали на своих съездах Коллегии пленбежа, которые докладывали о положении беженцев. Резолюции направлялись в Центр, но от этого положение не менялось. Так, в июне 1919 г. очередной IX съезд советов в Жиздре Калужской губернии «единственной и необходимой» мерой в отношении беженцев признал их отправку на родину, считая, что «мера эта ничуть не обременит железнодорожный транспорт, а, наоборот, облегчит его, так как сократится число мешочников-беженцев, которые в силу создавшегося безвыходного положения все поголовно курсируют в производящие губернии за хлебом для продовольствования голодных семей»¹²⁵.

¹²² ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 11. Л. 466.

¹²³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1а. Д. 102. Л. 73.

¹²⁴ Там же. Д. 2. Л. 28.

¹²⁵ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 187–188.

С целью выявления хоть каких-то реальных возможностей местных органов власти по оказанию материальной помощи беженцам уездпленбежи организовывали межведомственные совещания с приглашением ответственных работников отделов социального обеспечения, земельных и трудовых отношений и других. Приведём данные по Жиздринскому уезду Калужской губернии. На одном из таких совещаний 5 апреля 1919 г. представитель уездного отдела соцобеспечения Белов прямо сказал, что «поместить детей, стариков и нетрудоспособных беженцев (это около тысячи человек) в приюты невозможно из-за отсутствия продовольствия, которого не хватает и на тех, кто там находится». По поводу пенсии Белов объяснил, что «уездный отдел только назначает их», расчетные же листы оформляются в губернском центре в течение 3-4 месяцев, а то и года, «как это наблюдается теперь по отношению к инвалидам-воинам». В результате Совещание пришло к выводу, что помощь уездного отдела социального обеспечения, которая может быть оказана беженцам лишь в отдельных случаях не будет достаточной для обеспечения общей массы голодающих беженцев. Представитель уездного земельного отдела Карасёв сообщил, что в уезде уже организовано семь советских хозяйств, которые полностью укомплектованы рабочими; «свободной земли в уезде имеется в достаточном количестве, но нет ни живого, ни мёртвого инвентаря». Исходя из изложенного был сделан вывод о невозможности организации беженских коммун «за полным отсутствием живого инвентаря, недостатком мёртвого и семян», а также невозможности устройства беженцев «на советских хозяйствах, как уже обеспеченных нужным количеством рабочих». Представитель отдела труда Адамович докладывал, что биржа труда по возможности помогает беженцам с работой, но «продуктов не имеет и снабдить таковыми беженцев не может». Совещание решило ходатайствовать перед Центральной властью о *переотправке* беженцев из Жиздринского уезда в губернии, производящие продовольствие, для чего нужно «не более двух

эшелонов, что не может внести особого затруднения в железнодорожные передвижения»¹²⁶.

В уездах проходили съезды беженцев, на которых присутствовали представители Губпленбежа. Здесь тоже принимались резолюции, обращенные к Советскому правительству, о немедленной продовольственной помощи беженскому населению, вынужденно находящемуся в голодной губернии, о помощи семенами и инвентарём, необходимым для создания коллективных хозяйств. Так, на съезде беженцев 5 марта 1919 г. беженский уполномоченный из Грибовской волости Жиздринского уезда Богданович говорил о том, что люди вынуждены заниматься нищенством, «но в последнее время отказывают и в этом, продовольственные органы ничего не дают, за два последних месяца на 96 душ местным продкомом было выдано два пуда овса, а между тем коренное население получает продукты более аккуратно от комитета бедноты <...> беженцам же там отказывают». Беженский представитель Минючиц из Ловатской волости и Ничипорчик из Маклаковской рассказали, что беженцев изгоняют из квартир, что от холода и голода их косит тиф, они просили не допустить «поголовного вымирания». В Яровщинской волости, по сообщению беженца Эйсмонта, на 6 человек выдали всего 20 фунтов овса ещё в августе 1918 г. Представитель беженцев города Жиздры Емельянчик напомнил, что от Совета беженцев они аккуратно получали по 10 фунтов муки в месяц на душу. С тех пор, как Совет был распущен, беженцы голодают. Емельянчик предложил выделить беженское население в «отдельную продовольственную единицу», так как приравнивание его к местному населению в отношении продовольственного снабжения несправедливо по причине отсутствия у беженцев «своего дома, скота, огорода и кое-чего из хлеба». О коллективных хозяйствах беженцев Емельянчик опять же напомнил, что когда в 1918 г. группа беженцев артелью приступила к обработке земли, то на неё обрушилось местное население, претендовавшее на эту землю – пришлось уступить. Представитель Губпленбежа Табаков, присутствовавший на съезде, в ответ

¹²⁶ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 105.

сказал, что бояться таких обострений не следует, так как советская власть «настолько сильна, что с теми препятствиями, которые будут стоять на пути к созданию коммунистических хозяйств, ведущих к социализму и признанных Совнаркомом наилучшими к поднятию культуры хозяйства, быстро справится, как она справлялась и с другими, более тяжёлыми вопросами». Протокол собрания и резолюцию о помощи продовольствием, инвентарём и семенами Жиздринский уездпленбеж направил в Центропленбеж¹²⁷.

Беженцы направляли в Центр не только протоколы собраний, прошения, но и своих делегатов, понимая, что местные уездпленбежи не формируют маршрутные поезда для их эвакуации на родину или в хлебопроизводящие губернии. В одном из протоколов собрания беженцев Жиздринского уезда от 22 июня 1919 г., с которым два делегата отправились в Москву, к В.И. Ленину, читаем: «Мы шлём в Центр наши протоколы, но жизнь наша не улучшилась, а, наоборот, с каждым днём всё хуже и хуже. Местные продорганы беженское население в деревнях продовольствием не снабжают даже тогда, когда таковое выдают по два - три фунта муки местному населению <...> Если беженцы не погибли, то благодаря нищенству как на местах, так и на Украине (так в тексте. – И.Б.)»¹²⁸. В послании также отмечено, что лишь единицы из коренного населения могут «по знакомству у спекулянтов купить пуд - два ржи по 1 тысяче рублей за пуд». Люди умирают от голода и эпидемии тифа, «уносящей ежедневно по несколько жертв». Из Москвы в ответ пленбежам обычно предлагалось «на месте принять меры к точному выполнению декретов СНК об уравнивании беженцев в правах с прочими гражданами республики»¹²⁹.

В начале 1919 г. (20-21 февраля) в Калуге состоялся первый съезд уездных пленбежей, на котором обсуждалось «гибельное» положение беженцев, с 1 января 1918 г. лишённых продовольственного и квартирного пайков и всех остальных ранее существовавших видов государственной

¹²⁷ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 77 об–79.

¹²⁸ Там же. Л. 131.

¹²⁹ Там же. Л. 100.

помощи, а также легальной возможности выезда за пределы Калужской губернии «в поисках продовольствия» в обстановке, когда эвакуация в другие губернии не осуществлялась¹³⁰. На съезде выступили работники всех без исключения уездпленбежей. Так, *представитель Жиздринского уездпленбежа* Ф.И. Пентяк сказал, что если не отправить беженцев в хлебородные губернии, то их ожидает голодная смерть при полном отсутствии продовольствия и приостановке реэвакуации. Местный отдел социального обеспечения помощи беженцам не оказывает за неимением средств, отношение населения к беженцам враждебное, имеются случаи удаления их из квартир даже в зимнее время. *Тарусский представитель* Ровинский доложил, что уездный продотдел, кроме двух пудов воблы, с лета 1918 г. ничего не выдал беженцам, которых насчитывалось более 2,5 тысяч. Из запасов ещё прежних беженских организаций удалось снабдить 200 человек бельём и 11 полушубками. Ходатайства об открытии кредита до сих пор безрезультатны. Глебов *из Лихвинского уездпленбежа*: «Средств на оказание помощи беженцам не имеется <...> Вследствие голода многие из беженских семейств выбыли на свои средства неизвестно куда <...> Необходимо принять все меры к отправке беженцев на родину, а при невозможности выдавать им продовольствие и оказывать денежную помощь, иначе им грозит гибель <...> Все беженцы – беднота <...>». Товарищ Толканица *из Медынского уездпленбежа*: «<...> За отсутствием кредитов выдача пособий была прекращена <...> В связи с голодовкой многие беженские семейства выбыли за свои средства как на родину, так и в хлебородные губернии, осталась только беднота <...>». Товарищ Андронович, *Мосальский уездпленбеж*: «Никаких продуктов достать невозможно, беженцы обречены на голодную смерть <...> Во что бы то ни стало надо отправить беженцев на родину». Савчук, *Козельский уездпленбеж*: «Оставшаяся масса – беднота, нуждающаяся в немедленной помощи. Советом беженцев ещё оказывалась помощь, но уездная коллегия пленбежа не имеет средств <...> Отношение местного населения недружелюбное». Попроцкий *из*

¹³⁰ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 87–102.

Перемышльского уездпленбежа: «Беженская беднота находится в отчаянном положении, т.к. не имеет ни хлеба, ни одежды, ни обуви, ни денег <...> Насчёт отправки командировали своего представителя в Губпленбеж, но все хлопоты были напрасны <...>». Горбатов *из Мещовского уездпленбежа* сказал: «Беженцы бедствуют <...> Местные учреждения никакой помощи не оказывают <...> Без малейшего отлагательства нужно отправить беженскую массу на родину, иначе все они погибнут. Мы бессильны помочь этим несчастным и безвинным жертвам войны». Сорокин *из Боровского уездпленбежа* отметил, что в отношении беженцев уездпленбеж «выполняет лишь канцелярскую работу».

Представитель *г. Калуги и Калужского уезда* высказал опасение, что при создавшемся положении «если не пустить в ход агитацию впредь до отправки на родину, то будем иметь в лице беженцев явных контрреволюционеров и врагов Советской власти». Однако все остальные выступавшие по поводу проведения политической агитации среди беженцев высказались в том смысле, что разбросанность беженцев по деревням, между которыми большие расстояния, делает эту задачу практически не выполнимой. Председатель коллегии Губпленбежа К.И. Сливко предложил одобрить резолюцию в адрес Центропленбежа «о срочном и принципиальном разрешении наболевшего вопроса об отправке на родину или снабжении беженцев самым необходимым». Другую резолюцию о культпросветработе предложил представитель культпросветотдела Губпленбежа Денисов. В своём выступлении по этому вопросу он говорил о клубах для беженцев с библиотекой, читальней, кружками, буфетом с дешевым чаем, которые появятся во всех уездах в самом скором времени, чтобы «вытащить беженцев из тесных, удушливых каморок», и призвал уездпленбежи «путём агитации распространять идею коммунизма в беженской среде, несмотря ни на какие трудности» ибо наблюдается «разрастание революции в Германии, Англии, Франции и других странах»¹³¹.

¹³¹ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 96 об.

Председатель Губпленбежа во второй, заключительный, день съезда сообщил о том, что «советское правительство, идя навстречу беспомощному беженцу, издало 28 января 1919 г. декрет, который даёт возможность беженцу прожить спокойно до выезда на родину». Действительно, этот декрет об обязанностях Центральной коллегии о пленных и беженцах по отношению к беженцам, подлежащим реэвакуации¹³², по сравнению с декретом СНК от 21 июня 1918 г., выглядел более прогрессивным в социальном плане. В нём на Центропленбеж в отношении беженцев, не получивших ещё возможности тронуться в путь и остающихся на местах временного водворения, возлагалось хотя бы «наблюдение за осуществлением и целесообразностью относящихся к беженцам мероприятий и т.п., а в случае отказа в таковых или их безуспешности – самостоятельное проведение в жизнь мер служащих целям оказания беженцам всех видов материальной и духовной помощи». Отдельным пунктом отмечалось, что расходы должны быть отнесены на средства государственного казначейства, а право «испрашивать» кредиты предоставлялось Центропленбежу. Что же касается упомянутого выше декрета от 21 июня 1918 г., то в нём на Центропленбеж возлагалось попечение о беженцах лишь с момента их реэвакуации. К сожалению, декларативный характер декрета от 28 января 1919 г. скоро стал очевидным, т.к. кредиты «испрашивались», но не отпускались.

При этом значительные средства отпускались из секретного фонда, находившегося в распоряжении В.И. Ленина, на коммунистическую пропаганду и координацию революционных сил. Этим нелегально занималось Полномочное представительство Советской России, открытое в Берлине, после заключения Брестского мира. В 1918 г. Зиновьев в одном из выступлений сказал, что большевики «ассигновали несколько миллионов на поддержку интернационалистической агитации в Европе». Ленин «умолял не жалеть» на

¹³² Декрет СНК об обязанностях Центральной коллегии о пленных и беженцах по отношению к беженцам, подлежащим реэвакуации. 28 января 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 327–329.

это дело денег и платить за проделанную работу «архищедро»¹³³. Исполком Коминтерна, базировавшийся в Москве, в 1919 г. организовал свои бюро за рубежом для создания там коммунистических партий. Бюро были созданы в Баварии, Венгрии, Скандинавии, на Украине, затем в Германии и Голландии и финансировались Москвой. На это расходовались огромные по тем временам средства¹³⁴. Золото, валюту, драгоценности, антиквариат можно было употребить на закупку продовольствия для голодающего населения, коренного и пришлого. Но большевики занимались подготовкой мировой революции. Так, Ленин в 1918 г. предложил в каждом российском зернохранилище создать «особый фонд, запас, предназначенный для питания германских рабочих», которых большевики считали авангардом европейской революции¹³⁵.

В мае-июне 1919 г. состоялись два межведомственных совещания губернского уровня. 30 мая 1919 г. Губпленбежем в Калуге было созвано совещание для обсуждения вопроса помощи беженцам. Численность беженцев в губернии, по данным секретаря Е. Лясковской, составила 18 тыс. 800 человек, остальные уехали нелегально. Социальная помощь почти не оказывалась, в некоторых уездах беженцы не получают продовольствия наравне со всеми, не имеют работы, отмечались случаи голодной смерти. В губернии есть волости, которые считаются «самокормящимися» и поэтому не получают продовольствия вовсе. С августа 1918 г. Губпленбежу удалось отправить лишь 5 с лишним тысяч беженцев. Из Центра каждый день поступают распоряжения об удержании беженцев на местах самыми решительными мерами. Представители отдела труда Понёвко и отдела социального обеспечения Богомолов отметили, что большими средствами не располагают, единовременные пособия выдаются в небольшом количестве. На первое полугодие 1919 г. был получен кредит всего на 24 тыс. рублей. Член Губпленбежа Спунде отметил, что по декрету 28 января 1919 г. Губпленбеж

¹³³ *Ватлин А.Ю.* Коминтерн: Идеи. Решения. Судьбы. М., 2009. С. 286.

¹³⁴ Там же. С. 287.

¹³⁵ Там же. С. 32.

имеет право помогать беженцам, однако на это до сих пор центром не отпущено средств¹³⁶.

На Губернском межведомственном совещании от 30 июня 1919 г., посвященном всё тому же вопросу обеспечения беженцев, председатель Губпленбежа Тихвинский отметил, что райпродкомы не удовлетворяют беженцев продовольствием. Беженская масса представляет собой нетрудоспособную бедноту. Совещание постановило передать оказание материальной помощи беженцам до момента их эвакуации Губернской коллегии по делам пленных и беженцев. Был одобрен проект сметы расходов¹³⁷.

Второй съезд уездных пленбежей был созван в Калуге 8 сентября 1919 г., через полгода после первого. На этот раз на съезд были приглашены делегаты от беженского населения. На съезде присутствовало немало руководителей губернского уровня. Это начальник Губпленбежа, его заместители и заведующие отделами (Тихвинский, Лясковская, Войцехович, Каралис, Волков), представители Госконтроля (Ерёменко, Благовещенский), отдела соцобеспечения (Соколов), председатель Губкома РКП(б) Петров. Цель съезда, как отметил Тихвинский, состояла в том, чтобы «осветить со всех сторон вопрос оказания материальной помощи беженцу». Вначале заслушали доклад о текущем моменте председателя Губкома РКП(б) Петрова, который говорил, что советская власть заботится о беженцах. В чём конкретно выражалась эта забота, он не отметил, зато сказал, что приют беженцев в губернии «надо принять за счастье», т.к. «беженец, пребывая здесь, заражается болезнью времени – большевизмом <...> разносит бациллу большевизма и проповедует восстание против гнёта эксплуатации капиталистического строя <...> ускоряет происходящие разрушения буржуазной государственности»¹³⁸. Реальность же была такова, что беженцы в массовом порядке заражались другой болезнью времени – сыпным тифом, при котором отмечалась высокая смертность¹³⁹.

¹³⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2 а. Д. 39. Л. 22–22 об.

¹³⁷ Там же. Л. 21.

¹³⁸ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 360–366.

¹³⁹ Там же. Д. 13. Л. 98.

Петров призвал съезд «развить среди беженцев энергичную пропаганду идей коммунизма».

Заведующий эвакуационной частью (отделом беженцев) Губпленбежа Каралис ознакомил съезд с содержанием своего очередного отношения от 5 августа 1919 г., адресованного Центропленбежу, в котором говорилось: «Согласно словесным обещаниям, данным Центропленбежем представителям Губпленбежа товарищам Тихвинскому и Кузнецову, отправить беженцев, Губернская коллегия до сего времени уговаривала беженские массы, со скандалами требующие отправки на родину <...> уговаривать беженцев в дальнейшем коллегия не в силах, т.к. требования принимают угрожающий характер, ибо беженцы в пределах Калужской губернии *голодают* в полном смысле этого слова <...> просим предоставить как можно скорее хоть два эшелона на Калужскую губернию или прислать за вашими подписями извещение, будет ли отправка в текущем году, чтобы мы беженцам его показывали, т.к. при создавшихся условиях Губпленбеж не может работать и бороться с голодной беженской массой». В постановлении записали, что до сих пор кредит на материальную помощь беженцам до их реэвакуации не отпущен, хотя 12 июля 1919 г. в Центропленбеж была отослана смета расходов на эту помощь. Надо отметить, что вопрос оказания государственной помощи беженцам Первой мировой войны до их реэвакуации через органы Центропленбежа не был решён положительно¹⁴⁰.

Поскольку положение беженцев во всех уездах было одинаково бедственным, заслушали не всех, а только половину беженских представителей. Все выступавшие говорили о положении беженцев как о катастрофическом. О культпросветработе пленбежей среди беженцев докладчик по этому вопросу Волков сказал только, что клубы для беженцев с кружками, библиотекой и пр. *не устроены*, как планировалось ранее, и сослался на «упадок экономических сил страны». В резолюции, направленной в Центр, говорилось что съезд

¹⁴⁰ Даты жизни и деятельности В.И. Ленина (28 июня–15 декабря 1919 г.) // *Ленин В.И.* ПСС. 5-е изд. М., 1970. Т. 39. С. 587.

«видит единственный выход из создавшегося положения в скорейшем переходе материального обеспечения всех беженцев империалистической войны от отделов соцобеспечения к управлениям пленбежа». Кроме того, высказывалась необходимость открытия детского приюта для сирот в Калуге при Губпленбеже; использования для нужд вдов, сирот и неспособных к труду продовольствия и одежды, поступающих на склады пленбежей для русских военнопленных. Высказывание Председателя калужского Губкома РКП о «бацилле коммунизма» и «заботе Советской власти о беженцах» явно не соответствовали настрою съезда, отражавшему крайнюю озабоченность по поводу отсутствия материальной помощи беженцам со стороны государства.

Как видим, местные органы Центропленбежа были вынуждены признать, что беженцы находятся в крайне тяжёлом материальном положении, а сами они ничем не могут им помочь. При этом сверху активно внедрялась установка на проведение местными органами Центропленбежа действенной политической агитации в духе коммунизма в беженской среде, то есть Центральная власть, лишив беженцев материальной помощи, пыталась заменить её своим «печатным словом» и требовала нести его беженским массам.

* * *

Беженцев пытались удерживать в голодных губерниях центра Европейской России в то время, когда оттуда буквально бежало коренное население. На время Первой мировой войны переселение за Урал на зачисленные земли было приостановлено, но во второй половине 1917 г. туда самостоятельно двинулись многие демобилизованные вместе с семьями. К концу 1917 г. и в начале 1918 гг. это движение возросло, кроме того, за Урал направились новые переселенцы, в том числе фабрично-заводские рабочие, оставшиеся без работы, которым правительство оказывало помощь, а также

беженцы Первой мировой войны. Ехали и просто за хлебом, который в Сибири был дешевле в 10 раз в городе и в 25 раз в деревне¹⁴¹.

В этой ситуации советское правительство 6 марта 1918 г. направило всем советам циркуляр № 1 по Переселенческому управлению, предписывавший удерживать население от переселения куда бы то ни было, а с 1 апреля 1918 г. в условиях нарастания стихийной переселенческой волны наркомвнудел распорядился о запрещении выдачи местными советами переселенческих удостоверений¹⁴². Однако до свержения советской власти за Уралом в начале лета 1918 г., с января по май включительно, за Урал проследовало, по одним данным, около 175 тыс. самостоятельных переселенцев¹⁴³, а по другим – 200 тыс. переселенцев¹⁴⁴.

О вынужденном самостоятельном переселении из центрального региона в производящие регионы, иногда неоднократном, известно из воспоминаний многих беженцев-уроженцев Гродненской губернии. Так, беженец Ян Леонович из Белостока отмечал, что в 1917 г. семья его родителей переселилась на Украину из Калуги. Члены семьи Николая Пташинского, размещённые в Москве, в голодном 1918 г. систематически выезжали на Украину за продуктами, а в 1919 г. семья окончательно перебралась на Украину, чудом сумев доехать на крыше товарного вагона¹⁴⁵. Беженская семья Зинаиды Недзельской из Белостокского уезда самостоятельно переселилась из Москвы на Украину, где, по её выражению, «советы не успели ещё всё отобрать и разрушить»¹⁴⁶. Семья Ивана Белокозовича самостоятельно перебралась в Тобольскую губернию¹⁴⁷. Ещё одна гродненская семья Лукаша Цара, размещённая в Воронеже, переселилась тоже в Сибирь¹⁴⁸. Анисим Троц с

¹⁴¹ Платунов Н. И. Переселенческая политика советского государства и её осуществление в СССР (1917–июнь 1941 гг.). Томск, 1976. С. 39.

¹⁴² Там же. С. 71.

¹⁴³ Ямзин И. Л., Воцинин В. П. Учение.... С. 72.

¹⁴⁴ Платунов Н. И. Указ. соч. С. 41.

¹⁴⁵ Беженство 1915 года. Белосток, 2000. С. 192.

¹⁴⁶ Там же. С. 170.

¹⁴⁷ Там же. С. 37–38.

¹⁴⁸ Там же. С. 32.

семьей из Курской губернии «от революционных невзгод» переехал в Пермскую губернию¹⁴⁹. Семья Фёдора Петровского, состоявшая из 7 человек, из Ярославской губернии перебралась в Воронежскую, где было сравнительно лучше с продовольствием¹⁵⁰.

Весной 1919 г. местные губисполкомы стали обращаться к правительству за помощью неорганизованным переселенцам¹⁵¹. Орловский губземотдел в апреле 1919 г. сообщал, что в губернии, особенно в Брянском уезде, наблюдается самовольный и беспорядочный уход крестьянского населения в губернии Заволжского района с целью поселиться там на новых землях. При этом распродают или забрасываются хозяйства. Всё это происходило несмотря на «широкое оповещение» населения о том, что «самовольное переселение может окончательно расстроить транспорт, что самовольцы обречены на голодание» и им следует «терпеливо ожидать начала правильно поставленного переселения и не ломать своих, может быть, и бедных, но всё же насиженных хозяйств»¹⁵². Беженское население осаждало уездные пленбежи, прося отправить их в хлебопроизводящие губернии. Статьи и обращения власти к «земледельческому населению о том, что не стоит торопиться с переселением «на окраины», что в данное время оно не возможно и надо терпеливо ожидать, что «сплавить голодных крестьян в Сибирь, дабы они поменьше заглядывались на помещичьи земли в Европейской России», хотела царская власть, которая теперь свергнута, не действовали в условиях голода и разрухи¹⁵³. В результате правительство объявило об открытии планомерного переселения, но только из северных губерний в южные производящие районы и Донскую область. Предлагалось переселять рабочих и деревенскую бедноту, членов сельских коммун, сочувствующих ведению хозяйства на коллективных началах¹⁵⁴.

¹⁴⁹ Беженство 1915 года. С. 262.

¹⁵⁰ Там же. С. 137–138, 196.

¹⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 56. Л. 3.

¹⁵² ГАОО. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 3. Л. 68–68 об.

¹⁵³ Известия Орловского губернского и городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1 марта 1919. № 13 (300).

¹⁵⁴ Ямзин И. Л., Воцинин В. П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926. С. 74.

Наркомзему на эти цели было выделено 10 млн рублей¹⁵⁵. Беженцы и «неорганизованные передвигающиеся массы» переселению не подлежали¹⁵⁶. Центропленбеж категорически запрещал уездпленбежам «давать наряды и пропуска беженцам» без разрешения, угрожая судом Ревтрибунала¹⁵⁷. В итоге переселением в 1919 г. было охвачено всего лишь 9 тыс. человек¹⁵⁸.

Сравнивая результаты санкционированной реэвакуации и стихийного беженского движения в 1918 – 1919 гг. из шести губерний, надо отметить, что ещё до образования уездных органов Центропленбежа самостоятельно и с помощью досоветских беженских организаций и Советов беженцев, созданных (и ликвидированных) в советский период, выехало около 200 тыс. из находившихся там на начало 1917 г. 400 тыс. беженцев. С разрешения Центропленбежа, по инициативе его местных органов, как исключение, в особых случаях сверхкритического положения беженцев в продовольственном и квартирном отношениях, из отдельных уездов было реэвакуировано около 15 тыс. (7, 5 %) беженцев, свыше 70 тыс. (35, 5 %) выехали самостоятельно или погибли от голода и болезней в местах временного проживания. К началу 1920 г. из двухсоттысячного (100 %) беженского состава на момент образования уездных органов Центропленбежа в регионе продолжали оставаться около 114 тыс. (57 %) беженцев¹⁵⁹.

Таким образом, после заключения Брест-Литовского мирного договора в марте 1918 г. российскому руководству предстояло заняться организацией реэвакуации находившихся на территории Советской России не только

¹⁵⁵ Декрет СНК об организации переселения в южные производящие губернии и в Донскую область. 24 апреля 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 5. М., 1971. С. 97–99.

¹⁵⁶ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 167.

¹⁵⁷ Там же. Ф. Р-2023. Оп. 1. Д. 1. Л. 78.

¹⁵⁸ Ямзин И. Л., Воишин В. П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926. С. 74.

¹⁵⁹ Подсчитано по: НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 55. Л. 27–27 об; ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 214. Л. 50; Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 87 об, 97, 361; ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 18. Л. 29–29 об; Д. 184. Л. 717; Ф. 697. Оп. 1. Д. 5. Л. 2; ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 299. Л. 22; Оп. 4. Д. 607. Л. 2–3 об; ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 39 об–44 об, Д. 136. Л. 38; Д. 166. Л. 338; ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 1в. Л. 88, 149–160 об; Оп. 2. Д. 19. Л. 33; Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 26–26 об; ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377 (без нумерации листов); Лахарева Н.В. Реэвакуация беженцев...: автореф. ... канд. ист. наук. С. 14, 17, 25.

пленных, но и беженцев, для чего к концу апреля 1918 г. была создана специальная организация – Центропленбеж, а в июне–июле – большинство её органов на местах. Для начала в марте 1918 г. НКВД объявил о лишении беженцев с января 1918 г. государственных пособий. Что касается предоставления беженцам возможности коллективной обработки земли, то это оказалось практически невозможным из-за отсутствия на местах сельскохозяйственного инвентаря и посевного материала.

В июле 1918 г. уроженцы местностей, которые по Брест-Литовскому мирному договору не вошли в состав Российской Республики, получили разрешение ходатайствовать о перемене гражданства, для чего был установлен всего лишь месячный срок. По многочисленным жалобам, обращениям и протестам он несколько раз отодвигался, каждый раз на один месяц, до 16 ноября 1918 г., а затем выход из российского гражданства был приостановлен и вскоре прекращён. Одновременно декретом от 27 июля 1918 г. всех не подавших ходатайств о выходе из российского гражданства в установленный месячный срок, уравнили с российскими гражданами. В результате вместо отправки на родину беженцы наравне с коренным населением призывались в Красную армию, куда они не стремились, что выяснилось уже в период её формирования на добровольной основе.

Из шести центральных губерний Европейской России, в которых было размещено немногим более 400 тыс. беженцев, половина выехала в 1918 г., до образования уездных органов Центропленбежа, самостоятельно или с помощью прежних беженских организаций. Из оставшихся 200 тыс. (100 %) централизованная отправка в случаях особо критического положения беженцев, по заключению Центропленбежа на основе ходатайств с мест, в 1918 – 1919 гг. составила всего около 15 тыс. человек (7,5 %); 71 тыс. (35, 5 %) беженцев самостоятельно покинула территорию региона или стала жертвой голода и болезней. На начало 1920 г. в центральных губерниях Европейской России оставалось 114 тыс. беженцев (57 %).

Центропленбеж противодействовал самовольному отъезду беженцев, что шло вразрез с местными интересами и возможностями, поэтому вместо размещения на своей территории беженцев нередко отпускали следовать дальше. С сентября 1919 г. задерживаемых беженцев в принудительном порядке стали отправлять в разные концы страны на различные работы, нужные Советской Республике. Не чинили препятствий в отъезде на родину лишь беженцам-членам коммунистической партии, имевшим поручения по участию в укреплении власти советов, установленной усилиями Красной армии. Беженцы, которые не имели возможности самостоятельно покинуть голодные центральные губернии, в первую очередь становились жертвами эпидемий и голода. Чтобы выжить, им приходилось постоянно выезжать на работу в производящие районы, преимущественно на Украину, заниматься мешочничеством, нищенствовать. Центральная власть в январе 1919 г. пообещала помощь, Центропленбеж распорядился о составлении на местах смет расходов на поддержку беженцев. Губпленбежам были обещаны кредиты. Однако обещания так и остались обещаниями.

Обозначившееся с середины 1917 г. самостоятельное движение за Урал как на зачисленные, так и на новые земли, в начале 1918 г. приняло массовый характер. В центральноевропейских губерниях участниками стихийного переселения за Урал стали как коренные жители, так и пришлое крестьянское население, размещенное здесь в период Первой мировой войны. Стихийно возникший переселенческий процесс имел объективные причины, и запретительные меры государства не смогли его остановить.

ГЛАВА VI. СУДЬБА БЕЖЕНЦЕВ В 1920 – 1925 гг. ЦЕНТРЭВАК

До начала 1920 г. проблема репатриации вынужденных мигрантов Первой мировой войны оставалась нерешенной. Советскому государству предстояло возобновить приостановленный в ноябре 1918 г. обмен военнопленными и репатриацию беженцев.

6.1. Перемещения беженцев в 1920 г. Возобновление централизованной реэвакуации

В феврале 1920 г. Центральное управление по делам пленных и беженцев было реорганизовано в Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак), в задачи которого теперь входили все людские перевозки, кроме военных. В приказе НКВД от 26 февраля 1920 г. причины реорганизации были объяснены «возникновением новых задач по переброске людских контингентов и необходимостью использовать для этого эвакуационный аппарат». Местные органы Центрэвака стали называться губ- и уездэваками, в них также происходили структурные изменения. В губэваках сократили штаты путём объединения отделов и ликвидации культпросветотделов¹. Например, на 15 апреля 1920 г. в составе Калужского Губэвака был общий отдел, финансовый, снабжения, учётно-эвакуационный и врачебно-санитарный с общим количеством работников 55 человек против 74-х на момент организации Губпленбежа². В Тульском Губэваке на 1 июля 1920 г. насчитывалось 4 отдела: административный, финансовый, снабжения, эвакуационный³. В сентябре 1920 г. место уездэваков заняли уполномоченные по эвакуации населения при уездных исполкомах. Согласно положению, утверждаемому губисполкомами, уполномоченный, находясь при отделе управления уисполкомов, подчинялся Губэваку. До 1 октября 1920 г. кандидатуры уполномоченных, предложенные

¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 39. Л. 167–169.

² Там же. Оп. 2 а. Д. 39. Л. 37.

³ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 680. Л. 201.

уисполкомами, были утверждены⁴. Главной задачей уездэваков в 1920 г. стало участие в перевозках населения на работы государственного значения по восстановлению народного хозяйства.

Неурожай хлебов и трав в центральных губерниях Европейской России в 1920 г. стимулировал самовольное массовое переселенческое движение в Сибирь и юго-восточные губернии. 15 июня 1920 г. правительство приняло постановление об урегулировании переселения крестьян, в котором признало необходимым призвать население воздержаться от неорганизованного переселения, а местные власти – использовать начавшееся движение как источник рабочей силы. Следует отметить, что направлявшиеся отделами труда крестьяне к месту работы часто не прибывали, устроившись на свободных землях или в крестьянских хозяйствах по своему усмотрению⁵. Вначале разрешалось ходачество и только затем переселение, но исключительно в размерах, установленных Наркомземом и Центрэваком, причём на земли, зачисленные в 1920 г.⁶ До начала легализованного переселения Наркомзему, Наркомпути и Центрэваку предоставлялось право «разрешать продвижение населения в особо уважительных случаях»⁷.

Обращение СНК к «трудовому крестьянству» о порядке переселения в Сибирь и юго-восточные губернии России было опубликовано в «Правде» и «Известиях» 30 июня 1920 г. В нём говорилось о том, что «борьба с польскими белогвардейцами и усиленный подвоз продовольствия в нуждающиеся местности требует большого напряжения транспорта», однако СНК, придавая «большое государственное значение переселению», постановил допустить, но «в возможных размерах», переселение *наиболее нуждающихся крестьян* и поездки ходелов при условии, «чтобы переселение производилось с разрешения местной и центральной власти». Всем «толкающим крестьян к самовольному

⁴ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 92 (без нумерации листов).

⁵ ГАОО. Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 80. Л. 64.

⁶ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 76 (без нумерации листов).

⁷ Постановление СНК об урегулировании переселения крестьян 15 июля 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. 9. М., 1978. С. 336–338.

переселению и спекулирующим на покупке распродаваемого переселенцами имущества» была обещана «тяжёлая кара»⁸.

Беженцев Первой мировой войны, размещённых в центре Европейской России, как и 1919 г., центральная власть оставила за рамками легального переселенческого движения в районы Сибири и юго-восточной России. В циркуляре Наркомзема сообщалось, что «явившиеся в Сибирь» без документов уземотделов будут привлечены к принудительным работам; указывалось, что при выдаче ходаческих удостоверений уземотделам следует «различать тех, кто действительно желает <...> накрепко устроиться на новом месте, и тех, кто под видом ходачества хотел бы устроить свои личные или продовольственные дела»⁹.

С начала июля губисполкомам Тулы, Рязани, Воронежа и Калуги предписывалось начать перевозку ходочков, но одновременно развернуть агитацию против переселения¹⁰. На уездные земотделы с 25 июня возлагалась выдача ходаческих удостоверений, до 1,5 тыс. на каждую губернию, формирование партий ходочков в Алтайскую, Омскую, Семипалатинскую, Тюменскую губернии¹¹. Уездным органам Центрэвака поручалась выдача проездных документов и продовольствия¹².

Прошения об отправке в Сибирь в 1920 г. поступали задолго до открытия 15 июня 1920 г. «легализованного переселения», например, в апреле 1920 г. от крестьян Калужской, Рязанской, Смоленской губерний, но эти прошения рассматривались Центрэваком только при наличии заключения местной власти «о полном разорении семьи»¹³. Беженцам, обращавшимся в этот период в

⁸ Обращение СНК к трудовому крестьянству о порядке переселения в Сибирь и юго-восточные губернии России // Декреты Советской власти. Т. 9. М., 1978. С. 166–168.

⁹ ГАКО. Ф. Р-1244. Оп. 1. Д. 70. Л. 10 об.

¹⁰ Там же. Л. 14.

¹¹ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 76 (без нумерации листов); ГАВО. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 64. Л. 2.

¹² Там же. Ф. Р-1244. Оп. 1. Д. 70. Л. 14.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 178. Л. 8, 51.

Центрэвак по поводу переселения в Сибирь на постоянное место жительства, сообщалось об отсутствии пока таких отправок¹⁴.

Первые после открытия легализованного переселения заявления в уезмотделы, например, Калужской губернии, были поданы в июле 1920 г. Так, в списке работников Калужского артиллерийского склада, эвакуированного из Бобруйска в период Первой мировой войны, желавших переселиться на государственный колонизационный фонд Сибири, насчитывалось 19 человек. Это были пять семей из Гродненской, Минской, Могилёвской и Смоленской губерний¹⁵.

Массовый отъезд *ходоков* в Сибирь пришёлся на август 1920 г. и продолжался до начала 1921 г. Например, из Рязанской губернии 110 тыс. едоков, желавших переселиться, отправили в Сибирь более 1 тысячи своих ходоков¹⁶. В Орловской губернии, например, из Кромского уезда в декабре 1920 г. отправились в качестве ходоков от 109 семей в Томскую и Омскую губернии вернувшиеся в октябре из германского плена бывшие солдаты¹⁷.

Массовые отъезды *переселенцев* пришлись на сентябрь – октябрь 1920 г.¹⁸ До конца года из семи центральноевропейских губерний было легально отправлено всего лишь 130 тысяч переселенцев, хотя желавших переселиться было гораздо больше¹⁹.

О катастрофическом положении с продовольствием в Центральных губерниях Европейской России в 1920 г., порождавшем массовое стихийное бегство коренного и пришлого населения, свидетельствует, в частности, постановление СНК от 21 сентября 1920 г. об организации помощи голодающему населению Рязанской, Калужской, Тульской, Брянской и

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 178. Л. 53.

¹⁵ Там же. Л. 162.

¹⁶ ГАРО. Ф. Р-343. Оп. 1. Д. 1077. Л. 122.

¹⁷ ГАОО. Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 142. Л. 4.

¹⁸ ГАРО. Ф. Р-343. Оп. 1. Д. 1077. Л. 124.

¹⁹ Подсчитано по: *Воцнин В.П.* Переселение // О земле. Вып. 1. М., 1921. С. 136.

Орловской губерний²⁰. В нём Наркомпроду поручалось организовать в населённых пунктах, наиболее пострадавших от неурожая, бесплатные столовые и чайные. Постановление от 2 ноября 1920 г. об организации помощи пострадавшему от неурожая сельскому населению Калужской, Брянской, Рязанской, Орловской, Тульской и Царицынской губерний, в котором Наркомпрод обязывался «проводить энергичные изъятия излишков от состоятельного сельского населения в целях образования хлебного фонда». Кроме того, в этих губерниях в недельный срок предписывалось создать и «специальный овощной фонд и забронировать его для помощи»²¹.

Между тем стихийное бегство населения, в том числе и беженского, продолжалось. Например, в ноябре 1920 г. из Калуги в Омскую губернию выехала беженская семья уроженца Гродненской губернии Петра Киселя²². В это же самое время в Омскую губернию отправляли и легальных калужских переселенцев, количество которых было гораздо меньше количества желавших переселиться. Материальное положение и тех и других было тяжёлым, и все они надеялись улучшить его, переселившись за Урал. Беженская семья П. Киселя поселились в 120 километрах от Омска. Там она смогла поправить своё материальное положение: обзавелась лошадью, двумя коровами, имела несколько свиней, вырастила хлеб²³.

Самовольное переселение однозначно осуждалось правительством как вносящее «разруху и дезорганизацию в деле переселения»²⁴. «Из Центральных губерний семьями пассажирскими поездами вследствие неурожая происходят массовые передвижения переселенцев, направляющихся, в большинстве

²⁰ Постановление СНК об организации помощи голодающему населению Рязанской, Калужской, Тульской, Брянской и Орловской губерний. 21 сентября 1290 г. // Декреты Советской власти. Т. 10. М., 1980. С. 351–352.

²¹ Постановление СНК об организации помощи пострадавшему от неурожая сельскому населению Калужской, Брянской, Рязанской, Орловской, Тульской, Царицынской губерний. 2 ноября 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. 11. М., 1983. С. 151–153.

²² *Кисель П.* Семь лет блуждания // *Беженство 1915 года / Ред. В. Луба.* Белосток, 2000. С. 122.

²³ Там же.

²⁴ ГАКО. Ф. Р-1071. Оп. 1. Д. 42. Л. 6.

случаев, на Кубань <...> Сообщаем, что передвижение переселенцев в настоящее время разрешено только из губерний Тульской, Рязанской, Калужской, Воронежской, Брянской, Орловской и Курской в Сибирь»²⁵, - телеграфировали на места Наркомзем и Центрэвак 6 октября 1920 г. Тем не менее междуведомственная комиссия по регулированию переселения в августе 1920 г. предлагала Сибзему для самовольных переселенцев в количестве не менее 500 тыс. человек готовить пустовавшие земли «старожилого» населения, как и для легальных²⁶.

Несанкционированному переселенческому движению чинились препятствия на всех его этапах. Так, на местах выхода государственная помощь в виде выдачи бесплатных проездных документов и продовольствия официально могла быть оказана только не обеспеченным землёй по месту жительства. По пути следования рекомендовалось неорганизованных переселенцев высаживать из вагонов и направлять в принудительном порядке на работы²⁷. Прибывшим на новое место жительства предписывалось не выделять земельные участки, как легальным переселенцам, а лишь в порядке общего землеустройства в лучшем случае во вторую-третью очередь. Вместе с тем власти на местах выхода с пониманием относились к желающим переселиться, помогали им²⁸. Например, жиздринский уездный пленбеж Брянской губернии отправил в 1920 г. в Сибирь и на Украину наряду с местным населением 500 беженцев²⁹.

В начале января 1921 г. легальное переселение было вдруг остановлено «до более тёплого и благоприятного для этого времени»³⁰, а 23 марта 1921 г.

²⁵ ГАКО. Ф. Р-1071. Оп. 1. Д. 42. Л. 40.

²⁶ Там же. Ф. Р-1244. Оп. 1. Д. 70. Л. 57–57 об.

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1 а. Д. 50. Л. 34.

²⁸ ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 170. Л. 366.

²⁹ ГАКО. Ф. Р-2250. Оп. 2. Д. 1 (без нумерации листов).

³⁰ Там же. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 91 (без нумерации листов); ГАРО. Ф. Р-343. Оп. 1. Д. 1077. Л. 217.

Коллегия Наркомзема постановила окончательно прекратить ходачество и переселение³¹.

* * *

Ежегодно с приближением весны возрастало беспокойство крестьянского беженского населения по поводу их отправки на родину. Увеличивалось количество их обращений в местные органы Центрэвака или непосредственно в Москву. Не стал исключением и 1920 г. И местные власти, и беженцы получали из Центра ответ, что реэвакуация Советом обороны приостановлена³². Затем в мае было объявлено, что *поляки* и *украинцы* отправке не подлежат в связи с Польской войной, а *латыши* и *литовцы* скорее всего будут отправляться в 1920 г. после улаживания взаимоотношений с правительствами Прибалтийских республик³³. Такие неутешительные сообщения способствовали самостоятельным отъездам белорусских и украинских беженцев в Польшу и на Украину. Когда же их на российских пограничных станциях высаживали из поездов, они в складчину покупали подводы и гужевым способом добирались до дома³⁴.

Одни губэваки просили Центр об отправке, чтобы разгрузить от беженцев железнодорожные станции и вагоны, другие мотивировали просьбу об отправке враждебным отношением коренного населения к беженскому, третьи – просто «критически-тяжёлым положением во всех отношениях»³⁵. Беженцы из Тульской губернии, где их в 1920 г. было только зарегистрированных более 4 тыс. человек, из них более 1 тыс. из Прибалтики, настойчиво прося Центр о реэвакуации, в случае отказа уведомляли о своей отправке пешком до западной границы и предупреждали, что ответственность за их гибель ляжет на Центрэвак. В начале февраля беженцы города Белёва готовы были ехать за свой счёт и просили Центр разрешить им выдачу пропуска на выезд в Западном

³¹ Коммуна. 1 июня 1921. № 116.

³² ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 322.

³³ Там же. Л. 339.

³⁴ См., например: Беженство 1915 года. Белосток, 2000. С. 85.

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 38, 338.

направлении по причине «пятилетнего страдания» от голода и отсутствия средств³⁶.

Размещенные в Туле беженцы 20 апреля 1920 г. отправили в Москву своих уполномоченных Лукашевича и Сверского с прошением, адресованным Польской мирной делегации. В прошении, в частности, говорилось о тяжелейшем положении беженцев в РСФСР, когда от голода и холода они ежедневно умирают, и умерших не успевают хоронить даже в общих могилах без гробов. Беженцы умоляли как можно скорее спасти всех пока ещё живых. Не успели беженские уполномоченные вернуться в Тулу, как местный Губэвак получил секретный циркуляр из Центрэвака о недопустимости поездок беженских представителей в Москву по поводу ускорения эвакуации, в частности, через посредство Латвийской мирной делегации³⁷. Бывший русский военнопленный, бежавший из Германии в декабре 1918 г., уроженец Гродненской губернии, разыскавший, наконец, в Тамбове свою семью, не имел средств самостоятельно выехать на родину. Он обратился за государственной помощью, заверяя советскую власть в своей абсолютной преданности и готовности «всецело стоять за неё, где бы он ни оказался, в т. ч. и в другом государстве»³⁸. К сожалению, это был практически единственный способ добиться безотлагательной отправки на родину, правда, при этом надо было ещё состоять в компартии.

Около трёх тысяч беженцев из Воронежа отправленных в один из уездов, где их отказались принять, просили Центрэвак о реэвакуации или о хоть каком-нибудь водворении³⁹. Группа их 400 гродненских беженцев «молила товарища Ленина» организовать их пропуск через фронт на родину или в производящие районы России, где «за труд можно получать паёк»⁴⁰. Беженцы знали, о чём просили, т.к., по данным Особого отдела ВЧК, отправки через фронт

³⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 63–64; Д. 166. Л. 303, 304, 338.

³⁷ ГАТО. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 835. Л. 1, 2; Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 21.

³⁸ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 460.

³⁹ Там же. Л. 376.

⁴⁰ Там же. Л. 454.

действительно имели место, и предписания Центрэвака, адресованные своим органам Западной области, о прекращении таких отправок, действовали слабо⁴¹. Беженцам из Кобринского уезда Гродненской губернии, не имевшим ни хлеба, ни одежды, ни жилья в Борисоглебском уезде Воронежской губернии, и просившим отправить их в родные места, отвечали отказом в сентябре 1920 г. Отказ мотивировался тем, что «их Гродненская губерния находится во власти поляков», как будто для беженцев находиться в РСФСР было лучше. К тому же в Кобринском уезде, до Первой мировой войны состоявшем на 97 % из украинцев, евреев и тех же поляков, у беженцев осталась собственность, с которой они не хотели расстаться окончательно, если собирались уехать как можно скорее⁴². Весной 1920 г. борисоглебские беженцы обращались с Воззванием напрямую к «товарищам-гражданам» - местным крестьянам. Они призывали их поделиться семенами, хотя бы огородных культур, «показать свою любовь <...> как показали вначале»⁴³. Как видим, беженцы не забывали, как их встретили в 1915 г. в тыловых губерниях⁴⁴. Небольшая часть воронежских беженцев смогла весной 1920 г. устроиться на работу в местных советских хозяйствах⁴⁵. В марте 1920 г. уроженцев Латвии, Литвы, Белоруссии и Украины 1879–1901 гг. рождения призвали в ряды Красной армии⁴⁶.

Добиваясь скорейшей реэвакуации, беженцы из Ельца Орловской губернии, в которой находилось более 15 тыс. уроженцев Западных территорий, из них до 30 % из Прибалтики⁴⁷, направили в Москву протокол общего собрания от 2 мая 1920 г., из которого следовало, что хлеб в г. Ельце практически не выдавался, а когда это в редких случаях происходило, то по 100 грамм в день на человека. Частники продавали по 12 тыс. рублей за пуд. Отсутствовала крупа, мука, сахар, соль, мыло. В сельской местности

⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 421, 422.

⁴² ГАВО. Ф. Р-2136. Оп. 1. Д. 99. Л. 23 об–57.

⁴³ Там же. Л. 221.

⁴⁴ См. о встречах беженцев в тыловых губерниях: Беженство 1915 года / *Ред. В. Луба*. Белосток, 2000. С. 24, 28, 83, 98, 114–115, 121, 139, 167, 171, 221, 213, 250, 257, 283, .

⁴⁵ Там же. Оп. 1. Д. 98. Л. 7.

⁴⁶ ГАВО. Ф. Р-530. Оп. 6. Д. 37. Л. 4.

⁴⁷ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 184. Л. 717.

продовольствие вообще не выдавалось. Местные крестьяне хлеб не продавали, а только обменивали. Но менять было уже нечего. Работы не было, а за помещение владельцы требовали плату. Далее в протоколе говорилось об эвакуации семей партийных работников в 1919 г.: «На наших глазах при наступлении Деникина нашлась возможность эвакуировать семейства коммунистов и через 5–6 месяцев возвратить их обратно»⁴⁸. Беженцы из Волынской губернии, осевшие в Козельском уезде Калужской губернии, где ожидали возвращения на родину в общей сложности около 8,5 тыс. человек⁴⁹, телеграфировали в Центр: «Ввиду очищения Волынской губернии от белых Красной армией <...> просим Центральное управление сделать немедленно распоряжение об отправке нас на родные места <...> Нам нет, где заработать, а пособия не выдают»⁵⁰.

Губэваки, местная исполнительная власть и в 1920 г., не ограничиваясь ходатайствами о реэвакуации перед Центрэваком, на свой страх и риск отправляла беженцев не только на юг и восток, но и в западном направлении, т. е. ближе к родине. Например, в январе в Смоленске задержали 4 вагона с беженцами, прибывшими из Тамбова без разрешения Центрэвака. Несмотря на все доводы против оставления их в Смоленске Центрэвак распорядился разместить их в пределах губернии⁵¹. В г. Сухиничи Калужской губернии 24 января 1920 г. были задержаны беженцы, отправленные со станции «Усмань», направлявшиеся на родину. Центр распорядился выгрузить их и разместить вне станционной территории, и это при том, что в Сухиничском уезде не знали, что делать с местными беженцами⁵². В феврале и в марте в Смоленск продолжали прибывать беженцы, однако устанавливать, откуда они прибывали, уже не

⁴⁸ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 184. Л. 270.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 39. Л. 168 об.

⁵⁰ ГАКО. Ф. Р-3284. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов); одно из обращений в Губэвак – см. Приложение 8.

⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 71.

⁵² Там же. Л. 39, 71.

удавалось, т. к. беженцы не склонны были выдавать тех, кто их отправил⁵³. Не только Смоленск, но и вся Западная область была перегружена беженцами⁵⁴.

В апреле 1920 г. группу уроженцев Гродненской губернии Жиздринский уездный исполком Брянской губернии⁵⁵ отправил до Минска. Орловский Губэвак в апреле и мае 1920 г. также отправил без разрешения Центра несколько групп уроженцев Гродненской, Радомской, Виленской и Холмской губерний до Западной границы и несколько групп беженцев из Ковенской, Лифляндской и Курляндской губерний. Беженцев задержали на станции «Брянск». Местный Губэвак просил разрешение на дальнейшее «продвижение» этих групп на Запад до Смоленска, но получил отказ и предписание отправить беженцев в Тулу, т. е. в обратном направлении. Беженцы, прибывшие в 10 вагонов в мае 1920 г. в Смоленск и задержанные там, телеграфировали В.И. Ленину: «Именем покойного Вашего брата <...> молим распорядиться отправить нас далее, на Родину, в худшем случае – оставить в Смоленске <...> Пожалейте несчастных детей наших <...>»⁵⁶. В ответ губэваки предупреждались об ответственности за несанкционированную отправку беженцев. Им предписывалось запретить всякую отправку беженцев, а непослушных арестовывать и заключать в концлагерь⁵⁷.

Однако беженцы упорно продвигались в западном направлении. Так, в Калужской губернии в первом полугодии 1920 г. Козельский уезд покинули 80 беженцев в мае и 112 в июне. Из оставшихся во втором полугодии в этом уезде умерли 125 беженцев, т.е. ежемесячно в среднем умирали 20,8 человека⁵⁸. Из Калужского уезда в первом полугодии уехали 97, из Лихвинского – 60 человек⁵⁹. В Борисоглебском уезде Воронежской губернии, где к весне 1920 г. находилось 15 тыс. беженцев, «за малым исключением все из Гродненской

⁵³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 131.

⁵⁴ Там же. Д. 490. Л. 143.

⁵⁵ С апреля 1920 г. Жиздринский уезд Калужской губернии перешел в состав Брянской губернии.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 310.

⁵⁷ Там же. Л. 185.

⁵⁸ ГАКО. Ф. Р-3284. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов).

⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 166. Л. 39 об–40.

губернии», к августу 1920 г. осталось 6 тысяч человек, т. е. «убыло» 60 % в период отсутствия плановых отправок⁶⁰. Из Курской губернии в 1920 г., до начала плановой эвакуации беженцев Латвии и Эстонии, которые вместе с беженцами Литвы составляли до 1/3 всех беженцев, самостоятельно уехали не менее 6,5 тыс., т. к. с весны до начала августа 1920 г. количество беженцев с 39,5 уменьшилось до 33 тыс. человек⁶¹. Двигаясь к западной границе, беженцы часто «маскировались под мешочников»⁶².

В Польскую, Литовскую и Украинскую республики в 1920 г. беженцев планомерно не отправляли. Между тем в 1920 г. в Польшу вернулось более 86 тыс. репатриантов из России⁶³.

Надо отметить, что губпродкомы с июня 1920 г. при выдаче нарядов на хлебпродукты уездпродкомам теперь уже официально перестали учитывать беженское население, которое следовало «удовлетворять из аванса для случайных выдач (два фунта на едока), если означенные беженцы действительно остро нуждаются». Состояние «острой нужды» удостоверяли уездэвакуационные комиссии, например: «Беженец Н. земли и запасов хлеба не имеет, продпайком не удовлетворялся, вследствие чего испытывает острую нужду в продовольствии для прокормления своей голодной семьи, состоящей из 6-7 человек»⁶⁴. Уездэвакуационные комиссии, не получавшие никаких средств от государства на оказание материальной помощи беженцам, ожидавшим реэвакуации, обращались не только в продкомы, но и в другие советские организации, в том числе и собесы. К примеру, просили выдать единовременное пособие больным сыпным тифом, многодетным семьям или ходатайствовали о выделении отдельным беженцам хоть какой-нибудь одежды или обуви⁶⁵.

⁶⁰ ГАВО. Ф. Р-2136. Оп. 1. Д. 95. Л. 1, 115.

⁶¹ *Лахарева Н.В.* Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России. 1918–1925 гг. На примере Курской губернии: автореф. ... канд. ист. наук. Курск, 1999. С. 23–24.

⁶² См., например: ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 310, 341, 368, 383, 441.

⁶³ *Брук А.С., Кабузан В.М.* Миграционные процессы в России и СССР. М., 1991. С. 123.

⁶⁴ ГАКО. Ф. Р-3284. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов).

⁶⁵ Там же.

Президиум Сухиничского исполкома Калужской губернии в июле 1920 г. направил Президиуму ВЦИК свой доклад о положении беженцев в городе с просьбой разрешить им «в виде исключения выехать на заработки в хлеботородные губернии Украины (так в тексте. – И.Б.) и тем предотвратить массовые заболевания на почве голодовки». В докладе, где речь шла преимущественно об уроженцах Западной Белоруссии, реэвакуация которых из-за новой войны откладывалась на неопределённое время, отмечалось: «В Сухиничах проживает около 100 семейств беженцев, граждан Западного края, эвакуированных сюда во время Русско-Германской войны. Материальное их положение не может быть хуже того, в котором они находятся. <...> Здесь они не имеют посевных площадей, заработков, какого-либо хозяйства и не получают от продорганов никакого продовольствия, как не получают его все жители г. Сухиничи за исключением служащих и рабочих. Поэтому положение их крайне бедственное, и нужно задуматься, как эти люди ещё находятся в живых и чем питаются. Но, наконец, всему есть предел. Беженцы стали группами обращаться в исполком с ходатайствами о разрешении им выехать на заработки в хлеботородные губернии Украины <...> И они правы: не могут существовать не только беженцы, но и все советские работники, кои получают продовольственный паёк, а о беженцах и говорить не приходится <...> поэтому <...> выходом почитается только стремительное бегство в Сибирь или на Украину»⁶⁶.

В начале мая 1920 г. Сухиничский райисполком на свой страх и риск удовлетворил ходатайство 13 беженцев и 10 местных жителей об отправке их с семьями на заработки в Таврическую и Херсонскую губернии⁶⁷. Теперь, направляя свой доклад в Центр, райисполком намеревался помочь беженцам покидать Сухиничский уезд легально, т. е. получив на это разрешение Центральной власти. Всё это предпринималось несмотря на то, что 1 марта 1920 г. всем местным исполкомам и губэвакам был направлен циркуляр

⁶⁶ ГАКО. Ф. Р-3284. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов).

⁶⁷ Там же.

Центропленбежа, в котором говорилось: «Виду поступающих от коллегий пленбежа ходатайств о предоставлении подвижного состава для эвакуации на юг беженцев с принадлежащим им имуществом, настоящим сообщается, что вследствие полного использования провозной и пропускной способности дорог юга под воинские, продовольственные и топливные перевозки впредь до особого распоряжения подобные ходатайства будут оставаться без рассмотрения»⁶⁸.

Москва в ответ рекомендовала местным властям всегда одно и то же, хотя и в разных редакциях, например, «немедленно принять меры к охране жизненных интересов беженцев в соответствии с декретом СНК от 19 сентября 1919 г.»⁶⁹. Это был декрет об использовании рабочей силы беженцев и оказании помощи безработным и нетрудоспособным. Однако реальность была такова, что работать было практически негде, а государственная помощь из-за хронического отсутствия средств на местах носила чисто символический характер. СНК в августе 1920 г., констатируя, что «в ряде губерний урожай ниже среднего», предписал исполкомам Совдепов задерживать «мешочников, появляющихся в сёлах, предавать суду ревтрибунала; на домохозяев, продающих продукты, налагать сверх развёрстки количество продуктов, равное проданному мешочнику»⁷⁰. Уездэвакам, видимо, тоже с целью охраны жизненных интересов беженцев, предлагалось задерживать едущих без разрешения через их территории беженцев и направлять их в отделы принудительных работ⁷¹. Те немногочисленные беженцы, вывезшие и сохранившие свой рогатый скот, даже при отсутствии у них земельного участка

⁶⁸ ГАКО. Ф. Р-3284. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов).

⁶⁹ Декрет СНК об использовании рабочей силы беженцев 19 сентября 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 6. М., 1973. С. 122–123.

⁷⁰ Предписание СНК и Народного Комиссариата продовольствия всем губернским продовольственным комиссарам и исполнительным комитетам усилить работу по проведению продрозвёрстки и борьбу с мешочничеством. 18 августа 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. 10. С. 267. При этом СНК принимает постановление от 21 сентября 1920 г. Об отправке хлеба революционным рабочим Италии (160 тыс. пудов) (Постановление СНК об отправке хлеба в Италию // Там же. Т. 10. С. 352).

⁷¹ ГАКО. Ф. Р-3284. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов).

и рабочей лошади подвергались реквизициям наравне с коренным населением. Беженцы, уличённые в продаже своего имущества, арестовывались как спекулянты⁷². Так, в Воронежской губернии беженца Василия Бижчукова весной 1920 г. объявили спекулянтом и реквизировали у него посевное зерно. Правда, в итоге, после разбирательств, зерно вернули и даже выдали справку о том, что он «не спекулянт»⁷³.

В июне 1920 г. были, наконец, заключены Договоры о реэвакуации беженцев с Латвией (от 12 июня 1920 г.) и Литвой (от 30 июня 1920 г.)⁷⁴, ратифицирован мирный договор с Эстонией. В июле – августе 1920 г. состоялись и подписания мирных договоров с Латвией и Литвой, ратифицированных в октябре 1920 г.⁷⁵ Готовясь к предстоящей реэвакуации беженцев, местные эвакоорганы стали «испрашивать» продовольствие, средства на перевозку беженцев к станциям посадки⁷⁶. Летом началось оформление отъездов в Латвию «гужевым путём». Для отъезда требовалось разрешение местных эвакоорганов, Губчека и Центрэвака⁷⁷.

Мирный договор с Эстонией был заключён раньше, чем с другими прибалтийскими республиками, в феврале 1920 г.⁷⁸ В апреле 1920 г. НКВД разослал на места циркуляр, в котором разъяснялось, что заключение мирного договора с Эстонией никак не означает автоматического превращения эстонских беженцев на территории РСФСР в эстонских граждан. Беженцам предстоит оптировать эстонское гражданство, для чего им следует подавать заявления о выходе из российского гражданства. До получения «особой инструкции» на местах не следовало выдавать эстонским уроженцам никаких

⁷² ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1а. Д. 2. Л. 119.

⁷³ ГАВО. Ф. Р-2136. Оп. 1. Д. 99. Л. 103–104.

⁷⁴ Договор между Россией и Латвией о реэвакуации беженцев. 12 июня 1920 г. // Документы внешней политики. Т. 2. С. 569–571.

⁷⁵ Мирный договор между Россией и Латвией. 11 августа 1920 г.; Мирный договор между Россией и Литвой. 12 июля 1920 г. // Документы внешней политики. Т. 3. С. 101–116; 28.

⁷⁶ ГАОО. Ф. Р-1766. Оп. 1. Д. 1. Л. 73.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1а. Д. 2. Л. 97, 100, 105.

⁷⁸ Мирный договор между Россией и Эстонией. 2 февраля 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958. С. 339.

удостоверений или свидетельств на проезд в Эстонию. Согласно инструкции «О порядке рассмотрения заявлений лиц эстонского происхождения, проживающих в пределах Российской Республики и желающих оптировать эстонское гражданство», в годичный срок с 14 февраля 1920 г. можно было подать заявления в отдел управления Губисполкома, одно – на имя Правительства РСФСР, второе – на имя эстонского представительства в Москве, которое в случае принятия заявителя в эстонское гражданство выдаст об этом удостоверение. Например, в Тульской губернии в первом полугодии 1920 г. было подано 73 заявления об оптации эстонского гражданства⁷⁹.

В октябре 1920 г. под грифом «секретно» вышел приказ Центрэвака о новом порядке эвакуации эстонских беженцев, которым предлагалось подавать заявления местным органам Центрэвака с приложением к ним личных документов, подтверждавших их беженство. Уездэвакам следовало составлять списки беженцев и вместе с документами пересылать их в Центрэвак для передачи в Эстонскую правительственную контрольно-оптационную комиссию, разрешавшую въезд в Эстонию. Все ходатайства с мест о нарядах на отправку эстонских беженцев на родину, поступившие в Центрэвак до введения в действие данного приказа, рассмотрению не подлежали⁸⁰.

Что касается эвакуации беженцев Литвы и Латвии, то начальникам губэваков в июле была направлена секретная инструкция, согласно которой без разрешения Центрэвака и без получения оттуда нарядов всякая отправка беженцев к границе или в Центр, в том числе одиночным порядком или группами, строго воспрещалась. Разъяснялось, что литовские и латвийские беженцы являются гражданами России, пока они не оптировали соответствующее иностранное гражданство; что на отправку беженцев на родину надо устанавливать очередь, причем исключительно в интересах советской России. Беженцев, состоящих в Красной армии, не следовало регистрировать до увольнения. Мужчин призывного возраста от 18 до 40 лет,

⁷⁹ ГАТО. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 830. Л. 1, 2, 5.

⁸⁰ Там же. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 107.

рабочих и служащих, следовало относить к *«последующим очередям»*, мотивируя это необходимостью отправки в первую очередь стариков, детей, нетрудоспособных, даже если эшелон (1 тыс. человек) останется «малочисленным». Виза Губчека на списке беженцев была обязательна. Проверку багажа и документов следовало производить совместно с Губчека и отделом военной цензуры. Виновные в оглашении инструкции «кому бы то ни было» подлежали «строжайшей» ответственности⁸¹.

В октябре 1920 г. Центрэвак в дополнение к предыдущим инструкциям предложил начальникам губэваков «Лично. В. секретно» перед внесением беженцев в эшелонные списки «снести секретно» с администрацией по месту службы беженца по вопросу о возможности его увольнения. Только при положительном ответе следовало включать беженцев в списки на эвакуацию и выдавать им об этом справки. Справка должна была служить разрешением на увольнение со службы. Таким образом, предприятия и учреждения были вовлечены в «секретные сношения» с местными органами Центрэвака. Например, Тульский губфинотдел представил в октябре 1920 г. «список работников, которые могут быть отпущены в Латвию без ущерба для дела». В списке было 8 человек, губернский отдел землеустройства «отпускал» 10 человек в Латвию, одного в Эстонию и т. д.⁸²

Секретный циркуляр Центропленбежа «О ненанесении ущерба советскому строительству в связи с отъездом работников-беженцев» не сразу дошли до руководителей советских предприятий и учреждений, к которым обращались беженцы Латвии, Литвы и Эстонии по поводу увольнения в связи с объявлением о реэвакуации на основании заключения соответствующих договоров. Пришлось принимать срочные меры. Например, Президиум Тульского Губисполкома 1 августа 1920 г. принял решение организовать комиссию из представителя Губисполкома, Губэвака и члена Президиума Губчека – «губтройку», а при необходимости и «уездные тройки, строго

⁸¹ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 26, 27.

⁸² Там же. Л. 37, 53, 54.

подчинённые губтройке». Эти комиссии должны были контролировать процесс увольнения из государственных учреждений и предприятий специалистов-беженцев, чтобы не допустить «малейшего ущерба для дела советского строительства»⁸³. Но не только руководители местных предприятий оказывали беженцам помощь с отъездом на родину, но и руководители местных органов Центрэвака. Так, начальник Белёвского уездэвака (Тульская губерния) выдал удостоверение, необходимое для проезда по железной дороге, уполномоченному от беженцев Литвы, находившихся в городе Белёве и уезде, Митрофану Фёдоровичу Кепелю. Беженцы направили его в город Вильно с ходатайством перед правительством Литвы о «немедленной отправке»⁸⁴.

В следующем, «не подлежащем оглашению» документе Центрэвак уведомлял «лично» начальников Губэваков о том, что в списки беженцев, уезжавших на родину, не должны включаться беженцы русской и еврейской национальности, являвшиеся специалистами с высшим и средним образованием, а также военные специалисты. Особый отдел ВЧК (Г.Г. Ягода), в свою очередь, приказывал не вычёркивать из беженских списков русских и евреев, но прилагать все возможные усилия к задержанию специалистов, действуя «осторожно, не вызывая конфликтов и недоразумений»⁸⁵.

В процессе реэвакуации в Латвию и Эстонию официальными представителям этих республик скоро стало ясно, что российской стороной вопреки установленным ранее правилам тормозилась перевозка беженцев до 40 лет. Уполномоченный Латвийской республики по делам беженцев неоднократно выражал недовольство по этому поводу, ссылаясь на подписанные договоры между Россией и Латвией. Когда, например, Орловский Губэвак в очередной раз 5 ноября 1920 г. задержал отъезд этой группы лиц, отправив из-за этого вместо 20 только 16 вагонов, вызвав этим недовольство

⁸³ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 24–25.

⁸⁴ Там же. Л. 47–48. К сожалению, беженский представитель был перехвачен по дороге, а начальник Белёвского уездэвака был отстранен от должности Начальником Центрэвака Розой Радек, а Тульскому Губчека было поручено привлечь его к ответственности.

⁸⁵ Там же. Л. 39, 50.

беженцев, Центрэваку пришлось разъяснять местным ответственным товарищам, как правильно применять «секретную Инструкцию по реэвакуации беженцев Латвии и Литвы». Официально не отправлять на родину беженцев моложе 40 лет было, конечно, нельзя. Однако отправлять следовало только после реэвакуации всех остальных в определённой последовательности: сначала тех, кто не являлся ответственным советским служащим, кто получил со службы справку, что не возражают его уволить в связи с реэвакуацией, кто обременён большой семьёй. Самое главное – следовало действовать осторожно, не допуская конфликтов⁸⁶.

Положение беженцев в России, включая организацию их реэвакуации, латвийский представитель Якобсон, принимавший участие в передаче беженцев на пограничной станции «Розеновская», назвал, не скрывая своего возмущения, следующим образом: «Это не Центрэвак, а бардак <...> вся ваша Россия такой же бардак»⁸⁷.

К многочисленным мытарствам, связанным с отправками беженцев, такими как несвоевременное оповещение, недоставка до железнодорожной станции отправления, необеспечение продовольствием в пути, невозвращение ценных вещей, собранных перед отправкой сопровождающими якобы для сохранности, обвинения в спекуляции при распродаже беженцами имущества, надо добавить физические и моральные переживания, связанные со злоупотреблениями служебным положением и взяточничеством должностных лиц на железнодорожном транспорте. При этом работники эвакуационных органов часто не могли защитить беженцев от произвола. Например, уполномоченный Калужского Губэвака Я. Извеков 28 сентября 1920 г. был командирован в Мосальский уезд, где должен был помочь беженцам Латвии доехать до Калуги с железнодорожной станции «Барятинская» и «Спас-Деменск», чтобы дальше следовать на родину. Итог его деятельности в Мосальском районе состоял в том, что вместо 30 сентября беженцев отправили

⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 192. Л. 4, 5.

⁸⁷ Там же. Оп. 4. Д. 246. Л. 18.

в Калугу со станции «Барятинская» 9 октября, после того, как начальник станции получил от них взятку деньгами и продуктами. Это стало известно, когда беженцы, приехав, наконец, в Калугу, обратились в Губэвак, указав, что только после получения от них продуктов и 33 тысяч рублей начальником станции, они были отправлены в Калугу. Во время этого «томления» на станции «Барятинская» умер ребёнок у беженки, муж которой перед своим отъездом (3 октября) на родину гужевым путём тоже, со слов беженцев, преподнес начальнику станции «очень крупную взятку в виде денег и продуктов». Что касается второй станции отправления «Спас-Деменск», то там беженцы отправки так и не дождались, кроме того, они были ограблены «неизвестными лицами»⁸⁸.

При таком подходе до начала 1921 г., например, из Тульской губернии отправили в Латвию и Эстонию 1 458 человек, в Литву не отправили никого. К концу 1920 г. в губернии оставалось более 6 тысяч беженцев⁸⁹. В остальных четырёх центральных губерниях – Калужской, Орловской, Брянской и Курской, из которых реэвакуация была разрешена, наблюдалось аналогичное положение с плановой эвакуацией, когда по нарядам Центрэвака бесплатно отправили на родину по 1,5 – 2 тыс. беженцев, всего до 7,5 – 10 тыс. человек. Для сравнения в Воронежской губернии, централизованная отправка из которой не объявлялась в 1920 г., количество беженцев сократилось на 10 тыс. благодаря несанкционированному отъезду. Из Курской губернии самостоятельно выехали не менее 20 тыс. беженцев⁹⁰.

Таким образом, в 1920 г. Центропленбеж был реорганизован и получил новое название – Центрэвак, главной задачей которого стала перевозка населения на работы по направлению отделов труда и принудительных работ. Между тем в 1920 г. началось вызванное неурожаем хлебов и трав в центре Европейской России массовое стихийное переселенческое движение коренного

⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 35. Л. 2–4.

⁸⁹ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 680. Л. 61

⁹⁰ Подсчитано по: ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 39 об, 44 об.

и беженского населения в Сибирь и юго-восточные губернии. В создавшейся обстановке роль государства в регулировании стихийного движения населения в хлебопроизводящие районы сводилась к сдерживанию самотёка всеми силами, в том числе путём принудительного использования неорганизованно передвигавшегося населения в качестве рабочей силы, а также с помощью внедрения строго нормированного как хождения, так и переселения. В итоге не поддававшееся государственному регулированию самостоятельное переселение способствовало спасению от голода сотен тысяч в основном крестьянского населения, в том числе беженского.

В 1920 г. стала возобновляться плановая реэвакуация пленных и беженцев, начатая летом и остановленная в ноябре 1918 г. Легальная отправка беженцев в Латвию и Эстонию, начавшаяся во втором полугодии 1920 г., всячески на всех этапах тормозилась советской стороной. Это происходило путём мобилизации мужского населения 18–40 лет; путём отказа в регистрации военнослужащим до их увольнения, служащим и рабочим государственных предприятий и учреждений; путём отмены ранее принятых нормативных актов, сводящей к нулю всю прежде проделанную на местах работу по оформлению отъезда из России; путём непредоставления нарядов на вагоны. Вышеперечисленные факторы, а также отсутствие в 1920 г. легальной реэвакуации уроженцев Литвы, Западной Белоруссии, Украины и Польши, т.е. основной массы беженцев, остававшихся в России, голод и сопутствовавшие ему эпидемии, острая жилищная проблема способствовали неудержимому стихийному движению беженцев на Запад, в родные места.

Местные органы Центрэвака вынужденно выполняли распоряжения Центра по сдерживанию самотёка. С другой стороны, они вместе с совдепами содействовали несанкционированным отъездам беженцев на родину, просто в сторону границы, на заработки преимущественно в районы Украины, в Сибирь. В результате освобождение более чем на 50 % центральных губерний Европейской России от беженцев в 1920 г. обеспечил главным образом несанкционированный отъезд беженцев.

6.2. Стихийное и плановое движение беженцев на родину в 1921 г.

В 1921 г. эвакоорганы губерний центральной России продолжили перевозки рабочих на производства и стройки государственного значения⁹¹. С весны 1921 г. началось «допереселение», связанное с переселенческой кампанией 1920 г. В результате в районы Сибири доотправили более 60 тыс. переселенцев, зачисливших за собой земли в 1920 г. и ликвидировавших свои хозяйства, около 13 тысяч оказались неотправленными до конца 1921 г.⁹² При этом самовольное движение в Сибирь продолжалось вплоть до 1925 г. и имело тенденцию к возрастанию⁹³. По данным демографической переписи 1926 г., в 1920 – 1924 гг. в Сибирь прибыли и остались там 650 тыс. переселенцев⁹⁴.

На фоне легального допереселения обозначилось гораздо более масштабное стихийное «переселение-бегство» из поражённых голодом губерний Поволжья, и правительство уже не решилось использовать, как в 1920 г., такой инструмент регулирования переселения, как организованное ходачество. С 1 августа 1921 г. было объявлено об организованном «выселении» из этого района 105 тыс. человек, зарегистрировалось свыше 540 тыс., фактически выселилось более 1 млн человек⁹⁵. В числе самостоятельно выехавших из районов Поволжья были и беженцы Первой мировой войны, направившиеся на родину как по железной дороге, так и гужевым путём⁹⁶. Деятели непризнанной Белорусской Народной Республики, обеспокоенные судьбой белорусских беженцев, писали в своём воззвании в августе 1921 г.: «Вместе с жителями Поволжья в муках голода умирают около 1 млн беженцев-белорусов, выселенных туда во время Великого отступления 1915 г. <...> Спасаясь от голодной смерти они стремятся на Родину – Белоруссию, а за ними

⁹¹ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 75 (без нумерации листов).

⁹² *Вощинин В. П.* Переселение // О земле. Вып. 1. М., 1921. С. 136.

⁹³ *Платунов Н. И.* Переселенческая политика советского государства и её осуществление в СССР... С. 48.

⁹⁴ *Рынков В. М., Ильиных В. А.* Десятилетие потрясений: сельское хозяйство в Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013. С. 185.

⁹⁵ *Вощинин В. П.* Переселение... С. 137; *Ямзин И. Л., Вощинин В. П.* Учение... С. 78.

⁹⁶ См., например: *Беженство 1915 года / Ред. В. Луба.* Белосток, 2000. С. 75, 107, 120, 140.

стихийным потоком идут и другие. Свыше 100 тысяч беженцев уже достигли Белоруссии, среди них 40 тысяч беспризорных детей. Сотни тысяч идут следом за ними»⁹⁷.

Чтобы вернуться на родину беспрепятственно, беженцам требовалось иметь необходимые удостоверения (справки), «договариваться» с местным железнодорожным начальством о товарных вагонах для себя, родственников и земляков или иметь лошадь с телегой. Кроме того, в дорогу был необходим определённый запас продовольствия. Например, Антон Калишук из Самарской губернии заплатил два пуда муки за то, чтобы его семью приписал к своей один земляк-железнодорожник, которому по знакомству выделили товарный вагон летом 1921 г. По дороге с беженцев под угрозой отцепки вагона местные железнодорожники требовали хлеба⁹⁸. Глава беженской семьи должен был иметь удостоверение о том, что он, являясь гражданином Польши, возвращается на родину с семьёй. Начальники железнодорожных станций «по знакомству» выдавали беженцам такие удостоверения и выделяли товарные вагоны⁹⁹. Так, Емельян Семенюк, размещённый с семьёй в Тамбовской губернии, по знакомству получил в Тамбове товарный вагон и справку о том, что он – «революционер и едет в Польшу, чтобы организовать там коммунистическую партию». В справке указывалось, чтобы по дороге его вагон не останавливали и выдавали паёк. Сын беженца вспоминал, что на железнодорожных станциях беженцы в ожидании поезда сидели по три месяца, а отцовский вагон незамедлительно прицеплялся к поездам нужного направления. В вагоне находилась и лошадь с коровой¹⁰⁰. Беженцы, возвращавшиеся из Поволжья гужевым путём, преодолевали до двух тысяч километров. По дороге им приходилось прятать свои продукты питания и по

⁹⁷ Цит. по: *Мигун Д.А.* Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.). Минск, 2013. С. 96–97.

⁹⁸ Беженство 1915 года. Белосток, 2000. С. 107.

⁹⁹ Там же. С. 35.

¹⁰⁰ Там же. С. 234.

ночам зорко охранять коней, фуры и живность¹⁰¹. Через Украину на своей лошади удалось вернуться в 1921 г. Владимиру Гарустовичу. Он вспоминал, что обозы из беженских подвод каждый день тянулись к польской границе, и он попытался на своей повозке с привязанной к ней коровой влиться в этот поток. Его пропустили. На границе беженцу помогла справка об освобождении его от мобилизации и реквизиции¹⁰².

Главноуполномоченным Центрэвака в Западной области предпринимались меры для проверки *всех* без исключения пассажирских поездов, прицепных вагонов к воинским поездам с целью задержания «незаконных» беженцев на железнодорожных станциях «Витебск», «Гомель», «Жлобин», «Орша», «Смоленск»¹⁰³. В итоге в середине июня 1921 г. в Смоленске скопилось и простаивало 165 вагонов с беженцами¹⁰⁴, а поезда в продолжали прибывать без разрешения Центрэвака. Так, 24 августа 1921 г. без документов и списков прибыли два эшелона из Бугуруслана и Оренбурга (1 600 и 1 540 человек соответственно), из Самары (1 500 человек), Воронежа (1 351 чел.)¹⁰⁵. Количество прибывших в район приграничной полосы беженцев Польши продолжало расти за счёт охваченных голодом губерний. Часть из них нелегально добиралась до польской территории¹⁰⁶. В начале октября 1921 г. из Западной области Центрэваку сообщалось о неиссякаемом потоке беженцев из голодающих губерний, о скоплении их в приграничном районе, о вынужденном нелегальном их направлении в Польшу¹⁰⁷. Кроме того, органам Центрэвака пришлось формировать эшелоны из накапливавшихся в разных местах самовольно прибывавших беженцев, заниматься оформлением выездных и

¹⁰¹ Беженство 1915 года. Белосток, 2000. С. 131–132.

¹⁰² Там же. С. 60.

¹⁰³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 207. Л. 15, 25–25 об.

¹⁰⁴ Там же. Оп. 4. Д. 239. Л. 727; в Смоленске, кроме беженцев, находились и польские заложники, вопрос обмена по ним Центрэваком решался долго и на 1 сентября 1921 г. ещё не был решён // ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 207. Л. 46.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 207. Л. 141.

¹⁰⁶ Там же. Л. 54; в течение 1921 г. в Польшу вернулось 482 тыс. человек // Брук А.С., Кабузан В.М. Миграционные процессы в России и СССР. М., 1991. С. 123.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 207. Л. 54.

въездных документов «беженцам-самотёкам», остановленным по пути на родину. Например, польский эшелон нелегальных беженцев (1 794 чел.) без документов из Кубанской области был остановлен в Воронеже, но после оформления документов, для чего потребовалось выехать в Москву, сразу же отправлен. Группу беженцев-уроженцев Гродненской губернии, самостоятельно выехавших из Новониколаевска, остановили в Омске и приказали освободить вагоны. Они не подчинились и не стали выгружаться. После двух месяцев стояния и жизни в вагонах они были отправлены следовать дальше¹⁰⁸.

Из центральных губерний Европейской России с приближением весны 1921 г. самодвижение на родину беженцев вновь усилилось. Беженцев не останавливали никакие запреты, в т.ч. перспектива быть задержанными в пути с заключением в концлагеря принудительных работ¹⁰⁹ – там они рассчитывали, по крайней мере, иметь за работу пищу¹¹⁰. Картину беженского самодвижения в начале апреля 1921 г. описал один из Воронежских уездэваков: «Беженцы, затравленные голодом, оборванные, обманутые в надежде на скорое возвращение домой, обезумевшей волной движутся по направлению к родному краю. Самовольно снимаясь с мест, они забивают железнодорожные станции, создавая очаги заразы. Нет никакой возможности бороться против живой

¹⁰⁸ *Кабзярук М.* Век горя // *Беженство 1915 года Белосток*, 2000. С. 101–102.

¹⁰⁹ По поручению советского руководства, ВЧК в апреле 1919 г. во всех регионах было организовано создание концентрационных лагерей принудительных работ с последующей их передачей в ведение губисполкомов. Открытие концлагерей способствовало разгрузке тюрем от заложников из числа местных так называемых «приверженцев буржуазного царско-дворянского строя», обложенных контрибуциями, чрезвычайными революционными налогами «на неотложные нужды» и повинностями. В лагеря в качестве заложников направляли и выселенных из прифронтовой полосы ненадежных в политическом отношении лиц. Кроме того, основной контингент лагерей составляли осужденные за антисоветскую деятельность, военнопленные Гражданской и советско-польской войн, дезертиры, беженцы Первой мировой войны и коренное крестьянское население, нарушившие запрет советских эвакуационных органов на самовольное переселение (*Белова И.Б.* Концентрационные лагеря принудительных работ в Советской России: 1919–1923 гг. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Часть. I. С. 35–36).

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 206. Л. 17.

стихийной массы, стремящейся к заветным гминам»¹¹¹. Находясь на пути этого самодвижения и наблюдая «бессилие Центра правильно организовать дело», Губэвак Воронежской губернии, где находилось до 30 тысяч беженцев, предлагал Центру отправлять беженцев *регулярно* и *отовсюду*, пусть и небольшими партиями, не придерживаясь зональной очерёдности, установленной ранее в других условиях. Это обнадёживало бы беженцев, и процесс ожидания отправки проходил бы спокойнее. В Воронежском Губэваке (и не только там) были уверены, что во избежание катастрофы «не следует дожидаться, когда *вся* беженская масса двинется на Запад». Предлагалось также упростить порядок реэвакуации «грунтовым путём», когда по каждому случаю требовалось разрешение Центра, на что уходила масса времени. В результате беженцы ехали без разрешения, а когда их задерживали по дороге, продавали лошадей и дальше следовали по железной дороге несмотря на запреты. Было очевидно, что упрощение процедуры гужевого движения способствовало бы разгрузке железных дорог¹¹², о катастрофическом положении которых шла речь 31 января 1921 г. на заседании Совета труда и обороны¹¹³.

Всего по России за 1921 г., с 1 января, контрольно-пропускными пограничными пунктами было зарегистрировано 490 179 польских беженцев, в Латвию и Литву проследовало 164 742, в Эстонию – 31 128, в общей сложности – 686 049¹¹⁴.

* * *

В русле легального эвакуационного процесса 1921 г. органам Центрэвака на местах было предписано закончить регистрацию беженцев Латвии в Европейской России 1 июля, а в районах Сибири – 1 августа 1921 г.¹¹⁵ и приступить к работе по реэвакуации в Литву и Польшу. Характеризуя

¹¹¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 206. Л. 20.

¹¹² Там же. Оп. 4. Д. 239. Л. 81, 82, 88.

¹¹³ В апреле Ф.Э. Дзержинский был назначен наркомом путей сообщения, одновременно СНК принял постановление об усилении борьбы с проездом мешочников по железным дорогам. Через две недели Ленин обратился к Дзержинскому по этому же вопросу борьбы с мешочничеством // *Ленин В.И.* ПСС. Т. 42. С. 578; Т. 43. С. 520, 522, 528.

¹¹⁴ Подсчитано по : ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 85. Л. 51.

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1а. Д. 50. Л. 8.

легальный реэвакуационный процесс, следует отметить, что по причине отсутствия в уездэваках средств, поступавших из Центрэвака, оплата доставки беженцев на железнодорожные станции обычно задерживалась. Кроме того, государственные расценки не устраивали местных «крестьян-подводчиков». Это вынуждало беженцев оплачивать свой проезд до железнодорожных станций. По этой причине не удалось начать эвакуацию с самых неимущих¹¹⁶. Беженцев, уже собранных для отправки, нередко длительное время не отправляли. Так, в Орле, в бараках Губэвака, в антисанитарных условиях беженцы с марта 1921 г. два месяца терпеливо ожидали отъезда, а затем стали осаждать местный Губэвак. Последний вступил в переписку с Центром, пытаясь получить наряд на отправку, мотивируя свою просьбу крайней необходимостью освободить бараки «для других бездомных»¹¹⁷. В Ельце 200 беженцев, мучимые голодом, умоляли отправить их как можно скорее. «Ибо смерть стоит перед нашими глазами», - писали они¹¹⁸. В этих словах не было преувеличения, т.к. смертность среди городского населения в 1917 – 1920 гг. была огромной и определяла общую убыль населения страны, составившую за указанный период с осени 1917 г. к 1921 г. почти 11 млн человек¹¹⁹.

Отправке в первую очередь, по предписанию правительства, подлежали, в частности, желавшие выехать на родину в Латвию латышские стрелки, уволенные из Красной армии. До отправки им следовало оказывать материальную поддержку и «ни в коем случае не отбирать у них одежду и обувь, заменяя её негодной»¹²⁰. С жильём и продовольствием до отправки было катастрофически плохо (как и с паровозами, вагонами, топливом и пр.). «Настроение ухудшается и разрушается вся агитационная работа (концерты, митинги, спектакли)», - сообщал Латышскому отделу ЦК РКП его

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 192. Л. 21.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 184. Л. 214.

¹¹⁹ Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 97–98, 107.

¹²⁰ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 23. Д. 7. Л. 12.

уполномоченный представитель¹²¹. При этом беженцы, призванные в Красную армию, в соответствии с действующей секретной инструкцией Центрэвака не имели возможности даже зарегистрироваться и попасть в эшелонные списки для отправки в новые Прибалтийские государства. Такую возможность имели лишь уволенные из Красной армии в бессрочный отпуск¹²². К примеру, военнослужащий 6-й стрелковой дивизии Ю. Клевинский, не смог уехать в Литву из Орла с эшелонном в июле 1921 г., и, когда он обратился с заявлением в Орловский Губэвак, началась переписка, которая продолжалась и в следующем году¹²³. В марте 1921 г. участник Первой мировой войны, с 1914 по 1918 гг. находившийся на фронте, затем советский служащий Ян Паул, добиваясь отправки на родину, в Ригу, сообщал в Центрэвак из Воронежской губернии (г. Бутурлиновка), что с августа 1920 г. было отправлено на родину минимум 4 эшелона беженцев Латвии, но ему об этом никто не сообщал, поэтому преднамеренность в этом вопросе очевидна, несмотря на «непрерывную добросовестную службу в Советских учреждениях». В отличие от других Я. Паул не получал во время службы ни мануфактуры, ни обуви, а жить по рыночным ценам ему и его семье было просто невозможно (см. Приложение 9)¹²⁴. Если бы Я. Паул знал о том, что секретные инструкции, благодаря которым его удерживают в России, исходили от Центрэвака, он бы туда не обращался.

Уполномоченный по делам беженцев Латвии в ноябре 1921 г. направил в Центрэвак письмо, в котором указывал на «повсеместное» наличие ещё не выехавших на родину латышских беженцев. При этом местные эвакоорганы отказывали им в отправке в Москву на предмет эвакуации на родину, ссылаясь на отсутствие соответствующих распоряжений Центра¹²⁵. Именно такие ответы и предписывал давать беженцам и иностранным представителям Центрэвак в

¹²¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 23. Д. 7. Л. 12, 16.

¹²² ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 94 (без нумерации листов).

¹²³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 23. Д. 11. Л. 19.

¹²⁴ Там же. Оп. 4. Д. 239. Л. 166.

¹²⁵ Там же. Оп. 23. Д. 7. Л. 24.

своих секретных документах, чтобы «в интересах РСФСР» задерживать реэвакуацию.

Соглашение о репатриации между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой, было заключено 24 февраля 1921 г. в Риге. Учреждались две смешанные комиссии (в Москве и Варшаве) из двух делегаций каждая. Регистрация и составление эшелонных списков возлагались на учреждения отправляющего государства. Реэвакуации в первую очередь подлежали нетрудоспособные. Начало отправки – не позднее двух недель со дня образования смешанных комиссий¹²⁶. Соглашение не подлежало ратификации и вступало в силу с момента его подписания¹²⁷. Мирный договор был заключён 18 марта 1921 г.¹²⁸

Инструкцию о порядке регистрации и составления эшелонных списков беженцев, происходящих из местностей, отошедших по Рижскому мирному от 18 марта 1921 г. договору к Польской республике, уездэваки получили летом 1921 г.¹²⁹ В инструкции перечислялись эти местности, например, Гродненская губерния, за исключением г. Гродно и уезда, Новогрудский и Пинский уезды Минской губернии, а также целый ряд других бывших российских территорий. Уездэвакам предписывалось приступить к новой регистрации уроженцев этих местностей, имеющих об этом «несомненные документальные доказательства»: паспорта, беженские книжки от бывшего Татьянинского комитета, Земгора, приказы о выселении с места жительства, регистрационные беженские карточки Наркомата по национальным делам до 1 января 1919 г. Кроме того, следовало принимать за доказательство свидетельства, квитанции, книжки Государственной сберегательной кассы и другие бумаги, выданные в прежнем месте постоянного жительства.

¹²⁶ Началом отправки стало 6 марта 1921 г. // Известия Центрального Комитета РКП (б). 20 июля 1921. № 31.

¹²⁷ Примечания к Сообщению Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР о мирных переговорах с Польшей. 1 марта 1921 г. // Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 3. С. 686.

¹²⁸ Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой. 18 марта 1921 г. // Там же. С. 618.

¹²⁹ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 90 (без нумерации листов).

В специальном параграфе Инструкции отмечалось, что беженцами не могут считаться лица, которые исключительно на основании своей официальной должности проживали на территории нынешней Польской республики, не являясь её уроженцами. При перерегистрации документы беженцев следовало оставлять в уездэваках для последующей доставки их в Губэвак. К беженцам приравнивались бывшие военнопленные, находившиеся на тот момент на территории РСФСР, проживавшие до начала Первой мировой войны в указанных местностях. О регистрации беженцев, не имевших требуемых документов, в инструкции было сказано, что на этот счёт последует особое распоряжение. Последовавшее распоряжение состояло в том, что уездэваки должны были составить списки таких беженцев и предоставить их в Центрэвак. При этом следовало указать тех лиц на родине, которые могли бы сообщить о каждом из беженцев как можно больше. По этому вопросу, к примеру, 6 мая 1921 г. общее собрание беженцев Польши и Белоруссии, проживавших в Ельце Орловской губернии, постановило, что на не имевших требуемых документов будут составлены и переданы Губэваку списки с приложением к ним удостоверений «от вполне известных беженцев», подтверждающих личность и право на реэвакуацию таких беженцев¹³⁰. Кроме того, собрание решило направить в Центрэвак и смешанную польско-русскую комиссию своего делегата В.Е. Остапчука с поручением выяснить вопрос о реэвакуации беженцев, призванных в Красную армию.

В Инструкции также устанавливался срок регистрации возвращавшихся «гужевым порядком» – до 1 августа 1921 г. Этим беженцам необходимо было иметь доказательство того, что их скот был вывезен из мест прежнего жительства и получить удостоверение. Например: «Гражданин Болеслав Владимирович Деликовский из граждан Волковыска Гродненской губернии, проживающий в с. Полотняный Завод, отправляется на родину со своей семьёй из четырёх душ гужевым путём на своей лошади, вывезенной из Гродненской

¹³⁰ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 184. Л. 418–418 об.

губернии»¹³¹. Ещё один пример удостоверения: «Сие дано беженцу из Слонимского уезда Гродненской губернии Максиму Иосифовичу Битуну в том, что имеющаяся у него лошадь, корова, швейная машина и самовар принадлежат ему. Они вывезены при эвакуации из Гродненской губернии в 1915 г.»¹³². В уездэваках беженцам объясняли: «Ходатайствуйте к нам. Мы – в Губэвак, Губэвак – в Центр. Разрешает *Центр*, а без соблюдения этой формы никакая отправка гужевым порядком быть не может»¹³³. Замнаркомвнудел М. Владимирский в своём отношении от 28 июля 1921 г. высказался по поводу имущества так: «Если имущество вывезено при эвакуации, заявления подаются в местные земотделы и пересылаются в Центрэвак»¹³⁴.

В Инструкции, не подлежавшей оглашению, предписывалось «в интересах РСФСР» устанавливать очередь на внесение в эшелонные списки для отправки беженцев. Состоявших в Красной армии следовало регистрировать и включать в эшелонные списки только после демобилизации. Все эшелонные списки подлежали визированию Губчека (Особого отдела или Президиума), после чего завизированные списки вместе с документами беженцев нарочным следовало препровождать в Центрэвак для визирования Польской делегацией. При даче объяснений беженцам или учреждениям строжайше воспрещалось «ссылаться на инструкцию» (см. Приложение 10)¹³⁵. Начальникам губэваков было приказано эшелонные списки реэвакуируемых в Польшу «ни в коем случае не посылать в Центрэвак для получения визы Польской делегации нарочными из беженцев... или из сотрудников уездэваков польской национальности из Польши или Литвы»¹³⁶. Начальники губэваков имели секретный приказ, касавшийся регистрации и включения в эшелонные списки беженцев-медицинских работников всех категорий, предписывавший вносить их в эшелонные списки только после согласования этого вопроса с

¹³¹ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 90 (без нумерации листов).

¹³² Там же. Ф. Р-2250. Оп. 1. Д. 4 (без нумерации листов).

¹³³ ГАОО Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 184. Л. 367.

¹³⁴ ГАКО. Ф. Р-2250. Оп. 1. Д. 2 (без нумерации листов).

¹³⁵ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 140.

¹³⁶ Там же. Л. 145.

Губздравами. Отказы следовало мотивировать «правильно», а именно тем, что в первую очередь отправляют «инвалидов, детей, стариков, нетрудоспособных и т. д.» (см. инструкцию в Приложении 11)¹³⁷.

Центрэвак в ноябре 1921 г. обязал свои местные органы считать недействительными при регистрации и отправке в Польшу удостоверения, выданные Польской делегацией без визы Русско-украинской делегации. В Центрэвак поступали заявления Польской делегации о том, что представляемые губэваками эшелонные списки почти сплошь состояли из беженцев-белорусов. В этой связи Центрэвак, подтверждая прежде данные инструкции, предлагал своим органам на местах «во все плановые эшелоны включать и некоторое более или менее значительное количество беженцев польской национальности», кроме случаев, когда эшелоны составляются из «самовольно прибывших и накопившихся в данных местностях»¹³⁸. На практике уездные органы Центрэвака запрашивали Центр практически по каждому конкретному случаю. До них все инструкции не доходили, тем более секретные, адресованные губэвакам. Последним тоже приходилось часто обращаться в Центрэвак. Например, Орловский Губэвак в мае 1921 г. запрашивал Центр, можно ли отправить в Латвию двух инженеров – Кузьмина и Адамского. Через месяц Центрэвак ответил, что на этот счёт существует секретная инструкция, но, по их мнению, Адамского можно отправить с ближайшим эшелоном в связи с его преклонным возрастом. Однако и через два с половиной месяца инженер Адамский оставался в Орле и продолжал добиваться эвакуации, о чём он и писал в Центрэвак¹³⁹.

При проведении перерегистрации обнаруживалось, что большинства беженцев уже не было в местах временного водворения¹⁴⁰. Например, перерегистрация, проведенная в Мещовском уезде Калужской губернии, показала наличие 240 беженцев из Гродненской губернии, размещённых в г.

¹³⁷ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 191.

¹³⁸ Там же. Л. 184.

¹³⁹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 192. Л. 47.

¹⁴⁰ ГАКО. Ф. Р-2250. Оп. 1. Д. 4 (без нумерации листов).

Мещовске и восьми уездах, хотя летом 1918 г. здесь было более 2,3 тыс. беженцев из Пружанского и Волковыского уездов Гродненской губернии¹⁴¹. Медынский уездэвак с августа до конца 1921 г. оформил документы для отправки в Польскую Республику более 300 уроженцев Гродненской губернии, в 1918 г. в уезде находилось более 1,2 тыс. белорусов¹⁴². В процессе этой работы также выяснилось, что у 20 уроженцев Гродненской губернии, а также Холмской, Курляндской и Виленской не было документов, поименованных в инструкции¹⁴³. Список этих беженцев был направлен в Центрэвак. В других уездах наблюдалась аналогичная картина. Так, в Жиздринском уезде не зарегистрировали беженца из Слонимского уезда Гродненской губернии С.И. Иванова с семьёй из пяти человек. Беженцам, оказавшимся в такой ситуации, и вообще всем желающим для улучшения их материального положения приказом Центрэвака от 9 августа 1921 г. было разрешено переехать к родственникам в пределах РСФСР¹⁴⁴.

Из Орловской губернии первый плановый эшелон с беженцами в Польшу (1 327 человек) был отправлен 19 июля 1921г.¹⁴⁵ Из Малоархангельского уезда 200 беженцев из 680 отправили в Польскую республику в конце октября 1921 г.¹⁴⁶ В Латвию и Литву по нарядам Центрэвака из губернии отправили, как и в Польшу, до 1,5 тыс. беженцев, а всех вместе – до 3 тыс.¹⁴⁷ Беженцы из г. Ельца, которых никак не отправляли, 6 сентября 1921 г. послали в Центрэвак прошение, где писали, что Орловская губерния получила всего один наряд на вагоны в Польшу в 1921 г., куда их не включили, что один пуд дров стоит 4 тыс. рублей, да и то их нет на рынке. Пуд муки – 100 тыс. рублей, мера картофеля – 40 тыс. рублей. Пайки не выдают, зарплата – 2-3 тыс. рублей. Количество беженцев в г. Ельце – 1 тыс., в уезде – 2 тыс. Беженцы «просили и

¹⁴¹ ГАКО. Ф. Р-1796. Оп. 1. Д. 1. Л. 322–330; Красный Октябрь. Калуга, 1920. Ч. VIII. С. 2.

¹⁴² Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 82 (без нумерации листов); Красный Октябрь. Калуга, 1920. Ч. VIII. С. 2.

¹⁴³ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 94 (без нумерации листов);

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 192. Л. 77.

¹⁴⁶ ГАОО. Ф. Р-1766. Оп. 1. Д. 2. Л. 194.

¹⁴⁷ Там же. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 13. Л. 16, 17, 21, 77, 78, 350, 420.

умоляли» дать наряд на три эшелона или хотя бы один для города. Доставить в Центрэвак данное прошение доверялось беженцу Станиславу Камильевичу Янишевскому¹⁴⁸.

Из Калужской губернии в плановом порядке отправили 2 534 беженца¹⁴⁹. Из Тульской, Курской и Рязанской губерний реэвакуировали соответственно четыре с половиной, пять и пять с половиной тыс. беженцев¹⁵⁰. В Воронежской губернии за 1921 г. количество беженцев уменьшилось с 30 тыс. до 12 891 человека, т.е. более чем наполовину (на 17 109 человек). Легально из Воронежской губернии отправили по нарядам Центрэвака 2 766 человек в Польшу, 1 900 – в Литву, 147 – в Латвию, всего – 4 813. Остальные 12 296 человек убыли самовольно и умерли, что было отмечено в отчёте местного Губэвака. В отчёте отмечено также, что местные уездэваки «не в силах справиться с массовым напором беженцев к железнодорожным станциям и с самовольными посадками в вагоны, никакие увещевания не действуют»¹⁵¹.

Как непросто проходил процесс реэвакуации можно видеть на примере Жиздринского уезда Брянской губернии. В начале 1921 г. Жиздринский уездэвак запросил вышестоящий Губэвак о сроках реэвакуации. Ответ пришёл в начале марта: «Губэвак пока такими сведениями не располагает». Позже была объявлена отправка в Латвию на 29 марта, но она была приостановлена, как оказалось, до июня. Состоявшийся в начале мая очередной 12 уездный съезд Советов проголосовал «за ходатайство перед Губисполкомом, Губэваком и Центром о включении беженцев Жиздринского уезда в *первую очередь* отправки их на родину». Ходатайство было направлено и по нему принято положительное решение. В начале июля Жиздринский уездэвак получил сообщение, что в начале августа 300 беженцев будут отправлены. 2 августа наряд на отставку действительно был получен вышестоящим Брянским

¹⁴⁸ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 184. Л. 82–86.

¹⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 39. Л. 188.

¹⁵⁰ Подсчитано по: ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 680. Л. 209 об; *Лахарева Н.В.* Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1918–1925 гг.: На примере Курской губернии: автореф. ... канд. ист. наук. Курск, 1999. С. 24; ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 39. Л. 326 об.

¹⁵¹ ГАВО. Ф. Р-529. Оп. 1. Д. 475. Л. 18 об, 33 об, 34, 38 об, 43.

Губэваком, списки жиздринских беженцев были готовы и завизированы польской стороной, однако весь эшелон оказался заполнен беженцами г. Брянска и Брянского уезда (1 тыс. человек).

Жиздринский исполком сразу же сообщил об этом нарушении в Центрэвак с просьбой отправить жиздринских беженцев, уже снявшихся с мест. 4 сентября состоялось собрание беженцев, на котором присутствовали члены Жиздринского уисполкома. В итоге в Центрэвак было направлено ещё одно ходатайство об отправке, удовлетворённое Центрэваком, который распорядился о предоставлении вагонов для жиздринских беженцев к 10 сентября. Главе семьи или одиноким разрешалось провезти 8 пудов багажа, взрослому члену семьи – 5, детям до 10 лет – по 2 пуда на каждого. В итоге в Польскую республику отправили 292 уроженца Гродненской губернии и 16 человек – в Латвию¹⁵². На конец 1921 г. в уезде оставалось для отправки в Польшу 111, в Латвию – 159, в Литву – 12; всего – 182 человека¹⁵³. В данном случае беженцы действовали вместе с местной властью, а иначе они бы вообще не смогли ничего добиться, так как НКВД предписывалось «не допускать образования различных беженских комитетов и самочинных уполномоченных <...> Достаточно смешанной русско-польской комиссии»¹⁵⁴.

Похожие ситуации возникали и в других губерниях, например, на 25 и 30 октября 1921 г. был назначен отъезд двух тысяч беженцев из г. Тамбова, но им вдруг объявили, что вначале отправят беженцев из уездов. Городские беженцы пришли в отчаяние и не могли понять причину такого решения. Они доказывали, что условия проживания в городе несравненно хуже, чем в сельской местности, кроме того, 600 из 2 тыс. городских беженцев проживали в 20 вагонах «крайне нужных для республики». Губэвак в данной ситуации ничего не объяснял и ссылался на решение Центрэвака¹⁵⁵.

¹⁵² ГАКО. Ф. Р-2250. Оп. 1. Д. 4 (без нумерации листов).

¹⁵³ Там же. Оп. 2. Д. 1 (без нумерации листов).

¹⁵⁴ Там же. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 90 (без нумерации листов).

¹⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 269. Л. 2, 3.

Таким образом, в 1921 г. неорганизованное движение-бегство беженцев Первой мировой войны, несмотря на многочисленные трудности, которые предстояло им преодолеть, самостоятельно отправляясь в обратный путь, а также коренного населения из охваченных голодом районов Поволжья приняло огромные размеры. Центрэвак, легализовав переселение незначительной части населения Поволжья, пытался использовать в отношении всех остальных переселенцев, считавшихся нелегальными, запретительную тактику. Однако в результате Центрэваку всё же пришлось приступить к оформлению документов, формированию из нелегальных беженцев эшелонов и даже заняться нелегальной отправкой в Польшу скопившихся в приграничных районах беженцев. Одним из способов самостоятельного беспрепятственного возвращения домой для беженцев стало нелегальное приобретение документов о том, что целью поездки является выполнение на родине поручения партии большевиков. Всего за 1921 г. через российские пограничные пункты проследовало почти 500 тыс. репатриантов в Польскую республику и около 200 тыс. в Прибалтийские государства, причём количество репатриантов, не регистрировавшихся на контрольно-пропускных пограничных пунктах, в том числе передвигавшихся гужевым путём, неизвестно даже приблизительно.

О начале планомерной реэвакуации в Литву и Польшу Центрэвак объявил в марте 1921 г. Процесс санкционированной реэвакуации отличался неудовлетворительной организацией. Недовольство состоянием реэвакуации выражали не только беженцы и зарубежные уполномоченные по делам беженцев, но и работники органов Центрэвака на местах. При проведении реэвакуации практиковалась неправомерная отсрочка отправки на родину некоторых групп беженцев «в интересах РСФСР». В 1921 г. из каждой из семи центральных губерний Европейской России было реэвакуировано по 2,5 – 5,5 тыс. беженцев. При этом выехавших самостоятельно (вместе с умершими) в отдельных губерниях и уездах было в 2 – 2,5 раза больше, чем отправленных за счёт Центрэвака.

6.3. Заключительный этап реэвакуации беженцев. 1922 – сер. 1925 гг.

В декабре 1921 г. Центрэвак объявил о ликвидации своих органов на местах. В соответствии с инструкцией от 5 января 1922 г. в феврале были ликвидированы уездные, а в марте губернские управления по эвакуации населения (губэваки). Вместо них в первом полугодии 1922 г. функционировали линейные эвакуационные пункты при крупных железнодорожных станциях и межтерриториальные базисные эвакуационные пункты. Например, в таких губерниях центра Европейской России как Тульская, Курская, Брянская, Орловская были организованы линейные эвакуационные пункты и подчинены Орловскому базисному эвакуационному пункту, а Рязанский линейный эвакуационный пункт – Московскому¹⁵⁶. Кроме Орла, базисный эвакуационный пункт был создан и в Воронеже. При железнодорожной станции «Калуга» в марте был организован линейный эвакуационный пункт с передачей ему имущества питательного пункта местного Губэвака, который подлежал ликвидации. Этот вопрос не был согласован с Центрэваком. В итоге только что созданный линейный эвакуационный пункт пришлось ликвидировать, а уполномоченного Центрэвака по Калужской губернии подчинить базисному эвакуационному пункту в г. Орле.

Во втором полугодии 1922 г. ликвидации подверглись уже эвакуационные пункты. С 1 июля прекращалась бесплатная перевозка «голодобеженцев» в Европейской России, а с 1 августа из Сибири¹⁵⁷. Губисполкомы, озабоченные реэвакуацией беженцев в условиях ликвидации губэваков, эвакуационных пунктов и в связи с предстоявшей ликвидацией Центрэвака, запрашивали Народный комиссариат внутренних дел о том, «что и как всё будет дальше происходить, что делать сейчас с беженцами и другим контингентом, требующим эвакуации». На железнодорожных станциях скапливались массы людей, например, в Сызрани ожидали отправки 10 тыс. беженцев, рабочих и переселенцев, а местный эвакуационный пункт уже был без руководителя, которого отозвали несмотря на сложную

¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1. Д. 18. Л. 3, 8, 22.

¹⁵⁷ Там же. Оп. 23. Д. 41. Л. 22.

ситуацию с отправкой¹⁵⁸. В бывшей Дальневосточной Республике в декабре 1922 г. ожидали отправки 500 латвийских беженцев, о них проявляла беспокойство Латвийская дипломатическая миссия¹⁵⁹. В январе 1923 г. не состоялась запланированная отправка 300 беженцев Латвии из губерний Европейской части России, и латвийские представители вынуждены были обращаться по этому вопросу, но теперь уже не в Центрэвак, а в ликвидационную комиссию Центрэвака. При этом обмен 90 коммунистов, находившихся в Латвии, на 60 латвийских беженцев, находившихся в России, в это же самое время состоялся¹⁶⁰.

После ликвидации местных органов Центрэвака за оформление документов на выезд за границу беженцам Первой мировой войны отвечали отделы управления губисполкомов. Например, в Калужской губернии при административном подотделе отдела управления губисполкома был образован эвакуационный стол, который возглавил бывший заведующий беженским отделом Губернского управления по делам пленных и беженцев С. Каралис, уроженец Виленской губернии, в период Первой мировой войны оказавшийся в Калуге. Через год функции эвакостола перешли к иностранному столу отдела управления губисполкома¹⁶¹. Случаи, когда документы беженцев, которые требовались для подтверждения их беженского статуса, полученные иногда с большим трудом с мест их прежнего проживания, в итоге терялись по вине советских работников, к сожалению, не были единичными. Например, в Мценске Орловской губернии сразу 22 беженца – уроженца Латвии в одночасье остались без документов, отосланных при посредстве отдела управления губисполкома в Москву¹⁶². По этой причине люди по возможности старались доставлять свои бумаги в иностранные миссии лично или с оказией. Однако когда, например, литовский беженец Зенон Викторовский после поездки по

¹⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 23. Д. 41. Л. 63.

¹⁵⁹ Там же. Д. 7. Л. 72.

¹⁶⁰ Там же. Л. 79, 83.

¹⁶¹ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 2. Д. 89. Л. 9–10.

¹⁶² ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 212. Л. 184.

этому вопросу в Москву, в Литовское представительство, в июне 1922 г. возвратился обратно, его оштрафовали на 1,5 тыс. рублей за «незаконную» поездку и как бы в утешение объяснили, что сумма штрафа пополнит фонд помощи пленным красноармейцам, находившимся в Польше. Полпредство Литовской республики, куда обратился Викторовский, наоборот, посчитало незаконной предъявленную беженцу штрафную санкцию и заявило протест на том основании, что «передвижение в РСФСР никакими узаконениями не воспрещено»¹⁶³.

Надо отметить, что способностью быстро направить ход дел эвакуационные органы Советской России вообще не отличались, тем более в периоды реорганизации и ликвидации. Взаимодействие центра и периферии, межведомственные связи всегда оставляли желать лучшего. Местная исполнительная власть, как правило, по несколько раз обращалась в Центр за разъяснениями, как поступать в конкретном случае, на основании какого нормативного акта, часто у них отсутствовавшего. Например, административный отдел Рязанского губисполкома в 1924 г. просил НКВД выслать для руководства циркуляр от 29 мая 1922 г., который год назад, в марте 1923 г., был отменён¹⁶⁴. Переписка требовала времени, тем самым оттягивая момент реэвакуации, что отрицательно сказывалось на настроении беженцев. В феврале 1922 г. губотделы ЧК, к примеру, стали отказываться визировать *списки* беженцев, что было необходимо для получения нарядов на эвакуацию, на том основании, что в списках не были обозначены маршруты следования. Между тем маршруты сообщались на места тем же Центрэваком лишь перед самой отправкой эшелона, т.е. после утверждения уже завизированных списков. Получался замкнутый круг, также тормозивший отправку¹⁶⁵. Польская миссия в 1922 г. шесть раз обращалась по поводу урегулирования крайне замедленной деятельности Курского эвакуационного пункта, в связи с чем был сформирован

¹⁶³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 23. Д. 24. Л. 56.

¹⁶⁴ Там же. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 226. Л. 5, 6.

¹⁶⁵ Там же. Ф. Р-3333. Оп. 23. Д. 11. Л. 21–22.

только один эшелон (к августу 1922 г.); а также по поводу отказов в регистрации беженцев Виленской губернии под предлогом отсутствия распоряжений Центрэвака¹⁶⁶. Польскому репатрианту Фёдору Гейтцу, имевшему польскую и союзную визы, в Курске незаконно отказали в выдаче бесплатных проездных документов¹⁶⁷.

Нередким явлением было незаконное отобрание вещей или денег у репатриантов на границе. При этом жалобы и обращения оставались без ответа вплоть до прекращения репатриации¹⁶⁸. Например, так произошло с польским беженцем Яковом Копусом летом 1922 г. Польская делегация по репатриационной деятельности в Минске обратилась по этому вопросу в августе 1922 г. в установленном порядке в русско-украинскую репатриационную делегацию, но ответа не получила. Повторное обращение в апреле 1924 г. также осталось без ответа. В марте 1925 г. уже Польская дипломатическая миссия вынуждена была поставить этот вопрос перед НКВД СССР¹⁶⁹. Другой польский беженец Леон Кушнирук в августе 1922 г. сообщил о незаконном отобрании денег и документов на российской таможне. У Владислава Лукашевича и Виктора Голошевского также на таможне были конфискованы вещи и деньги. Польская делегация ничего не смогла добиться до прекращения репатриации, после чего Польская дипломатическая миссия в 1925 г. вступила в переписку по этому вопросу с НКВД¹⁷⁰.

Латвийское посольство в январе 1924 г. возбуждало вопрос о скорейшей эвакуации латвийских граждан, у которых были отобраны латвийские паспорта, выданные во Владивостоке до установления там советской власти. На Дальнем Востоке в таком положении находились не только латыши, но граждане Литвы, Эстонии¹⁷¹ и Польши. Так, литовский беженец Калалис написал в апреле 1925

¹⁶⁶ *Лахарева Н.В.* Резолюция беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925 гг.). Курск, 2001. С. 104–105.

¹⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 170 б. Л. 284, 286.

¹⁶⁸ Там же. Д. 170 в. Л. 197–200.

¹⁶⁹ Там же. Д. 170 б. Л. 129.

¹⁷⁰ Там же. Д. 170 в. Л. 180, 181, 182, 196.

¹⁷¹ Регистрация беженцев Эстонии была закончена с 1 января 1922 г.

г. в СНК о том, что сдал документы и ждёт отправки с лета 1923 г.¹⁷² В Смоленской губернии документы беженца И.О. Левановича «с 1923 г. ходили то в Москву, то обратно в Смоленск». «Он заполнял всевозможные анкеты, платил деньги и т. д., а в результате получается, что выехать в Литву он не может по причине истечения русской визы и срока репатриации», - сообщал в апреле 1925 г. Административный отдел смоленского губисполкома Центральному административному управлению НКВД, прося отсрочить русскую визу на выезд¹⁷³.

В ноябре 1924 г. ходатайство польской репатриантки Т.М. Блажевич о выезде на родину вместе с остальными документами из-за продолжительной служебной переписки не попали вовремя, т.е. до завершения процесса репатриации, в польское посольство. По этой же причине польский репатриант Б. Вильк с семьёй, своевременно предоставивший в 1924 г. документы для возвращения на родину, лишился права бесплатного возвращения «ввиду окончания репатриации». Ещё 5 репатриантов Польши в январе 1925 г. пострадали таким же образом из-за невыдачи им на руки документов, которые отправили почтой¹⁷⁴. В марте 1923 г. латвийские беженцы в Туле были крайне обеспокоены, что беженский отдел НКВД не давал наряда на их отправку, а у них уже истекал срок российской визы¹⁷⁵.

Нередко оформление задерживалось из-за передачи документов не в то посольство, как, например, в случае с беженской семьёй Творецкого из Ковенской губернии. Сами работники административных отделов «громадным затруднением нормального хода репатриации» считали установку Бюро перевозок ОГПУ на отдельную отправку багажа репатриантов «малой скоростью» в 1925 г.¹⁷⁶ Множество вопросов на местах возникло в связи с приказом Центрэвака от 15 сентября 1922 г., прекращавшим с 1 октября

¹⁷² ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 163. Л. 276–279, 283; Д. 170 б. Л. 104.

¹⁷³ Там же. Д. 170 б. Л. 142.

¹⁷⁴ Там же. Д. 170 в. Л. 16, 19, 52–53.

¹⁷⁵ ГАТО. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 1709. Л. 5.

¹⁷⁶ Там же. Л. 224, 239.

бесплатную отправку беженцев в Латвию¹⁷⁷. Беспоконство местных властей объяснялось тем, что оставалось «довольно значительное количество» беженцев, зарегистрировавшихся, но не уехавших по разным причинам и не подавших заявлений о желании выехать, которые затем пожелали это сделать; кроме того – беженцев, никогда ранее не регистрировавшихся, но теперь желавших ехать. Губотделы ГПУ настойчиво предлагали приступить к новой регистрации, но это требовало согласования с Центрэваком, который находился в «предликвационном» периоде¹⁷⁸. В ответ на многочисленные запросы в духе «что делать?» Центрэвак сообщал, что скоро последует приказ, согласно которому *бесплатная отправка* будет продлена на две недели, по истечении которых беженцы, не заявившие о намерении выехать, уже окончательно лишатся возможности ехать *за счёт Центрэвака*¹⁷⁹. Надо отметить, что регистрация беженцев для бесплатной отправки в Латвию уже прекращалась в 1921 г., что вызвало многочисленные жалобы и ходатайства, способствовало увеличению самостоятельного непланового движения, с чем Центрэвак всегда боролся. В результате регистрация тогда была возобновлена, но беженцам пришлось снова заявлять о себе и писать ходатайства о бесплатной отровке¹⁸⁰.

Планомерная перевозка беженцев в 1922 г. в Польшу и в Прибалтийские республики, несмотря на происходившую ликвидацию эвакуационного аппарата на местах, продолжилась, но её темпы и качество оставляли желать лучшего. Так, в марте по одному эшелону отправили в Польшу из Орла, Брянска, Тулы, Рязани, Тамбова, Смоленска и два эшелона из Калуги¹⁸¹. Эти люди ожидали реэвакуации из Советской России целых четыре года. В апреле и мае из Воронежа отправили 1 015 человек в Польшу¹⁸². В феврале, мае и сентябре состоялись отправки (по одному эшелону) в Польшу и Прибалтику из

¹⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 23. Д. 7. Л. 63.

¹⁷⁸ Ликвидация Центрэвака началась с 1 ноября 1922 г. // ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 85. Л. 12.

¹⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 265. Л. 16–17.

¹⁸⁰ Там же. Оп. 1а. Д. 50. Л. 8; ГАТО. Ф. Р-95. Оп. 3. Д. 403. Л. 12.

¹⁸¹ Там же. Оп. 4. Д. 86. Л. 7; ГАКО. Ф. Р-2244. Оп. 1. Д. 6 (без нумерации листов).

¹⁸² Там же. Д. 704. Л. 13.

Калужской губернии, в которой на 1 января 1922 г. находилось 8,3 тыс. зарегистрированных беженцев¹⁸³. Среди отправленных преобладали уроженцы Гродненской губернии¹⁸⁴. В августе из Орла отправили 1 264 беженца в Польшу и Прибалтику¹⁸⁵, из Тулы – один эшелон, состоявший из 402 человек, в Польшу¹⁸⁶, а также из Курска, откуда до конца 1922 г. перевезли 1 136 человек¹⁸⁷ из 8, 7 тыс. зарегистрированных на 1 января 1922 г.¹⁸⁸ Летом в Польскую республику отъезжали и гужевым способом¹⁸⁹.

Далеко не все плановые отправки в 1922 г. проходили нормально, без тех или иных нарушений, в объявленные сроки. В результате беженцы не успевали распорядиться своим имуществом или, наоборот, ликвидировали его, увольнялись с работы, а отъезд переносился на неопределённое время¹⁹⁰. Так, по этой причине из Тулы ни в марте, ни в повторно назначенный срок беженцы не уехали. Тульский линейный пункт добивался отправки сначала у Орловского базисного пункта, затем стал просить у него разрешения обратиться напрямую в Центрэвак¹⁹¹. Аналогичная картина с отправкой наблюдалась не только в Центральном регионе. Например, в апреле 1922 г. уполномоченный Латвии по делам беженцев сообщал Центрэваку, что беженцы, собранные в Архангельской губернии полгода назад, до настоящего времени не отправлены из-за отсутствия наряда¹⁹². Оптационная комиссия при Латвийской дипмиссии в августе 1922 г. обращалась в Центрэвак по поводу реэвакуации беженцев Латвии, ожидавших в Перми эшелона более четырёх месяцев после объявления об отправке и распродавших своё имущество. Челябинская база на все запросы

¹⁸³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 683. Л. 15.

¹⁸⁴ ГАКО. Ф. Р-2244. Оп. 1. Д. 6 (без нумерации листов).

¹⁸⁵ ГАОО. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 212. Л. 63 об, 315–316.

¹⁸⁶ ГАТО. Ф. Р-1766. Оп. 1. Д. 22. Л. 12.

¹⁸⁷ *Лахарева Н.В.* Реэвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925 гг.). Курск, 2001. С. 141.

¹⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 291. Л. 85.

¹⁸⁹ Там же. Оп. 23. Д. 11. Л. 36 об.

¹⁹⁰ См., например: *Лахарева Н.В.* Реэвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925 гг.). Курск, 2001. С. 145–146.

¹⁹¹ ГАТО. Ф. Р-95. Оп. 3. Д. 403. Л. 48, 63, 120.

¹⁹² ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 294. Л. 89.

по поводу отправки не реагировала, очевидно, рассчитывая на полную свою безнаказанность¹⁹³. Вся эта неразбериха только способствовала самотёку.

На 1 ноября 1922 г., по данным Центрэвака, в губерниях Европейской России оставались неотправленными 32 512 зарегистрированных беженцев¹⁹⁴. Из них в Калужской и Курской губерниях по три тыс. человек, в Воронежской – 215 человек, Орловской – 259, Тульской – 839, в Тамбовской губернии – две тыс. зарегистрированных¹⁹⁵. Всего на 1 января 1923 г. в России вместе с Украиной ожидали репатриации 83 793 человека¹⁹⁶.

В 1922 г. волна «непланового беженского движения» вновь, как и весной 1921 г., поднялась, по оценке Центрэвака, на «значительную» высоту. Это были в основном беженцы, расселённые в «бывшей житнице России – губерниях Поволжья». Центрэвак, как следует из его отчёта, в 1922 г., как и в 1921–ом, вынужден был не просто бороться, но вести «усиленную» борьбу с «самотёком», при этом сотни сотрудников погибли от свирепствовавших в России эпидемических заболеваний¹⁹⁷. В этой связи правомерен вопрос о количестве погибших от болезней и голода беженцев. Эти данные Центрэвак, скорее всего, не сумел собрать. Такие попытки делались в конце 1919 г. и позже. Надо отметить, что даже в 1920 г. количество органов гражданской регистрации составляло не более 40 % от необходимого количества, не говоря уже о предыдущем советском периоде¹⁹⁸. При этом документы Центропленбежа и Центрэвака, статистического отдела, иностранного подотдела НКВД до 1922 г., сданные на хранение, были признаны в 1924 г. «потерявшими всякую надобность и ценность для работы по даче сведений и справок Наркоматом (НКВД. – И.Б.) до конца оптации и репатриации и <...> подлежащими

¹⁹³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 704. Л. 247, 268.

¹⁹⁴ На 1 ноября 1922 г., по данным Центрэвака, оставались неотправленными в Сибири – 40 тысяч, на Украине – 20 тысяч человек; всего по России (с Украиной) – 95 862 человека.

¹⁹⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 440. Л. 84.

¹⁹⁶ Там же; Оп. 4. Д. 85. Л. 25; Оп. 23. Д. 41. Л. 42.

¹⁹⁷ Там же. Оп. 4. Д. 85. Л. 1, 11.

¹⁹⁸ См., к примеру: ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 411–412; Ф. Р-3284. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов); Поляков Ю. А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 86.

уничтожению путём сожжения»¹⁹⁹. По распоряжению Центрэвака беженцев задерживали на железнодорожных станциях²⁰⁰. По вопросу о ликвидации простаивания вагонов с беженцами, прибывавшими без нарядов Центра, состоялось совещание в Москве. Там на Брянском направлении на начало 1922 г. скопилось более 100 вагонов. Беженский отдел Центрэвака и ВЧК явно не успевали разбираться с документами прибывших и продолжавших прибывать беженцев, формировать эшелоны. В итоге Центрэваку было предложено проводить отправку беженцев партиями, без формирования целого эшелона, что способствовало простоям²⁰¹. В Минске беженцам из Саратовской губернии, направлявшимся в Польшу, документы оформляли по 6 недель²⁰².

В 1922 г., например, в Польшу вернулось 278, 8 тыс. репатриантов. Но это не означает, что все они были организованно вывезены из мест их временного размещения и доставлены до границы²⁰³. Иначе не было бы проблемы самотёка, с которым безуспешно «боролся» Центрэвак. Беженцы по своей инициативе, несмотря ни на какие препятствия, продвигались на Запад, буквально наводнив всю Западную область.

Иностранные представительства предпринимали попытки защиты права собственности беженцев, самостоятельно покинувших Россию и вынужденно оставивших своё имущество. Так, Генеральное Консульство Латвии в январе 1923 г. направило вербальную ноту НКВД по поводу несоблюдения российской стороной Соглашения о порядке оптации гражданства возвращающимися на родину, вывоза и ликвидации имущества граждан обеих сторон от 6 ноября 1921 г. В результате латвийские беженцы, самостоятельно покинувшие территорию России до заключения Соглашения, лишались своего имущества, привезенного и оставленного в России не по своей воле. Ответа на ноту не последовало, о чём латвийское консульство сообщало НКВД в декабре 1923 г.,

¹⁹⁹ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 170 а. Л. 77.

²⁰⁰ Беженство 1915 года. Белосток, 2000. С. 121–122.

²⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 317. Л. 3-5, 48.

²⁰² Беженство 1915 года. Белосток, 2000. С. 116–117.

²⁰³ Брук С.А., Кабузан В.М. Миграционные процессы в России и СССР. М., 1991. С. 123.

расценивая отсутствие ответа как нежелание возвращать собственность латвийским гражданам²⁰⁴.

С января 1923 г. губернские эвакуационные столы взаимодействовали уже не с Центрэваком, а с эвакуационным отделом Наркомата Внутренних дел²⁰⁵. Например, в Калужском Губисполкоме, в составе которого находился эвакуостол, полагали, что ликвидация Центрэвака не означала прекращение эвакуации беженцев. Так, начальник отдела по этому вопросу высказался следующим образом: «Эвакуация не находится на мёртвой точке, но как раз наоборот. Только теперь придётся обращаться в Наркомвнудел, где организован эвакуационный отдел». В отдел доставлялись списки беженцев для получения нарядов на отправку, для визирования иностранными делегациями. Так, в начале апреля 1923 г. списки на 103 польских беженца были доставлены в отдел для визирования польской делегацией. Калужский Губернский эвакуостол в начале 1923 г. запросил в установленном порядке или уже получил необходимые документы для отправки 1 200 беженцев. Списки ещё 870 человек были поданы в Наркомвнудел для запроса соответствующих органов по месту прежнего жительства беженцев²⁰⁶. Практически во всех губерниях были беженцы без документов, подтверждавших их статус. Например, в Тульской губернии 350 человек²⁰⁷, в Курской – несколько тысяч²⁰⁸. В июне 1923 г. отдел управления Орловского губисполкома направил в Наркомат внутренних дел документы на 219 польских беженцев, 30 беженцев Латвии и 10 из Литвы «для наложения виз в соответствующих миссиях на предмет выезда на родину»²⁰⁹. В мае 1923 г. из Тулы отправили небольшие группы беженцев в Латвию, Литву и Польшу²¹⁰, 20 декабря 1923 г. из Орла – в Польскую Республику²¹¹. До отправки

²⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 163. Л. 273–277 об.

²⁰⁵ ГАОО. Ф. Р-1162. Оп. 1. Д. 1045. Л. 6.

²⁰⁶ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 43. Д. 137 а. Л. 151.

²⁰⁷ ГАТО. Ф. Р-1766. Оп. 1. Д. 22. Л. 15.

²⁰⁸ *Лахарева Н.В.* Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1918–1925 гг.: На примере Курской губернии: автореф. ... канд. ист. наук. Курск, 1999. С. 24–25.

²⁰⁹ ГАОО. Ф. Р-1162. Оп. 1. Д. 896. Л. 6, 5, 8.

²¹⁰ ГАТО. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 1701. Л. 23.

²¹¹ ГАОО. Ф. Р-1162. Оп. 1. Д. 1134. Л. 5, 2, 6.

в Москву беженские списки визировались губотделами ГПУ, которых интересовали политические моменты. Так, в феврале 1923 г. начальник Калужского Губотдела сообщал отделу управления Губисполкома, что в списке уезжающих на родину беженцев белорусов и поляков имеется Антон Александрович, который, по их сведениям, является «польским контрреволюционером, но он пока пропускается до получения ответа на запрос о нём из Центра»²¹².

Советское правительство в январе 1923 г. довело до сведения Поверенного в делах Польши в РСФСР, что в деле репатриации беженцев произошли «значительные» изменения, свидетельствующие о приближении конца процесса. Констатировалось, что с начала осени 1922 г. число уезжавших с эшелонами лиц было значительно меньше числа зарегистрировавшихся для отправки. Например, из Сибири и даже Москвы выезжало только 50 % зарегистрировавшихся. Кроме того, количество заявивших о выезде не превышало 20 тысяч человек, из которых только часть выедет в Польшу эшелонным порядком. Далее делался вывод о том, что дальнейшее сохранение режима репатриации нецелесообразно. В этой связи Российское правительство объявляло об отзыве своей *делегации* Российско-Украинско-Польской комиссии по репатриации в Москве и Варшаве, созданной на основании Соглашения о репатриации от 24 февраля 1921 г., и прекращении эшелонной отправки с 15 февраля 1923 г. Аналогичные меры предлагалось принять польскому правительству и в дальнейшем вопросы о репатриации разрешать в дипломатическом порядке²¹³. Польская сторона, наоборот, настояла на продлении срока деятельности репатриационной комиссии в Москве еще на год, до 1 февраля 1924 г., а соответствующих отделений в Киеве, Харькове и

²¹² ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 4. Д. 53. Л. 25.

²¹³ Нота члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Поверенному в Делах Польши в РСФСР Кноллю. 31 января 1923 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 6. М., 1962. С. 171–173.

Минске – до 15 января 1924 г.²¹⁴ Был установлен также дополнительный двухмесячный срок подачи заявлений об оптации польского гражданства с 1 августа 1923 г.²¹⁵

В очередной раз не все беженцы смогли воспользоваться предоставленной возможностью из-за некомпетентности и волокиты со стороны исполнительной власти, как это, например, случилось с беженцем Лукашевичем в Зарайском уезде Рязанской губернии²¹⁶. Подписание заключительного протокола Российско-Украинско-Польской смешанной комиссии по репатриации состоялось лишь 30 августа 1924 г. В результате массовая репатриация и деятельность смешанной комиссии была признана законченной с 1 сентября 1924 г. Все не законченные до 1 сентября репатриационные дела Польская делегация передала в консульский отдел своей дипломатической миссии для доведения до конца в дипломатическом порядке²¹⁷. Срок подачи заявлений на выезд в Польшу заканчивался 1 октября 1924 г. До этого времени не все беженцы сумели подать заявления. Например, группе беженцев из Воронежской губернии предстояло отправляться на родину за собственный счёт. Объявление об окончании бесплатной отправки было получено в Воронеже только 21 сентября²¹⁸, и всех оповестить не успели. В марте 1925 г. в провинции, в том числе в Орле, Туле и Курске, находились около 190 польских репатриантов (38 семей), в Раненбургском детском доме в Рязанской губернии – 29 детей беженцев, пожелавших вернуться на родину в Польшу²¹⁹.

5 мая 1925 г. НКВД объявил об окончании репатриации беженцев, которые с этого времени становились советскими гражданами и могли ехать на родину только за свой счёт и в общем порядке. В итоге в губерниях

²¹⁴ Примечания к>Note члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Поверенному в Делах Польши в РСФСР Кноллю // Там же. С. 611–612.

²¹⁵ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 170. Л. 11.

²¹⁶ Там же. Л. 14, 18.

²¹⁷ Нота Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Миссии Польши в СССР. 12 сентября 1924 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 7. М., 1963. С. 448–449.

²¹⁸ ГАВО. Ф. Р-1163. Оп. 1. Д. 43. Л. 14, 15, 23.

²¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 170 в. Л. 166–168, 307.

Европейской России остались беженцы из прибалтийских и польских территорий в количестве от нескольких десятков до сотен и тысяч, которые превратились в советских граждан. В Польшу в 1923–1924 гг. из СССР возвратилось 48, 4 тыс. репатриантов, в том числе 34, 6 тыс. в 1923 г. и 13, 8 тыс. – в 1924 г.²²⁰

Следует отметить, что с возвращением домой мытарства большинства беженских семей продолжились. Свои дома и хозяйственные постройки они находили разрушенными, не было посевного материала и инвентаря для обработки земли. Люди страдали от голода, у них не было ни одежды, ни обуви: «Дома ни кола, ни двора, пепелище и бурьян. Началось массовое хождение по Польше в поисках работы, за которую платили продуктами»²²¹; «При возвращении голод, ни одежды, ни обуви, пришлось деткам побираться по деревням, подавали только картофель, а хлеб был дороже золота»²²²; «Есть было нечего, мучились, а не жили»²²³; «20 лет пришлось работать у евреев, до сих пор знаю еврейский язык»²²⁴; «Есть нечего было, побирались, потом у евреев пять лет служила»²²⁵; «Побирались, чтобы кто картофелину дал»²²⁶. Многим беженцам первоначально пришлось жить в землянках²²⁷. По воспоминаниям белорусских беженцев, власти Польши не заботились о том, где и как жить репатриантам²²⁸.

Таким образом, 1922 год начался с масштабной реформации Центрэвака, сопровождавшейся ликвидацией его органов на местах. К 1923 г. этот процесс завершился упразднением Центрэвака и уничтожением в 1924 г. большого массива документов не только Центрэвака, но и Центропленбежа, находившихся на хранении. Упразднение эвакуационной службы не могло не

²²⁰ Брук С.А., Кабузан В.М. Миграционные процессы в России и СССР. М., 1991. С. 123.

²²¹ Беженство 1915 года. С. 214.

²²² Там же. С. 177.

²²³ Там же. С. 79.

²²⁴ Там же. С. 109.

²²⁵ Там же. С. 134.

²²⁶ Там же. С. 22, 77, 96, 115, 168, 170, 261.

²²⁷ Там же. С. 22, 78, 163, 281.

²²⁸ См., например: Там же. С. 240–241.

отразиться на темпах прежде всего плановой реэвакуации беженцев Первой мировой войны, а также на отправке самостоятельно двигавшихся беженцев, которым надо было оформлять документы. В связи с ухудшением качества делопроизводства, в частности, работы с личными документами репатриантов, которые элементарно терялись, беженцы целыми семьями и группами семей лишались права приобретения иностранного гражданства. Репатриацию задерживало неоднократное прекращение регистрации для бесплатной отправки на родину. Советское правительство стремилось не к тому, чтобы как можно скорее за свой счёт, в соответствии с международными обязательствами, возвратить всех беженцев на родину, а к тому, чтобы как можно скорее прекратить бесплатную отставку под предлогом отсутствия на своей территории беженцев, желавших выехать из страны. Иностранцы миссии небезуспешно противодействовали этой политике в интересах беженцев, не имевших возможности выехать на родину за свой собственный счёт.

В 1922 г. продолжилось самодвижение беженцев на Запад в основном из губерний Поволжья несмотря на противодействие со стороны Центрэвака. Это приводило к нежелательным скоплениям людей на узловых железнодорожных станциях, в Западной области.

Следует отметить, что массовая эвакуация российского населения из западных территорий в тыловые губернии была проведена в 1915 г. за 5 месяцев, а его реэвакуация из Советской России – СССР за 7 лет. Кроме того, с возвращением на родину большинству беженцев пришлось в тяжелых условиях голода, безработицы, отсутствия помощи со стороны государства в течение долгих лет восстанавливать свои разрушенные войной хозяйства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1915 г. обстановка на театре военных действий вынудила российские власти пойти на массовую эвакуацию населения из прифронтовых районов империи. Превратившаяся в вынужденных мигрантов многомиллионная людская масса, состоявшая из крестьянских семей, гужевым способом следовала до железнодорожных станций, чтобы дальше продолжить движение вглубь России железнодорожным транспортом. На этом отрезке пути из-за огромных масштабов беженского движения не удалось обойтись без людских потерь, несмотря на помощь, организованную государством. Далее в предельно короткий срок (5 месяцев) беженцы были перемещены в тыловые регионы империи и определены на жительство к состоятельным сельским хозяевам губерний Европейской России, имевших хлебные запасы, в т.ч. житниц России – Саратовской, Самарской, Донской и других, Кавказа, Сибири и Степных областей. При этом члены беженских семей участвовали в хозяйственной деятельности коренного населения, принявшего их на жительство. Беженцы получали за труд вознаграждение, которое обеспечивало их материальные потребности. Такой вариант устраивал крестьянское беженское население и был выгоден как государству, так и работодателям. Около трети беженцев были размещены в городах, где в условиях дефицита рабочей силы желавшие трудиться получали такую возможность. Государство предоставило беженцам право на получение бесплатной медицинской и лекарственной помощи, начального образования, разного вида пособий. Многодетные матери имели возможность помещать детей в приюты, над одинокими и престарелыми гражданами учреждалась опека.

В центральных губерниях Европейской России – Калужской, Орловской, Тульской, Рязанской, Курской, Воронежской, на начало 1916 г. было зарегистрировано около 350 тыс. беженцев, среди которых дети, старики и женщины составляли в среднем 70 %. Из них 15 % приходилось на трудоспособных женщин, осуществлявших уход за детьми. Состоятельные

сельские хозяева приняли на жительство около 70 % беженских семей. Остальные разместились в городах. Самая большая группа так называемых «русских» беженцев в основном состояла из белорусов и украинцев. В меньшую по численности группу вошли поляки, латыши, литовцы, евреи, немцы-колонисты и др. В центре Европейской России разместили также учреждения и производства государственного значения, эвакуированные с западных окраин Российской империи вместе с сотрудниками и их семьями.

При одновременном расселении большого количества беженцев на местах возникали трудности, с которыми справлялись общими усилиями административной власти, земских и городских самоуправлений, общественных благотворительных организаций. В дальнейшем появлялись и другие проблемы, как правило, частного характера, связанные, например, с назначением беженских пособий, задержками их выдачи, нехваткой выделяемых за счет казны одежды и обуви. В то же время, судя по воспоминаниям беженцев крестьянского сословия, они и не возвращались бы на свои оставленные на западе земли, «если бы только не революция». Действительно, с приходом к власти большевиков, вся прежняя система устройства беженцев, основанная в основном на их самообеспечении, рухнула. По мнению самих беженцев, сельские хозяева, предоставлявшие им работу и кров, благодаря политике большевиков очень скоро стали беднее беженцев от постоянных реквизиций и бандитских грабежей. В городах наблюдалась сходная экономическая ситуация, отличительной чертой которой была безработица. Всё это стало побудительным мотивом к возвращению беженцев к родным очагам.

В 1918 г. начался неконтролируемый отъезд беженцев на родину, невзирая на установленный на территории западных российских окраин в 1915 г. немецкий оккупационный режим. Население, остававшееся на оккупированных территориях, стало свидетелем грабежа природных богатств и материальных ценностей, испытало тяготы принудительного труда, в т.ч. за пределами родины, режима, ограничившего их гражданские права. С заключением Брест-

Литовского мира беженцы получили дополнительный стимул для возвращения на родину. Беженцам пришлось преодолевать немалые трудности, связанные с отъездом: было необходимо самим позаботиться о перевозочных средствах, запасе продовольствия и документах. Не всем это удавалось, но не менее половины беженцев покинули места своего временного размещения ещё до создания летом 1918 г. уездных советских эвакуационных органов. Им содействовали прежние беженские организации, а после их упразднения Советы беженцев, которые, кроме того, до своей ликвидации летом 1918 г. из остатка средств беженских организаций-своих предшественников выплачивали беженцам пособия, содержали национальные школы, приюты и убежища.

Самостоятельному передвижению беженцев с первых дней своего существования объявил войну центральный советский эвакуационный орган – Центропленбеж / Центрэвак. Предписывалось снимать беженцев с поездов и оставлять на жительство по месту задержания. Добиваться выполнения этого распоряжения центру было трудно, т.к. на местах от лишних едоков власти всячески старались избавиться. С 1920 г. так называемых нелегальных беженцев, задержанных в дороге, направляли на принудительные работы, в т.ч. и через сеть созданных концентрационных лагерей.

Беженцы, которые не смогли выехать из центрально-европейского региона, в первую очередь становились жертвами эпидемий и голода. Чтобы выжить, им приходилось постоянно выезжать на работу в производящие районы, преимущественно на Украину, заниматься мешочничеством, нищенствовать. Обещанную в начале 1919 г. помощь от государства беженцы так и не получили.

Централизованная же отправка беженцев на родину, начавшаяся в июле – августе 1918 г., не соответствовала ни плану, ни срокам, намеченным самим же Центропленбежем, и к началу 1919 г. была приостановлена. Отправляли на родину лишь беженцев-членов коммунистической партии, которым давали поручения по участию в укреплении советской власти, установленной с помощью Красной армии. Частично возобновившись в 1920 г., легальный

резвакуационный процесс отличался неорганизованностью и всячески тормозился советской стороной, вопреки международным договоренностям, в т.ч. практиковалась принудительная мобилизация ожидавших резвакуации беженцев в Красную армию, наравне с остальными гражданами России, отказ в регистрации военнотружущим до их увольнения, служащим и рабочим государственных советских предприятий и учреждений, отмена ранее принятых нормативных актов, сводящая к нулю всю прежде проделанную на местах работу по оформлению отъезда из России; непредоставление нарядов на вагоны. Вышеперечисленные факторы, а также отсутствие в 1920 г. легальной резвакуации уроженцев Литвы, Западной Белоруссии, Украины и Польши, т.е. основной массы беженцев, остававшихся в России, голод и сопутствовавшие ему эпидемии, острая жилищная проблема способствовали неудержимому стихийному движению беженцев на Запад, в родные места.

Местные органы Центрэвака вынужденно выполняли распоряжения Центра по сдерживанию самотёка. С другой стороны, они вместе с советами содействовали несанкционированным отъездам беженцев на родину, просто в сторону границы, на заработки преимущественно в районы Украины, в Сибирь. В результате освобождение более чем на 50 % центральных губерний Европейской России от беженцев в 1920 г. обеспечил главным образом несанкционированный отъезд беженцев.

Санкционированная резвакуация в Польшу и Литву в 1921 г. из центрального региона отличалась неудовлетворительными темпами и организацией. В 1922 г. легальная отправка тормозилась происходившей ликвидацией органов Центрэвака на местах, закончившейся к началу 1923 г. ликвидацией Центрэвака, неоднократным прекращением регистрации беженцев для бесплатного отъезда под предлогом отсутствия беженцев, желавших выехать на родину. В результате отправка беженцев, которые не смогли самостоятельно покинуть Россию, растянулась до 1925 г. Таким образом, организованная массовая эвакуация миллионов беженцев из западных прифронтовых районов в тыловые губернии была проведена в Российской

империи в 1915 г. за 5 месяцев, а в Советской России реэвакуация усилиями Центропленбежа / Центрэвака тех, кто не смог самостоятельно возвратиться на родину, продолжалась 7 лет – с 1918 по 1925 г.

Период пребывания беженцев в тыловых губерниях до октября 1917 г. стал для них наименее трудным и наиболее спокойным периодом их беженской жизни. Первый этап российского беженства – крупномасштабное массовое движение населения из прифронтовых районов в 1915 г., сопровождался людскими потерями несмотря на помощь, организованную государством. Однако наибольшие людские потери среди беженцев наблюдались в период с 1918 г. до их возвращения на родину. Между тем и возвращение домой не стало для большинства беженцев концом их бедствий: им предстояло долгие годы собственными силами восстанавливать свои разрушенные хозяйства.

Неприятельские подданные в течение военного периода выселялись из внутренних районов империи, если они в установленном порядке признавались неблагонадежными. Из западных приграничных районов их выселяли в отведенные для этого места этапным порядком под надзор полиции. Центральные губернии Европейской России для расселения этой группы подданных не предназначались, здесь размещали интернированных из приграничных территорий Кавказского региона турецких подданных призывного возраста без семей. Эта группа интернированных неприятельских подданных, состоявшая преимущественно из неимущих, зарабатывала себе на жизнь, занимаясь неквалифицированным трудом. В центральном регионе Европейской России также находились имевшие русское подданство немцы-колонисты и еврейское население с семьями, в качестве превентивной меры депортированные из приграничных западных окраин империи как ненадежный элемент, отличавшийся антиправительственными и антироссийскими настроениями. При отсутствии заработка депортированным полагалось специальное казенное пособие, а с августа 1915 г. – беженское, если за ними не был установлен надзор полиции.

«Гражданские» пленные-подданные Германии и Австро-Венгрии непризывного возраста в 1915 г. получили право выезда на родину, но только за свой счет. Находившимся в России правительства Германии и Австро-Венгрии через американское посольство выдавали денежные пособия. Для военнообязанных иностранных подданных после заключения Брестского мирного договора стала возможной планомерная, в порядке очереди бесплатная репатриация наравне с военнопленными.

Нехватка рабочих рук в стране потребовала широкого использования труда военнопленных. Пребывание в Центре Европейской России вражеских пленнх во время Первой мировой войны было обусловлено их использованием в качестве рабочей силы, прежде всего в сельском хозяйстве, на железной дороге, промышленных предприятиях, на городских общественных работах. Работодатель нес все расходы по доставке, содержанию и охране военнопленных. Труд военнопленных оплачивался, в установленном порядке они обеспечивались продовольствием, одеждой, обувью, медицинской помощью, им отводились помещения для жилья. Всего в рассматриваемом регионе к 1917 г. работали главным образом в сельском хозяйстве более 40 тыс. военнопленных. Режим «изоляции военнопленных от внешнего мира», которого пыталось добиться министерство внутренних дел силами местных жандармских управлений, так и не был воплощен в жизнь до окончания войны. Отказы от работ, отдельные случаи побегов пленнх периодически имели место на протяжении всего периода плена, но массового характера несмотря на слабый надзор до 1918 г. не принимали.

Пленным предлагалось на добровольной основе вступать в национальные вооруженные формирования, воевавшие на стороне России. Вопрос о получении русского подданства не имел положительного решения в досоветский период.

С приходом к власти большевиков военнопленные, как и беженцы, остались без работы. Новая власть приравнила их к иностранным гражданам нейтральных государств, и пленные получили право свободно проживать на

частных квартирах. Это способствовало самостоятельному отъезду пленных на родину, а также стихийному их перемещению по стране в поисках работы. В этой ситуации власть стала принимать меры к переводу военнопленных на казарменное положение, выдвигая условием освобождения из плена принятие советского гражданства. Перемена гражданства давала возможность пополнения Красной армии бывшими военнопленными, избегая критики из-за рубежа, и, кроме того, освобождала от расходов по содержанию и реэвакуации военнопленных. Однако очень немногие военнопленные становились гражданами Советской России. Одновременно большевики, опираясь на военнопленных-коммунистов, развернули агитацию за добровольное вступление военнопленных в Красную армию. Однако большинство пленных, не поддавшись агитации, самостоятельно уехали из Советской России в 1918 – 1919 гг. Общее количество военнопленных, вступивших в 1918 г. в Красную и белые армии, составило около 7 % от их общего количества на январь 1918 г. В центральных губерниях Европейской России количество военнопленных, вступивших в Красную армию в 1918 г., не достигало 1,5 % от их общей численности в регионе к началу 1918 г., что свидетельствует о нежелании военнопленных участвовать в Гражданской войне в России.

В мае 1919 г. правительство Советской Венгрии объявило мобилизацию всех венгров от 18 до 45 лет, находившихся в России и на Украине, с целью защиты советского строя в Венгрии от «иностранных империалистов и своих капиталистов». В России явку на призывные пункты обеспечивали местные исполкомы всех уровней, но удалось мобилизовать всего 10–12 тысяч военнопленных. После ликвидации Советской Венгерской республики в августе 1919 г. рядовые красноармейцы-венгры массово дезертировали из Красной армии, полагая, что в её составе должны оставаться лишь добровольцы. Принудительная мобилизация в Красную армию военнопленных австрийцев, «ожидавших отправки на родину, и ни трудом и ни оружием не помогавших Советской власти» проводилась в 1919 г. с помощью военнопленных-коммунистов немецкой группы РКП (б), причем германских

пленных не принуждали к вступлению в Красную армию. Иностранные коммунисты, руководимые ЦК РКП(б), революционным путём учредили советы иностранных рабочих и солдатских депутатов, вместо ликвидированных ими иностранных миссий по делам военнопленных, занимались организацией различных политических акций с участием военнопленных. В ноябре 1918 г. венгерская партийная группа при ЦК РКП(б) развернула агитацию среди беспартийных масс военнопленных за их возвращение домой в качестве солдат революции. Им предлагалась доставка до границы и оружие, которое следовало применить против буржуазии.

Планомерный обмен военнопленными осуществлялся с конца июля по 30 октября 1918 г., до начала революционных событий 1918 г. в Австро-Венгрии, Германии и Турции. За этот период Центропленбежем легально было отправлено на родину лишь 9 % находившихся в России на начало 1918 г. военнопленных. При этом неправомерно задерживалось возвращение на родину «гражданских» пленных призывного возраста, здоровых военнопленных, а также внеочередная отправка желающих ехать на родину за свой счёт. В то же самое время Центропленбежем беспрепятственно отправлялись в сторону границы вооруженные пленные венгры, давшие согласие воевать против «своей буржуазии».

После возобновления легального обмена военнопленными в 1920 г., когда в России оставалось всего 7 % пленных, как и прежде, задерживалась отправка здоровых военнопленных, а также поляков, галичан, украинцев призывного возраста, офицеров, всех находившихся в Красной армии. Одновременно Центропленбеж / Центрэвак всячески противодействовал самостоятельным отъездам пленных, направляя их на военную службу или на принудительные работы. На общегосударственных работах использовали и военнопленных, репатрируемых в плановом порядке.

Большевистскому руководству было важно и небезразлично, как сотни тысяч русских военнопленных, возвращавшихся на родину, воспримут происходившее в России. Проведение политической агитации среди бывших

русских военнопленных, а также среди беженцев, ожидавших реэвакуации, было возложено на вновь созданный культпросветотдел Центропленбежа и аналогичные отделы на местах. Культпросвет Центропленбежа стал преемником Всероссийского бюро военнопленных при военном отделе ВЦИК, созданного в январе 1918 г. для организации политической пропаганды и агитации среди иностранных военнопленных в России и русских военнопленных, находившихся в лагерях за рубежом.

Агитаторы Центропленбежа в конце 1918 – начале 1919 гг. встречали бывших пленных во время стихийного массового движения на границе и приступали к разъяснению политической и экономической ситуации в стране с целью «правильного» восприятия ими советской действительности, обещая помощь и поддержку государства. Одновременно бывшим русским воинам внушалось, что если они на стороне трудового народа, то не должны предъявлять претензий к советской власти, иначе власть будет вынуждена поступить с ними, как с врагами. Вышеназванные посулы и серьезные предупреждения, состояние усталости, стремление добраться как можно скорее домой, сумма лагерных, а также дорожных впечатлений о Советской Республике как о военном лагере не способствовали возникновению массовых проявлений недовольства новой властью, но это не означало, что возвращавшиеся русские военнопленные были готовы защищать новую власть. Добровольно в Красную армию они в массе своей не пошли, но приняли участие в антибольшевистских крестьянских восстаниях, прокатившихся в 1918 – 1919 гг. по территории России, в том числе европейского её центра.

В результате стихийного массового движения русских пленных на родину с ноября 1918 г. по февраль 1919 г. самостоятельно в Советскую Россию вернулось около 600 тысяч русских военнопленных. Для сравнения усилиями советских государственных структур с 1918 по 1925 гг. в Россию было возвращено такое же количество пленных.

Государственная помощь при всей своей недостаточности на практике стала для бывших русских военнопленных малодоступной, т.к. декреты

советского правительства о государственной поддержке носили декларативный характер, не получив соответствующего финансового обеспечения. Оформление пенсий затягивалось на несколько месяцев, а денежной выплаты за время плена приходилось зачастую ожидать до нового призыва бывшего пленного в армию.

В 1920 г. началось вызванное неурожаем хлебов и трав в центре Европейской России стихийное массовое переселенческое движение коренного и беженского населения в Сибирь и юго-восточные губернии. В создавшейся обстановке роль государства в регулировании стихийного движения населения в хлебопроизводящие районы сводилась к сдерживанию самотёка всеми силами, в том числе путём принудительного использования неорганизованно передвигавшегося населения в качестве рабочей силы, а также с помощью внедрения строгого нормирования как хождения, так и переселения. Однако в итоге не поддававшееся государственному регулированию самостоятельное переселение способствовало спасению от голода сотен тысяч в основном крестьянского населения, в том числе беженского.

В 1921 г. произошло ещё более масштабное неорганизованное движение-бегство беженцев Первой мировой войны, а также коренного населения из охваченных голодом районов Поволжья. Центрэвак, легализовав переселение из Поволжья лишь незначительной части голодавших, в отношении всех остальных переселенцев попытался использовать запретительную тактику. Однако в результате Центрэваку всё же пришлось от неё отказаться и помогать массе беженцев в возвращении на родину. В итоге за 1921 г. через российские пограничные пункты проследовало почти 500 тыс. репатриантов в Польскую Республику и около 200 тыс. в Прибалтийские государства, причём количество репатриантов, не регистрировавшихся на контрольно-пропускных пограничных пунктах, в том числе передвигавшихся гужевым путём, неизвестно даже приблизительно. Иными словами, в 1921 г. темпы реэвакуации были попросту продиктованы Центрэваку стихийным движением мигрантов.

Репатриация беженцев продолжалась до 1925 г., когда они были объявлены советскими гражданами. Репатриация иностранных военнопленных закончилась также в 1925 г., после чего их выезд из страны осуществлялся в порядке, установленном для иностранцев.

Районы деятельности уполномоченных по устройству беженцев внутри Империи¹

- I.** Архангельская, Вологодская, Вятская губернии – Сувалкский губернатор Н.Н. Купреянов
- II.** Олонецкая, Тверская, Новгородская губернии – президент Варшавы А.А. Миллер
- III.** Ярославская, Костромская губернии – Варшавский губернатор П.П. Стремухов
- IV.** Владимирская, Рязанская губернии – Ломжинский губернатор С.П. Папудогло
- V.** Тамбовская, Пензенская губернии – Люблинский губернатор Илья Иванович Стерлигов
- VI.** Курская, Воронежская губернии, область Войска Донского – Ковенский губернатор Николай Дмитриевич Грязев
- VII.** Казанская, Симбирская, Нижегородская губернии – Холмский губернатор Борис Дмитриевич Кашкаров
- VIII.** Калужская, Орловская, Тульская губернии – и.д. Келецкого губернатора Валериан Валерианович Лигин
- IX.** Харьковская, Полтавская, Черниговская губернии – и.д. Калишского губернатора Николай Александрович Толмачёв
- X.** Самарская, Уфимская, Пермская губернии – Плоцкий губернатор Александр Иванович Фуллон
- XI.** Астраханская, Саратовская губернии – Петроковский губернатор Михаил Эдуардович Ячевский
- XII.** Оренбургская, Симбирская губернии – Варшавский обер-полицмейстер генерал-майор Петр Петрович Мейер

¹ Правительственный Вестник. 1915. № 260.

**Спасский отдел Всероссийского общества попечения о беженцах,
Мценского уезда, Орловской губернии, 1917 г., марта 11 дня – Его
Превосходительству Орловскому Губернатору, Делопроизводство
Губернского Совещания по устройству беженцев¹**

Во исполнение отношения от 15 февраля сего года за № 408 Спасский отдел названного Общества долг имеет представить нижеследующие сведения по беженскому делу:

1. Время возникновения движения беженцев, расселенных в районе деятельности названного Отдела, падает на 8 сентября 1915 г.

2. Путь следования их: станция Погорелицы Минской губернии Новогрудского уезда, до станции Золотарево Юго-Восточной железной дороги, Орловской губернии, Мценского уезда.

3. Санитарное состояние беженцев по пути следования: отлично хорошее

4. Виды помощи беженцам в пути: продовольствие, чайные напитки с белым хлебом в достаточном количестве.

5. [Слово неразборчиво] оборудования по пути следования: выдача носильного белья, шуб, одеял, чайных приборов для кипятка в достаточном количестве.

6. Наименование организаций, опекавших беженцев в пути: «Губернский Комитет попечения о беженцах»

7. Время прибытия беженцев в Орловскую губернию падает на 8-е ноября 1915 года.

8. Места водворения: пределы Троицкой волости Мценского уезда Орловской губернии.

9. Путь следования водворяемых беженцев: со станции «Золотарёво» Юго-Восточной железной дороги в селения Троицкой волости Троицкое на [неразборчиво], Дурнево, Хитрово, Сухарево, Зыбино, Спасское в Бибикове Мценского уезда Орловской губернии.

10. Водворяемые беженцы размещены семьями по домам крестьян собственников в помещениях отдельных и совместных с хозяевами.

11. Урегулирование добрых, исполненных христианской любви, отношений хозяев с беженцами – результат главной заботы Спасского Отдела названного Общества.

¹ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5384. Л. 31–32 об.

12. Общее число беженцев в пунктах поселения: 217 душ, белорусы, православного вероисповедания, Минской губернии, Новогрудского уезда

13. Различные виды помощи в местах водворения:

I. Казённые средства

1. Специальные казённые средства на продовольствие и квартирную помощь и другие мелкие расходы отпускаются и получают беженцами от «Мценского Уездного Комитета попечения о беженцах».

2. Специально казённые средства на административные расходы и одежду, бельё и обувь отпускаются периодически и получают беженцами от «Спасского Отдела названного Общества».

II. Местные средства Спасского Отдела названного Общества

1. В районе деятельности сего Отделения открыт «Благотворительный кружок лиц [для] оказания помощи нуждающимся беженцам».

2. Специально установлены пособия местными средствами от Отдела крайне нуждающимся беженцам и беженским школьным детям к праздникам Светлого Христова Воскресения и Рождества Христова.

3. Специально установлены ежемесячные пособия местными средствами Отдела беженцам, хроническим больным.

4. Выдача пособий из местных средств Отдела на удовлетворение не требующих отлагательств случайных нужд беженских.

5. Выдача многосемейным нуждающимся беженцам и беженским школьным детям суконного материала, готовой одежды и белья натурою, и деньгами на обувь.

6. Удовлетворение религиозно-нравственных и просветительных нужд беженских обзаведением и постепенным оборудованием в районе деятельности Спасского Отдела названного Общества для чтения летучих библиотек книгами и журналами соответствующего направления и частые внебогослужебные беседы с беженцами.

Председатель Отдела
Священник Николай Богоявленский

Делопроизводитель, член Отдела
Серафима Богоявленская

Печать Спасского отдела
Мценского уезда ВОПоБ

Зоны эвакуации беженцев, разработанные Центропленбежем¹

Центральная коллегия по делам пленных и беженцев в спешном порядке заканчивает разработку подробного плана перевозки всей беженской массы.

В основу эвакуации положен принцип территориальности. Россия делится на 6 зон в направлении с запада на восток и реэвакуация будет происходить в порядке зон.

Таким образом: 1) Первым подлежат реэвакуации голодные губернии, что облегчает общие продовольственные задачи; 2) Дальнейшие беженские волны следуют через губернии, уже освобожденные в общем от беженцев.

Деление на зоны: Зона 1 (Пограничная). Губернии: Псковская, Новгородская, Витебская, Смоленская, Могилёвская; 2) Петроградская, Тверская, Московская, Калужская, Тульская, Орловская, Курская; 3) Вологодская, Олонецкая, Ярославская, Костромская, Вятская, Пермская, Архангельская; 4) Рязанская, Владимирская, Нижегородская, Пензенская, Воронежская, Тамбовская; 5) Казанская, Уфимская, Симбирская, Саратовская, самарская; 6) Сибирь, Оренбургская, Средне Азиатская, Владимирская, Астраханская, Кавказ

Первыми подлежат отправке беженцы, скопившиеся в пограничной зоне. Приступлено к организации в пограничной зоне санитарной и продовольственной помощи и прививке оспы отправляемым на родину беженцам.

Ведутся переговоры с представителями Германского правительства о разрешении вопроса реэвакуации в общем объёме. Центральная Коллегия в ближайшем будущем даст подробный отчёт о ходе работ.

Председатель Коллегии
Уншлихт

¹ Заметка «По делу эвакуации беженцев» // Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 2 июня 1918. № 1. С. 7.

**Проездной документ гражданки М. Мосейчик
(экстренный отзыв)¹**

М.В.Д.

Отдел по устройству беженцев

Корешок экстренного отзыва **141230**

Выданного из **Медынской уездной земской управы**

На перевозку за счёт военного фонда по льготному тарифу

№117 – 1915 года

Предлагается принять к перевозке

Пассажиров	8 чел.
Багажа	25 пуд.
Имущества	пуд.
Поштучных предметов	шт.

(поименовать чего сколько)

От ст. Мятлевской СВ жел. дороги

До ст. Ново-Николаевск Сибирской жел. дороги

Подпись лица, выдавшего экстренный отзыв _____

18 января 1918 г.

*Место
печати*

Подпись лица, получившего
экстренный отзыв
М. Мосейчик

Оборотная сторона

Отметки о лицах, едущих по экстренному отзыву

Звание	гражданка
Имя	Мария
Отчество	Леонтьевна
Фамилия	Мосейчик
	с семьёй

Подпись лица, выдавшего экстренный отзыв _____

*Место
печати*

¹ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов).

**В Жиздринскую уездную коллегия по делам пленных и беженцев
гражданина г. Слонима Гавриила Емельянчика, проживающего в г.
Жиздре,**

заявление¹.

Не получая здесь уже второй год своевременно продовольствия, с 1 января 1918 г. получено не более 7-8 фунтов на человека смешанной муки, и не имея возможности здесь, на месте, заняться хозяйством за отсутствием свободной земли вообще, не имея средств прожить, мы и наши семьи окончательно обречены на голодную смерть. Местность наша освобождена от неприятеля и там уже советская власть. Прошу Коллегию на основании существующего распоряжения возбудить ходатайство о разрешении выдать мне с семьёй, состоящей из восьми человек, пропуск для выезда на родину. Убедительно прошу коллегия не отказать в ходатайстве о выдаче просимого удостоверения по возможности скорее, т.к. в противном случае мы пропустим ценное время для частичной обработки земли, что лишит нас возможности хоть немного обеспечить свою семью, тем более что предварительно потребуется время для приобретения живого и мёртвого инвентаря и семян. Прошу разрешить провести и имеющееся у меня имущество и корову, которую я вывез из Гродненской губернии.

Проситель Емельянчик

7 февраля 1919 г.

¹ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 114.

Пример резолюции, принимаемой на митингах, организуемых по поводу возвращения из плена русских солдат¹.

РЕЗОЛЮЦІЯ

1) «Мы, прибывшіе изъ Германскаго и Австрійскаго плѣна на ст. Орша, хотимъ, чтобы нашъ голосъ былъ услышанъ Совѣтской Республикой. Мы привѣтствуемъ политику Совѣтской власти, шлемъ свои горячія пожеланія Совѣту Народныхъ Комиссаровъ, выражаемъ негодованіе противъ гнуснаго покушенія на вождя Всероссійской и Міровой революціи тов. Ленина и клянемся, что за каждую каплю крови пролетарскихъ вождей мы будемъ сметать съ лица земли тысячи буржуазныхъ головъ. Мы уберемъ съ нашего пути всѣхъ тѣхъ, кто попытается мѣшать рабоче-крестьянской революціи.

Да здравствуетъ всемірная диктатура пролетаріата! Да здравствуетъ всемірная социалистическая революція!»

¹Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 27 октября 1918. № 16. С. 10.

УДОСТОВЕРЕНИЕ¹,
выданное Президиумом Губисполкома 8 апреля 1919 г.
г. Калуга, дворец Свободы

Президиум Калужского Губисполкома удостоверяет, что Карл Иванович Сливко (бывший военнопленный), избранный на II Общероссийской Съезде Советов в члены Губисполкома и назначенный Председателем Коллегии Губпленбежа, кои обязанности исполнял добросовестно, как подобает коммунисту, ныне же уезжает на Запад для продолжения партийной работы.

Председатель Губисполкома
Секретарь

Васильев
Комаров

¹ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 149. Л. 5.

**Карточка военнопленного, возвратившего из Германии на Родину в
Медынский уезд в 1920 г.¹**

Карточка № 1165/1506

На прибывшего в сентябре месяце 25 дня 1920 г.

Сидоров Семён Иванович

Солдат

Лесной пехотный батальон 197 пехотного полка

Возраст: 32

Великоросс

Род занятий до войны: хлебопашец

Семейное состояние: женат, детей – 1

Образование: низшее

Место постоянного жительства: с. Галкино, Роза-Люксембургской волости
Медынского уезда

Когда взят в плен: 22 июля 1915 г.

Где взят в плен: под Варшавой

Где был в плену: в Германии, 4 года, лагерь Кассель

Заключение медицинской комиссии:

Осмотрен «__» мес., 19__ года

Признан: здоров, болен, увечный

Название больницы

Осложнение:

Подлежит лечению

¹ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 86 (без нумерации листов).

**Начальнику Тамбовского Губэвака [бывшего русского] военнопленного
Гродненской губернии Бельского уезда, г. Клещели Николая Рженко
заявление. [1920 г.]¹**

В декабре 1918 г. я бежал из германского плена на родину в Гродненскую губернию <...>, не застал дома семьи и поехал за ней вглубь России, нашёл [её] в Тамбове. Собрались на родину, но по сию пору тут...

Мне 50 лет, я уже не могу принести пользы Российскому государству<...> ходатайствую перед Центрэваком о разрешении за казённый счёт с семьёй отправиться на родину (жена и трое детей).

Я всё время в Тамбове находился на службе в Советских учреждениях, усвоил себе права Советской власти, а потому наперёд могу Вас заверить, что где бы не проживал и в каком бы то ни было государстве всецело буду стоять за Советскую власть.

подпись

¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 460.

Заявление уроженца Латвии беженца Я.Я. Паула¹

В Центральную коллегияю, Москва
заявление беженца, уроженца Латвии
Яна Янова Паула, проживающего
в г. Бутурлиновка Воронежской губернии

<...> я не могу добиться никаких результатов о моей реэвакуации. Очевидна преднамеренная затяжка нашей отправки на родину, т.к. на мои телеграфные и письменные просьбы мною из Губэвака получены: 1. Объявление в форме выговора о каком-то обхождении мною декретов выходом моим в отставку со службы под предлогом отправки и 2. Резолюцию Губэвака от 4.03.21 г. № 934 «через уездэвак дать мне знать о времени отправки эшелона».

Между тем, фактически отправлялись и отправляются беженцы-латыши, евреи и немцы, и даже незаменимые и ответственные работники ежемесячно с 19 августа 1920 г. были отправлены; уехали 4 или более эшелонов с беженцами в Латвию, а мне ни единым словом не дали об этом знать <...> по истечении долгого времени и узнаю о свершившихся фактах.

<...> Выхода не вижу и обращаюсь непосредственно в Центропланбеж. Седьмой год мы с семейством оторваны от родины, все изнасились и обтрепались до невозможности: мануфактуры и обуви не получаем с 1918 г., несмотря на мою непрерывную добросовестную службу в советских учреждениях. Жить по рыночным ценам мы не в состоянии, т.к. спекуляцией и воровством не занимаемся.

С 1914 г. находился в старой армии. По демобилизации в 1918 г. попал в этот захолустный угол Воронежской губернии и с того времени тщетно стараюсь выбраться отсюда в родной наш город Ригу. Умоляю Центропланбеж о скорейшей моей с семейством реэвакуации в Латвию <...>.

18 марта 1921 г.

Подпись

¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 239. Л. 166.

Секретно.

Не подлежит оглашению.

**ВСЕМ ОСОБОУПОЛНОМОЧЕННЫМ ЦЕНТРЭВАКА И НАЧГУБЭВАКАМ
КОПИЯ – ОТДЕЛАМ УПРАВЛЕНИЯ**

Применять в порядке устного инструктирования
ответственных должностных лиц

ИНСТРУКЦИЯ

по реэвакуации беженцев Польши и Белоруссии¹.

§ 1. Реэвакуации подлежат исключительно беженцы, зарегистрированные в Центрэваке или его местных органах.

§ 2. Реэвакуация беженцев производится местными органами Центрэвака и исключительно по его распоряжению согласно полученным нарядам

ПРИМЕЧАНИЕ: Строжайше воспрещается под личной ответственностью Начгубэваков отправлять беженцев одиночным порядком. В случаях крайней необходимости и экстренных допускается отправка одиночным порядком, но исключительно с разрешения Центрэвака в каждом отдельном случае.

§ 3. Передвижение в пределах губерний и стягивание контингентов к станции посадки производится исключительно Губэваком или его уполномоченным по получении последним извещения от Центрэвака о времени отправки эшелона.

§ 4. Предоставленное беженцам договором право на реэвакуацию не влечет за собой права отмены или не выполнения для каждого беженца всех ранее принятых на себя обязательств по отношению к РСФСР. Все беженцы, пока они не установят своего польского гражданства путем нормальных актов (оптации) должны быть рассматриваемы как граждане РСФСР.

Исходя из этих положений, сохраняя основные принципы договора, устанавливать очереди на внесение в эшелонные списки для отправки беженцев в интересах РСФСР.

а) в первую очередь должны быть реэвакуированы беженцы и нетрудоспособные немогущие обойтись без посторонней помощи, больные, инвалиды, старики, одинокие женщины, дети, лица, состоящие на государственном призрении, а также лица, члены семьи коих находятся на территории другой страны, причем в отношении последних могут быть

¹ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 140–140 об.

приняты во внимание исключительно документальные доказательства фактического нахождения членов семьи на другой стороне.

б) беженцы, состоящие в Красной армии, подлежат регистрации и включению в эшелонные списки лишь по представлении документов об увольнении или демобилизации их из рядов Красной армии.

в) применяя указанный принцип очередей, обязательно избегать нарушения принципа «неразделения семей», т.е. избегать порядка, при котором часть данной беженской семьи включается в одну из первых очередей, а другая в одну из последних.

г) обязательно для беженцев лишь предоставление удостоверения с места службы о сдаче должности, делопроизводства, авансов, подотчетных сумм и т.п. за неделю до отправки эшелона.

§ 5. К числу «домочадцев» следует относить более или менее близких родственников и свойственников, живущих в виду своей нетрудоспособности на иждивении главы семьи и лиц, прибывших совместно с главой семьи и живущих в настоящее время при нем как прислуга, няня и т.п.

§ 6. Все составленные эшелонные списки должны быть снабжены визой Губчека (Особого Отдела или Президиума). С визированного Губчека списка следует снять копию, в которую должны быть включены только те беженцы, коим Губчека разрешен въезд, и копия его в двух экземплярах совместно с документами беженцев и беженскими билетами должна быть препровождена нарочным в Административный Отдел Центрэвака (беженский подотдел) для визы польской делегации.

§ 7. Имея ввиду, что предоставленное беженцам договором право на реэвакуацию гужевым путем вместе с принадлежащим им скотом может создать условия для спекуляции скотом, нанося этим значительный ущерб интересам РСФСР. Предлагается:

а) при предоставлении права на реэвакуацию гужевым путем с приведенными ими с родины и имеющимся у них в настоящее время скотом требовать предоставления достаточных, подтверждающих это состояние документов, выданных им в момент бегства с родины.

б) если беженцы не могут представить удостоверения о том, что скот этот уведен ими во время бегства с родины, требовать предоставления удостоверения о соответствующих советских органах на местах (органы Наркомзема), что скот этот является их собственностью и приобретен или находится в их владении согласно существующих правил и законоположений. Обращать внимание на то, что эвакуирован может быть лишь скот, фактически находившейся во владении беженца не менее 6 месяцев до дня эвакуации. Этот срок однако не должен быть выставлен как официальное требование.

§ 8. Погрузка и отправка эшелона производится по обратном получении из Центрэвака списка с визой польской делегации или по получении взамен списка специального на то распоряжения Центрэвака.

§ 9. Проверку багажа и документов производить совместно с Отделом военной цензуры, строго придерживаясь установленных заключенным РСФСР с Польшей договором о репатриации, правил о провозе багажа беженцами и не допуская могущего быть нарушения со стороны других должностных лиц.

§ 10. При выполнении настоящей инструкции Начгубэвакам предлагается поступать умело, не доводя дело до конфликтов с беженцами, всемерно стараясь избегать могущих возникнуть на этой почве недовольства беженцев и следовательно нареканий со стороны Польского правительства на нарушение органами Центрэвака договора о репатриации, заключенного РСФСР с Польшей.

§ 11. При даче устных и письменных объяснений беженцам, частным лицам или учреждениям строжайше воспрещается ссылаться на настоящую инструкцию.

§ 12. Ответственность за выполнение настоящей инструкции возлагается на Начгубэваков.

§ 13. За разглашение настоящей инструкции кому бы то ни было Начгубэваки подлежат строжайшей ответственности.

ЗАМНАРКОМВНУДЕЛ Владимирский
НАЧЦЕНТРЭВАК Пилявский

Лично. Секретно.

1 октября 1921 г.

ПРИКАЗ № 710

ВСЕМ ОСОБОУПОЛНОМОЧЕННЫМ ЦЕНТРЭВАКА И НАЧГУБЭВАКАМ
Копия всем Предгубисполкомам, копия всем Завгубздравотделами¹.

Центральное Управление по эвакуации населения предлагает Вам к руководству и исполнению нижеследующее:

1. Всех беженцев, лиц медперсонала, как врачей, так и лекпомов и пр. поскольку они не находятся в рядах Красной Армии, надлежит регистрировать, согласно представляемых ими документов, по месту их жительства в органах Центрэвака.

2. Предварительно включения в эшелонные списки беженцев означенной категории, Начальники Губэваков обязаны лично запросить по поводу каждого из означенных беженцев персонально, Заведующего Губздравотделом, не встречается ли с его стороны препятствий к отъезду данного беженца на родину и включает в списки лишь тех, в отношении которых таких препятствий со стороны Заведующих Губздравотделами не имеется.

3. В случае отказа Заведующего Губздравотделом на выезд данному беженцу, Начгубэвак должен мотивировать беженцу отказ во внесении в эшелонные списки тем, что согласно установленного порядка в первую очередь подлежат отправке беженцы-инвалиды, дети, нетрудоспособные, старики и т.д.

4. По внесении данного беженца в эшелонные списки Губэвак выдает ему в том справку, на основании которой Губздравотдел выдает ему удостоверение о снятии с учета, без которого беженец не может быть допущен к погрузке в эшелон.

ЗАМНАРКОМВНУДЕЛ [неразборчиво]

ЗАМНАРКОМЗДРАВ Соловьев

НАЧЦЕНТРЭВАКА С. ПОПОВ

¹ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 191.

**Приказ Центрального управления по эвакуации населения
от 30 декабря 1922 г. № 946¹**

Постановлением ВЦИК и СНК Центральное управление ввиду выполнения им основных лежащих на нём задач по массовой репатриации пленных и беженцев с 1 января 1923 г. подлежит упразднению.

Заканчивает своё существование учреждение, призванное к жизни в 1918 г. для ликвидации последствий империалистической войны, выполнившее не только эту задачу, но попутно работавшее по переброске и обслуживанию беженцев гражданской войны, рабочих и переселенцев и в тяжелую годину постигшего Республику голода, вынесшего на своих плечах массовое стихийное движение голодающих.

Миллионы людей, выброшенных помимо своей воли с родных мест, в огромном своём большинстве измученные и истрадавшиеся нашли посильную помощь и заботу о себе в Центропленбеже и Центрэваке и их местных органах, сделав эти учреждения известными не только во всех уголках России, но и почти повсеместно за границей.

Самое количество перевезённых и обслуженных людей в трудных и тяжёлых условиях гражданской войны, хозяйственной разрухи и голода, неоспоримо свидетельствует о творческой энергии и трудах, положенных работниками Пленбежей и Эваков за почти 5-летнее их существование. Тысячи сотрудников, переболевших эпидемическими болезнями, сотни погибших от них... явили пример самоотвержения и самопожертвования.

Для меня, как лица находившегося в числе руководителей Центропленбежа с первых дней его существования, бесспорным является факт, что только исключительная преданность и любовь к делу, постоянно проявлявшиеся сотрудниками как Центра, так и мест, от самых младших до самых старших, сплочённость и дружность в работе всегда являвшиеся отличительными чертами наших учреждений... позволили Центропленбежу и Центрэваку и его местным органам выполнить возложенные на них революцией и Советской Республикой большие, сложные и тяжёлые задачи. Я убеждена, что каждый из вас также успешно, с той же добросовестностью, честностью и преданностью идеи и делу приложит свои силы на новых служилых поприщах и внесет свою творческую энергию в дело строительства жизни нашей России во имя интересов и светлого будущего трудящихся масс России.

Начальник Центрэвака: Р. Радек

¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 85. Л. 1–1об.

**Военнослужащие РЭЖ, возвратившиеся на родину, в Жиздринский уезд
Калужской губернии в 1920 г.¹**

Анисенков Дмитрий Константинович, младший унтер-офицер, 24 лет, грамотный, отправлен на Союзнический фронт в августе 1916 г., где находился по сентябрь 1919 г.;

Балакин Фёдор Филиппович, рядовой, 32 лет, грамотный, на Французском фронте с марта 1915 по июнь 1920 г.;

Воробьёв Пётр Егорович, рядовой, 24 лет, грамотный, на Салоникском фронте с сентября 1916 г.;

Кузьмичёв Фёдор Павлович, рядовой, 28 лет, грамотный, на фронте в Македонии с 1916 г., возвратился в октябре 1920 г.;

Малахов Пётр Маркович, рядовой, 27 лет, грамотный, на фронте в Африке с августа 1916 г.;

Никишин Иван Иванович, матрос, 31 год, образование низшее, на фронте союзников в Порт-Саиде с февраля 1916 г.;

Петрушкин Афанасий Николаевич, рядовой, 22 лет, грамотный, на Французском фронте с января 1916 г.;

Плешкин Егор Никанорович, рядовой, 34 лет, грамотный, с января 1916 по апрель 1920 г. во Франции и с декабря 1917 г. в Алжире на принудительных работах в каменоломнях;

Плёткин Фрол Васильевич, рядовой, 25 лет, с октября 1916 г. был на Салоникском фронте;

Ползиков Родион Мартынович, рядовой, 31 год, грамотный, с июля 1916 г. находился на Салоникском фронте;

Пузырёв Иосиф Борисович, рядовой, 28 лет, малограмотный, с августа 1916 г. на Французском фронте;

Уличев Георгий Галактионович, рядовой, 24 лет, грамотный, холост, отправлен в составе 2-й особой бригады на Французский фронт в июне 1917 г.

¹ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 24. Л. 2, 9, 10, 15, 19, 22, 26, 27, 31, 36, 43, 45, 48.

Единицы контент-анализа (категории обозначены буквами, подкатегории – цифрами)¹

Блок 1. Эвакуация беженцев в августе 1915 г. из западных губерний

А. Причины движения

1. Стремительное приближение фронта и бегство людей из населенных пунктов, уже занятых неприятелем
2. Эвакуация государственных предприятий вместе с работниками и членами их семей
3. По категорическому требованию военных
4. Информация отсутствует

Б. Способ отъезда

1. Гужевым путем
2. Гужевым путем до железнодорожной станции с последующей доставкой железнодорожным транспортом
3. Железнодорожным транспортом
4. Информация отсутствует

В. Смертность беженцев во время эвакуации 1915 г.

(количество семей/количество человек)

1. Один человек в семье
2. Два человека в семье
3. Трое человек в семье
4. Сведений о том, что члены семьи умерли, нет

В. 1. Причины смерти

- 1.1. Холера
- 1.2. Тиф
- 1.3. Другая причина
- 1.4 Указание причины отсутствует

Г. Помощь, организованная властями, по пути следования

1. Оказывалась
2. Оказывалась, но была труднодоступной
3. Не оказывалась
4. Информация отсутствует

¹ Осуществлялся сплошной подсчет частоты упоминаний категорий и подкатегорий, т.е. регистрировались и подсчитывались все появления индикаторов данной категории или подкатегории.

Блок 2. Жизнь в местах временного водворения до октября 1917 г.

А. Место поселения

1. Город
2. Сельская местность

Б. Трудоустройство

1. Работали
2. Не работали
3. Нет информации

В. Смертность беженцев

(количество семей/количество человек)

1. Один человек в семье
2. Два человека в семье
3. Другое количество
4. Сведений о том, что члены семьи умерли, нет

В. 1. Причины смерти

- 1.1. Холера
- 1.2. Тиф
- 1.3. Другая причина
- 1.4 Указание причины отсутствует

Г. Помощь властей и местного населения

1. Достаточная
2. Недостаточная
3. Данные отсутствуют

Д. Удовлетворенность жизнью

1. Отмечают наличие достатка в семье
2. Отмечают наличие материальных трудностей
3. Информация отсутствует

Блок 3. Жизнь в местах временного водворения после октября 1917 г.

А. Причины самостоятельного отъезда из мест временного размещения

1. Политическая нестабильность, Гражданская война
2. Тяжелая социально-экономическая ситуация
3. Другая причина
4. Причина не указана

Б. Направление движения

1. На запад (на родину)
2. На восток (в хлебопроизводящие районы)

В. Смертность беженцев

(количество семей/количество человек)

1. Один человек в семье
2. Два человека в семье
3. Три человека в семье
4. Другое количество
5. Сведений о том, что члены семьи умерли, нет

В.1. Причины смерти

- 1.1. Туберкулез
- 1.2. Тиф
- 1.3. Дизентерия
- 1.4. Голод
- 1.5. Другая причина
- 1.6. Указание причины отсутствует

Г. Время возвращения

1. 1917
2. 1918
3. 1919
4. 1920
5. 1921
6. 1922
7. 1923
8. Год не указан

Д. Способ возвращения на родину

1. Самостоятельно
2. С помощью советских эвакуационных органов
3. Нет указания

Блок 4. Жизнь после возвращения на родину

А. Застали свое жильё

1. Сохранившимся
2. Сохранившимся, но занятым
3. Разрушенным
4. Нет данных

Б. Материальное положение

1. Отмечали, что «не голодали»
2. Отмечали, что «голодали»
3. Нет данных

Таблица результатов контент-анализа

категория	число упоминаний	категория	число упоминаний	категория	число упоминаний	категория	число упоминаний
Блок 1		Блок 2		Блок 3		Блок 4	
А		А		А		А	
1	41	1	30	1	34	1	19
2	9	2	70	2	43	2	7
3	10			3	1	3	42
4	40			4	22	4	32
Б		Б		Б		Б	
1	6	1	55	1	88	1	31
2	54	2	1	2	12	2	46
3	10	3	44			3	23
4	30						
В		В		В			
1	7/7	1	4/4	1	25/25		
2	2/4	2	-	2	7/14		
3	3/9	3	-	3	7/21		
4	80/-	4	96/-	4	-		
				5	40/-		
В.1		В.1		В.1			
1.1	6	1.1	-	1	1		
1.2	-	1.2	-	2	27		
1.3	-	1.3	1	3	1		
1.4	6	1.4	3	4	2		
				5	1		
Г		Г		6	28		
1	5	1	78	Г			
2	1	2	-	1	1		
3	-	3	22	2	15		
4	16			3	8		
		Д		4	6		
		1	46	5	23		
		2	2	6	22		
		3	52	7	1		
				8	24		
				Д			
				1	40		
				2	8		
				3	52		

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Австросовет	– Совет австро-венгерских рабочих и солдатских депутатов
автореф.	– автореферат
Белнацком	– Белорусский национальный комиссариат
БНР	– Белорусская Народная Республика
БССР	– Белорусская Советская социалистическая Республика
в.	– век
вел. кн. (ВК)	– великий князь (княгиня)
ВЗС	– Всероссийский Земский союз
ВСГ	– Всероссийский союз Городов
ВИ	– «Вопросы истории» (журнал)
ВИЖ	– «Военно-исторический журнал»
ВКГД	– Временный комитет Государственной думы
ВО	– Военный округ
ВОПоБ	– Всероссийское общество попечения о беженцах
ВПК	– Военно-промышленные комитеты
ВСГ	– Всероссийский Союз Городов
ВСЮР	– Вооруженные силы Юга России
ВЦИК	– Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК	– Всероссийская чрезвычайная комиссия
ВЭС	– Военный энциклопедический словарь
г.	– год
г-н	– господин
гр.	– грамм
ГАБО	– Государственный архив Брянской области
ГАВО	– Государственный архив Воронежской области
ГАДНИКО	– Государственный архив документов новейшей истории Калужской области
ГАКО	– Государственный архив Калужской области
ГАОО	– Государственный архив Орловской области
ГАРО	– Государственный архив Рязанской области
ГАТО	– Государственный архив Тульской области
ГА РФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГЖУ	– Губернское жандармское управление
ГЗУ	– Губернская земская управа
ГК	– «Голос Калуги» (газета)

ГПУ	– Главное политическое управление
Полпредство	– Полномочное представительство
Губвоенком	– Губернский военный комиссар
губисполком	– Губернский исполнительный комитет
Губком	– Губернский комиссариат
губотдел	– губернский отдел
Губпленбеж	– губернская коллегия по делам пленных и беженцев
губпродком	– губернский продовольственный комитет
Губфинотдел	– губернский финансовый отдел
Губчека	– губернская чрезвычайная комиссия
Губэвак	– Губернское эвакуационное управление
Д.	– дело
Дипмиссия	– дипломатическая миссия
Дисс.	– диссертация
ДП ОО	– Особый отдел Департамента полиции
ДП 4 Д-во	– Четвёртое делопроизводство Департамента полиции
ЕИВ	– Его (Её) Императорское Величество (Высочество)
КГВ	– «Калужские губернские ведомости» (газета)
КК	– «Калужский курьер» (газета)
КНГ	– Калужская Николаевская гимназия
Кн.	– книга
коп.	– копейка (копеек)
культпросвет	– культурно-просветительный отдел
КСО	– «Калужский санитарный обзор» (периодическое издание)
КЦОВ	– «Калужский Церковно-общественный вестник» (газета)
ЛЦКОПБ	– Латышский Центральный Комитет по оказанию помощи беженцам
МВД	– Министерство внутренних дел
МИД	– Министерство иностранных дел
НАРБ	– Национальный архив Республики Беларусь
нарком	– народный комиссар
наркомвнудел	– народный комиссар внутренних дел
наркомат	– народный комиссариат
наркомздрав	– народный комиссариат здравоохранения
наркомпрод	– народный комиссариат продовольствия
НКВД	– народный комиссариат внутренних дел
НКИД	– народный комиссариат иностранных дел
Оп.	– опись
ОГВ	– «Орловские губернские ведомости» (газета)

ОГПУ	– Объединённое государственное политическое управление
ОВ	– «Орловский вестник» (газета)
ОЕВ	– «Орловский епархиальный вестник» (газета)
ОЖ	– «Орловская жизнь» (газета)
ОИ	– «Отечественная история» (журнал)
ОО	– особый отдел
пос.	– посёлок
пленбеж	– уездная коллегия по делам пленных и беженцев
продком	– продовольственный комитет
продорганы	– продовольственные органы
продпаек	– продовольственный паёк
ПВ	– «Правительственный вестник» (газета)
ПСС	– полное собрание сочинений
райисполком	– районный исполнительный комитет
ред.	– редактор
Реввоенсовет, РВС	– Революционный военный совет Республики
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РИ	– «Российская история» (журнал)
РКП (б)	– Российская коммунистическая партия (большевиков)
РОКК	– Российское общество Красного Креста
РПЦ	– Русская православная церковь
РСДРП	– Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР	– Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РЭК	– Русский экспедиционный корпус
руб.	– рубль (ей)
с.	– село
Св.	– Святой
Сибземотдел	– Сибирский земельный отдел
СНК	– Совет народных комиссаров
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
СТО	– Совет Труда и обороны
СУ	– собрание узаконений
США	– Соединенные Штаты Америки
Т.	– том
т.	– товарищ
тыс.	– тысяча

Татьянинский комитет	– Комитет для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий под председательством ЕИВ Вел. княжны Татьяны Николаевны
уездпленбеж	– уездная коллегия по делам пленных и беженцев
уездэвак	– уездное эвакуационное управление
уземотдел	– уездный земельный отдел
уисполком	– уездный исполнительный комитет
УЗУ	– уездное земельное управление
УНР	– Украинская Народная Республика
УССР	– Украинская Советская Социалистическая Республика
Ф.	– фонд
Фединсовет	– Федерация иностранных советов рабочих и солдатских депутатов
ЦГАОР	– Центральный государственный архив Октябрьской революции
Центркомдезертир	– Центральная Комиссия по борьбе с дезертирством
Центропленбеж	– Центральная коллегия по делам пленных и беженцев
Центрэвак	– Центральное управление по эвакуации населения
ЦИК	– Центральный исполнительный комитет
ЦК	– Центральный комитет
ЦПР	– Центрально-промышленный район
ЦЧР	– Центрально-Чернозёмный район
чел.	– человек

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

1. Ф. 102. Департамент полиции (ДП). 4 Делопроизводство (Д-во). Оп. 1915, 1916.
2. Ф. 102. Департамент полиции (ДП). Особый отдел (ОО). Оп. 1915.
3. Ф. 110. Штаб отдельного корпуса жандармов.
4. Ф. Р-393. НКВД (1917–1930). Оп. 43, 50, 53.
5. Ф. Р-3333. Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж) Наркомата по военным делам РСФСР / Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак) НКВД РСФСР. Оп. 1, 1 а, 2, 3, 4, 7, 23.

Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА)

6. Ф. 13273. Отдел по устройству беженцев Всероссийского земского и городского союзов. Оп. 1.

Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ)

7. Ф. 4. Беларусский Национальный комиссариат (Белнацком). Оп. 1.
8. Ф. 609. Брестский уездный исполнительный комитет. Оп. 1.
9. Ф. 610. Канцелярия Гродненского Губернского комиссара МВД Временного правительства, г. Калуга. Оп. 1.

Государственный архив Брянской области (ГАБО)

10. Ф. 374. Брянский уездный исправник. Оп. 1.
11. Ф. 376. Помощник начальника Орловского ГЖУ в Брянском и Карачевском уездах. Оп. 1.
12. Ф. 525. Брянское городское полицейское управление. Оп. 1.

13. Ф. Р-59. Трубчевская уездная коллегия о пленных и беженцах. Оп. 1.
14. Ф. Р-490. Брянская губернская коллегия по делам пленных и беженцев (1918–1923). Оп. 1.
15. Ф. Р-1266. Мглинская уездная коллегия по делам пленных и беженцев (1918–1919). Оп. 1.
16. Ф. Р-1267. Почепская уездная коллегия по делам пленных и беженцев (1918–1922). Оп. 1.

Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО)

17. Ф.1. Калужский губком РКП (б). Оп. 1, 2.

Государственный архив Калужской области (ГАКО)

18. Ф. 2. Калужская уездная земская управа. Оп. 1.
19. Ф. 7. Уездный член Калужского окружного суда по Мещовскому уезду. Оп. 1.
20. Ф. 32. Канцелярия калужского губернатора. Оп. 4, 11.
21. Ф. 33. Калужская духовная консистория. Оп. 4.
22. Ф. 69. Калужское губернское по военной повинности присутствие. Оп. 1.
23. Ф. 228. Калужский губернский земский комитет по устройству беженцев. Оп. 1.
24. Ф. 594. Совет Калужского губернского отдела Всероссийского общества попечения о беженцах (ВОПоБ). Оп. 1.
25. Ф. 599. Мещовское уездное отделение Комитета Великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию помощи пострадавшему от военных бедствий населению. Оп. 1.
26. Ф. 648. Жиздринская уездная управа. Оп. 1.
27. Ф. 783. Калужский городской полицмейстер. Оп. 1.
28. Ф. 784. Калужское ГЖУ. Оп. 1.
29. Ф. 785. Калужское городское полицейское управление. Оп. 1, 5.

30. Ф. 823. Калужский уездный исправник. Оп. 1.
31. Ф. 825. Малоарославецкий уездный исправник. Оп. 5.
32. Ф. 1025. Концепольское волостное правление Медынского уезда. Оп. 2.
33. Ф. 1161. Калужское городское сыскное отделение. Оп. 1.
34. Ф. 1328. Помощник начальника Калужского ГЖУ в Калужском, Жиздринском, Мещовском и Мосальском уездах. Оп. 1.
35. Ф. 1334. Калужское отделение Московско-Камышинского жандармского полицейского управления железных дорог. Оп. 1.
36. Ф. 1342. Управление милиции 3-го участка Козельской милиции. Оп. 1.
37. Ф. Р-85. Калужский губернский военный комиссариат (1918–1925). Оп. 1.
38. Ф. Р-162. Калужское губернское земельное управление (1918–1929). Оп. 1.
39. Ф. Р-337. Медынское уездное управление по делам пленных и беженцев (1917–1921). Оп. 1.
40. Ф. Р-377. Мещовское уездное управление по делам пленных и беженцев. Оп. 1.
41. Ф. Р-526. Боровский уездный военный комиссариат. Оп. 1, 5.
42. Ф. Р-819. Калужский революционный трибунал. Оп. 3.
43. Ф. Р-1071. Козельское уездное земельное управление (1918–1927). Оп. 1.
44. Ф. Р-1244. Медынское уездное земельное управление (1917–1927). Оп. 1.
45. Ф. Р-1805. Бутчинский волостной совет беженцев Жиздринского уезда. Оп. 1.
46. Ф. Р-1498. Отдел управления Калужского губернского исполнительного комитета (1918–1923). Оп. 1, 2, 4, 5.
47. Ф. Р-1796. Мещовский уездный комитет по трудовой повинности. Оп. 1.
48. Ф. Р-2019. Жиздринская уездная коллегия по делам пленных и беженцев / Жиздринское уездное управление по делам пленных и беженцев (1918–1921). Оп. 1.
49. Ф. Р-2020. Жиздринский кооператив беженцев (1918–1919). Оп. 1.

50. Ф. Р-2022. Юхновская уездная коллегия по делам пленных и беженцев (1919–1920).
51. Ф. Р-2023. Козельская уездная коллегия по делам пленных и беженцев / уездное управление по делам пленных и беженцев (1919–1920).
52. Ф. Р-2237. Тарусская уездная коллегия по делам пленных и беженцев (1918–1920). Оп. 1.
53. Ф. Р-2244. Калужское губернское управление по эвакуации населения (1921–1922). Оп. 1.
54. Ф. Р-2247. Козельское уездное управление по эвакуации населения. (1920–1921). Оп. 1.
55. Ф. Р-2250. Жиздринское уездное управление по эвакуации населения (1920–1922). Оп. 1, 2.
56. Ф. Р-2538. Медынский уездный уполномоченный по эвакуации населения (1921). Оп. 1.
57. Ф. Р-3284. Сухиничское уездное управление по эвакуации населения (1919–1920). Оп. 1.

Государственный архив Воронежской области (ГАВО)

58. Ф. И-1. Воронежское ГЖУ. Оп. 2.
59. Ф. И-6. Канцелярия Воронежского губернатора. Оп. 2.
60. Ф. И-19. Воронежская горуправа. Оп. 1.
61. Ф. И-20. Воронежская губернская земская управа. Оп. 1.
62. Ф. И-212. Начальник гарнизона г. Воронежа. Оп. 1.
63. Ф. Р-328. Комитет по делам пленных и беженцев Коротоякского уездного комиссариата по военным делам. Оп. 1.
64. Ф. Р-529. Воронежский губернский комиссариат по военным делам. Губвоенкомат. Оп. 1.
65. Ф. Р-530. Воронежский уездный комиссариат по военным делам. Оп. 6.
66. Ф. Р-538. Бобровский уездный комиссариат по военным делам. Оп. 6.

67. Ф. Р-1163. Административный отдел исполнительного комитета Борисоглебского уездного совета. Оп. 1.
68. Ф. Р-1954. Новохопёрский уездный комиссариат по военным делам. Оп. 1.
69. Ф. Р-1987. Коллегия по делам пленных и беженцев Воронежского губернского комиссариата по военным делам. Оп. 3.
70. Ф. Р-2136. Отдел о пленных и беженцах при Борисоглебском уездном исполнительном комитете, г. Борисоглебск, Тамбовской губернии (1918–1923). Оп. 1.

Государственный архив Орловской области (ГАОО)

71. Ф. 4. Орловское губернское правление. Оп. 1.
72. Ф. 580. Канцелярия Орловского губернатора. Ст. 1.
73. Ф. 697. Орловский губернский комитет попечения о беженцах. Оп. 1.
74. Ф. 706. Орловское уездное полицейское управление. Оп. 1.
75. Ф. 883. Орловское ГЖУ. Оп. 1.
76. Ф. Р-223. Кромское уездное земельное управление (1918–1925). Оп. 1.
77. Ф. Р-378. Орловское губернское управление по эвакуации населения. Оп. 1.
78. Ф. Р-447. Мценское уездное земельное управление (1918–1925). Оп. 1.
79. Ф. Р-472. Мценская уездная коллегия о пленных и беженцах (1918, 1921). Оп. 1.
80. Ф. Р-1162. Отдел управления Орловского губернского исполнительного комитета. Оп. 1.
81. Ф. Р-1687. Орловская уездная коллегия о пленных и беженцах (1918). Оп. 1.
82. Ф. Р-1706. Кромская уездная коллегия о пленных и беженцах (1919). Оп. 1.
83. Ф. Р-1766. Малоархангельская уездная коллегия о пленных и беженцах (1919–1921). Оп. 1.

84. Ф. Р-1840. Новосильская уездная коллегия о пленных и беженцах (1918–1919). Оп. 1.

Государственный архив Рязанской области (ГАРО)

85. Ф. 4. Рязанское губернское правление. Оп. 77.

86. Ф. 5. Канцелярия Рязанского гражданского губернатора. Оп. 3, 4.

87. Ф. 29. Рязанская губернская земская управа. Отдел по устройству беженцев. Оп. 395, 396.

88. Ф. 178. Рязанское губернское по земским и городским делам присутствие. Оп. 1.

89. Ф. 1292. Рязанское ГЖУ. Оп. 1, 2.

90. Ф. Р-4. Рязанский губисполком Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1, 2.

91. Ф. Р-49. Рязанский губернский отдел управления. Оп. 1, 3.

92. Ф. Р-343. Рязанский губернский земельный отдел (1918 – 1929). Оп. 1.

93. Ф. Р-547. Рязанская губернская коллегия по делам пленных и беженцев (Губпленбеж). Оп. 1, 2.

94. Ф. Р-1104. Рязанское уездное управление по делам пленных и беженцев. Оп. 1.

Государственный архив Тульской области (ГАТО)

95. Ф. 90. Канцелярия Тульского губернатора. Оп. 1.

96. Ф. 1714. Тульский губернский комитет по оказанию помощи беженцам. Оп. 1.

97. Ф. Р-1. Тульское губернское управление по эвакуации населения. Оп. 1, 3.

98. Ф. Р-95. Тульский губисполком. Оп. 3.

99. Ф. Р-717. Отдел управления Тульского губисполкома. Оп. 1, 2.

100. Ф. Р-1766. Тульский линейный пункт Орловской базы Центрального управления по эвакуации населения (1922–1923). Оп. 1.

Документальные материалы

1. Беженцы и выселенцы. М., 1915.
2. Борьба трудящихся Орловской губернии за установление советской власти в 1917-1918 гг. Сборник документов. Орёл, 1957.
3. Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. В 2-х томах. Т. 1. М., 1968.
4. Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. В 2-х томах. Т. 2. Участие венгерских интернационалистов в защите Советской власти на фронтах гражданской войны в СССР. М., 1968.
5. Даты жизни и деятельности В.И. Ленина // ПСС. 5-е изд. Т. 41. С. 635–651.
6. Даты жизни и деятельности В.И. Ленина // ПСС. 5-е изд. Т. 43. С. 528–529.
7. Декреты Советской власти. Т. 1 (25 октября 1917 – 16 марта 1918). М., 1957.
8. Декреты Советской власти. Т. 2 (17 марта – 10 июля 1918 г.). М., 1959.
9. Декреты Советской власти. Т. 3 (11 июля – 9 ноября 1918). М., 1964.
10. Декреты Советской власти. Т. 4 (10 ноября 1918 – 31 марта 1919 г.). М., 1968.
11. Декреты Советской власти. Т. 5 (1 апреля – 31 июля 1919 г.). М., 1971.
12. Декреты Советской власти. Т. 6 (1 августа – 5 декабря 1919 г.). М., 1973.
13. Декреты Советской власти. Т. 7 (10 декабря 1919 – 31 марта 1920 г.). М., 1974.
14. Декреты Советской власти. Т. 8 (апрель – май 1920 г.). М., 1976.
15. Декреты Советской власти. Т. 9 (июнь – июль 1920 г.). М., 1978.
16. Декреты Советской власти. Т. 10 (август – сентябрь 1920 г.). М., 1980.
17. Декреты Советской власти. Т. 11 (октябрь – ноябрь 1920 г.). М., 1983.
18. Декреты Советской власти. Т. 12 (декабрь 1920 – январь 1921 г.). М., 1986.
19. Декреты Советской власти. Т. 13 (1 февраля – 31 марта 1921 г.). М., 1989.
20. Декреты Советской власти. Т. 15 (май 1921 г.). М., 1999.
21. Декреты Советской власти. Т. 17 (июль 1921 г.). М., 2006.

22. Доклад о деятельности губернского комитета ВЗС в деле помощи больным и раненым воинам по Орловской губернии. Орёл, 1917.
23. Документы внешней политики СССР. Т. 1 (7 ноября 1917 – 31 декабря 1918). М., 1957.
24. Документы внешней политики СССР. Т. 2 (1 января 1919 – 1920). М., 1958.
25. Документы внешней политики СССР. Т. 3 (1 июля 1920 – 18 марта 1921). М., 1959.
26. Документы внешней политики СССР. Т. 4 (19 марта 1921 – 31 декабря 1921). М., 1960.
27. Документы внешней политики СССР. Т. 5 (1 января – 19 ноября 1922). М., 1961.
28. Документы внешней политики СССР. Т. 6 (20 ноября 1922 – 31 декабря 1923). М., 1962.
29. Документы внешней политики СССР. Т. 7 (1 января – 31 декабря 1924). М., 1963.
30. Документы внешней политики СССР. Т. 8 (1 января – 31 декабря 1925). М., 1963.
31. Журнал заседаний Тульского губернского земского собрания 55 чрезвычайной сессии. Тула, 1916.
32. Журнал совещания при Калужской губернской земской управе по организации снаряжения и снабжения действующей армии 16 июля 1915 г. Калуга, 1915.
33. Законодательные акты, вызванные войной 1914 – 1917: законы, манифесты, рескрипты. Т. 1-5. Сост. *Е.И. Авербах*. Вильно, 1915–1918 гг.
34. Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. Изд-е 2. М., 1916.
35. Красный Октябрь. Вып. к 3-й годовщине Пролетарской Революции Агит.-проп. Отдела Губкома РКП. Калуга, 1920.
36. Интернационалисты. Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. 1917–1920 гг. М., 1987.

37. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998.
38. Калужский край. Документы и материалы. Кн. 2. Тула, 1977.
39. Калужский край. Сборник документов и материалов. Кн. 3. Тула, 1982.
40. Мировые войны XX века. Кн. 2: Документы и материалы / Отв. ред. В.К. Шацлло. М., 2002.
41. Общество и революция. Калужская губерния в 1917г. / Под ред. В.Я. Филимонова. Калуга, 1999.
42. Отчёт о деятельности Особого отдела Комитета ЕИВ ВК Татьяны Николаевны. Пг., 1916.
43. Отчёт Калужского губернского комитета ВЗС за 1914-1915 гг. Калуга, 1917.
44. Очерк деятельности Калужского губернского отделения Комитета ЕИВ ВК Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий с 18 мая 1915 г. по 1 января 1916 г. Калуга, 1916.
45. Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Коминтерн 1919–1943: документы / Ред. Г.М. Адиебеков. М., 2004.
46. Революционное движение на Брянщине (1895–февраль 1917). Сборник документов и материалов. Тула, 1976.
47. Руководящие положения по устройству беженцев. 2 марта 1916 г. Пг., 1916.
48. Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920-1930-е годы): Сборник документов и материалов / сост. З.С. Бочарова. М., 2004.
49. Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г., вызванных обстоятельствами военного времени. Составлен по приказанию Главного Интенданта Начальником 4 отделения Главного интендантского управления, стат. совет. Джанковичем. Пг., 1916.
50. Сборник узаконений о привлечении находящихся в России военнопленных на работы и других правил и постановлений, относящихся до военнопленных / Сост. зав. централ. справоч. бюро о военнопленных, генерал-лейтенант И.А. Овчинников. Пг., 1916

Периодические издания

1. Беженец. 1915. № 9–10.
2. Воронежский телеграф. 1916.
3. Газета пленного. Издание культурно-просветительных отделов Центральной и Московской коллегий о пленных и беженцах. 1919. Январь – март.
4. Голос Калуги. 1916; 1917. Январь – март.
5. Известия главной конторы Брасовского и Дерюгинского ЕИВ ВК Михаила Александровича имений. 1915. № 2–3, 6–7; 1916. № 4.
6. Известия Калужского Губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. Сентябрь – декабрь.
7. Известия Орловского губернского и городского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1919.
8. Известия Центрального Комитета РКП (б). 20 июля 1921. № 31.
9. Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 1918.
10. Калужские губернские ведомости. 1915; 1916.
11. Калужский курьер. 1915; 1916.
12. Калужский санитарный обзор. 1914. № 11-12; 1915. № 1-3, 10-12; 1916. № 1-5, 6-7.
13. Калужский церковно-общественный вестник. 1915; 1916.
14. Коммуна. Орган Калужского губкома РКП (б). 1918–1922.
15. Летопись войны. 1914–1915–1916–1917 гг. Иллюстрированный еженедельный журнал.
16. Орловская жизнь. 1915.
17. Орловские губернские ведомости. 1916; 1917. Январь – февраль.
18. Орловский епархиальный вестник. 1916. № 3, 11, 24-25, 34, 35.
19. Орловский вестник. 1915. 1916.
20. Тульские губернские ведомости. 1914.

Публицистика

1. *Ленин В.И.* Все на работу по продовольствию и транспорту! 26 января 1919 г. // ПСС. 5-е изд. Т. 37. С. 465–468.
2. *Ленин В.И.* Обращение к населению о борьбе с голодом. 29 мая 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2 (17 марта – 10 июля 1918 г.). М., 1959. С. 344–348.
3. *Ленин В.И.* Ответ на запрос крестьянина. 14 февраля 1919 г. // ПСС. 5-е изд. Т. 37. С. 478–481.
4. *Ленин В.И.* Письмо к рабочим Европы и Америки. 21 января 1919 г. // ПСС. 5-е изд. Т. 37. С. 454–462.
5. *Ленин В.И.* Речь на демонстрации в честь Австро-Венгерской революции 3 ноября 1918 г. // ПСС. 5-е изд. Т. 37. С. 131.
6. *Ленин В.И.* Речь на митинге в Народном доме в Петрограде 13 марта 1919 г. // ПСС. 5-е изд. Т. 38. С. 31–38.
7. *Ленин В.И.* Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета и Всероссийского съезда профессиональных союзов. 17 января 1919 г. // ПСС. 5-е изд. Т. 37. С. 412–427.
8. *Ленин В.И.* Речь на рабочей конференции Пресненского района Москвы 14 декабря 1918 г. // ПСС. 5-е изд. Т. 37. С. 370–383.
9. *Ленин В.И.* Речь о борьбе с Колчаком на конференции фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы. 17 апреля 1919 г. // ПСС. 5-е изд. Т. 38. С. 316–320.
10. *Ленин В.И.* Товарищам, томящимся в плену. Март 1917 г. // ПСС. 5-е изд. Т. 31. С. 60–66.
11. *Ленин В.И.* Успехи и трудности Советской власти. 17 апреля 1919 г. // ПСС. 5-е изд. Т. 38. С. 39–73.
12. *Ленин В.И.* Чрезвычайное заседание пленума Московского совета рабочих и красноармейских депутатов 3 апреля 1919 г. // ПСС. 5-е изд. Т. 38. С. 245–262.

Воспоминания, дневники

1. Аксакова (Сиверс) Т. А. Семейная хроника. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2005.
2. Брусилов А.А. Мои воспоминания. Мн., 2003.
3. Веселовский С.Б. Дневники 1915-1923, 1944 ... // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 89–147.
4. В борьбе за Октябрь. Сборник воспоминаний. Калуга, 1957.
5. Двингер Э. Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. / Пер. Е. Захарова. М., 2004. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/memo/german/dwinger_ee01/index.html (дата обращения: 15.10.2013).
6. Из партийного прошлого. Сборник воспоминаний о партийной работе в Калуге. Вып. 1. Калуга, 1921.
7. Из прошлого (революционная борьба рабочих Брянской области) 1896–1917 гг. Вып.1. Брянск, 1924.
8. Кафафов К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 2, 3, 5, 6, 7.
9. Корсак (Завадский) В.В. Плен // Забытая война: сб. ист. лит. произв. / Сост. Р.Г. Гагкуев. М., 2011.
10. Кудринский Ф.А. Людские волны. Беженцы // Неман. 1997. № 6. С. 79–193.
11. Поливанов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 2, 3, 5, 7, 8, 11.
12. Ульянов И. Октябрьская революция и военнопленные // Пролетарская революция. 1929. № 7. С. 95–110.
13. Шипек А. Военнопленные и их использование в мировой и гражданской войнах // Война и революция. 1928. № 2. С. 64–72.
14. Бежанства 1915 года / Редактар Віталь Луба. Беласток, 2000.

Монографии, статьи, исследования

1. *Абинякин Р.М.* Бывшие офицеры - заключенные Орловского концентрационного лагеря. 1920–1922 гг. // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 80–93.
2. *Авдеев В.А.* Пролог исторической трагедии. Русская мобилизация в июле 1914 года // Военно-исторический журнал. 1994. № 7. С. 39–46.
3. *Алексеев В.* Октябрь и Гражданская война в ЦЧО. Воронеж, 1932.
4. *Анисин А.В.* Национальные проблемы России в программах и тактике партий революционно-демократического лагеря: автореф. ... докт. ист. наук. М., 1994. С. 32.
5. *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962.
6. *Базанов С.Н.* Военнопленные-славяне в России в годы Первой мировой войны // Труды Института российской истории. Вып. 11 / отв. ред. *Ю.А. Петров*; ред.-координатор *Е.Н. Рудая*. М., 2013. С. 171–184.
7. *Базанов С.Н.* Из истории создания воинских формирований для русской армии из военнопленных-славян в Первой мировой войне // Инвалиды и война. Инвалиды Первой мировой войны: исторические и нравственные уроки: доклады и выступления участников II Международной научно-практической конференции «Инвалиды и война. Инвалиды Первой мировой войны: исторические и нравственные уроки». М., 2013. С. 40–48.
8. *Базанов С.Н.* Создание воинских формирований из военнопленных-славян в годы Первой мировой войны // Первая мировая война, Версальская система и современность: Сборник статей / отв. ред. *И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов*. СПб., 2012. С. 103–112.
9. *Базанов С.Н.* Формирование добровольческих национальных частей в русской армии в годы Первой мировой войны // Патриотизм – духовный стержень народов России. М.: Экономическая литература, 2006. С. 79–86.
10. *Базанов С.Н.* Изменники Родины или патриоты? // История. Научно-методический журнал для учителей истории и обществознания. 2013. № 7–8, июль–август.

11. *Бартеле Т., Шалда В.* Латышские беженцы в России в годы Гражданской войны // Отечественная история. 2000. № 1. С. 18–31.
12. *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004.
13. *Безруков Д.А.* Система управления военнопленными и использование их труда в Новгородской губернии 1914–1918 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2001.
14. *Белова И. Б.* Военнопленные центральных держав в годы Первой мировой войны (по материалам Калужской губернии) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской научной конференции 5-7 апреля 2005 г. Калуга, 2005.
15. *Белова И.Б.* Репрессированные подданные Османской империи в Калужской губернии (1914 – 1915 гг.) // Калуга в шести веках: материалы 5 городской краеведческой конференции / Сост. *В.А. Дьяченко*. Калуга, 2005. С. 71–76.
16. *Белова И.Б.* Военнопленные на территории Калужской и Орловской губерний в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2007. № 12. С. 42–45.
17. *Белова И.Б.* Попытки формирования нового советского человека в среде бывших военнопленных и беженцев Первой мировой войны // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. Смоленск, 9-11 октября 2009 г. / Под ред. *Е.В. Кодина*. М., 2011. С. 289–295.
18. *Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. / под ред. *Г.А. Бордюгова* (Серия «АИРО – Первая монография»). М., 2011.
19. *Белова И.Б.* Вынужденные мигранты Первой мировой войны: гражданские пленные. (По материалам Центральных губерний Европейской России) // Брянский край в XX веке: общество, политика, экономика. Сборник статей и материалов научно-практической историко-краеведческой конференции /

- под общ. ред. *М.В. Брянцева, А.М. Дубровского, Е.В. Киселёвой* (отв. ред.).
Брянск, 2012. С. 59–73.
20. *Белова И.Б.* Беженцы Первой мировой войны в российской провинции: Советы беженцев. 1918 г. // Вестник Брянского государственного университета. № 2 (2011): История. Литературоведение. Право. Языкознание. С. 26–30.
21. *Белова И.Б.* Положение беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1921 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. № 4 (18) 2012. Часть II. Тамбов, 2012. С. 26–29.
22. *Белова И.Б.* Судьба беженцев Первой мировой войны из Западных губерний Европейской России и Польши в Советской России. 1920 г. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 6: Сер. Гуманитарные науки. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 110–117.
23. *Белова И.Б.* Ревэвакуация беженцев Первой мировой войны из Советской России в 1922–1923 гг.: заключительный этап // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 167–176.
24. *Белова И.Б.* Попечение о беженцах Первой мировой войны в системе Центропленбежа (1918–1919 годы) // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 3. С. 185–194.
25. *Белова И.Б.* Возвращение на родину русских военнопленных и меры советского государства по их материальной поддержке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. № 1 (27) 2013. Часть I. Тамбов, 2013. С. 24–28.
26. *Белова И.Б.* Долгая дорога домой // Военно-исторический журнал. 2013. № 1. С. 68–71.

27. *Белова И.Б.* Концентрационные лагеря принудительных работ в Советской России: 1919–1923 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Часть. I. С. 32–37.
28. *Белова И.Б.* Переселенческое движение крестьян в первые годы советской власти (по материалам центральных губерний Европейской России) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия: социально-гуманитарные науки. № 11 (15). 2013. Том 1. С. 13–20.
29. *Белова И.Б.* Политическое просвещение пленных и беженцев в Советской России в 1918 – 1919 годах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 14–20.
30. *Белова И.Б.* Беженцы Первой мировой войны из западных районов Российской империи: обеспечение жизнедеятельности в местах временного проживания // Вестник БФУ им. И. Канта. 2013. № 12. С. 51–62.
31. *Белова И.Б.* Военнопленные центральных держав и советская действительность // Военно-исторический журнал. 2014. №. 1. С. 63–68.
32. *Белова И.Б.* Военнопленные Четверного союза в России // Вопросы истории. 2014. № 6. С. 160–170.
33. *Белова И.Б.* Возвращение русских военнопленных Первой мировой войны в Советскую Россию: историографический аспект // Вестник Вятского гуманитарного государственного университета. 2014. № 4. С. 72–77.
34. *Белова И.Б.* Подавать им по утрам кофе с сахаром? Военнопленные в Центральной России // Родина. 2014. № 8. С. 313–333.
35. *Белова И.Б.* Беженцы Первой мировой войны в Советской России. 1918 – 1919 гг.» // Гуманитарные науки в Сибири. Издательство Сибирского отделения РАН. 2014. № 3. С. 32–36.

36. *Белова И.Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. – (Серия «АИРО – монография») – М., 2014.
37. *Бондаренко Е.Ю.* Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956 гг.): дисс. ... докт. ист. наук. Владивосток, 2004.
38. *Бочарова З.С.* Возвращение на родину в 1920-е годы солдат русского экспедиционного корпуса // Военно-исторический журнал. 2009. № 9. С. 51–58.
39. *Брук С.И., Кабузан В.М.* Миграционные процессы в России и СССР. Вып. 1. М., 1991.
40. *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917 – 1920). М., 2005.
41. *Букалова С.В.* Орловская губерния в годы первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года): дисс... канд. ист. наук. Орёл, 2005.
42. *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: автореф. ... канд. ист. наук. М., 1997.
43. *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1999.
44. *Ватлин А.Ю.* Коминтерн: Идеи. Решения. Судьбы. М., 2009.
45. *Веселов М.В.* Военно-политическая деятельность И.С. Уншлихта (1918–1930 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1991.
46. *Волков Е.З.* Динамика народонаселения СССР за 80 лет / Предисл. *С.Г. Струмилина.* М.-Л., 1930.
47. *Волошинова И.В.* Переселенческая политика Советского государства в 1920–1930-е годы в отечественной историографии: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.

48. *Волошинова И.В.* Переселенческая политика Советского государства в 1920–1930-е годы в отечественной историографии: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.
49. Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской научной конференции. Калуга, 2005.
50. *Вощинин В.П.* О земле. Сборник статей о прошлом и будущем земледельческого строительства. Вып. I. М., 1921.
51. *Вронский О.Г.* Крестьянские восстания в Тульской губернии в 1918 – 1920 гг. // Тула в Гражданской войне. 1917 – 1922 гг. Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Тула, 1996.
52. *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914–весна 1917 г.). М., 2003.
53. *Галицкий В.П.* Защита прав военнопленных в период Первой мировой войны: опыт и уроки // Последняя война Российской империи. М., 2006.
54. *Гергилёва А.И.* «Многие миллионы людей были вырваны войной из привычной для них обстановки». Чехословацкий корпус и военнопленные Первой мировой войны на территории России // Военно-исторический журнал. 2013. № 2. С. 54–60.
55. *Гергилёва А.И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск: ГОУ ВПО «Сибирский государственный университет», 2007.
56. *Гетрелл П.* Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 2001. № 4 (122). С. 46–72.
57. *Гетрелл П.* Беженцы и проблема пола в России во время Первой мировой войны // Первая мировая война. (Материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 112–125.
58. *Гольдин С.* Русское командование и евреи во время Первой мировой войны: причина формирования негативного стереотипа // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005. С. 29–46.
59. *Давыдов Ю.А.* Мешочники и диктатура в России. 1917–1921 гг. СПб., 2007.

60. *Енсен Б.* Миссия Датского Красного Креста в России. 1918–1919 годы // Отечественная история. 1997. № 1. С. 27–41.
61. *Ерёмин И.А.* Западносибирский тыл России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918): дисс. ... докт. ист. наук. Барнаул, 2006.
62. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. 2-е изд. М., 1968.
63. *Жванко Л.Н.* Женщина-беженка Первой мировой войны: штрихи к психологическому портрету (на примере украинских губерний). 1915–1917 // Доклад, прочитанный на Международном коллоквиуме «маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX века», Санкт-Петербург, 17-20 июня, 2013 г.
64. *Жданов Н.М.* Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. Часть I, II и III. М., 1920.
65. *Жданова И.А.* Организация возвращения российских пленных в 1918 – 1919 гг. // Российская история. 2011. № 4. С. 63–72.
66. *Журбина Н.Е.* Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Вестник ВГУ, серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 230–235.
67. *Засыпкин М.А.* Организационно-правовые основы деятельности НКВД РСФСР по решению проблемы беженцев (1918–1923 гг.): дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008
68. Земское самоуправление в России, 1864–1918: в 2 кн. Кн. 2. 1905–1918. М., 2005.
69. *Златина М.А.* Проблема еврейского беженства в России в период Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.
70. *Идрисова Э.О.* Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008.
71. *Иконникова Т.Я.* Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004.

72. *Иоффе Г.З.* Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 85–97.
73. *Исаев А.П.* Российские органы управления и военнопленные противника: вопросы взаимоотношений (1917–1922 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1998.
74. История первой мировой войны 1914-1918 / Под ред. *И.И. Ростунова*. М., 1975. Т. 1-2.
75. *Кабузан В. М.* Русские в мире: динамика численности и расселения (1917–1989 гг.). СПб., 1996.
76. *Калякина А.В.* Подданные стран-участниц Четверного союза в Саратовском Поволжье (1914–1922 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013.
77. *Каспяравичюс А. П.* Первая мировая война: литовское общество и его историческая память // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы: сб. статей международной науч.-практ. конференции. Калининград, 2013. С. 297–304.
78. *Китанина Т.М.* Война, хлеб и революция: Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г. Л., 1985.
79. *Кокебаева Г.К.* Германия – Россия – СССР: политика, война, плен. Алматы, 2009.
80. *Крючков И.В.* Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны. Ставрополь, 2006.
81. *Курцев А.Н.* Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 гг. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Вып. 1. Курск, 1997. С. 33–64.
82. *Курцев А.Н.* Беженцы первой мировой войны в России // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113.
83. *Курцев А.Н.* Военные беженцы в городах России (1914–1917 гг.) // Культура городов Российской империи на рубеже XIX – XX вв. СПб., 2004. С. 323–335.

84. *Курцев А.Н.* Научная концепция истории миграций населения Центрального Черноземья в 1861–1917 гг. // Актуальные проблемы научного творчества ученых кафедры истории России: Сборник научных статей. Вып. 1. Курск, 2004.
85. *Лаврентьев В.М., Хасин В.В.* Миграционные процессы в России в Первую мировую войну // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сборник научных трудов. Вып. 1. Саратов, 1997. С. 139–150.
86. *Лахарева Н.В.* Реэвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925). Курск, 2001.
87. *Лахарева Н.В.* Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1918–1925 гг.: На примере Курской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1999.
88. *Ленцен И.* Использование труда русских военнопленных в Германии (1914–1918 гг.) // Вопросы истории. 1998. № 4.
89. *Леусян О.А.* Беженцы Первой мировой войны и Гражданской войн в Екатеринодаре (1918–1920) // Третьи кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2001.
90. *Лубны-Герцык Л.И.* Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926.
91. *Люкшин Д.* Немецкие военнопленные в крестьянской России: особенности межкультурного опыта // Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и второй мировой войнах; под ред. *К. Аймермахера, Г. Бордюгова, А. Фольперт.* М., 2010. С. 723–740.
92. *Максимов Е. К., Тотфалушин В. П.* Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны: Учеб. пособ. к курсу «История Саратовского Поволжья». Саратов, 2007.
93. *Мальков А.А.* Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии 1915–1919 гг. Казань, 1971.
94. *Маркевич А.М., Соколов А.К.* «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы труда на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001. М., 2005.

95. *Мигун Д.А.* Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.). Минск: Изд. центр БГУ, 2013.
96. *Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства / Под ред. О.В. Будницкого (отв. редактор), О. В. Беловой, В. Е. Кельнера, В. В. Мочаловой.* М., 2005.
97. *Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война: Ист. очерк / Отв. ред. Г.Д. Шкундин.* М., 2002.
98. *Морозов С.Д.* Население Центральной России в 1897-1917 гг.: дисс. ... докт. ист. наук. М., 2002.
99. *Мулюков М.А., Тагиров И.Р.* Мулланур Вахитов. Жизнь и деятельность пламенного революционера-ленинца. Казань, 1985.
100. *Муратов И.* Из истории интернациональных формирований в СССР в 1918 – 1922 годах (Обзор литературы) // Военно-исторический журнал. 1960. № 5. С. 95–102.
101. *Нагорная О.С.* Другой военный опыт. Русские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010.
102. *Нагорная О.С.* Память о военном плене Великой войны в России: опыт, восприятие, интерпретации // Текст выступления на научной конференции «Российская культура в годы Мировой войны и революции (1914–1922)». СПб., 11–12 июня 2011 г.
103. *Нагорная О.С.* Религиозная жизнь российских военнопленных в немецких лагерях в годы Первой мировой войны // Отечественная история. 2008. № 5. С. 156–165.
104. *Нагорная О.С.* Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922 гг.). Челябинск, 2011: дисс. ... докт. ист. наук. Челябинск, 2011.
105. *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // *Quaestio Rossica.* 2014. № 1. С. 142–156.

106. *Нелипович С.Г.* Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить, и без нежностей...». Депортации в России 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 42–53.
107. *Нелипович С.Г.* Население оккупированных территорий рассматривалось как резерв противника // Военно-исторический журнал. 2000. № 2. С. 60–69.
108. *Нелипович С.Г.* Репрессии против подданных «Центральных держав». Депортации в России 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 32–42.
109. *Нечаева Э.П., Лившиц С.В.* Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по возвращению военнопленных русской армии в 1918–1920 гг. Куйбышев, 1982. Депонированная рукопись. ИНИОН, 5.10.1982, № 11323.
110. *Нечаева Э.П., Лившиц С.В.* Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по идейно-политическому воспитанию военнопленных Центральных держав в 1918–1920 гг. Куйбышев, 1982. Депонированная рукопись. ИНИОН, 5.10.1982, № 11321.
111. *Нечаева Э.П., Лившиц С.В.* Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по идейно-политическому воспитанию русских военнопленных, возвратившихся на родину (1918–1920 гг.). Куйбышев, 1982. Депонированная рукопись. ИНИОН, 5.10.1982, № 11322.
112. *Нигматов В.В.* Жизнь военнопленных в годы Первой мировой войны на территории Воронежской губернии // Воронежский вестник архивиста: Научно-информационный бюллетень. Вып. 2. Воронеж, 2004. С. 100–108.
113. *Новикова И.Н.* «Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену...» // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 55–58.
114. *Остроухов А.И.* Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011.

115. Очерки истории Калужской организации КПСС / Под общ. ред. *А.Ф. Сладкова*. Тула, 1967.
116. *Павлова И.П., Ивлева Т.В.* «Это люди, как и мы...»: немцы и местное население в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны – взаимное восприятие // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. I. С. 141–144.
117. Первая мировая война. Сборник статей / Отв. ред. *А.Л. Сидоров*. М., 1968.
118. Первая мировая война: Пролог XX века / Отв. ред. *В.Л. Мальков*. М., 1998.
119. *Пивоварчик С.А.* Трагедия Первой мировой войны: «евреи-шпионы» (по материалам Национального исторического архива Беларуси в Гродно) // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005. С. 71–83.
120. *Платунов Н.И.* Переселенческая политика Советского государства и её осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск, 1976.
121. *Познахирев В.В.* Документы федеральных и региональных архивов об использовании труда турецких военнопленных периода Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Отечественные архивы. 2013. № 2. С. 54–62.
122. *Поликарпов В.В.* Военнопленные в лагерях под Ижевском 1915–1916 гг. // Вопросы истории. 2007. № 2. С. 94–105.
123. *Поляков Ю.А.* Историческая наука: Люди и проблемы. Книга 3. М., 2009.
124. *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М., 1986.
125. *Попов Н.А.* Революционные выступления военнопленных в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 1963. № 2. С. 76–87.
126. *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.

127. Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов // Материалы международной конференции. М., 2006.
128. Россия и первая мировая война: материалы международного colloquium / Отв. ред. *Н.Н. Смирнов*. СПб., 1999.
129. *Рынков В.М., Ильиных В.А.* Десятилетие потрясений: сельское хозяйство в Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013.
130. *Рязанский И.В.* Тыловая российская провинция в условиях Первой мировой войны: Южный Урал в июле 1914 – феврале 1917 г.: дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006.
131. *Свольшак П.* Словенские военнопленные во время Первой мировой войны // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: материалы Международной научной конференции 7-8 сентября 2004 г. М., 2006. С. 242–244.
132. *Семёнова Е.Ю.* Влияние Первой мировой войны на мировоззрение, общественные настроения и поведенческие практики городского населения поволжских губерний Российской империи (июль 1914 г. – февраль 1917 г.): дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013.
133. *Сергеев Е. Ю.* Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 65–78.
134. *Сергеев Е.Ю.* «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России. 1900–1914 гг. М., 2001.
135. *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973.
136. *Силина И.Г., Щетинина А.С.* Вынужденные мигранты в Алтайском регионе в первые годы Советской власти: национальные, правовые, социальные аспекты // Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы. Барнаул, 2005. С. 135–139.

137. *Симонова Т.М.* Возвращенцы: репатриация в Советскую Россию до 1925 г. // *Родина*. 2009. № 4. С. 26–29.
138. *Скалабан В.В.* Белорусский национальный комиссариат (январь 1918 – март 1919 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 1987.
139. *Скалабан В.В.* Белорусские беженцы Первой мировой войны: перспективы изучения // *Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов*. М., 2006. С. 66–70.
140. *Солнцева С.А.* Военнопленные в России в 1917 г. (март-октябрь) // *Вопросы истории*. 2002. № 1. С. 143–149.
141. *Солнцева С.А.* Военный плен в годы Первой мировой войны (новые факты) // *Вопросы истории*. 2000. № 4–5. С. 98–105.
142. *Старков Д.А.* Местное административное управление в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны, август 1914 – февраль 1917 гг. (Пензенская, Самарская, Симбирская губернии): дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009.
143. *Степанов А.И.* Цена войны: жертвы и потери // *Мировые войны XX века: В 4 книгах*. М., 2002. Кн. 1: Первая мировая война: Исторический очерк / Отв. редактор *Г.Д. Шкундин*. С. 624–644.
144. *Суржикова Н.В.* Военнопленные Первой мировой войны на Урале. К реконструкции коллективного портрета // *Вестник Пермского университета*. 2011. Выпуск 3 (17) С. 57–64.
145. *Суржикова Н.В.* Российский и советский плен как пространство неформальной коммуникации (по материалам Среднего Урала) // *Российская история*. 2011. № 4. С. 53–62.
146. *Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А.* Российское беженство 1914–1922 гг. в контекстах новейших отечественной и зарубежной историографий // *Вестник Пермского университета. Серия «История»*. 2012. № 3 (20). С. 140–152.

147. *Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М., 2014.
148. *Талапин А.Н.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914 – март 1918 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2005.
149. *Тимонина Н.Е.* Государственное регулирование сельскохозяйственного переселения в Западную Сибирь в 1920–1929 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1988.
150. Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914 – 1920 гг. / Под ред. *М.М. Гран, П.И. Куркина, П.А. Кувшинникова*. Вып. 1. М.–Пг., 1923.
151. *Туманова А.С.* Еврейские общественные организации в годы Первой мировой войны (на примере Тамбовской губернии) // *Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства*. М., 2005. С. 124–142.
152. *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
153. *Урланис Б.Ц.* Динамика населения России накануне Октября // *Учёные записки ВЗЭИ*. 1957. Вып. 2
154. *Утгоф В.С.* Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
155. *Уткин А.И.* Первая мировая война. М., 2002.
156. *Фельштинский Ю.Г.* К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. М., 1991.
157. *Филимонов В.Я., Журов Ю.В., Будаев Д.И.* История крестьянства западного региона России 1917–1941. Калуга, 2002.
158. *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л., 1988.
159. *Хасин В.В.* Миграционные процессы в Российской империи в Первую мировую войну (по документам Нижнего Поволжья): автореф. ... канд. ист. наук. Саратов, 1999.

160. *Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloквиума). СПб., 1999. С. 83–101.
161. *Холквист П.* Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011.
162. *Цветков В.Ж.* Мятеж. Чехословацкий корпус на полях Гражданской войны // Родина. 2001. № 6. С. 55–61.
163. *Черепица В.Н.* Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности. Гродно, 2006.
164. *Чернопёров В.Л.* Деятельность советского дипломата В.Л. Коппа по возвращению на родину российских военнопленных (1919 – 1921 гг.) // Доклады академии военных наук. Военная история. № 5 (23). Первая мировая война: поиски новых подходов к исследованию, приглашение к диалогу. Саратов, 2006. С. 188–198.
165. *Чудаков О.В.* Городское самоуправление в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2002.
166. *Шаццлло В.К.* Первая мировая война 1914 – 1918. Факты. Документы. М., 2003.
167. *Шевелева О.В.* Сельскохозяйственное развитие великорусской провинции и столыпинская аграрная реформа в годы I Мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. Тула, 2008.
168. *Шишкина С.Ю.* Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917). Тюмень, 2006.
169. *Шнейдер И.* Революционное движение среди военнопленных в России 1915–1919 гг. // Борьба классов. 1935. № 3.

170. *Щеров И.П.* Военная миграция в России в 1914–1922: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2001.
171. *Щеров И.П.* Миграционная политика в России 1914–1922 гг. Смоленск, 2000.
172. *Щеров И.П.* Смоленский пленбеж: создание и деятельность. Смоленск, 2000.
173. *Щеров И.П.* Организация и деятельность коллегий по делам пленных и беженцев в Смоленском крае: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998.
174. *Щеров И.П.* Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918-1922 гг. Смоленск, 2000.
175. *Щетинина А.С.* Беженцы на юге Западной Сибири 1914–1923 гг.: источники и методы изучения: автореф. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007.
176. *Ямзин И. Л., Воицинин В. П.* Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926.

* * *

177. *Жванко Л. М.* Біженство Першої світової війни в Україні. Документи і матеріали: монографія Харків, 2009.
178. *Жванко Л. М.* Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 рр.): монографія. Харків, 2012.
179. *Жванко Л. М.* Перша світова війна: біженці в Україні (1914–1918 рр.) – Рукопис. Дисертація на здобуття наукового ступеня доктора історичних наук. Харків, 2013.
180. *Карнялюк В.Р.* Фактары гісторыка-дэмаграфічных змен у складзе насельніцтва Беларусі ў 1913–1918 гг.: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2001.
181. *Лапановіч С. Ф.* Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917 г.). Мінск, 2010.
182. *Gatrell P.* Refugees in the Russian Empire, 1914–1917 // *Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921.* London–Sydney–Auckland, 1997.

183. *Gatrell P.* A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington, Indiana, 1999.
184. *Kokebayeva G.K.* Central powers prisoners of war in Russia and their repatriation // European science and technology. October 30th–31st. 2012. Vol. II. P. 35–42.
185. *Leideinger H., Moritz V.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr. Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. Böhlau Verlag, Wien u.a., 2003.
186. *Nachtigal R.* Die Repatriierung der Mittelmächte-Kriegsgefangenen aus dem revolutionären Rußland. Heimkehr zwischen Agitation, Bürgerkrieg und Intervention 1918–1922 // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs / Herausgegeben von Jochen Oltmer. Paderborn, 2006. S. 329–266.
187. *Striegnitz S.* Deutsche Internationalisten in Sowjetrußland 1917–1918. Proletarische Solidarität im Kampf um die Sowjetmacht. Berlin, 1979.

Интернет-ресурсы

188. *Беллецца С.А.* Выбирая свою нацию: национальная и политическая идентичность итальянских военнопленных в России (1914 – 1921 гг.) // Текст выступления на международной научной конференции «Россия в Первой мировой войне», Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 3-5 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/folderview?id=0B_tVsiISTizlRHpoS0d6dmVkaTQ&usp=sharing (дата обращения: 01.06.2014).
189. *Григоров А.А., Григоров А.И.* Заключение Рязанского губернского концлагеря РСФСР 1919–1923 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://genrogge.ru/riazanskiy_konclager_1919-1923/riazanskiy_konclager_1919-1923_predislovie.htm (дата обращения: 03.09.2013).
190. *Курцев А.Н.* Миграционные процессы репрессивного характера в российском населении в 1861–1917 гг. на примере Центрально-

- Чернозёмного региона // Учёные записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3. Т. 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scientificnotes.ru/index.php?page=6&new=21> (дата обращения: 17.03.2013).
191. Оккупация. Гродненская губерния в 1915–1918 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.istpravda.ru/bel/research/5933/> (дата обращения: 03.02.2014).
192. *Рылов В.Ю.* Принудительный труд и концентрационные лагеря в Воронеже. 1919–1922 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://newzz.in.ua/main/1148864058-prinuditelnyj-trud-i-koncentracionnye-lagerya-v-voronezhe-1919-1922-gg.html> (дата обращения: 03.09.2013).
193. *Саматья В.* Проблема беженцев в Белоруссии в годы Первой мировой войны: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlr.ru:8101/exib/war1/p39.htm> (дата обращения: 12.09.13).
194. *Суржикова Н.В.* Военнопленные-интернационалисты и Гражданская война на востоке России в зеркале советской историографии. [Электронный ресурс]: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Гражданская война на Востоке России». Пенза, 2008. URL: <http://www.permgani.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/n-v-surzhikova-voennoplennye-internatsionalisty-i-grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii-v-zerkale-sovetskoj-istoriografii.html> (дата обращения: 20.10.2013).
195. *Приборович А.А.* Контент-анализ – форма исторического исследования // Роль личности в истории: реальность и проблемы изучения: науч. сб. / редкол. *В.Н. Сидорцов* (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.bsu.by/images/stories/files/nauka/konf/rol/pribor2.pdf> (дата обращения: 18.10.2014)
196. *Westerhoff C.* German Labor and Occupation Policy in the western parts of the Russian Empire during the First World War // Текст выступления на международной научной конференции «Россия в Первой мировой войне»,

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 3-5 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/folderview?id=0B_tVsiISTizlRHpoS0d6dmVkaTQ&usp=sharing (дата обращения: 01.06.2014).

197. *Zieliński K.* The evacuation of Russians from the Kingdom of Poland in 1915 // Текст выступления на международной научной конференции «Россия в Первой мировой войне», Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 3-5 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/folderview?id=0B_tVsiISTizlRHpoS0d6dmVkaTQ&usp=sharing (дата обращения: 08.06.2014).

Справочные издания

198. Адрес-календари Воронежской губернии за 1914–1917 гг. Воронеж, 1913–1916.
199. Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1915 г. Гродно, 1915.
200. Большая советская энциклопедия. 1-е издание / ред. *О.Ю. Шмидт*. Т. 5. М., 1927; Т. 12. М., 1928.
201. Большая советская энциклопедия. 2-е издание / Гл. ред. *С.И. Вавилов*. Т. 8. М., 1951.
202. Военный энциклопедический словарь. М., 2002.
203. Военная энциклопедия в 8 тт. М., 1997.
204. Калужская энциклопедия. Калуга, 2000.
205. Орёл из века в век. Летопись основных событий. 1566–2000 годы. Орёл, 2003.
206. Памятные книжки и адрес-календари Калужской губернии за 1914–1917 гг. Калуга, 1913–1916.
207. Памятные книжки и адрес-календари Орловской губернии за 1914–1917 гг. Орёл, 1913-1916.

208. Памятные книжки и адрес-календари Тульской губернии за 1914–1917 гг. Тула, 1913–1916.
209. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. СПб., 1903–1905.
210. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.
211. Россия в мировой войне 1914–1918 гг.: (В цифрах). М., 1925.
212. Список организаций, ведающих дело помощи беженцам на 1 мая 1916 г. Вып. I. Европейская Россия. М., 1916.
213. Справочник по эвакуации правительственных, общественных и частных учреждений и заведениях и о должностных лицах. Пг., 1916.
214. Эвакуация и реквизиция. Справочник действующих узаконений и распоряжений по эвакуации, розыску эвакуированных грузов и реквизиций. Пг.: Издание Эвакуационно–Реквизиционного отдела, 1916.